

МОНГОЛЬСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

**История
и современность**

Федеральное агентство научных организаций
Институт востоковедения Российской академии наук
Институт социологии Российской академии наук

А.С. Железняков

МОНГОЛЬСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

**История
и современность**

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ
ОБОСНОВАНИЕ АТЛАСА

Москва
Издательство «ВЕСЬ МИР»
2016

УДК 94 (517)
ББК 63.5 (5 мон)
Ж 51

Научный редактор
кандидат исторических наук О.А. Зимарин

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор Э.Т. Голенкова,
доктор исторических наук К.В. Орлова

Работа выполнена при поддержке РГНФ и МинОКН Монголии:
проект 13-23-03004 а(м) «Монгольская цивилизация:
история и современность (разработка атласа)», 2013–2015

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).
Проект № 16-03-16009д

Напечатано в России

ISBN 978-5-7777-0665-2

© Железняков А.С., 2016
© Институт востоковедения РАН, 2016
© Институт социологии РАН, 2016

Оглавление

Предисловие	7
Введение	3
Глава 1. СОВРЕМЕННОЕ МИРОУСТРОЙСТВО: ПОЛЮСЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ	31
1.1. Многополюсный мир	32
1.2. Полицивилизационная структура мироустройства ...	56
1.3. Полюсы и цивилизации на картах атласа	71
Глава 2. ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ	82
2.1. Внутренняя Азия в семье цивилизаций: взгляд извне	82
2.2. Внутренняя Азия в мироустройстве: взгляд изнутри	98
2.3. Цивилизационные процессы в кочевом мире Внутренней Азии	120
Глава 3. ФАЗЫ МОНГОЛЬСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	131
3.1. Схема исторических циклов развития монгольской цивилизации	131
3.2. Монгольская цивилизация накануне современного надлома	151
Глава 4. НАДЛОМ ЦИВИЛИЗАЦИИ	167
4.1. Сдвиги в социальной структуре	167
4.2. Политические факторы надлома цивилизации	180
Глава 5. КУЛЬМИНАЦИЯ НАДЛОМА	205
5.1. Предпосылки рождения нового общества	205
5.2. «Монгольский коммунизм»	213

Глава 6. МОНГОЛЬСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: НАЧАЛО НОВОЙ ФАЗЫ	241
6.1. Обретение Монголией субъектной роли в миропорядке	241
6.2. Политические аспекты глокализации современной Монголии	261
Заключение	274
Библиография	279

Предисловие

Непосредственная цель предлагаемой работы — разработка концептуального содержания атласа монгольской цивилизации. Данная монография призвана помочь систематизации основополагающих гуманитарных знаний об истории и современности Монголии как важнейших скрепах цивилизации, охватывающей обширные пространства Внутренней Азии.

Начало этой работе было положено в 2003 г. моим самовольным включением в переписку президентов академий наук России и Монголии Ю.С. Осипова и Б. Чадраа (1939–2016) с идеей разработки силами международного коллектива ученых атласа «Монголия: страна и цивилизация». Эта идея, «в принципе», была поддержана с обеих сторон, но финансирование ее осуществления из-за резкого обвала масштабов сотрудничества двух стран и, как следствие, академий наук осуществлялось до недавнего времени «по остаточному принципу» и из внешних источников. Главное, удалось спасти эту идею от бесследного исчезновения и даже предпринять публикацию ряда работ и добиться проведения научных мероприятий по названной теме. Не в последнюю очередь это было достигнуто благодаря предоставленной мне и моим коллегам в Институте социологии РАН возможности работать над этой темой в рамках плановых смежных тем, касающихся проблем социально-политического развития российских регионов, а также благодаря спонсорской помощи посольства Монголии в России (Л. Хангай) и монгольской нефтяной компании «Петровис» (Ж. Оюунгэрэл, С. Давааням).

Дополнительная поддержка из Монголии была вызвана особой важностью для этой страны разработки темы, связанной с перспективой создания фундаментального Национального Атласа. Академическое советско-монгольское издание Национального Атласа МНР (1990) устарело, а предстоящие издания Национального Атласа новой Монголии (первое издание уже осуществлено Монгольской академией наук в 2009 году) предполагают тщательное изучение и проработку вопроса о положении страны в современных политических реалиях —

после распада социалистического лагеря. Причем речь идет о положении в мире страны, имеющей оригинальное цивилизационное устройство и пытающейся придерживаться равновесных отношений с резко отличающимися от нее и друг от друга своими гигантскими соседями. Сейчас время ускоряется и уже стоит вопрос о новом издании Национального Атласа Монголии, в котором должен, наконец, быть дан ответ на вопрос о конкретном месте страны в мироустройстве, с указанием цивилизационного пространства, частью которого Монголия может считаться.

Эта задача по-прежнему актуальна после случившегося развала блока МНР с СССР и, конечно, неразрешима без тесного международного сотрудничества ученых, прежде всего, трех стран: Монголии, России и Китая. Пока налажено интенсивное и плотное сотрудничество и взаимопонимание коллег в российско-монгольском коллективе. Уже начато обсуждение вопроса о подключении к сотрудничеству в разработке этой темы коллег из Китая и других стран, что позволяет надеяться на то, что удастся, наконец, показать согласованный учеными разных стран облик цивилизации, в состав которой входит Монголия. Разработка международными усилиями атласа монгольской цивилизации откроет дополнительные горизонты для нового издания Национального Атласа Монголии.

Получается, что будущий выход атласа монгольской цивилизации требует появления целого течения в соответствующей историографии трех стран — Монголии, России и Китая. В первых двух из этих трех стран, между которыми поделена Внутренняя Азия и которые вовлечены в позиционирование монгольской цивилизации, целенаправленная стимуляция этого процесса уже началась.

В практическую плоскость работа перешла в 2009 г. с выходом (правда, весьма ограниченным тиражом и без поступления в продажу) моей монографии «Монгольский полюс политического устройства мира», представлявшей, прежде всего, концепцию и методологию исследования Монголии как ядра цивилизации богатых древней и современной историей и культурой народов Внутренней Азии — региона, охватывающего целиком Монголию и частично Россию и Китай.

Эта книга и ряд других работ были написаны в рамках совместных международных проектов Российского гуманитарного научного фонда и Министерства образования, культуры и науки Монголии: «Политические и социальные трансформации России и Монголии в глобальном контексте (сравнительный анализ)» (2007–2009, руководитель с монгольской стороны — директор Института философии

АН Монголии академик Г. Чулуунбаатар); «Создание концептуальной основы и разработка содержания Национального атласа устойчивого развития Монголии» (2010–2012, руководители с монгольской стороны — директор Института истории АН Монголии академик Ч. Дашдаваа [1949–2015], затем директор Института международных исследований АН Монголии академик Л. Хайсандай). Нынешняя книга написана в ходе работы над проектом «Монгольская цивилизация: история и современность (разработка атласа)» (2013–2015, руководитель с монгольской стороны — президент АН Монголии академик Б. Энхтувшин [1952–2016]). Руководя этими совместными проектами с российской стороны, мне удалось сделать свои наработки по атласу монгольской цивилизации достоянием большого числа читателей, обрести в новых работах соавторов с их идеями и материалами.

Так, в нашей совместной с профессором В.С. Тикуновым работе «Монгольский мир: методы исследования», вышедшей в 2014 г., были представлены технологические аспекты исследования, основные методы моделирования и геоинформационные технологии, которые являются базой для географического, экономического и социально-статистического изучения монгольской цивилизации. Синергетический эффект соединения этих технологий с гуманитарными знаниями позволит свести картографические, аэрокосмические, текстовые и иллюстративные материалы в единую гипермедийную систему. Посредством этой системы можно будет воспроизводить графику, гипертекст, трехмерное моделирование, ситуационную осведомленность, которые покажут максимально полную и комплексную картину цивилизации Внутренней Азии (монгольской цивилизации).

Предлагаемая работа, которая в значительной мере дополняет предыдущие исследования (с учетом накопленных новых знаний), анализирует проблемы и особенности исторической, геополитической и цивилизационной идентификации и позиционирования Монголии в сложном и противоречивом мироустройстве. В целом дается теоретическое обоснование необходимости изучения монгольской цивилизации в одном ряду с хрестоматийными мировыми цивилизациями с целью создания соответствующего атласа.

Первые попытки обозначения кочевого мира Внутренней Азии в качестве таксономически равноправной остальным крупнейшим мировым общностям цивилизации, т.е. попытки положительного ответа на вопрос, существует ли монгольская цивилизация, были сделаны в зачитанной мною серии докладов и кратких сообщений

в начале 1990-х гг., в том числе в Улан-Баторе на VI Международном конгрессе монголоведов в 1992 г. и в Москве на Владимирских чтениях в 1993 г. Это было время, когда даже сама по себе «примерка» на монгольских кочевников понятия «цивилизация» без какого-либо уничижительного эпитета из теоретического арсенала классиков цивилизационного подхода — Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера и А.Дж. Тойнби — выглядела в глазах далеких от кочевого мира Монголии цивилиграфов не просто оригинально, но воспринималась как чуть ли не кощунственный вызов сложившимся в науке представлениям о сути указанного понятия.

Но у коллег-монголоведов и номадологов идея возражений почти не вызвала, и сегодня проблематика цивилизационной идентичности Внутренней Азии в контексте древней и современной монгольской истории, т.е. идентичности всего группирующегося вокруг этой истории мира, привычно присутствует уже во многих работах российских и зарубежных авторов. Характерны в этом смысле даже просто названия книг, разделов, статей. Например, в книге «Монгольская империя и кочевой мир» (Улан-Удэ, 2004) это разделы: «Введение. Кочевники, монголосфера и цивилизационный процесс» (Базаров Б.В., Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.); «Цивилизация Золотой орды» (Кульпин Э.С.); «Монголы в мир-системной истории» (Холл Т.); «Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы» (Флетчер Дж.); «Монгольская модель кочевой империи» (Барфилд Т.); «Мухаммед и Чингисхан в сравнении: роль религиозного фактора в создании мировых империй» (Хазанов А.М.).

В вышедшей через десять лет книге «Монгольский мир: между Востоком и Западом» (Новосибирск, 2014) названия разделов становятся еще более приближенными к теме цивилизационной идентичности Монголии: «Монголия в мировом сообществе цивилизаций и народов» (Попков Ю.В., Тюгашев Е.А.); «Цивилизационный статус Монголии и ее вклад в укрепление евразийского единства» (Иванов А.В.); «Улан-Батор на перекрестке цивилизаций Запада и Востока» (Баасансурэн Д., Маналжав Г.).

Из разрозненных названий работ, схватывающих суть идентичности Внутренней Азии и ее позиционирования в мире, бросаются в глаза следующие (см. оригинальные названия англоязычных работ в ссылках в конце Введения): «Конец номадизма? Общество, государство и окружающая среда во Внутренней Азии» (Caroline Humphrey and David Sneath. Durham: Duke University Press, 1999); «Цивилизационная геополитика и этнокультурные традиции наро-

дов Центральной Азии и Алтай-Байкальского региона» (Абаев Н.В., Кызыл, 2006); «Россия–Монголия: культурная идентичность и межкультурное взаимодействие» (под редакцией В.М. Диановой. СПб., 2011); «Где находится Восточная Азия? Перспективы регионализма Центральной Азии и Внутренней Азии» (Uradyn E. Bulag. Japan Focus. 2005); «Институциональный дизайн политических процессов в российских регионах Внутренней Азии и Монголии» (Дагбаев Э.Д., Улан-Удэ, 2011); «Существует ли Центральная/Внутренняя (Евр)Азия и является ли Монголия ее частью?» (Christopher P. Atwood), причем это статья в книге с примечательным названием: «Картографирование Монголии: позиционирование Монголии в мире с геологических времен до наших дней» (by Paula L.W. Sabloff. Pacific Affairs, 85(3), September 2012). И это только основная часть работ по данной проблематике.

В самой новой Монголии ответ на вопрос о месте этой страны в мироустройстве прозвучал раньше выхода в свет всех этих публикаций — в 1994 г. В тот год Великий государственный хурал (парламент) утвердил Концепцию национальной безопасности, которая ввела понятие «монгольская цивилизация» в базисные основы внутренней и внешней политики государства как важнейшее системообразующее понятие.

Таким образом, совершенно неожиданно вопрос о месте монгольского мира в цивилизационном мироустройстве вышел за рамки сугубо научной сферы, распространившись на практическую область современной международной политики. Политическая подпорка теоретического вопроса и сыграла, видимо, роль мотиватора появления целого течения в историографии — работ по цивилизационной проблематике истории Монголии.

По сути, теория и практика сплелись в комплексном позиционировании в мире монгольской цивилизации, т.е. всего региона Внутренней Азии с привязкой его к Монголии как единственному легитимному в политическом плане ядру этой цивилизации. Особенно наглядно это проявляется в наши дни, когда по инициативе монгольской стороны на последних саммитах ШОС возник абсолютно новый, трехсторонний, формат взаимодействия России, Китая и Монголии, т.е. формат, учитывающий сложное переплетение трех локальных цивилизаций.

С момента выхода Атласа МНР — совместного фундаментального труда ученых АН СССР и АН МНР — прошло четверть века. Именно столько времени прошло и с того момента, как на политической карте мира появилось сменившее Монгольскую Народную

Республику новое государство — Монголия. Думается, что насущной задачей этого нового, уже внеблокового, государства, равно как и его соседей по цивилизационному общежитию — России и Китая, является развернутое обоснование цивилизационной идентичности народа, которого это государство представляет. Решение этой задачи предполагает создание усилиями международного коллектива ученых Атласа монгольской цивилизации.

Введение

Обширный исторический мультикультурный регион Внутренней Азии, находящийся в центре континента Евразии, простирается за пределы Монголии и географически вклинивается вглубь территорий ее стратегических соседей — России и Китая. Территория проживания монголоязычных народов и родственных с ними по религии и культуре других народов в Монголии, России и Китае характеризуется огромным разбросом природно-климатических, исторических и культурных зон: от Трансгималаев, Каракорума и Гоби до Хангая, Хэнтэя и Забайкалья и от Хингана до Саян и Алтая¹. Эти проживающие в Монголии и по разные стороны ее границ народы скреплены общей исторической памятью, культурой и религией, что свидетельствует об их цивилизационном родстве.

Это стало особенно очевидным в условиях последней четверти века, когда происходят резкие сдвиги в системе международных отношений, стимулирующие рост интереса историков и политологов к исследованию процессов разрушения одних политических барьеров между обществами и замены их другими, изменения границ государств, сфер влияния мировых и региональных центров, контуров самих обществ. Нынешнее время дает уникальную возможность изучения в режиме он-лайн и с различных точек зрения процессов социально-исторической эволюции субъектов формирующегося нового полюсного мироустройства.

Предлагаемая работа связана с обнаружением в этом полюсном мироустройстве полюса Монголии с его глобальной орбитой влияния, совмещенной с глобальными орбитами других полюсов,

---

¹ Ю.Н. Рерих красочно обозначил географические границы этого региона: «Огромную, не имеющую внешнего стока область Внутренней Азии ограничивают с юга могучие Трансгималаи и унылые высокогорья Каракорума. К северу простираются Алтай и горные цепи южной окраины Сибирской низменности. К востоку и западу от этого огромного бессточного бассейна лежат бесконечные пустынные просторы великой монгольской Гоби и степей Средней Азии» (*Рерих Ю.Н.* По тропам Средней Азии. Самара: Агни, 1993. С. 4).

за которыми стоят крупные историко-культурные общности — цивилизации. Изучение места и роли в мире Монголии в контексте системы взаимоотношений мировых центров экономического и политического влияния способно прояснить некоторые сложные проблемы понимания расстановки глобальных политических сил.

Это связано с тем, что среди стран с относительно малой численностью населения Монголия во многом уникальна: близких ей по цивилизационным параметрам независимых стран в мире не существует. Однако в двух соседних странах — России и Китае — есть родственные монголам по языку, религии и культуре малочисленные народы и этнические группы, которые, в свою очередь, близки по многовековому соседству с другими народами и этническими группами. Это, прежде всего, буряты, тувинцы и внутренние монголы, которые связаны далее с населяющими Внутреннюю Азию со стороны России и Китая недавними переселенцами и старожилами из числа русских и китайцев, а также алтайцами, якутами, эвенками, уйгурами, тибетцами и др. Вне Внутренней Азии имеется калмыцкий анклав со своими соседями в Поволжье. Через эти народы и этнические группы и их мировую диаспору (включающую тибетскую диаспору во главе с лауреатом Нобелевской премии мира далай-ламой XIV), а также через свой след в политической истории Евразии и через нынешнюю внешнюю политику Монголии внутреннеазиатский мир северного буддизма и тенгрианства весомо и независимо позиционирует себя в системе связей с южным индо-буддийским миром, с цивилизационными пространствами христианских, конфуцианских и исламских миров.

Для самой Монголии определение своего места в современном мире весьма актуально, поскольку оно просто нигде не прописано «сверху» по градации на «своих» и «посторонних», как это должно происходить в отношении части, делегирующей полномочия целому, в условиях любого мироустройства — многополярного, биполярного и однополярного. Однако политическая активизация Монголии, граничащей только с Россией и Китаем, страны, расположенной в центре Внутренней Азии — одной из уникальных территорий стыка мировых религий, культур и цивилизаций — служит дополнительным аргументом в пользу того, что современная политическая карта мира представляет собой многополюсную конструкцию.

Цивилизационное своеобразие этой политической активности обнаруживается в ее несводимости к какому-либо одному внешне-му центру силы и просматривается сквозь призму особой области

политической науки — цивилизационной политологии, занимающейся исследованием социально-исторического взаимодействия и переплетения субъектов политического мироустройства. Подход цивилизационной политологии не является сиюминутным и синхронным взглядом на устройство мира и поэтому признает его изначально и перманентно многополюсным. Этим данный подход отличается от геополитического подхода, который оперирует синхронным сравнением современных друг другу государств и блоков государств, исходя из анализа их географического положения, исторического опыта, оценки ресурсного, экономического и военного потенциала.

Позиционирование в мире новой, после развала советского блока уже внеблоковой, Монголии невозможно без отказа от классических геополитических подходов. Без такого отказа Монголию невозможно будет представить иначе, как в знакомом по первой половине XX века положении буфера между двумя гигантами. Но в XXI веке нелепо представлять Монголию, государство — члена ООН, в качестве буфера, находящегося в положении изгоя. Настоящее время характеризуется растущей взаимозависимостью субъектов мироустройства и диктует необходимость того, чтобы на смену примитивному геополитическому образу буфера или прослойки между молотом и наковальней пришел образ сложного (чуть ли не часового) механизма функционирования мирового сообщества цивилизаций, где одинаково значимыми являются все ведущие узлы («шестеренки») — большие и малые. Этот образ более приемлем для Монголии с трехмиллионным, т.е. мизерным по сравнению с ее соседями, населением, зажатой между двумя резко отличающимися от нее гигантами, но все же являющейся центральной частью, ведущим узлом расположенной на территории трех стран локальной цивилизации.

Цивилизационный подход связан со сравнительно новой отраслью обществоведения — цивилиографией (наукой о цивилизациях), которая ассоциируется, прежде всего, с именами основоположников — Н.Я. Данилевского (1822–1885)¹, О. Шпенглера (1880–1936)² и А. Тойнби (1889–1975)³. Разумеется, источники цивилиографии

¹ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Эксмо, 2003.

² *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1: Гешталты и действительность / Пер. с нем., вступ. статья и примеч. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993.

³ *Тойнби А.Дж.* Постигание истории. Сборник / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991.

не замыкаются на схемах этих ученых¹, будучи связанными и с другими картинами мироустройства и трактовками содержания понятия «цивилизация», данными мыслителями прошлого и настоящего времени.

Питириму Сорокину (1889–1968) принадлежит заслуга актуализации схем мироустройства, нарисованных основоположниками цивилизационного подхода. Он внес весомый вклад в создание обобщенной картины, вернее образа морфологии мировой истории и современного мироустройства². По сути, он связал воедино три весьма авторитетные, но созданные как бы из воздуха, схемы: культурно-исторические типы Н.Я Данилевского, картины души как функции картины мира О. Шпенглера и конструкцию Вызовов-и-Ответов А.Дж. Тойнби.

Интересно, что цивилизационная проблематика и сейчас базируется на обобщенном образе этих «воздушных», пусть и модифицированных, схемах основоположников подхода. Почти умозрительные схемы, соединившись, оказались креативными, и современные историки и политологи успешно используют инструментарий цивилизационного подхода как действенное орудие исследования общества.

На базе развития современными исследователями этого хрестоматийного социально-философского наследия во взгляде на историю мир сейчас представляется состоящим из нескольких (от 5 до 10 и чуть более) цивилизаций. По С. Хантингтону, например (а это ныне наиболее цитируемый автор в данной области знания), после 1990-х годов мир представляют следующие 6, 7, 8 или 9 «главных» цивилизаций: Западная, Исламская, Синская, Индуистская, Православная, Японская, Буддистская, Латиноамериканская, Африканская (в отношении последних двух-трех у автора оставались некоторые сомнения)³.

Что касается кочевого общества Монголии, то его место в мире и различные стороны его социально-исторического взаимодействия с другими субъектами мироустройства самыми первыми отразили в своих трудах мыслители из числа самих монгольских кочевников. Летописи анонимных авторов, а также произведения таких крупных ученых, как Саган Сэцэн (XVII в.), Лувсанданзан (XVII в.), Джам-

---

¹ См. разбор источников цивилиографии в обстоятельных трудах: *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. В 2 т. М.: Институт экономических стратегий, 2006; *Ионов И.Н., Хачатурян В.И.* Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб.: Алетея, 2002.

² *Sorokin P.A.* Sociological theories of today. N.Y.-L.: Harper and Row, 1966.

³ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 22–23.

бадорджи (XIX в.), Эрдэнипэл (1877–1960) и др., большинство которых были буддийскими ламами, — это не только источники для написания исторических работ: их вполне можно использовать как актуальные аналитические наработки для исследования темы политической субъектности Монголии¹.

Значение этих летописей для современной политологии обусловлено тем, что, с одной стороны, монгольские авторы на доступном только им богатом материале рассмотрели генезис кочевого общества Монголии, вопросы его структуры, внутри- и внешнеполитических отношений, расселения, положения в мироустройстве и т.д., но, с другой стороны, сделанные ими вполне достоверные выводы до сих пор не интегрированы в научный мейнстрим (а их работы даже не вошли в привычный перечень источников цивилиографии) — из-за использования весьма специфического и оригинального инструментария, связанного с понятиями и категориями философии кочевой жизни, тенгрианства и различных школ северного (тибетского) буддизма.

Наиболее оригинален инструментарий тенгрианства — синкретической религии, которую с древности исповедовали народы, проживавшие на территории Внутренней Азии до их окончательного обращения в другие религии: буддизм различных школ — отдельно или в комплексе с даосизмом и конфуцианством, христианство, ислам. Это — своеобразная матрица с различным в то или иное время сочетанием элементов тех или иных религий с основными культурами кочевого общества (прежде всего, с культом Мунх тенгри — Вечного неба), при господстве последних. В нынешней Монголии данная матрица, как и в прошлые эпохи, определяет основной вектор религиозного развития. Учитывая возросшую роль имени Чингисхана в повседневной жизни страны, можно не ограничивать влияние этой матрицы только сферой религии.

В целом работы монгольских авторов, в первую очередь выдающийся памятник XIII века «Тайная история монголов»², играли

¹ Шара туджи. Монгольская летопись XVII века / Сводный текст, пер., введ. и примеч. Н.П. Шастиной. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957; *Лубсан Данзан*. Алтан тобчи (Золотое сказание) / Пер. с монг., введ., комментарий и приложения Н.П. Шастиной. М.: Наука, Восточная литература, 1973; История в трудах ученых лам / Сост. А.С. Железняков, А.Д. Цендина. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005 (в эту книгу вошли три работы: «Золотое сказание» анонимного автора, «Хрустальное зеркало» Джамбадорджи и «Конечная причина религий в Монголии» Эрдэнипэла) и др.

² *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

долгое время роль источников экзотической информации, которую требовалось переосмысливать в духе категорий привычной оседлой жизни. Вместе с тем не менее экзотические (на взгляд кочевника) аналитические подходы к кочевничеству представителей оседлого мира: конфуцианских, христианских и исламских авторов — Сыма Цяня, Плано Карпини, Гильома Рубрука, Марко Поло, Джувейни, Рашид-аддина и др. вошли в ткань доминирующих исследовательских течений¹. На протяжении длительного времени разрыв между номадофильской и оседлоцентристской ветвями философии истории и соответственно в фундаменте политологии углублялся.

Это нашло проявление в отношении к кочевничеству и кочевому миру монголов со стороны основоположников цивилизационного подхода. Для Н.Я. Данилевского монголы — «негативные творцы истории»²; для О. Шпенглера монголы, это те, с эпохой которых он связывает «чудовищный шаг к неорганическому, к концу»³, и, например, «исход в арабской культуре»⁴; у А.Дж. Тойнби кочевничество представляет особую, дегенеративную, цивилизацию, которая была остановлена в своем развитии после рождения, застыла и исчезла⁵.

В то время как номадофильская философия истории сужала круг своего распространения за счет наступления на степь земледелия и городской культуры, европоцентристский, а точнее, оседлоцентристский, научный мейнстрим охватывал все больше теоретических наработок западноевропейских, китайских, тибетских, арабских, персидских и русских авторов.

Российская научная школа является здесь первопроходцем, начиная с исследовательской деятельности Российской Духовной миссии в Пекине, учрежденной указом Петра I от 18 июня 1700 года

---

¹ *Сыма Цянь*. Исторические записки. М.: Восточная литература, 1972; Рассказы русских летописей. М.: Витязь, 1993; Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. М.: Восточная литература, 1962; *Плано Карпини Дж. дель*. История монголов. 3-е изд.; *Гильом де Рубрук*. Путешествие в восточные страны. 3-е изд.; Книга Марко Поло. 4-е изд. М.: Мысль, 1997; *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. М.-Л.: Изд-во АН СССР. Т. I. Кн. 1, 2. 1952; Т. II. 1960; Т. III. 1946; *Вернадский Г.В.* О составе Великой Ясы Чингисхана. С приложением главы о Ясе из истории Джувейни в переводе В.Ф. Минорского. Bruxelles: Les Editions Petropolis, 1939 и др.

² *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Эксмо, 2003.

³ Там же. С. 165.

⁴ *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1: Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. С. 196.

⁵ *Тойнби А.Дж.* Постигание истории. Сборник / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. С. 181, 725.

для обращения в православие народов Маньчжурской империи Цин, в состав которой за десять лет до этого вошла Монголия. Ее углубленное изучение начинается в начале XIX века¹. Тогда впервые Монголия была описана как объект политического внимания — «кладовая неиспользуемых ресурсов» с удобной для освоения российскими людьми территорией². Авторам подобных выводов того и более позднего времени даже не приходила в голову мысль об имевшем место использовании ресурсов кочевниками — настолько непонятным для них был неземледельческий уклад жизни. Еще более ясно европоцентристское отношение к «отсталости традиционных органов управления страной»³ проглядывает в опубликованном в 1824 году дневнике «Путешествие через Монголию в Китай в 1820–1821 гг.» Е.Ф. Тимковского, сопровождавшего в качестве чиновника МИДа 10-ю Духовную миссию из Кяхты в Пекин. Вместе с тем положение Монголии в мироустройстве с достаточной точностью было отражено в представленном в 1828 году в «Записках о Монголии» Н.Я. Бичурина (в монашестве Иакинфа) взгляде на Монголию как на пространство, влияние в котором Россия делит с Китаем⁴.

Заметная активизация российских исследований политического положения Монголии в мире приходится на вторую половину XIX века. Это связано со стремлением России к усилению своего присутствия в Восточной Азии, что нашло отражение в квинтэссенции политической мысли — в ряде российско-китайских договоров XIX века. Айгунский и Тяньцзинский договоры 1858 года, Пекинский договор 1860 года и Петербургский договор 1881 года содержали в себе пункты о расширении прав русских подданных на торговлю в приграничных районах Цинской империи, включая Северную и Южную Монголию, устраняли ограничения свободной коммерческой деятельности русских подданных в приграничных районах⁵. С геополитическим аспектом проблемы связаны знаменитые экспедиции в регион Внутренняя Азия таких известных российских

¹ *Веселовский Н.И.* Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине / Под ред. Н.И. Веселовского. Вып. I. СПб., 1905. С. 15.

² Путешествие архимандрита Софрония Грибовского от Пекина до Кяхты в 1808 г. // Сибирский вестник. 1823. Ч. 1. С. 43, 46.

³ *Тимковский Е.Ф.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. Т. 1–3. СПб., 1824. С. 6–7.

⁴ *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. Т. 1–2. СПб., 1828. С. 51–58.

⁵ *Гримм Э.Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. С. 55, 56, 72, 86.

путешественников и исследователей второй половины XIX — начала XX века, как Н.М. Пржевальский, Г.Н. Потанин, А.М. Позднеев, К.Г.Э. Маннергейм, П.К. Козлов¹, которые они совершают при прямой государственной поддержке. Особняком стоят экспедиции деловых кругов России в Монголию с целью изучения рынка и перспектив торговли. В России анализ общественных отношений в Монголии делали А.П. Беннигсен, М.И. Боголепов, А.П. Болобан, Е.Г. Грум-Гржимайло, В.Л. Котвич и др.²

В более чем полувековой период рубежа XIX–XX веков через российских исследователей довольно подробные сведения о Монголии и всей Внутренней Азии приходят на Запад. Достаточно вспомнить, что материалы экспедиции Пржевальского были переведены на английский язык практически сразу после ее завершения. Материалы экспедиции К.Г.Э. Маннергейма составили ценнейшее музейное достояние Финляндии. На Западе также снаряжались экспедиции во Внутреннюю Азию, они связаны с именами Свена Гедина, Р.Ч. Эндрюса, Х. Хаслунда-Кристенсена, Николая Рериха³.

В целом в анализе российских и западных исследователей того времени субъектная политическая роль Монголии в мироустройстве в условиях колониализма не могла высветиться, но были со-

---

¹ *Пржевальский Н.М.* Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии. Т. 1, 2. СПб., 1875–1876; *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. I–IV. СПб., 1881–1883; *Позднеев А.М.* Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. А. Позднеевым. Т. 1–2. СПб., 1896–1898; *Козлов П.К.* Монголия и Кам. Трехлетнее путешествие по Монголии и Тибету, 1899–1901.

² *Беннигсен А.П.* Несколько данных о современной Монголии. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1912; *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Очерки русско-монгольской торговли, с приложением 22 фотографий и торговой карты Монголии (Экспедиция в Монголию 1910 г.). Т. 1. Томск: Изд-во Томского общества изучения Сибири, 1911; *Болобан А.П.* Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении. Отчет агента Министерства торговли и промышленности за 1912–1913 гг. Пг.: Типография В. Киршбаума, 1914; *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 1. Вып. 2: Антропологический и этнографический очерк этих стран. Торговля и колонизаторская деятельность в них китайцев и русских. Дополнения и поправки. Л.: Изд-во Гос. РГО, 1930; *Котвич В.Л.* Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб.: Картографическое заведение А. Ильина, 1914; Московская торговая экспедиция в Монголию. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1912.

³ *Гедин С.* Тарим, Лобнор, Тибет. Путешествие по Азии. 1889–1902 / Пер. со швед. СПб., 1904; *Эндрюс Р.Ч.* Тайны пустыни Центральной Азии // Вестник знания. 1927. № 10; *Haslund-Christensen H.* Men and Gods in Mongolia. Zayagan. L., 1935; *Roerich N.K.* Heart of Asia. N.Y., 1929.

браны массивы эмпирических сведений о роли этой страны как объекта политики мировых держав и заложены необходимые условия для дальнейших исследований. Специфической чертой этих работ является то, что Монголия рассматривается в неперенной неразрывной связи с политическим пространством всего региона Внутренней Азии (рериховского «сердца Азии») или центральной Евразии (России, «хартлэнда» западных авторов).

Особняком в этот период стоит со своей оценкой места Монголии и Тибета в мире крупный буддийский мыслитель, выдающийся дипломат, представлявший интересы далай-ламы XIII, российский бурят Агван Доржиев (1853–1938). Нарисованный им геополитический расклад в регионе звучит актуально и в наши дни (особенно на фоне проведенного в июле 2016 г. в Улан-Баторе форума АСЕМ, собравшего «за войлочными стенами» монгольской юрты президентов, премьеров и министров свыше полусотни государств Европы и Азии). В своем письме далай-ламе, написанном накануне монгольской революции 1921 г., он подчеркнул необходимость выработки многовекторной политики во Внутренней Азии с учетом позиции Индии, Китая, мусульман в этих двух странах, Англии и России. Он выступал за принятие «превентивных мер» с тем, чтобы «войти в тесные отношения с ведущими силами, чтобы произвести на них впечатление»¹.

Интерес российских ученых к изучению места Монголии в мире сохранился и даже был развит в советский период; была продолжена практика научно-исследовательских экспедиций (экспедиция Центросоюза, по результатам которой в 1921 г. была издана книга И.М. Майского «Современная Монголия»², знаменитая экспедиция П.К. Козлова в Монголию в 1923–1926 гг.³). Однако теперь внимание исследователей было приковано к Монголии с ее физико-географическими и хозяйственно-экономическими характеристиками не только как к объекту политических интересов, но и как к субъекту революционных действий. При этом кочевники Внутренней Азии стали рассматриваться не столько в духе ранней марксистской традиции — в качестве этнографических «реликтовых народов», «запоздавших»

¹ «Предание о кругосветном путешествии» или повествование о жизни Агвана Доржиева. Улан-Удэ: БИОН СО РАН, 1994. С. 34; *Доржиев А.* Занимательные заметки: описание путешествия вокруг света (Автобиография) / Пер. с монг. А.Д. Цендиной. М.: Восточная литература, 2003. С. 68.

² *Майский И.М.* Современная Монголия. Иркутск, 1921.

³ *Козлов П.К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923–1926. СПб.: Наука, 2003.

в процессе эволюционного развития¹, сколько как «рабочий материал» для социальных экспериментов, выразившихся в концепции «перехода от феодализма к социализму, минуя капитализм».

В советской научной школе, просуществовавшей семь десятилетий в условиях господства классового подхода, заложенного в настоятельно рекомендуемых «сверху» в качестве методологической основы любого исследования трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, сложились тем не менее разнообразные и оригинальные взгляды на политическое прошлое и настоящее Монголии.

Классические исследования проблематики социально-политических отношений в средневековом монгольском обществе принадлежат академику Б.Я. Владимирцову, для которого политическая субъектность монгольского общества была очевидной. В связи с тем что в центре проблем советского монголоведения стоял вопрос о применении к изучаемому объекту марксистской формационной схемы, Б.Я. Владимирцов совершил прорыв, определив в контексте этой схемы социальную структуру средневекового монгольского кочевого общества как феодальную², т.е. он подчеркнул тем самым культурную и политическую равноценность социальных структур обществ кочевников-скотоводов структурам оседлых обществ. Современник Владимирцова В.В. Бартольд посвятил свои, также ставшие классическими, труды истории государственных образований, созданных творчеством тюркских и монгольских народов³. Оба ученых стояли у истоков становления науки востоковедения в СССР и поэтому имели возможность широко пользоваться своим дореволюционным научным багажом и свободно обмениваться мыслями и дискутировать с другими такими же крупными востоковедами-смежниками: С.Ф. Ольденбургом, Ф.И. Щербатским, В.М. Алексеевым и др. Первым советским исследователем «современной» Монголии был упомянутый выше И.М. Майский (будущий действительный член АН СССР, посол СССР в Великобритании), досконально изучивший

---

¹ В трудах К. Маркса, основоположника формационного подхода, считавшего Монголию «варварски и герметически изолированной от цивилизованного мира», скептическое отношение к этой стране как субъекту истории прослеживается довольно четко (*Маркс К. Революция в Китае и Европе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 9. М.: Политиздат, 1957. С. 99*).

² *Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 75–78.*

³ См., например: *Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов // Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Восточная литература, 2002. С. 193–232.*

по материалам переписи 1918 года и личных наблюдений в 1920 году социальную структуру монгольского общества и взаимоотношения основных классов и сословий.

С 1921 года в Монголии начались кардинальные политические и социальные преобразования, причем революционная практика явно обгоняла научное осмысление процессов. Анализ ситуации находился в руках прибывших из северной части Внутренней Азии — Советской Бурятии — политических деятелей, вошедших в высшее звено монгольского руководства — коминтерновского посланца Э.-Д. Ринчино¹, другого государственного деятеля и ученого Ц. Жамцарано² и др. Эти активисты с монгольской внешностью и знанием монгольского языка имели европейское образование, находились в русле большевистских дискуссий в России и одновременно в гуще политических событий в Монголии. Определенную методологическую и прямую политическую поддержку им оказывали крупные деятели Коминтерна и ВКП(б), в частности «дирижер» монгольской революции 1921 года Б.З. Шумяцкий³. Позже появились другие исследователи: А.Д. Калинин⁴, В.И. Юдин⁵, Г.Ф. Кунгуров, И.А. Сороковиков⁶. Исследовательской работой занялись монгольские руководители, чиновники, историки: Х. Чойбалсан, Г. Дэвид, Д. Лосол⁷, А. Амар⁸, Л. Дэндэв⁹, Б. Ишдорж¹⁰, Б. Буянчуулган¹¹, Н. Магсаржав (Магсар хурц)¹² и др.

¹ Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. Улан-Удэ, 1998; Элбек-Доржи Ринчино. Документы, статьи, письма. Улан-Удэ, 1994.

² Жамцарано Ц.Ж. Монгольские летописи XVII в. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

³ Шумяцкий Б.З. Сибирь на путях к Октябрю. Иркутск: Восточно-сиб. кн. изд-во, 1989.

⁴ Калинин А.Д. Национально-революционное движение в Монголии. М., 1926.

⁵ Юдин В.И. У истоков Монгольской народной революции. М.: Востлит, 1931.

⁶ Кунгуров Г.Ф., Сороковиков И.А. Аратская революция. Исторический очерк. 2-е изд. Иркутск, 1957.

⁷ Чойбалсан Х., Дэвид Г., Лосол Д. Монгол ардын удэсний хувьсгалын анх уусч байгуулагдсан товч туух (Краткий очерк истории монгольской народной революции). Тэргуун, дэд дэвтэр. Улаанбаатар, 1934.

⁸ Амар А. Монголын шинэ туух (Новая история Монголии). Улаанбаатар, 1989.

⁹ Дэндэв Д. Дундад уеийн Монгол туух. Монголын эх туух. III боть. Соёмбо принтинг ХХК, Улаанбаатар, 2015; Дэндэв Д. Монголын товч туух. Монголын эх туух. VI боть. Соёмбо принтинг ХХК, Улаанбаатар, 2015.

¹⁰ Ишдорж Б. Монгол улсын хураангуй туух. Монголын эх туух. II боть. Соёмбо принтинг ХХК, Улаанбаатар, 2015.

¹¹ Буянчуулган Б. Манж, Монгол холбогдсон туухт байдал. Монголын эх туух. IV боть. Соёмбо принтинг ХХК, Улаанбаатар, 2015.

¹² Магсаржав Н. Монгол улсын шинэ туух. Монголын эх туух. V боть. Соёмбо принтинг ХХК, Улаанбаатар, 2015.

В последние годы опубликованы (значительной частью в переводе на монгольский язык) ранее неизвестные и закрытые архивные материалы Коминтерна и ВКП(б)¹; они приоткрывают секреты творческой лаборатории большевиков, в которой готовилось место Монголии «в грядущих сражениях мировой революции», т.е. в предполагаемом мироустройстве. В концентрированном виде это место обозначил член Исполкома Коминтерна Сэн Катаяма, который заявил в Улан-Баторе весной 1925 года: «Пусть Внешняя Монголия пойдет к своим сородичам во Внутреннюю Монголию, Баргу, Синьцзян и организует их всех против мирового империализма»². Э.-Д. Ринчино отстаивал радикальные большевистские взгляды и идею Монголии как плацдарма для развертывания революционного движения в Китае, Тибете и Индии³. Ц. Жамцарано высказывал более умеренные мысли — о сходе буддизма с коммунизмом и о федерации монгольских народов Монголии, России и Китая, «подобной Швейцарии»⁴. Монголии, по сути, отводилась роль политического ядра всей Внутренней Азии в русле мировой революции.

Монголия, как территория, а не общность, являлась еще с начала XX века предметом важных секретных соглашений России с Японией. Тогда же была заложена традиция всего Старого и Нового Света считать Монголию и регион вокруг нее «буферной зоной» в центре Евразии, спорной территорией между «молотом и наковальней», «сэндвичем»⁵. Примечательно, в высшем руководстве СССР (под влиянием победы революции 1921 года, воспринимав-

¹ Коминтерн ба Монгол. Баримтын эмхэтгэл (Коминтерн и Монголия. Сб. документов / Сост. Г.М. Адиебеков, С. Дамдинсүрэн, А.С. Железняков и др.). Улаанбаатар, 1996; Монголын тухай БХК(б) Намын баримт бичигт (Монголия в документах ВКП(б)). Т. 1 (1920–1932). Сб. документов / Отв. сост. и авторы введений А.С. Железняков, С. Дамдинсүрэн. Улаанбаатар, 2002. — 735 с. (сигнальный экземпляр); Монголын тухай БХК(б) Намын баримт бичигт (Монголия в документах ВКП(б)). Т. 1 (1920–1932). Сб. документов / Отв. сост. А.С. Железняков, С. Дамдинсүрэн. Введение редколлегии. Улаанбаатар, 2002. — 560 с.; Монголын тухай БХК(б) Намын баримт бичигт (Монголия в документах ВКП(б)). Т. 2 (1933–1940). Сб. документов / Отв. сост. В.Н. Шепелев, С. Дамдинсүрэн. Улаанбаатар, 2005. — 468 с.; Монголия в документах Коминтерна ((1919–1934). Ч. I (1919–1929); Ч. II (1930–1934) / Науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012.

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 45. Л. 31–32.

³ *Элбек-Доржи Ринчино*. Документы, статьи, письма. С. 133.

⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 119. Л. 203–208.

⁵ *Ewing T.E.* Between the Hammer and the Anvil? Chinese and Russian Policies in Outer Mongolia, 1911–1921, Bloomington, Indiana: Research Institute for Inner Asian Studies, 1980.

шейся как первый практический шаг мировой революции за пределы одной страны) и Японии (в духе так называемого Меморандума премьер-министра Танаки¹) территории Монголии отводилась роль одного из важнейших стратегических пунктов мировой политики. На этом фоне развернулось поистине энциклопедическое изучение региона Внутренней Азии крупнейшими западными монголоведами и востоковедами — О. Латтимором, Дж. Фритерсом, П. Пеллио, Э. Хэнишем, А. Мостэртом, В. Хайссыгом, Р. Груссе и др.²

Разумеется, и в годы революционных преобразований в Монголии и Советской России были исследования, которые лишь формально опирались на идеологические «подпорки». Современную социальную структуру кочевого общества (1920–1930-е годы) довольно независимо изучал А.Д. Симуков, общественный строй монголов в ретроспективе, их роль в мировой истории — Б.Я. Владимирцов. Научное наследие А.Д. Симукова только в последние годы стало доступным для широкого круга исследователей³. Среди сохранивших «старую научную выучку» монгольских и бурятских исследователей того времени следует назвать упомянутого выше ламу Эрдэнипала⁴ и «буддиста-паломника», затем профессора Г.Ц. Цибикова⁵.

---

¹ Меморандум генерала Танака Гинти (25 июля 1927 г.) // История войны на Тихом океане Т. 1. М., 1957. С. 337–353. Аутентичного документа в распоряжении исследователей нет, поэтому есть сомнения в подлинности впервые опубликованного в Китае текста, который тем не менее довольно точно передает дух того времени и настроения японской военщины.

² Вот их отдельные труды: *Lattimore O.* The Mongols of Manchuria: Their Tribal Divisions, Geographical Distribution, Historical Relations with Manchus and Chinese and Present Political Problems. N.Y., 1934; *Friters G.M.* The International Position of Outer Mongolia. A Contribution to Russia's and Japan's Policies in the Far East // These presentee a l'Universite de Geneve pour l'obtention du grade de Docteur des sciences politiques. Dijon, 1939; *Pelliot P.* Recherches sur les Chretiens d'Asie central et d'Extreme Orient. P., 1973; *Haenisch E.* Die Kulturpolitik des mongolischen Weltreichs. B., 1943; *Heissig W.* Der mongolische Kulturwandel in den Hsingan Provinzen Mandschukuos. Vienna-Peking, 1944; *Mostaert A.* The Mongols of Kansu and their Language // Bulletin of the Catholic University of Peking. 1931. No 8; *Груссе Р.* Чингисхан. Покоритель Вселенной / Послесловие А.С. Железнякова. Серия ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2000.

³ *Симуков А.Д.* Труды о Монголии и для Монголии / Сост. Юки Конагая, Санжасурэнгийн Баяраа, Ичинхорлоогийн Лхагвасурэн. Осака: Государственный музей этнологии. Т. 1. 2007; Т. 2. 2007; Т. 3. Ч. 1. 2008; Т. 3. Ч. 2. 2008.

⁴ С его капитальным трудом «Конечная причина религий в Монголии» (История в трудах ученых лам. С. 155–247).

⁵ *Цибиков Г.Ц.* Буддист-паломник у святынь Тибета. Т. 1–2. Новосибирск: Наука, 1991.

Позже, в послевоенные годы, обобщением материала в духе марксистской идеологии и методологии занимались такие крупные и авторитетные исследователи, как И.Я. Златкин, Б. Ширендэв, М.С. Капица, С.Д. Дылыков, А.В. Бурдуков и др.¹ Да и для основного состава ныне здравствующего старшего поколения отечественных и монгольских исследователей содержательная сторона политических процессов в Монголии приоткрывалась ими самими лично или через взгляды их учителей в определенном методологическом ключе — в рамках «трех источников и трех составных частей марксизма».

На часть исследователей определенное влияние оказал находившийся долгое время в опале Л.Н. Гумилев с его оригинальной степной трилогией² и концепцией пассионарности³. Он являлся проводником идей евразийцев (прежде всего П.Н. Савицкого, а также Г.И. Вернадского, Н.И. Трубецкого и др.), составивших в русском довоенном зарубежье целую научную школу⁴. Евразийцы признают субъектность Монголии в моменты ее имперского возвышения, но в более поздний период «переводят стрелки» этой субъектности на необъятные пространства Евразии, т.е. Россию как центральное звено этих пространств⁵. Отголоски такого отношения к Монголии слышны и сейчас в среде авторитетных российских авторов, указывающих на тяготение друг к другу России и Монголии в рамках «единого евразийского культурно-географического мира» и даже «единого евразийского суперэтноса»⁶.

Думается, разбор китайской историографии проблемы целесообразно будет сделать в следующий раз, когда к проекту присоеди-

---

¹ *Златкин И.Я.* Очерки новой и новейшей истории Монголии. М.: Восточная литература, 1957; *Капица М.С., Иваненко В.И.* Дружба, завоеванная в борьбе. М.: 1970; *Ширендыб Б.* Монголия на рубеже XIX–XX веков. Улан-Батор: Комитет по делам печати, 1963; *Бурдуков Н.В.* В старой и новой Монголии. Воспоминания и письма. М., 1969; *Дылыков С.Д.* Демократическое движение монгольского народа в Китае. М.: Изд-во АН СССР, 1953.

² *Гумилев Л.Н.* Хунну. Средняя Азия в древние времена. М., 1960; *Он же.* Древние тюрки. М., 1967; *Он же.* Поиски вымышленного царства. М., 1970.

³ *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.

⁴ *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997; *Вернадский Г.В.* Указ. соч.; *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995.

⁵ *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. С. 211–212.

⁶ См., например: *Иванов А.В.* Цивилизационный статус Монголии и ее вклад в укрепление евразийского единства // Монгольский мир: между Востоком и Западом / Под ред. Ю.В. Попкова и Ж. Амарсаны. Новосибирск: Автограф, 2014. С. 69.

няться участники из Китая. Расчет здесь простой: соавторы атласа монгольской цивилизации из КНР смогут представить свое видение проблемы без какой-либо оглядки на постороннюю оценку места китайской науки в разработке темы, т.е. начать работу буквально «с чистого листа».

В настоящее время регион Внутренней Азии в его едином социальном целом изучают многие исследователи: К. Хамфри, Д. Снит, в определенной мере — С. Загчид, П. Хайер, А. Кампи, У. Булаг, К. Эттвуд и др.¹ В некоторых крупнейших университетах мира признается целесообразность отдельного вычленения региона Внутренней Азии или центральной Евразии, что проявляется в названии научных центров².

В России историко-культурная проблематика региона исследуется на уровне целого академического института — Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, научного журнала³, разработки атласов⁴, проведения международных конференций,

---

¹ Culture and Environment in Inner Asia / Ed. by C. Humphrey, D. Sneath. Vol. 1: The Pastoral Economy and the Environment. Cambridge: The White Horse Press, 1996; The End of Nomadism?: Society, State and the Environment in Inner Asia by Caroline Humphrey and David Sneath. Durham: Duke University Press, 1999; *Jagchid S., Hyer P.* Mongolia's Culture and Society. Boulder: University of Colorado Press; *Karamisheff W.* 1925. Mongolia and Western China; Social and Economic Study. Tientsin, 1979; Campi Alicia. Mongolia's Integration with Asia's Heartland — Finding a Future and Rediscovering the Past // The 8-th International Congress of Mongolists being Convened Under the Patronage of N. Bagabandi, President of Mongolia (5–11 August 2002, Ulaanbaatar). Summaries of Congress Papers. Secretariat IAMS, 2002; Where is East Asia? Central Asian and Inner Asian Perspectives on Regionalism by Uradyn E. Bulag. Japan Focus. Posted October 12, 2005. Нийтэлсэн 29.09.2009 // <http://www.unuudur.com/?p=5836>; Is There Such a Thing as Central/Inner (Eur)Asia and Is Mongolia a Part of It? by Christopher P. Atwood — Mapping Mongolia: Situating Mongolia in the World from Geologic Time to the Present. By Paula L.W. Sabloff. Pacific Affairs, 85(3), September 2012.

² Inner Asian and Altaic Studies, The Graduate School of Arts and Sciences, Harvard University; The Mongolia and Inner Asia Studies Unit, Department of Social Anthropology, University of Cambridge; The Sinor Research Institute for Inner Asian Studies, School of Global and International Studies, College of Arts and Sciences, Indiana University; Centre for Inner Asian Studies, School of International Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India и др.

³ Гуманитарные исследования Внутренней Азии — журнал Федерального агентства по образованию и Института Внутренней Азии Бурятского госуниверситета.

⁴ Историко-культурный атлас Бурятии / Науч. ред. Н.Л. Жуковская. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2001 (руководитель научного коллектива — директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН Б.В. Базаров); *Пануев В.Б.* Монгольские народы. Атлас истории и этнографии. Учебное пособие. Элиста: АПП «Джангар», 2005.

научных круглых столов в Улан-Удэ и Москве¹. Со схожей сферой деятельности в Монголии под эгидой ЮНЕСКО работает Международный институт по изучению кочевых цивилизаций².

Тема субъектности Монголии в последние два с половиной десятилетия стала объектом пристального интереса: к ней все больше обращаются историки, политологи, социологи, экономисты, философы и филологи из России, Монголии и других стран. Среди них, пожалуй, нет тех, кто сомневается в наличии общего культурного пространства на стыке границ Монголии, России и Китая, и одновременно — в резком цивилизационном отличии Монголии от своих соседей в целом. Можно сказать, что это общее мнение серьезных исследователей, основательно занимающихся историей и культурой Монголии. Лучше всего об оригинальном положении Монголии в системе международных отношений свидетельствует бурное развитие ее внешней политики³.

Однако до 1994 г. вопрос об активности Монголии как своеобразного геополитического ядра Внутренней Азии сводился к историческим исследованиям проблематики добуддийского периода (до XVII в.). Это связано с тем, что позже через Внутреннюю Азию пролегли государственные границы Российской и Маньчжурской

---

¹ Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. Т. IV. История, философия, социология, филология, искусство. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000; Чингисхан и судьбы народов Евразии. Материалы международной научной конференции. 3–5 октября 2002 г., Улан-Удэ: Изд-во БурГУ, 2003; Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций. Материалы международной научной конференции. Звенигород, 2–5 июня 2001 г. М.: ИВ РАН, Общество монголоведов РАН, 2002; «Калмыки и их соседи в составе Российского государства», «Кочевая цивилизация Великой степи: современный контекст и историческая перспектива». — Элиста (2001), Цивилизационные процессы на Дальнем Востоке. Монголия и ее окружение. Мат-лы научных круглых столов. Ред. коллегия А.С. Железняков, К.Б.-М. Митупов (сопред.), М.Н. Балданов и др. М.: Вост. лит., 2005 и др.

² Этим институтом подготовлен атлас: Монголчуудын туух-соёлын атлас (Историко-культурный атлас монголов). Улаанбаатар: ИСНС, 2004, а также проводятся регулярные международные конференции и симпозиумы: Nomads and Use of Pastures Today. Ulaanbaatar, 2000 и др.

³ См.: Яскина Г.С. Монголия и внешний мир. М.: ИВ РАН, 2002; *Хашбат Л.* Международный статус Монголии: историко-правовые аспекты. Улаанбаатар, 2001 (разумеется, ждет своего всестороннего исследования блок вопросов, связанных с монгольской инициативой трехсторонних встреч В.В. Путина, Си Цзиньпина и Ц. Элбэгдоржа, и с успешно прошедшим недавно в Улан-Баторе Саммитом АСЕМ, свидетельствующем о резком возрастании внешнеполитической активности Монголии).

империй и в политическом отношении учет единого исторического, социального и культурного контекста происходящих в регионе событий оказался чрезвычайно затруднен. В геополитическом смысле такой учет был сопряжен с абсолютно не приветствовавшейся ни в России, ни в Китае идеологией панмонголизма. Лишь период с 1911 по 1946 г. является весьма благоприятным для комплексного политологического анализа всего региона, поскольку в данный период происходил крах Маньчжурской и Российской империй и уточнялись сферы влияния в регионе их преемниц — Китайской республики и СССР¹. Решить проблему без политизации вопроса, без «перетягивания одеяла на себя» со стороны России, Монголии, Китая и других стран² можно не иначе как в рамках нейтральных к государственным границам исследований в русле цивилизационной политологии.

Важным шагом в открытии этого русла исследований было принятие в 1994 г. Великим государственным хуралом Монголии Концепции национальной безопасности³. Монголия заявила не о геополитических притязаниях, не о наличии у себя каких-то особых задач объединения территорий, населенных сородичами за пределами своих государственных границ, а об имеющем место общем пространстве истории и культуры, которое она делит с разными народами России и Китая. То есть речь идет о трансграничной общности Внутренней Азии под названием монгольской цивилизации.

Только с таким отношением к окружению можно будет толерантно подойти к соседям по мировому общежитию и избежать риска задеть интересы национальной безопасности самой Монголии,

---

¹ Вполне корректно субъектная роль Монголии в этот период в контексте процессов, происходивших во Внутренней Азии, рассмотрена в монографии, написанной на богатом архивном материале: *Лузянин С.Г.* Россия–Монголия–Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: ИДВ РАН, 2000.

² Существует довольно значительная историография проблематики наследия героического прошлого Великой степи, Чингисхана, Монгольской империи, увязанной в каждом отдельном случае с каким-либо одним современным народом или этносом. Иногда дело доходит до переписывания всемирной истории и создания новой хронологии. Поскольку мотивы таких обобщений лежат чаще всего в политических амбициях авторов, данная часть литературы за редкими исключениями остается за рамками настоящего исследования. На наш взгляд, наследие Великой степи — достояние всех народов, населяющих ее в настоящее время.

³ Монголын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал (Концепция национальной безопасности Монголии). — Ардын эрх. 1994, 7 дугаар сарын 26.

а также России и Китая — стран, вовлеченных в решение судьбы Внутренней Азии и ее цивилизации. Учесть и максимально сбалансировать эти интересы и призван международный коллектив ученых, работающих над атласом.

Глава 1

СОВРЕМЕННОЕ МИРОУСТРОЙСТВО: ПОЛЮСЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

Атлас любой цивилизации предполагает прорисовку на географической карте общей картины цивилизационного мироустройства. В основе этой общей картины должно лежать понимание «идентичности мира», взятое через определенное измерение — цивилизационное. Следует учитывать, что содержание самой категории идентичности остается сегодня непроясненным¹. В понятие «идентичность мира» в разрабатываемом атласе вкладывается значение динамичной по своей природе и постоянно находящейся в процессе переопределения «текучей современности». Но единообразно «течь и растекаться» идентичности мира во все стороны не дает неравномерное распространение в глобальном пространстве идентичностей этносов, языков, религий, культур и, наконец, крупнейших локальных идентичностей — цивилизаций.

Существуют разные уровни наблюдения над тем или иным обществом и определения его места в мировом социуме — локальный, государственный, цивилизационный, полюсный уровни. Если общество является максимально крупным отдельным субъектом мирового социума (т.е. не входит в состав другой, еще более крупной общности), то его место просматривается на двух уровнях — полюсной и цивилизационной схем мироустройства. Совмещение уровней дает стереоскопическую картину мироустройства, показывает

---

¹ За многомерностью понимания идентичности И.С. Семененко обнаруживает «совершенно разные смыслы и значения, которыми наделяется идентичность и в повседневности, и в научном анализе» (*Семененко И.С.* Введение. Идентичность как категория политической науки: опыт концептуализации // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. М.: РОССПЭН, 2012. С. 9.

направление и динамику развития и изменений в соотношении сил современных мировых цивилизаций.

Единым критерием корректности сопоставления полюсов и цивилизаций является наличие у них общего таксономического признака — качества равноправного сегмента глобального: принадлежать целому, но не части, входить одновременно в орбиты всех внешних политических полюсов мирового влияния, всех современных цивилизаций (и, соответственно, втягивать всех в свою орбиту), но не растворяться ни в одной из этих орбит. Именно сквозь призму этого критерия можно говорить о сущности резких и неоднозначных перемен на протяжении последней четверти века во взаимоотношениях крупных культурных регионов современного мира, о появлении многополюсного мира.

Для того чтобы прорисовать на карте картину этого мира, необходимо вначале рассмотреть различные варианты воображаемых картин идентичности мира: аполлюсной, «органической», однополюсной, биполярной и многополюсной, а затем смыслы, оппонирующие вводимому концепту цивилизации.

1.1. Многополюсный мир

С точки зрения полюсной картины существует только три варианта формирования миропорядка — в рамках разновидностей однополюсной, биполюсной (биполярной) и многополюсной конструкций. Вокруг этих возможных конструкций в настоящее время сложилось определенное дискуссионное поле.

Теоретически есть две альтернативы полюсным конструкциям современного мироустройства. Самой модной и широко распространенной является первая альтернатива — постмодернистская схема «аполлюсного» мира, связанная с мрачной картиной «анархии новых «темных столетий»: упадком империй и религиозным фанатизмом, грабежами и разрушениями в отдаленных регионах планеты, экономической стагнацией и отступлением цивилизации в немногочисленные укрепленные анклавы»¹. На наш взгляд, за констатацией гипотетической возможности «аполлюсного» мира прорисовывается самый что ни на есть конкретный и ничем не прикрытый апокалипсический сценарий. Стоит только на один шаг

---

¹ Фергюсон Н. Мир без гегемона // Свободная мысль — XXI. 2005. № 1. Цит. по: <http://www.politizdat.ru/outgoung/30/>.

отойти от катастрофической черты, свести дело к полутонам, к балансированию на грани апокалипсиса, сразу же появляются привычные схемы мироустройства с «немногочисленными укрепленными анклавами», в которые отступила одна цивилизация (при однополюсном мире), две или несколько (при биполярном и при многополюсном мире).

Альтернативой цивилизационному измерению идентичности и полюсным конструкциям устройства мира могла бы послужить также идея признания за человеческим обществом свойств единого организма. Но парадокс заключается в том, что эта идея всегда строилась и строится на разных религиозных и культурных основаниях. То есть эта идея имеет полицивилизационные истоки. Она присутствует в космогонии всех мировых религий, эпомах и мифах разных народов, включая кочевников Внутренней Азии.

Эту идею выдвигали мыслители разных культур и эпох, и в концентрированном виде, как религиозную истину в христианстве, ее сформулировал в работе «Русская идея» более 120 лет назад великий русский философ и богослов Владимир Соловьев: «Раз мы признаем существенное и реальное единство человеческого рода — а признать его приходится, ибо это есть религиозная истина, оправданная рациональной философией и подтвержденная точной наукой, — раз мы признаем это субстанциональное единство, мы должны рассматривать человечество в его целом, как великое собирательное существо или социальный организм, живые члены которого представляют различные нации. С этой точки зрения очевидно, что ни один народ не может жить в себе, чрез себя и для себя, но жизнь каждого народа представляет лишь определенное участие в общей жизни человечества. Органическая функция, которая возложена на ту или другую нацию в этой вселенской жизни, — вот ее истинная национальная идея, предвечно установленная в плане Бога»¹.

С констатацией превращения человеческого общества в подобие единого человеческого организма, как свершившегося факта, имеющего уже не сугубо религиозное, а непосредственное практическое значение, выступил более полувека назад крупнейший специалист в области математической логики английский философ и математик Бертран Рассел. Выделенный им альтернативный полюсному подходу критерий сравнительного анализа частей человеческого общества формулируется следующим образом: «В целом человеческое общество приобретает черты единого человеческого организма,

¹ Соловьев В. Спор о справедливости. Москва-Харьков, 1999. С. 622.

и если мы будем существовать и дальше, то должны обрести чувства, обращенные к повышению благополучия всех, при этом стремление к индивидуальному благополучию должно быть направлено на весь организм, а не ту или иную отдельную его часть»¹.

В основе такой проникнутой гуманизмом аналогии лежит отрицание какой-либо градации максимально больших сравниваемых «частей» «организма» по иерархии, полярности и степени жизненной и функциональной значимости. Математически понимаемые максимально большие части организма — это не просто отдельные части тела, а «доли» всего организма, связанные общими органами и системами, функционирующие во взаимосвязи друг с другом (в морфологии политического ландшафта человечества — современные цивилизации). Вместе с тем идея «организма человеческого общества» изначально связана с целью подчинить разнонаправленные и тем самым хаотические действия политических структур всех стран координирующей роли центра.

У Соловьева место такого центра занимает Иисус Христос, действующий через Вселенскую церковь: «Смысл существования наций не лежит в них самих, но в человечестве. Но где же оно, это человечество? Не является ли оно лишь абстрактным существом, лишенным всякого реального бытия? С таким же правом можно было бы сказать, что рука и нога реально существуют, а человек в его целом есть лишь абстрактное существо. Впрочем, зоологам известны животные (принадлежащие по большей части к низшему классу *actinozoa*: медузы, полипы и т.д.), представляющие в сущности лишь весьма дифференцированные и живущие обособленной жизнью органы, так что животное в его целом существует лишь в идее. Таков был и образ существования человеческого рода до христианства, когда в действительности существовали лишь *dis-juncta membra*² вселенского человека — племена и нации, разделенные или частично связанные внешней силой, когда истинное существование единство человечества было лишь обетованием, пророческой идеей. Но эта идея стала плотью, когда *абсолютный центр всех существ* (выделено нами. — А.Ж.) открылся во Христе. С тех пор великое человеческое единство, вселенское тело Богочеловека, реально существует на земле. Оно несовершенно, но оно существует; оно несовершенно, но оно движется к совершенству, оно растет

---

¹ *Russell B.* Has Man a Future? L.: Penguin, 1961. Цит. по переводу на русс. яз.: <http://magazines.russ.ru/znamia/1998/4/lopes.html>.

² Разъятые члены (*лат.*).

и расширяется вовне и развивается внутренне. Человечество уже не абстрактное существо, его субстанциальная форма реализуется в христианском мире, в Вселенской Церкви»¹.

Практически об этом же в буддизме говорит идея гомоморфности микрокосма и макрокосма, человеческого тела и универсума: «С внешним миром все обстоит точно так же, как с внутренним миром человека». Она представлена во всей полноте в Калачакре-тантре (Тантре Колеса времени) и в монголо-тибетской традиции считается вершиной тайн Ваджраяны².

В Манифесте Рассела–Эйнштейна «субстанциальная форма» человечества реализуется в форме своеобразного всемирного правительства — на путях «мер по ограничению национального суверенитета, которые будут ненавистны чувству национальной гордости»³. К этой фразе в Манифесте в качестве сноски приводится следующее многозначительное замечание: «При этом профессор Жолио-Кюри хотел бы добавить следующие слова: “Как средства разрешения споров между государствами”»⁴. Отношение к идее создания всемирного правительства в кругах политиков и интеллигенции всегда было неоднозначным. Например, И.Г. Эренбург писал: «Это было в 1949 году, и тогда еще не понимал смятения, которое охватило интеллигенцию Запада, и порой бывал несправедлив. Я прочитал книгу английского философа Бертрانا Рассела, в которой он отстаивал создание “всемирного правительства”. Эта идея мне и теперь кажется неприемлемой: она привела бы к мировому господству капитализма, но глупо было представлять Рассела как апологета господствующего класса»⁵.

В условиях современных политических реалий эта цель далека от реализации, а практические инициативы по ее претворению в жизнь даже на уровне такого авторитетного института, как ООН, не могут считаться полностью адекватными этой цели и означают всего лишь, что идеальный мир гармонии, правового («органичного») порядка, мир без полюсов неизбежно встраивается в экономическую и социальную систему⁶, изначально не свободную от геополитических воздействий, т.е. в систему не регулируемых сверху взаимоотношений различных центров силы.

¹ Соловьев В. Указ. соч. С. 630.

² Торчинов Е.А. Введение в буддизм. Курс лекций. СПб.: Амфора, 2005. С. 233.

³ Манифест Рассела–Эйнштейна, 1955 г. // <http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html>.

⁴ Там же.

⁵ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. М.: Вагриус, 2006.

⁶ <http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html>; Russell B. Op. cit.

Если сейчас применить к человеческому обществу критерий Рассела и сравнить его с человеческим организмом, то в отношении благополучия этот «организм» будет выглядеть с серьезными преференциями одним частям в ущерб другим. Понятие «богатый Север» — «бедный Юг» широко используется сегодня для обозначения поляризации частей мира. В странах, находящихся в северном полушарии, общий социально-экономический уровень жизни населения просто несоизмеримо выше, чем в развивающихся странах Юга.

Социально-экономический разрыв в уровнях жизни между развитыми и развивающимися странами получил название «пропасти» между Севером и Югом (North-South gap). При этом регулирующая роль прообраза действительно представительного всемирного правительства в лице ООН практически ничего с этими преференциями сделать не может, и главенствующая доля благополучия принадлежит здесь отдельным центрам силы. Иными словами, теоретическая альтернатива поиску полюсов в конструкциях мироустройства сегодня на практике еще не работает.

Любая полюсная конструкция по определению является «сборочной», т.е. предполагает наличие в ней одного, двух или нескольких главных (несущих) узлов «сборки», которые в приложении к обществу и принято обозначать в качестве полюсов. То есть в конфигурации сложившейся расстановки сил разные исследователи обнаруживают то признаки однополюсного главенства, то биполярного противостояния, то многополюсного столкновения или сосуществования. В геополитическом плане реальная жизнь, разумеется, богаче любой схемы: существуют различные переходы от одной конструкции к другой, промежуточные состояния, «развязки» и «развилки». В цивилизационном же плане к характеристике современности адекватно подходить может только одно из этих трех определений — последнее.

Нынешняя ситуация характеризуется повышенной геополитической активностью сразу нескольких глобальных акторов. Но важно определить основной вектор развития, который прослеживается при «примерке» к современности каждой из указанных выше конструкций полюсного мироустройства с учетом исторических особенностей и динамики проявления их «идеальных» черт, как правило, закрепленных нормами права и соответствующими институтами.

Лидерство Америки в современном мире успело за прошедшие после окончания холодной войны четверть века обрести настолько прочной и устоявшейся мифологией и стереотипами, что многими

исследователями выдается за утверждение однополюсной конструкции мироустройства.

Во избежание политизации хотя и острого, но все же теоретического вопроса места США в пространстве мировых полюсов и цивилизаций, его рассмотрение целесообразно сконцентрировать на учете, прежде всего, мнений главных американских и западноевропейских научных и политических авторитетов в данной области знаний и практики. Поскольку тема кризиса первенства США затрагивает ключевые моменты ситуации в мире в целом и в России и Китае (вместе с ситуацией во Внутренней Азии) в частности, целесообразно рассмотреть через призму этого кризиса общую картину изменений, которые происходят в глобальном полюсном устройстве.

Тон с самого начала задали крупные политики Запада. Так, М. Тэтчер, крупнейший авторитет, заявила: «С окончанием “холодной войны” и развалом Советского Союза мы переместились от “двухполярного” к “однополярному” миру». К такому выводу она пришла лишь на том общеизвестном основании, что «на сегодня Америка — единственная сверхдержава. Ни одна из сверхдержав прошлого — ни Римская империя, ни империя, созданная Габсбургами, ни Британская империя — во времена их расцвета — не обладала таким превосходством в ресурсах и размахе над своим ближайшим соперником, как современная Америка»¹.

Идея американского мессианства получила мощный импульс после 11 сентября 2001 года. В «Обращении к стране» (январь 2002 года) президент Дж. Буш заявил: у США появилась уникальная возможность стать страной, которая служит целям более высоким и значительным, чем собственно национальные интересы². После начала операции США в Афганистане некоторые американские политологи стали характеризовать положение в мире как «гипероднополярность». «Дж. Буш стал лидером с исторической миссией, — писали по этому поводу У. Кристол и Р. Кейган, — хотя пришел к власти без личных амбиций построить новый мировой порядок. Миссия “упала ему в руки” после событий сентября 2001 года, и это не только миссия по борьбе с международным терроризмом, но и историческая американская миссия по глобальному

¹ *Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. Альпина публишер. М., 2003. С. 48–49.

² *Bush George W.* The State of the Union Address by the President of the United States. Congressional Record. House. Tuesday, January 29, 2002. 107th Congress, 2nd Session. 148 Cong Rec H 98. Vol. 148. No 5. P. H100.

преобразованию мира в соответствии с западной либеральной традицией»¹.

Небезынтересной в этом контексте является и точка зрения видного американского политолога Збигнева Бжезинского: «Сегодня Америка — самая суверенная страна в мире... военная кампания Соединенных Штатов против Ирака — как и не столь агрессивная, но не менее принципиальная позиция США по Международному Гаагскому трибуналу и Киотскому протоколу — демонстрирует уникальность Америки как последнего подлинно суверенного государства. Эти и другие подобные шаги, особенно осуществленные после 11 сентября 2001 года, отражают глубокое убеждение администрации Буша в том, что для защиты своих национальных интересов США должны иметь свободу действий: могущественному Гулливеру негоже быть связанным по рукам и ногам слабыми лилипутами»².

Таким образом, западные политологи и политики-практики недвусмысленно заявляют о наступлении новой эры в международных отношениях — приходе однополюсного мира, центром которого являются Соединенные Штаты. Этот тезис подкреплен выступлением 14 марта 2009 года 44-го президента США Барака Обамы на церемонии открытия нового здания Университета национальной обороны в Вашингтоне: «Будьте уверены, наша страна сохранит военное преимущество. Наши вооруженные силы будут мощнейшими в мировой истории. Мы сделаем все возможное для того, чтобы поддерживать технологическое преимущество и инвестировать в средства, необходимые для того, чтобы защитить наши интересы, разгромить или сдержать врага»³.

Однако на проблему следует взглянуть иначе: в геополитическом плане однополюсность, конечно же, имеет место. Но в цивилизационном отношении однополюсность — это миф. Америка оказалась страной, занявшей нишу самого могущественного в экономическом плане государства в новом раскладе мировых сил. Она выступает, как любая крупная общность, с внутренним ощущением своей универсальности («исключительности», как сейчас модно говорить в американском руководстве), пытается распространить эту универсальность до максимальных пределов. Но это — односторон-

---

¹ The Weekly Standard. 2002. March 4.

² Brzezinski Z. The Dilemma of the Last Sovereign // The American Interest. Vol. 1. No 1 (Autumn 2005). Электронный адрес статьи: <http://www.the-american-interest.com/ai2/article.cfm?Id=56&Mid=1>.

³ <http://www.mideast.ru/357/45417>.

ний натиск. Остальные участники определяются, и полностью прогнувшихся под этим натиском крупных общностей нет, поддались только отдельные фрагменты. В существующей мировой вертикальной иерархии государств Соединенные Штаты располагают большими возможностями для блокирования действий других стран. Но Вашингтон не в силах довести до положительного результата решение важных глобальных и региональных проблем. Мировая направляющая роль Америки теряет универсальность, не говоря о том, какие сомнения она вызывает у других стран.

Это видно из следующего. После полутора десятилетия фактического отсутствия систематической оппозиции лидерству США в мире в последние годы наметился тренд к решению актуальных проблем мира «в обход США». Векторы международных отношений непрерывно меняются. В Центральной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе появляются многосторонние структуры без американского участия (ШОС, БРИКС, ЕАЭС, Восточноазиатское сообщество). Некоторые страны Латинской Америки нарочито демонстративно устанавливают прямые экономические и иные связи с государствами Восточного полушария. Россия провозгласила политику диверсификации внешних связей и стала уделять больше внимания отношениям с азиатскими и латиноамериканскими государствами. На сегодняшний день достаточно сильными игроками, способными в чрезвычайных обстоятельствах ответить на вызов нынешнему мировому гегемону, являются Европейский Союз, Россия, Китай.

В определенном теоретическом ракурсе, в воображаемом однополюсном мире прослеживаются такие черты, как пирамида глобальной власти, строгая иерархичность политической структуры мира и т.д., поэтому он, как конструкция, может мыслиться неким прообразом «организма человеческого общества» с всемирным правительством. В этом ракурсе альтернативой однополюсному миру может выступать только безрадостная постмодернистская картина аполусного мироустройства. По мнению З. Бжезинского, «в случае сознательного или непреднамеренного отказа Америки от своего статуса единственной сверхдержавы реальной альтернативой американскому лидерству в обозримом будущем может быть только анархия в международном масштабе... Хотите вы этого или нет, Америка несет ответственность за судьбы мира и устанавливает правила поведения для всех остальных государств... Америка стоит в центре взаимосвязанной вселенной, такой, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит, в конце

концов, из единого источника, а именно: Вашингтон, округ Колумбия. И именно здесь должны вестись политические игры в сфере власти, причем по внутренним правилам Америки»¹.

Однополюсный мир предстает полным антиподом «организма» при «примерке» его истинной конструкции к реальным субъектам мирового общественного развития. Он связан не с ответственной за жизнь своего «хозяина» разветвленной по всем органам сигнальной системой, а всего лишь с диктатом со стороны пусть самой сильной, но случайной части. Этот мир «стремится к индивидуальному благополучию», направленному не на весь организм, а только на приковывающую гипертрофированное внимание его часть и ее близкое окружение. Теоретически допустить сведение глобальной геополитической конфигурации до масштабов силового поля из одной части можно лишь в том случае, если весь остальной мир под воздействием каких-либо чрезвычайных и непреодолимых обстоятельств будет вынужден с этим согласиться.

Однополюсная глобальная конструкция на сегодняшний день не имеет правовых и институциональных условий для своего утверждения. Не прослеживаются и необходимые для появления этих условий преимущественно чрезвычайные сценарии развития обстановки, например резкий цивилизационный отрыв гегемона от отставшего безнадежно остального человечества. Поэтому эта конструкция может быть сопоставлена со спонтанным лидерством в мире США (прежде всего, в арифметически выраженном объеме экономики и военных расходов, в других номинальных показателях активности и глобального присутствия) только как некий всего лишь декларируемый ориентир.

Действительно, США — доминирующая страна в мировой экономике, одно из крупнейших по территории и населению государств мира. Это позволило США на уровне деклараций и обещаний «принять на себя миссию реформировать мир»², функцию единственного узла, из которого можно «руководить, направлять и формировать основные силовые отношения в мире меняющегося геополитического равновесия и возрастающих национальных ожиданий»³. При этом во главу угла этого стремления положено «воз-

---

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. М., 1999. С. 19.

² Киссинджер Г. Дипломатия. М.: ЛАДОМИР, 1997. С. 11.

³ Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Международные отношения, 2007. С. 9.

вышение Америки до уровня самого могущественного государства в мире»¹ и «совершенно очевидная потребность в обеспечении своей собственной национальной безопасности»².

В свое время в качестве обращенного вовне теоретического обоснования амбиций США встать во главе однополярного мира выступила концепция резкого и окончательного цивилизационного отрыва и триумфа Запада, западной идеи, наступления либерального «конца истории». Концепция была сформулирована Фрэнсисом Фукуямой прямо в момент заполнения интеллектуального вакуума в сознании глобальных политических элит, в 1989 году, — в условиях «важных реформ и изменения интеллектуальной атмосферы крупнейших коммунистических стран»³.

Прошло два с половиной десятилетия после выхода статьи Ф. Фукуямы под названием «Конец истории?», но обещанного «завершения идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления»⁴ не произошло. Однако данное удручающее обстоятельство не помешало США использовать все эти годы идеологический инструментарий указанной концепции для распространения своего влияния практически на все звенья международной политики. Претворение в жизнь западной либеральной идеи в американском исполнении имело весьма противоречивые последствия, что продемонстрировано на примерах военных операций США и западной коалиции в бывшей Югославии (1999) и Ираке (2003), проведения «оранжевых» и «цветных» революций в странах СНГ, Ближнего Востока, Северной Африки.

США оказались заложниками своей беспрецедентной силы и вынуждены постоянно наращивать свое военное присутствие в различных точках планеты и даже пользоваться в отношениях со своими союзниками запрещенными у себя внутри страны приемами — преобладающим положением во многих организациях — прежде всего во Всемирной торговой организации и НАТО.

Политическая практика США как глобальной сверхдержавы по критериям «идеальной» конструкции однополярного мира должна была бы осуществляться в русле провозглашенного в Овальном кабинете Белого дома в январе 1991 года вступившим в должность

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134.

⁴ Там же. С. 135.

президента США Дж. Бушем-старшим призыва «создать для нынешнего и будущих поколений людей новый мировой порядок, в котором поведение государств будет подчиняться праву, а не закону джунглей»¹. Шанс для этого был: какое-то время на всем пространстве рушащегося вместе с берлинскими стенами биполярного мира вокруг идеи нового мирового порядка (по сути — идеи «организма человеческого общества») складывалась благожелательная интеллектуальная среда.

Однако ни одна из администраций США не нашла возможностей на деле попытаться выполнить взятые на себя обязательства: создать новый мировой порядок, подчиняющий поведение всех государств мира праву. На практике это означало бы использование ресурсов и авторитета США для налаживания международного сотрудничества в деле создания подлинно представительного всемирного правительства.

Это, разумеется, гипотетический шанс, требовавший невозможно: определенного самоограничения Америки в области «безликих» норм международного права, самопожертвования в сфере амбиций. Нет никакой вины Америки в том, что она не имела возможности или не смогла или даже не захотела поделиться со всеми своей мощью и ролью, но без этого ее лозунги и призывы Буша-старшего по подчинению всего мира нормам верховенства международного права приобрели карикатурные формы. Правда, не менее нелепо выглядело бы и искусственное самоограничение Америки в сфере своих возможностей.

Итак, идея мира-организма, всемирного правительства Рассела–Эйнштейна остается пока недостижимой целью. Ни Запад в целом, ни американское государство в частности не оказались готовыми вести дело к воплощению ее в жизнь, оставив эту задачу более широкому кругу действующих лиц мировой истории. Представляется, что теоретически задача эта разрешима только на уровне консенсуса основных субъектов мирового социума. Характерна в этом отношении позиция России, выраженная в Концепции внешней политики Российской Федерации: «Россия придает большое значение повышению управляемости мирового развития, созданию саморегулируемой международной системы, что требует коллективного лидерства ведущих государств мира, которое должно быть представительным в географическом и цивилизационном отношении и осуществляться при полном уважении центральной и координирующей роли ООН.

---

¹ The Times. 2008. August 26.

В этих целях Россия будет наращивать взаимодействие в таких форматах, как ее диалог с традиционными партнерами по евразийской интеграции, РИК (Россия, Индия и Китай), БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай), БРИКС (+ ЮАР), а также с использованием других неформальных структур и диалоговых площадок»¹.

В Концепции национальной безопасности РФ в качестве угрозы национальной безопасности в международной сфере называются попытки «других государств противодействовать укреплению России как одного из центров влияния в многополярном мире, помешать реализации национальных интересов и ослабить ее позиции в Европе, на Ближнем Востоке, в Закавказье, Центральной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе». В связи с этим, национальные интересы России в международной сфере видятся в «обеспечении суверенитета, упрочении позиций России как великой державы — одного из влиятельных центров многополярного мира, в развитии равноправных и взаимовыгодных отношений со всеми странами и интеграционными объединениями, прежде всего с государствами — участниками Содружества Независимых Государств и традиционными партнерами России, в повсеместном соблюдении прав и свобод человека и недопустимости применения при этом двойных стандартов»².

С точки зрения геополитического подхода, инерция изменения баланса сил в мире в пользу полицивилизационного и полицентричного «золотого миллиарда» затрудняет какую-либо однозначную оценку полюсного мироустройства на современном этапе исторического развития. Забегая вперед, следует отметить, что с точки зрения цивилизационной политологии можно говорить о многополюсном мире как системе парных биполярных цивилизационных пространств.

Разрыв в этих двух подходах наблюдается в довольно часто всплывающем вопросе: является ли Россия самой восточной страной Запада или же самой западной страной Востока? Ответы на этот вопрос даются разные, в том числе, например, такой: «российская специфика, уже оказавшая самое благотворное влияние на мировую цивилизацию, способна в XXI веке оптимально проявиться внутри общего европейского (шире — евро-атлантического) пространства,

---

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации, 12 июля 2008 года // <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml>.

² Концепция национальной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ № 24 от 10 января 2000 г.).

а не за его пределами... Чрезвычайно важно, чтобы остальной мир смотрел на нас именно как на часть европейской системы. Европейская идентификация России в значительной степени сняла бы политическую неопределенность, сохраняющуюся в восприятии нашей страны соседними государствами»¹. Но есть ответы другого порядка: Россия–Евразия имеет возможность «обрести перспективу подлинной геополитической суверенности»².

Отсюда в мировой науке наблюдается некоторая размытость не только в определении места России (равно США, Китая, Индии и некоторых других крупных стран) в полюсном пространстве, но и контуров самого мироустройства. Сейчас доминируют выводы о неоднозначном, «гибридном» характере складывающегося миропорядка на современном этапе развития.

Поскольку в настоящей работе приводится взгляд на конструкцию современного мироустройства как многополюсную, т.е. с точки зрения, прежде всего, цивилизационного подхода, необходимо привести, хотя бы в качестве иллюстрации, иной – гибридный – подход.

За «гибридным» определением полюсной конструкции мироустройства, складывающейся на современном этапе развития, прослеживается отражение геополитической реальности и стремление подспудно актуализировать понимание этой реальности в связке с терминами цивилизационного подхода. Таким смещением подходов отличаются работы многих исследователей, в том числе и С. Хантингтона.

Точка зрения С. Хантингтона: «Сейчас существует только одна сверхдержава. Но это не означает, что мир является однополярным. В однополярной системе существовала бы одна сверхдержава, не было бы значительных великих держав и имелось бы множество малых держав. В результате единственная сверхдержава могла бы эффективно разрешать все важные международные вопросы в одиночку... В биполярной системе, как в период холодной войны, имеются две сверхдержавы, и отношения между ними выступают центральными в международной политике... В многополярной системе имеются несколько великих держав, сравнимых по силе, которые соперничают и сотрудничают друг с другом в качестве меняющихся партнеров... Современная международная политика не подходит

---

¹ *Лукин В.П.* Глобальная роль России и европейская идентичность // Россия в глобальной политике. 2008. № 1, январь-февраль.

² *Дугин А.Г.* Основы геополитики. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000. С. 161–162.

ни под одну из трех моделей. Скорее это странный гибрид: одно-многополярная система с одной сверхдержавой и несколькими великими державами»¹.

С. Хантингтон в своем гибридном подходе не одинок. С его точкой зрения совпадает, например, мнение Н.А. Симонии: «Итак, существует ли сегодня многополярный мир? И да, и нет. Да — в том смысле, что многополюсность современного мира зародилась уже давно, с момента побед национально-освободительных революций и движений и появления крупных независимых государств в развивающемся мире. Нет — в том смысле, что многополюсность мира все еще в процессе своего формирования, и пока не существует цельной завершенной картины многополюсного мира»².

В приведенных двух цитатах — американского и российского исследователей — речь не идет о каком-то ясно обозначенном переходе от одной конструкции к другой, промежуточном состоянии, «развязке» или «развилке». Здесь ярко прослеживается проблема «гибридности» взглядов на полюсную структуру мироустройства. В обоих случаях выражено сомнение в применимости понятия «многополюсный мир» к современной цивилизационной конструкции мироустройства. Правда, с разных позиций, анализ которых позволяет хотя бы приблизительно обозначить предпочтения авторов.

У Хантингтона, на наш взгляд, предпочтения строятся по следующей шкале: на первом месте стоит четко выраженная симпатия к однополюсному миру. Это прослеживается в его послыле: «единственная сверхдержава могла бы эффективно разрешать все важные международные вопросы в одиночку». На втором месте — нейтральный подход к возможности возвращения биполярного мира (во всяком случае, речь идет о «центральном положении» двух сверхдержав). На третьем — отрицательное отношение к многополюсному устройству, которое легко обнаруживается в допущении немислимого — в пассаже о великих державах, как «меняющихся партнерах». (В этом плане отличается позиция Парага Ханны, который обнаруживает в такой «сменяемости лидеров» глобальную стратегию равновесия, «когда «силовое соперничество между державами, полными подозрительности, сменится сотрудничеством, напоминающим действие команды во время велогонки: лидерство будет поочередно переходить от одного к другому велосипедисту

---

¹ The Lonely Superpower. Samuel P. Huntington. Foreign Affairs. Vol. 78, No 2. Mar.-Apr., 1999.

² http://www.iriss.ru/display_epublication?id=000199990938.

на протяжении всего пути до самого финиша»¹.) Определение: «одно-многополярная система» — действительно, гибридное определение, за которым ясно проглядывается конструкция соперничества США с остальным миром. Эту конструкцию можно принять за банальную уже однополюсную (при допущении мысли об успешном подавлении сопротивления «великих держав» мощью «сверхдержавы») или за оригинальную по форме «собирательную» биполярную (при констатации невозможности подавления сопротивления «великих держав» мощью «сверхдержавы»; оригинальность данной конструкции, впрочем, сразу же заканчивается при формировании двух враждующих блоков — «империи добра» вокруг сверхдержавы и «империи зла» из оставшихся великих держав).

У Симонии отношение к однополюсному и биполярному миру в приведенной цитате не высказано, но в отношении к многополюсному устройству автор выражает достаточно ясные сомнения. Нелучайно в одной фразе из двух предложений у него встретились два взаимоисключающих тезиса: «многополюсность современного мира зародилась уже давно» и она же «все еще в процессе своего формирования». Симония, говоря многополюсному миру «и да и нет», допускает практически любое развитие ситуации. Эта же, по сути, позиция содержится в заключении докторской диссертации бывшего министра иностранных дел РФ И. Иванова «Внешняя политика в эпоху глобализации», защищенной в 2005 году: «Многополярность — это отражение одного из объективных аспектов современной международной жизни, хотя и далеко не единственного. Суть нынешнего переходного периода в международных отношениях состоит именно в том, что в них одновременно присутствуют элементы различных международных систем. Если в военной сфере США занимают позиции лидерства по отношению ко всему остальному миру, то в экономической сфере положение совсем иное. Здесь имеет место реальная многополярность, суть которой заключается в существовании нескольких крупных экономических «полюсов», таких как Евросоюз, Япония, страны Юго-Восточной Азии, динамично развивающийся Китай. Одновременно в мире сохраняются отношения биполярности, к которым можно отнести отношения Север—Юг, а также объективный факт наличия крупных ядерных арсеналов только у двух держав — России и США».

---

¹ Ханна П. Указ. соч. С. 444.

² Иванов И. Внешняя политика в эпоху глобализации: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.: 2005. С. 24.

В отличие от гибридного подхода Хантингтона, последовательный геополитический подход демонстрируют А.А. Дынкин и Н.К. Арбатова, когда, не путая политические центры современного мира с полюсами, называют совершенно справедливо современный расклад мироустройства «иерархической моделью полицентричного мирового порядка»¹.

Итак, гибридный характер мироустройства вырисовывается при смешении двух подходов — геополитического и цивилизационного. С точки зрения практического разъединения этих двух подходов весьма емко звучат недавние слова президента России В.В. Путина: «Америка — великая держава. Сегодня, наверное, единственная супердержава. Мы это принимаем. Мы хотим и готовы работать с Соединенными Штатами... Миру нужна такая мощная страна, как Соединенные Штаты. И нам нужна. Но нам не нужно, чтобы они вмешивались в наши дела, указывали, как нам жить»².

Нетрудно заметить, что разъединение геополитического и цивилизационного подходов способствует прорисовке истинной картины полюсного мироустройства как такового. Смещение же этих двух подходов (их «гибридизация») поворачивает тему к разговору о «вредности идеи» многополюсного мира. В этом случае констатируется одно из двух: либо уже осуществившийся приход многополюсности — «вынужденного зла», либо нависание над однополюсным миром угрозы прихода этого «вынужденного (читай — всемирного) зла». В любом случае, подразумевается, что «злу» необходимо противодействовать, т.е. реанимируются штампы, господствовавшие во времена президентства Р. Рейгана, холодной войны и биполярного мира.

Биполярная глобальная конструкция, конечно же, является геополитической конструкцией и предполагает наличие двух политических вертикалей лидерства. Она имела свое проявление в истории как структура и схема «холодной войны». В биполярном устройстве заложены стимулы как гонки вооружений, так и соревнования, как роста международной напряженности, так и творческого напряжения. Благодаря этой конструкции сложились равновесие сил противников в условиях угрозы ядерного столкновения, система сдержек и противовесов с уважительным отношением к международному праву, институты мира и международной безопасности.

---

¹ *Dynkin A.A., Arbatova N.K. Postbipolar Polycentric World in the Context of the Ukrainian Crisis. — Global «Perestroika». Transformation of the World Order / Ed. by Alexander A. Dynkin, Nataliya Ivanova. Moscow, VES MIR Publishers, 2015. P. 10.*

² <https://lenta.ru/news/2016/06/17/obamathegreat/>.

У биполярной системы гораздо больше, чем у однополюсного мира, общих (хотя на практике также карикатурных) черт с человеческим организмом по Расселу¹. Неслучайно, что для значительной части американской интеллектуальной элиты распад биполярной системы совпал по времени, как отметил А. Тоффлер, с ощущением «утраты Америкой мирового господства»². А. Зиновьев идет еще дальше и говорит о более мрачных прогнозах для всего Запада: «Необычайный подъем западной экономики и вообще всей жизненной активности на Западе в 1946–1986 годы был не случайным совпадением с “холодной войной”. Он в огромной (если не решающей) степени был обязан именно этой войне. Конец войны ознаменовался экономическим спадом на Западе и общей тенденцией к снижению всей жизненной активности»³.

Чувства признательности к биполярной конструкции мироустройства испытывают и в определенных кругах России. Лидер довольно влиятельного движения интеллектуалов — неоевразийства — А. Дугин пишет: «Единственным выходом из сложившейся ситуации (победы Запада в холодной войне. — А.Ж.) может стать лишь новый биполяризм, так как только в этом направлении Евразия смогла бы обрести перспективу подлинной геополитической суверенности»⁴.

Биполярное устройство мира выглядит намного более жизненным и устойчивым, чем однополярная конструкция, хотя, как перспектива будущего мироустройства, оно нежизнеспособно постольку, поскольку не охватывает всего разнообразия современных геополитических вызовов. Поэтому биполярная схема является всего лишь очень удобной ширмой, теоретической и практической рабочей заготовкой для ситуативного применения в попытках обоснования и оправдания

---

¹ Некоторым исследователям на ум приходит образ кровеносной системы: «...Единая кровеносная система опасна распространением заболеваний организма на все системы — мир, втянутый в систему “американских ценностей” за короткий период времени достиг состояния распада. Пространство этого мира опустошает взгляд. Возможно, это самая страшная карикатура, которая рождалась в истории» (*Шкелю М.* Страхи США перед кубинской пятеркой и возмездие человечества // <http://www.anti-glob.ru/st/5cub.htm>). Применительно к биполярной системе этот карикатурный образ можно распространить на «заражение организма» разными «системами ценностей» с двух сторон — артериальной и венозной частей кровеносной системы.

² *Toffler A.* The Powershift Era // Powershift. N.Y.-L.: Bantam books, 1990. P. 4.

³ *Зиновьев А.А.* Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 2000. С. 373.

⁴ *Дугин А.Г.* Основы геополитики. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000. С. 161–162.

целей глобального главенства. Она ныне присутствует в стратегических конструкциях гибридного подхода как политической образ противостояния «своего» с интегрированным «чужим», на деле — с неким фантомом. Фантомный образ биполярного мира используется там, где хотя и нет противоборства двух глобальных противников, но где хотя бы у кого-то одного есть претензии на роль мирового лидера.

Даже с точки зрения существующей в настоящее время единственной сверхдержавы, возврата к «идеальному» биполярному миру, классическому глобальному противостоянию противников во время холодной войны уже нет. На его место пришла целая серия открытых и скрытых столкновений с Америкой по разным «осям зла» «государств-изгоев», «потенциальных врагов», «стран, вызывающих озабоченность» своей вовлеченностью в «дурные дела» и т.д.¹ Если рассматривать вопрос шире, речь идет о сознательной подмене понятий. Противоречия рождающегося на глазах наблюдателей многополюсного мира выдаются за противоречия биполярного мира, который понимается как столкновение одного «доброе» полюса — США (Запада) — с неким коллективным «злым» полюсом — со всеми имеющимися в наличии цивилизациями. «Запад — единственная из цивилизаций, которая оказала огромный и временами разрушающий эффект на все остальные цивилизации. Следовательно, взаимоотношения между властью и культурой Запада и властью и культурами других цивилизаций — вот наиболее всеобъемлющая характеристика мира цивилизаций», — пишет Самюэль Хантингтон в своей знаменитой книге «Столкновение цивилизаций». Между тем он считает, что «основной проблемой взаимоотношений между Западом и остальными стало несоответствие между стремлением Запада — особенно Соединенных Штатов — насаждать универсальную западную культуру и все снижающейся способностью делать это»².

Примерно о том же, что и у С. Хантингтона, размышления А. Дугина о «фиктивной и мондиалистской» многополярности (в статусе которой он признает проявление однополюсного мира): «Есть точка зрения, что после окончания противостояния США—СССР мир сам по себе перейдет к многополярному устройству — возвысится Китай, демографические процессы выведут исламские страны

¹ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. С. 412.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. С. 281–282.

в разряд геополитически центральных, тихоокеанский регион заявит о своей конкурентоспособности с Европой и Америкой и т.д. Все это возможно, но здесь не учитывается, что такая новая многополярность будет проходить под знаком «атлантистской системы ценностей», т.е. представлять собой лишь территориальные разновидности талассократической системы и никак не подлинную геополитическую альтернативу. Современный победивший Запад отныне будет диктовать идеологические и экономические условия всем, кто станет претендовать на роль развитого региона. Поэтому любая многополярность при сохранении статус-кво будет фиктивной и мондиалистской»¹.

Если С. Хантингтон рассматривает противников США в мире цивилизаций через призму собирательного (коллективного) полюса, то А. Дугин не видит противников «атлантистской системы ценностей» ни в Индии, ни в Китае, ни в исламском мире, и нигде еще, кроме России–Heartland, и призывает к конкретной, а не собирательной биполярности².

Между тем за политической предвзятостью (или ангажированностью) в литературе все больше утверждается понимание современного мироустройства как многополюсного взаимодействия разных цивилизаций. Ф. Фукуяма в этой связи неохотно признает преждевременность своего броского предсказания о «конце истории». Он указывает на ошибочность попыток игнорировать роль государств и отрицать суверенитет, подменяя суверенитет страны «суверенитетом народа», как это пытаются до сих пор делать американские либералы. Как отмечает Ф. Фукуяма, «государство сохраняет важнейшие (critical) функции, исполнение которых не могут взять на себя никакие транснациональные субъекты: оно остается единственным источником силы, способным обеспечить соблюдение закона». Политика Соединенных Штатов после окончания холодной войны в значительной степени основывалась на предположении об утрате государством определяющей роли в международных отношениях и обеспечении международной безопасности. Именно при таком подходе теоретики и практики впали в иллюзию о возможности перестроить все страны мира по образу и подобию американской политической системы. Идея универсализации внутреннего устройства государств мира и их включения в единую «демократическую семью», скрепляемую

---

¹ Дугин А.Г. Указ. соч. С. 160–161.

² Там же.

общими ценностями («мир открытых дверей»), была красива, но не реалистична¹.

У З. Бжезинского современный неоконсерватизм в США определяется как «подновленная версия империализма», не имеющая ничего общего с новыми глобальными реалиями и общественными течениями. Все началось еще с администрации Дж. Буша, которая не смогла выработать по-настоящему новый взгляд на мир. Она, сверх того, не учла необходимости найти в его архитектуре место для России, Китая и других важных игроков — место, приемлемое не только для вашингтонских политиков, но и для самих этих стран². «Только приняв универсальность идеи о человеческом достоинстве, в основе которой уважение к политическим, общественным и религиозным проявлениям различных культур, — пишет З. Бжезинский, — Америка может избежать ситуации, когда глобальное политическое пробуждение обернется против нее»³.

Это объясняется не только нежеланием Соединенных Штатов «уступать свое», но и их твердым настроением расширить объем уже приобретенных прерогатив и привилегий как сильнейшего государства мира. При этом другие страны уклоняются от признания легитимности подобных устремлений США. Вот почему — разумно замечает Фукуяма — прежде чем переходить к новому порядку, следует договориться о легитимности самого режима такого перехода⁴.

Подобная договоренность — дело чрезвычайно сложное, и оно заключается в том, что нынешние локальные цивилизации, все без изъятия, имеют реальные основания именоваться мировыми цивилизациями. Поэтому полуса, стоящие за этими цивилизациями, как и США, стоящие за Западом, также не могут «уступать свое».

Полюсное устройство мира и проявилось как раз одновременно с возникшей в XX веке ситуацией, когда локальные изолированные цивилизации начали заявлять о себе как о мировых цивилизациях. Еще на рубеже XIX–XX веков впервые в мировой истории средства коммуникации достигли того технического уровня, когда наступила возможность непрерывно и мгновенно получать и передавать информацию и влиять на любую точку мира из какой-нибудь другой точки. В результате начали происходить перегруппировки

¹ *Fukuyama F.* America at the Crossroads. Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy. New Haven-L.: Yale University Press, 2006. P. 10.

² *Brzezinski Z.* Second Chance. Three Presidents and the Crisis of American Superpower. N.Y.: Basic Books, 2007. P. 37.

³ *Ibid.* P. 204.

⁴ *Fukuyama F.* *Op. cit.* P. 180.

в проявлении пестрого мирового разнообразия локальных цивилизаций.

Большинство локальных цивилизаций не справились с ситуацией, оказались неспособными распространить свое универсальное «умопостигаемое» поле на весь мир, замкнулись в себе, некоторые страны делали попытки решить проблему своих цивилизаций военными средствами, и лишь две общности — западная и русская — подобрали универсальные ключи практически ко всем континентам и закоулкам планеты. К середине XX века они обрели потенциал гарантированного взаимоуничтожения и стали первыми в истории человечества мировыми цивилизациями. Мир стал биполярным.

Степень контроля ни у западного, ни у русского блока с самого начала не была всеобъемлющей, а со временем стала снижаться. С расколом социалистического лагеря и активизацией движения неприсоединения начали определяться еще не совсем четкие контуры новых мировых цивилизаций. Начало кардинальным переменам в полюсном мироустройстве было положено окончанием на рубеже 80-х и 90-х годов XX века биполярного противостояния — холодной войны, — связанным с развалом советского блока, в состав которого входила Монголия (тогда — МНР), а затем распадом СССР. Тогда же образовалась временная ниша единичного глобального лидерства, спонтанно занятая единственной оставшейся мировой сверхдержавой — Соединенными Штатами Америки. Однако на правовом и институциональном уровне ценности этой сверхдержавы в масштабе планеты так и не утвердились; более того, благодаря подспудному развитию и росту потенциала общностей русского, дальневосточного, западного (вне США), исламского и индийского миров начал стремительно восстанавливаться нарушенный в мире баланс сил. В качестве глубоко вклинившегося в эти миры уникального стыка проявился тенгрианско-буддийский мир Внутренней Азии с центром, как было отмечено, в единственном суверенном государстве региона — Монголии.

Есть немало поводов говорить не только ученым, но и руководителям государств о новых веяниях в «полярности». Так, находившийся на посту президента России Д.А. Медведев, выступая в октябре 2008 года на Конференции по мировой политике в Эвиане, сказал: «И если мы признаём, что международные отношения — это сопряженные интересы равноправных суверенных государств, то всякое стремление к доминированию, к достижению своих целей за счет других должно быть признано аморальным. Недопустимо

также навязывание другим государствам собственного национального права, как и решений внутреннего суда»¹. Д.А. Медведев говорил об отношениях между государствами, но еще больше его слова подходят к взаимоотношениям между крупнейшими субъектами международных отношений (т.е. между цивилизациями).

Итак, вырисовываются следующие основные положения по поводу полюсной конструкции мира.

Первое. Мир цивилизаций не выстраивался в однополюсную структуру никогда раньше, и нет никаких признаков того, что он в такой конфигурации выстроится в будущем. Исчезновение советского блока, разрушение «железного занавеса» привели к кратковременной эйфории Запада, к иллюзии конца истории и торжества западной модели универсальности — экономического и политического либерализма. Но вскоре обнаружились весьма ограниченные возможности для последовательного претворения этой модели в жизнь на любом континенте, где бы то ни было на Земле, невозможность ее превращения в своеобразный вариант однополюсной глобализации. Данная модель сформировалась на Западе в условиях идеологической и политической схватки двух мировых антагонистов и может продолжать существовать в качестве образца для подражания всему миру только в случае рецидива раскола мира на два полярных полюса, т.е. в условиях дихотомической связи двух одинаковых по мощи глобальных противников, разделивших мир на зоны своего влияния. Поэтому эта модель непригодна не только в России, Китае, Индии, исламском мире и где бы то еще, но и на самом Западе.

Даже беглый анализ взглядов столпов американской политической мысли на место их страны в мире позволяет констатировать факт: глобальное лидерство США, длившееся 25 лет, не привело к формированию однополюсного мира. Представляется, что попытки сохранить само лидерство в условиях американского сверхдержавного кризиса могут еще какое-то время иметь успех, но речь в любом случае не может идти об установлении прочного однополюсного мира во главе с США со всеми институтами и правовыми нормами. Ни в прошлом, ни в настоящем не существовало и не существует далеко оторвавшихся в своем развитии от других страны и цивилизации — носителей универсальных ценностей и культуры, — и трудно предположить, что такой носитель вскоре

---

¹ http://www.kremlin.ru/appears/2008/10/08/1619_type63374type63377type82634_207422.shtml.

объявится где-нибудь в Западном или Восточном полушарии Земли. Разумеется, везде есть свои западники, ратующие за установление однополюсного мира во главе с США, но за пределами западного мира (прежде всего, в России, Китае, Индии, в исламском мире) их позиции в большинстве случаев не являются доминирующими.

Второе. Стремление к мировому лидерству может при определенном раскладе сил привести к попыткам реанимации привычной конструкции холодной войны между двумя противоборствующими лагерями, когда мир в целом был поделен на две универсальные части, которые вели борьбу друг против друга за торжество только одной модели универсальности и за влияние на третий мир. Тот период биполярной глобализации привлекателен своим отлаженным механизмом сдерживания и безопасности. Но в одну и ту же воду не войти дважды: перестав быть двумя глобальными полярными полюсами, Россия и Запад «опростились» в смысле утраты черт универсальных «половинок мира». Они, правда, остались биполярными половинками своего общего (парного) цивилизационного пространства — евро-евразийского мира (подробнее, см. п. 1.3 этой главы). Обе половинки, каждая в отдельности, по-своему видят свою новую универсальную роль в изменившемся мире (в данном случае речь не идет о том, насколько полно это осознание собственной универсальности или «исключительности» отражает реальный процесс) и оказались в одном ряду с такими же «универсальными» половинками других парных цивилизационных пространств, самостоятельными участниками мировой истории. Мир раздробился; без глобальной биполярности выпукло проступила его изначальная многополюсная структура.

Третье. Окончание холодной войны совпало с наступлением общей точки бифуркации для всех стран и регионов мира, когда многие союзы, блоки, альянсы, международные институты и организации (от ООН и НАТО до МВФ и ВТО) продолжают существовать в основном «по наследству» от прошлой эпохи, но подчинены уже начавшему складываться новому порядку взаимоотношений ключевых государств. От того, к каким принципам в выработке оценок действий и образов друг друга придут общества и государства, а также старые и новые организации и объединения — та же ООН, а также ЕС, АСЕАН, СНГ, Лига арабских стран, ШОС, БРИК, ЕАЭС, ОДКБ и др., будет зависеть вся конструкция системы региональных интеграций и состояние механизмов поддержания ее безопасности.

В нынешней обстановке многополюсной глобализации одним из условий выживания любых общностей на Земле, в том числе За-

пада, является защита их культурных ценностей, отстаивание собственных интересов этих общностей, даже протекционизм в международных организациях и альянсах в пользу «своих» структур. Очень часто эта защита принимает форму открытого противодействия внешним атакам рынка (например, действия против миграционных потоков — из нежелания тех или иных коренных наций сменить свой язык, религию, культуру, образ жизни и растворяться в этих потоках, или из нежелания даже только допустить такую гипотетическую возможность). Либеральные правила игры все чаще отвергаются самим Западом, где под напором невиданной экономической мощи Восточной Азии все чаще осуждается рыночный фундаментализм. Поэтому рыночные и антирыночные, либеральные и антилиберальные настроения не только не являются уже проявлениями антагонизма двух идеологических и политических лагерей, но и вообще резко не выражены, перемешаны и не служат формированию новой дихотомии биполярной глобализации.

Итак, можно заключить, что мир, скорее всего, не будет однополюсным и уже не расколется на две части: чувство самосохранения поставит перед мировым сообществом на повестку дня вопрос о выработке механизма учета, приятия и обеспечения безопасности сосуществования разнообразных моделей социально-политического и культурного устройства общества (даже разнообразных моделей гражданского общества) и специфических жизненных интересов. Концентрированными выразителями этих моделей универсальности выступают полюсы многополюсного мира — очаги так называемой глокализации. Под этим «провокационным» (по выражению Б. Мазлиша) термином, введенным в оборот Р. Робертсоном¹, подразумеваются способы переплетения глобального с локальным. Таких способов несколько, поскольку нет единого набора отношений².

Термин, действительно, весьма провокационен, так как слишком емко, что позволяет трактовать его достаточно произвольно, в частности подразумевать, как сделано мною выше, под очагами (вариантами, способами) глокализации полюсы многополюсного мира, которые можно обнаружить в результате активности крупных самодостаточных общностей, стоящих за ними. Иными словами, здесь подразумевается, что варианты или способы глокализации своей численностью и распространенностью совпадают с теми

¹ *Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. L.: Sage, 1992.*

² *Мазлиш Б. Глобальное и локальное: понятия и проблемы // Социс. 2006. № 5. С. 23.*

общностями, которые в настоящее время могут претендовать называться универсальными общностями, т.е. мировыми цивилизациями.

Множественные полюсы, зоны культурного влияния существовали на протяжении тысячелетий человеческой истории, но одни уже проявили себя когда-то и исчезли, другие вновь заявили о себе в XX веке (особенно Россия, Запад и обозначившийся в середине и достигший в конце XX века уровня мировой державы Китай), третьи только начинают играть заметную самостоятельную роль в мировой политике (Индия, части исламского мира), четвертые ждут своего часа или затухают в лоне более крупных общностей (США и Западная Европа отдельно друг от друга, ЮАР, Япония, Латинская Америка, Израиль, Монголия и др.). Многополюсный мир еще не обрел своих окончательных очертаний, не все полюсы проявились в полной мере, но тенденция, вектор мирового развития — в его пользу.

Подобно всем другим крупным акторам, общность Внутренней Азии за пределами собственно Монголии вклинилась в соседние общности, прежде всего граничащих с Монголией России и Китая, а также индийского и исламского миров, и, разумеется, в мир Запада, в которых успела частью раздробиться, перевариться и раствориться, а частью — сохраниться и интегрироваться в новом качестве. Сквозь призму этих единых критериев и прослеживаются общие для всех полюсов мира, за которыми стоят цивилизации, черты Монголии как отдельного полюса.

1.2. Полицивилизационная структура мироустройства

Обозначить место Монголии и всей Внутренней Азии в сегодняшней полюсной структуре мира — важно, но это полдела. Необходимо определить место Монголии в складывавшейся на протяжении столетий цивилизационной структуре мира, т.е. применительно к теме построения атласа связать выявленные критерии рассмотрения полюсной конструкции мира с хотя и «воздушными», но все же классическими схемами цивилизационного мироустройства. Это сложная задача, с которой, видимо, придется вскоре сталкиваться многим представителям интеллектуальной и политической элиты, в первую очередь России, Монголии и Китая, а также «стратегических» и «цивилизационно-сопричастных» соседей Монголии —

США, ЕС, Японии, РК, Индии, стран исламского мира, прежде всего Центральной Азии.

В ракурсе единых для обозначения полюсов мирового влияния критериев общность Внутренней Азии и Монголия как центр этой общности в важнейших двусторонних и многосторонних международных документах, и вообще в литературе, начала рассматриваться совсем недавно.

Вопрос с точки зрения цивилизационной политологии стоит следующим образом: да, Монголия, похоже, занимает самостоятельное место в еще только формирующейся полюсной структуре мира. Но не является ли она просто буфером между гигантами, «камнем преткновения»? Не экзотичный ли это уголок, населенный кочевниками-скотоводами, и в чем отличие этого уголка от других мест на Земле, где когда-то проживали, но бесследно исчезли небольшие по численности народы, совершенно непохожие на своих соседей, со своими специфическими культурными, религиозными, хозяйственными и политическими комплексами? Не является ли монгольский полюс всего лишь временной задержкой жизни реликтовой культуры перед ее полным исчезновением под давлением и натиском одного из ее близких или дальних соседей? Не получится ли так, что совсем скоро Монголия передаст полномочия представлять ее культуру тому полюсу, в орбиту культуры которого она будет окончательно и полностью втянута? В настоящей работе предпринимается попытка дать ответ на этот далеко не простой вопрос.

Положение усугубляется тем, что имеющиеся научные размышления в теме характера социально-исторического развития Монголии страдают отсутствием единого в данной области знания понимания порядка вещей, очень большим разбросом в смыслах и содержании сложившихся и господствующих здесь взглядов, шаблонов и стереотипов. Политологические, социологические и историко-философские характеристики имевших место в социально-исторической эволюции Монголии фактов, событий и явлений, сделанные в рамках какой-нибудь готовой, «наезженной» теоретической и методологической «колеи», оказываются половинчатыми, поскольку здесь много стереотипов, которые диаметрально противоречат друг другу.

Набор стереотипов, распространяющийся на Монголию и все монгольское, своей контрастностью резко отличается от любого набора исторических, политических и культурных штампов, касающегося какого-либо другого общества и тем более — цивилизации. Роль исключения в данном случае не выпадает даже на Россию и все

русское, обозначенные довольно заметным, но не столь тотальным, как в Монголии, контрастом стереотипных оценок (несмотря на сгущение красок в условиях разгорающейся время от времени антироссийской информационной войны в СМИ). Россия при своем масштабе в любых конструкциях выступает самостоятельным субъектом, пусть даже «империей зла».

Актуализация противоположных штампов происходит на монгольском материале в чрезвычайно короткие периоды, иногда даже причудливо совмещаясь во времени. В концентрированном виде разброс стереотипных оценок жизнедеятельности монгольского общества только на протяжении последних ста лет можно представить между такими крайними значениями, как: «лучший образец» демократического общества в Азии, идиллическое, почти пасторальное, существование счастливых кочевников, наделенных, как никто другой, богатствами недр Земли, достойная подражания в нашу техногенную эпоху, чрезвычайно гармонично сочетающаяся с незагрязненной средой обитания социальная и культурная жизнь «детей природы», с одной стороны, и «фиаско» общества, находящегося «на грани вымирания», «не имеющего истории», оказавшегося заложником вегетационного цикла степи, безнадежного должника своих кредиторов, погрязшего в коррупции, «голландской болезни», полностью зависимого от импорта, не привлекательного для инвестиций — с другой.

Весьма широкий диапазон столь веских и одновременно противоречащих друг другу шаблонных оценок свидетельствует об одном из двух: либо нужно говорить о монгольском обществе как неординарном явлении, либо признать серьезные проблемы в выработке методологических подходов для его сравнительного анализа с другими обществами на основе единых критериев. Преодолеть разброс чрезвычайно устоявшихся противоположных оценок положения одной и той же социальной общности можно лишь на пути разработки непротиворечивой целостной концепции ее развития во всемирно-исторической ретроспективе.

Вопрос о единых критериях подхода к Монголии как отдельному полюсу среди других полюсов мироустройства, рассмотренный в первом параграфе настоящей главы, связан с проблемой таксономической корректности подхода к сравнению внутреннеазиатской общности, в центре которой монгольское ядро, с другими мировыми цивилизациями в пространственно-временном континууме. Комплексное исследование любого человеческого коллектива предполагает его сравнение с неким конкретным или абстрактным

образом или с целым рядом образцов коллективов того же таксономического уровня. Так, район может сравниваться только с районом, страна — со страной, цивилизация — с цивилизацией.

Разумеется, нарушения таксономических принципов в различных сферах интеллектуальной деятельности иногда бывают в той или иной степени обоснованными, например в тех случаях, когда речь идет не о комплексном сравнении, а об отдельных специально оговоренных или само собой подразумевающихся аналогиях. На уровне аналогий можно пойти от малого к большому и наделять отдельную деревню качествами страны («малой родины»), и даже шире — человечества. Возможно проведение аналогий в обратном направлении — от большого к малому: от «прогрессивного» человечества — к блоку самых преуспевающих государств, и дальше — к столице самого могущественного из них — «столице мира».

Вряд ли найдется сколько-нибудь убедительное возражение тому факту, что построить комплексный и научный сравнительный анализ важнейших политических процессов внутри и вокруг данных разноуровневых субъектов на таких сопоставлениях невозможно. Однако Монголия со своим окружением часто сравнивается с другими субъектами таксономически некорректно. Прежде всего, это касается проблемы совместимости монгольских социальных и политических реалий на протяжении последних нескольких столетий с реалиями других современных ему обществ. Дело доходит до крупных историко-философских обобщений, даже на уровне такого стадияльного сопоставления, как «варварская периферия — цивилизация».

Поэтому отнюдь не случайно в последнее время среди монголоведов заметен повышенный интерес к классическим схемам цивилизаций. Удобность этих схем связана с тем, что они легко модифицируются (дело иногда доходит до крайности — гибридации с геополитическим подходом). Но даже в крайностях творческий подход к этим схемам помогает в установлении различных приоритетов среди элементов национальной идентичности, значимость которых с течением времени меняется¹.

По мнению выдающегося российско-американского социолога, представителя русского зарубежья Питирима Сорокина, выступившего в свое время крупнейшим систематизатором этих схем, важнейшими «тотальными макросоциологическими теориями цивилизаций

---

¹ См.: Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. С. 68; *Он же*. Столкновение цивилизаций; Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Указ. соч. и др.

и «великих культур» являются те, что были созданы Н.Я. Данилевским, А.Дж. Тойнби и О. Шпенглером¹. Их схемы дали в руки исследователей удобные аргументы для того, чтобы обозначать ту или иную современную страну, группу стран или общность как цивилизацию. Это — своего рода научная, культурная, и во многом политическая легитимация прав современных крупных общностей представлять себя в мировом сообществе в виде равноправных сегментов глобального.

Каждая схема имеет собственную логику, свои «методологические» основы и базируется на оригинальном и комплексном видении мировой истории. Некритичное отношение к этим схемам, механистическое употребление понятий, почерпнутых из этих схем, автоматически ведет исследователя к тем стереотипам, которые господствовали в научной среде пятьдесят и даже более лет назад. Однако творческий подход к этим схемам ведет к пониманию обобщенных и наиболее проговариваемых в среде ученых и изучаемых ими посредством различного инструментария картин и образов современного цивилизационного устройства мира. Поэтому есть смысл кратко разобрать эти схемы, поскольку только в их обобщенном контексте и может быть нарисовано в атласе монгольской цивилизации ее место в мироустройстве.

Объединяющим началом этих схем является положение, согласно которому мир на протяжении всей человеческой истории был неоднороден и делится на цивилизованные народы (или «великие культуры», «культурно-исторические типы», «расцветшие цивилизации») и нецивилизованные или недостаточно культурные народы, которые, в свою очередь, расположены по определенному ранжиру, в соответствии со степенью «развитости» («эмбриональные», «застывшие», «засохшие» и т.д. народы, общества и цивилизации).

У Н.Я. Данилевского — основоположника цивилизационной теории, автора вышедшей полтора века назад известной книги «Россия и Европа»² — народы разделяются на «позитивных творцов истории», создавших великие культурно-исторические типы (цивилизации), «негативных творцов истории» («подобных гуннам, монголам или туркам, которые сами не создавали цивилизаций, но как «божий кнут» способствовали гибели дряхлых цивилизаций, разметав их остатки, чтобы затем вернуться в исходное ничтожество и исчезнуть с арены истории») и «народы и племена, творческий дух

---

¹ Sorokin P.A. Op. cit.

² Данилевский Н.Я. Указ. соч.

которых по какой-то причине задержался на ранней стадии, и они остались на положении этнографического материала, используемого творческими народами для обогащения своих цивилизаций»¹.

Трактовка цивилизаций по Данилевскому в таком осовремененном виде принадлежит Питириму Сорокину, который сам отвергает приоритет макрокатегорий для подробного членения человечества на однотипные социальные общности и подчеркивает, что число «малых культурных систем практически не ограничено»². Кстати, это не противоречит идее человеческого общества как единого организма, части которого отнюдь не однотипны, но одинаково жизненно важны. Именно в этом смысле П. Сорокин выступает родоначальником цивилизационной политологии. Для выделенных другими исследователями крупных общностей он иногда использует понятие «предполагаемые “цивилизации”». За этим термином, взятым по данному поводу в кавычки, по его мнению, кроются либо разные типы социальных систем, либо, «по существу, социокультурные смеси различных языковых, государственных, религиозных, экономических и территориальных общностей или вообще неорганизованное население»³. Вместе с тем, заключая термин «цивилизация» в кавычки, он использует его применительно к любым общностям, включая «неорганизованное население», т.е., в отличие от автора концепции «культурно-исторических типов», не только к «позитивным», но и «негативным» и пассивным «творцам истории». Такая, несколько ироничная, позиция Сорокина связана с вполне серьезной позицией его ровесника и коллеги по председательству в Международном обществе по сравнительному изучению цивилизаций, выдающегося английского теоретика истории А.Дж. Тойнби.

Цивилизации в концепции Тойнби — это социальные общности, в которых экономический, политический и культурный элементы объединены внутренней гармонией, а масштабы этих общностей определены как умопостигаемые поля исторического исследования в пределах (пространственных и временных) конкретных случаев действия феномена Вызова-и-Ответа⁴. Все цивилизации он делит на три класса. В первый класс входят как ныне существующие, так

---

¹ Сорокин П. О концепциях основоположников цивилизационных теорий // Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 40.

² Там же. С. 47–48.

³ Там же. С. 50.

⁴ Тойнби А.Дж. Указ. соч. С. 29, 77, 113, 223.

и когда-либо существовавшие «развитые» или «расцветшие» цивилизации. Некоторым «негативным» и пассивным «творцам истории» (по Данилевскому) отведено определенное место — «негативные» вошли во второй класс — «неродившихся» или «эмбриональных» цивилизаций (дальнезападная христианская, дальневосточная христианская, скандинавская, неродившаяся сирийская цивилизации и космос средневекового города-государства), а «пассивные» — в третий класс — «задержанных» (ср. с «задержанным творческим духом» в схеме Данилевского) или «застывших» цивилизаций, «которые родились, но были остановлены в своем развитии после рождения» (полинезийцы, эскимосы, кочевники, некоторые специфические общины османов в православно-христианском мире и спартанцы в эллинском мире)¹.

Три класса цивилизаций Тойнби практически полностью совпадают с разделением народов на три варианта Данилевским. При этом то, что у Сорокина было закавычено (членение социокультурных смесей на локальные «цивилизации»), Тойнби принял без кавычек и иронии. По сути, английский историк лишь «смягчил» и «цивилизировал» схему Данилевского. Там, где у одного цивилизации отсутствуют вовсе, т.е. во втором и третьем вариантах, у другого, во втором и третьем классах, появляются своеобразные эрзацы цивилизаций — эмбриональные и дегенеративные цивилизации. Эти две схемы роднит также то обстоятельство, что и первый вариант, и первый класс включают в себя только полноценные цивилизации «позитивных творцов истории». Второй и третий классы цивилизаций в концепции Тойнби целиком относятся к давно вымершим цивилизациям, как и большинство «расцветших» цивилизаций первого класса (ныне существующих цивилизаций автор насчитывает только семь). Осколки погибших цивилизаций составляют материал для обогащения существующих — опять-таки совпадение, уже буквальное — третий вариант по схеме Данилевского.

С работой Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» перекликается вышедшая полвека спустя и независимо от нее книга немецкого мыслителя О. Шпенглера «Закат Европы». Предшественник Тойнби и Сорокина Шпенглер дает «вывернутую», по сравнению со схемой Данилевского, картину морфологии человеческой истории. У него также можно обнаружить разделение «творцов истории» на «позитивных», «негативных» и пассивных. Но в «позитивную» группу у него входят как раз те общности, которые не достигли

---

¹ Тойнби А.Дж. Указ. соч. С. 181, 725.

уровня цивилизации — культуры. В «негативную» — цивилизации — «самые крайние и самые искусственные состояния»¹. Пассивная группа — это осколки цивилизаций, на которых одни культуры окончательно завершают свой путь и рождаются новые. Если отбросить терминологические неувязки, выстраивается схема, совпадающая в своих общих чертах с приведенными выше классификациями социокультурных общностей. В первой группе находятся «великие культуры», которые по числу и своим локализациям, выраженным в их названиях, совпадают с небольшими отклонениями с числом и местонахождением очагов расцветших цивилизаций в схеме Тойнби. На этом сходство не кончается. Во вторую группу («негативных творцов истории») Шпенглер включает разбросанные во времени и по всему миру очаги цивилизации. И хотя он называет очаг цивилизации прежде всего «мировым городом», это скорее — «некая точка, в которой сосредотачивается вся жизнь далеких стран, между тем как оставшаяся часть отсыхает»². «Отсохшая» часть составляет «этнографический материал» третьей группы. У Тойнби с цивилизациями Шпенглера совпадают «эмбриональные» цивилизации второго класса, а для обозначения «отсохших» частей есть даже схожая формулировка — «застывшие» цивилизации третьего класса. Таким образом, противопоставляя высокие культуры цивилизациям и их осколкам, Шпенглер еще задолго до Тойнби выстроил народы по тому же трехвариантному ранжиру, что и Данилевский.

Обнаруживается принципиальное сходство между разобранными выше схемами, которые П. Сорокин объединил в обобщенной цивилизационной картине современного мира: существует ограниченное число расцветших цивилизаций, а те народы, которые в их состав не входят, играют роль осколков и «отсохших частей» ушедших в небытие цивилизаций — как расцветших, так и эмбриональных и дегенеративных. Из-за расплывчатости и спорности границ цивилизаций такой подход в наши дни ведет к этическим коллизиям в оценке собирательного образа, действий и взаимоотношений разных народов. Например, об этом говорит одно только перечисление названий глав книги З. Бжезинского «Великая шахматная доска»: «Демократический плацдарм», «Черная дыра», «Евразийские Балканы»³. Позднее автор «смазывает» границы локальных

---

¹ Шпенглер О. Указ. соч. С. 163.

² Там же. С. 165.

³ Бжезинский З. Великая шахматная доска. С. 74, 108, 149.

«черных дыр» и выстраивает глобальную «зону новых Мировых Балкан»¹. В этом проявляется своеобразная попытка совместить политическую архитектуру полюсного мироустройства с цивилизационной архитектурой. В рамках цивилизационной политологии (т.е. по Сорокину) такое совмещение с негативной оценкой выделенных цивилизаций просто невозможно.

А теперь о месте Монголии в классических цивилизационных схемах. Монголия в древности и Средние века традиционно связывается с кочевым миром — «негативными творцами истории» Н.Я. Данилевского, эмбриональными цивилизациями А.Дж. Тойнби. О. Шпенглер не дает подробного перечня «негативных творцов истории» (по его схеме — цивилизаций). Но есть знаменательные совпадения и параллели: он указывает, в частности, на эпоху гиксосов в Египте во II тысячелетии до н.э., совпадающую с «неразвившейся» сирийской цивилизацией кочевых и оседлых народов у А.Дж. Тойнби. Цивилизации, по мысли немецкого историка, это не самостоятельные социокультурные общности, а эпохи в развитии культур. Поэтому их местонахождение связано с тем очагом, где происходит «растворение народного тела, предрасположенного теперь главным образом к жизни в больших городах, в бесформенных массах»². Мировые города — это центры империй и государств в эпохи после гиксосов на Ближнем Востоке, Александра Македонского — в античной культуре, «борющихся уделов» — на Дальнем Востоке, Наполеона — на Западе. А.Дж. Тойнби в тех же регионах, в те же или другие эпохи располагает свои «эмбриональные» цивилизации, в том числе космос средневековых городов-государств, общины несториан на Дальнем Востоке и т.д. О. Шпенглер специально не рассматривает кочевые империи, но по ряду косвенных признаков можно заключить, что он видит в кочевой ставке императора ярчайшее выражение мирового города. И даже, наоборот, в мировом городе он обнаруживает признаки, свойственные кочевникам в эпохи их империй, «умственной старости». «Вместо мира — город... вместо являющего многообразие форм, сросшегося с землей народа — новый кочевник, паразит, обитатель большого города, чистый, оторванный от традиций, возникающий в бесформенно флюктуирующей массе человек фактов, иррелигиозный, интеллигентный, бесплодный, исполненный глубокой антипатии к крестья-

---

¹ Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2005. С. 110.

² Шпенглер О. Указ. соч. С. 199.

янству (и к его высшей форме — поместному дворянству)», — пишет О. Шпенглер и заключает, что это — «чудовищный шаг к неорганическому, к концу»¹. Более того, цивилизацию («исход») в арабской культуре он связывает с эпохой монголов². Собственно монгольский ареал оказался вне его перечня великих культур.

Таким образом, обнаруживается принципиальное сходство позиций основоположников цивилизационной теории к кочевому миру в периоды его подъема (империй) как к зоне негативных факторов: «негативные творцы истории» (Н.Я. Данилевский), бесплодный, космополитический, примитивный и т.д. мировой город (О. Шпенглер), «неразвившаяся» цивилизация (А.Дж. Тойнби). Эти мыслители сходятся также на том, что в период упадка империй кочевой мир становится пассивным материалом — обогащения соседних цивилизаций (Н.Я. Данилевский), подпитки высоких культур (О. Шпенглер), осколком «задержанной», существовавшей вне истории, цивилизации (А.Дж. Тойнби). Даже в таком, «неразвившемся», «задержанном» или «застывшем» виде кочевой мир не дал, по их мнению, ни одной дошедшей до наших дней локальной цивилизации или великой культуры (впрочем, оговорка насчет великой культуры излишня — перестановка О. Шпенглером местами понятий «культура» и «цивилизация» в мировой науке осталась непризнанной³). Что касается П.А. Сорокина, то он сам избегал какой-либо конкретной разбивки общностей по цивилизациям с привязкой их к регионам, идеям или религиям. Подобные построения теоретиков цивилизационного подхода он лишь систематизировал и считал ошибкой отождествлять разные феномены⁴. С точки зрения настоящего исследования данный аргумент П.А. Сорокина представляется весьма важным. Это — фундамент цивилизационной политологии, неразрывно связанной с цивилиографией, но свободной от градации народов «на плохих и хороших» и тем самым перебрасывающей мост от старых оценок разных социумов к новым оценкам, от Данилевского к современности.

Итак, Монголия в классических трудах основоположников цивилизационного подхода не фигурирует как самостоятельная, дожившая до наших дней цивилизация. Нет такой современной цивилизации

---

¹ Шпенглер О. Указ. соч. С. 165.

² Там же. С. 196.

³ См. комментарий Б.С. Ерасова в кн.: Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М.: Аспект пресс, 1999. С. 44.

⁴ Сравнительное изучение цивилизаций. С. 51.

и, более того, даже «кочевнической цивилизации» (по Тойнби), в большинстве схем нынешних теоретиков истории. Цивилизационный подход в европейской исторической науке впервые заявил о себе тогда, когда в Монголии, где подавляющая часть населения вела кочевой образ жизни, уже распространился буддизм в форме ламаизма, а сама страна вначале находилась в составе Цинской империи, затем вошла в орбиту России. Принадлежность Монголии к более крупным социокультурным общностям (в качестве «варварской» периферии, окраинной провинции, сателлита, «16-й республики» и т.д.) была и остается пока в глазах большинства исследователей цивилизаций слишком очевидной, затмевающей любую ее специфику.

Не меняет дела и возросший в последнее время среди специалистов узкого профиля на Западе историко-философский интерес к кочевничеству и Центральной Азии — общностям, которые некоторыми исследователями понимаются по-разному, иногда — как отдельные ныне существующие цивилизации. Более того, созданный ЮНЕСКО Международный институт по изучению кочевых цивилизаций (находится в Улан-Баторе), который координирует работу ученых многих стран мира, своим названием декларирует наличие разных цивилизаций кочевников. Правда, это не отражает признанного ведущими цивилистами деления человечества на крупные социокультурные общности — мировые цивилизации. Об этом может свидетельствовать тот факт, что даже в основных учредительных документах этого института, материалах организуемых им симпозиумов и семинаров пока нет перечня цивилизаций, на изучение которых направлена его деятельность¹. Другой недавно образованный институт ЮНЕСКО — Международный институт центральноазиатских исследований — связан с давним решением этой организации «широко изучать цивилизацию народов Центральной Азии», принятым на XIV сессии Генеральной Конференции ЮНЕСКО в 1966 году². В рамках этого проекта еще в 1973 году в Улан-Баторе прошел международный симпозиум ЮНЕСКО

---

¹ Правда, выделяется шесть типов кочевничества на нашей планете с привязкой к регионам: 1) Северная Африка и Юго-Восточная Азия, 2) Африка южнее Сахары, 3) Евразия, 4) Тибетское плато, 5) Северная Азия, 6) Океания. (*Enkhtuushin B., Tumurjav M., Chuluunbaatar G. Nomads: Culture, Civilizations and Development // Nomadic. Newsletter of the International Institute for the Study of Nomadic Civilizations. 2000. January, February. No 4, 5. P. 3.*

² Role of the Nomadic Peoples in the Civilization of Central Asia. (A record of papers and discussions of the International UNESCO symposium) / Ed. by Sh. Bira, A. Luvsandendev. Ulan Bator, 1974. P. 18.

«Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии». Здесь, ко всему прочему, наблюдается известное в кочевниковедческой литературе, а также в африканистике и т.д. противопоставление цивилизаций и культур. Это видно, например, по названию крупного международного проекта: «Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций»¹. Получается прямо по Шпенглеру, но с противоположным смыслом — культуре отводится роль «этнографического материала» для строительства цивилизации. Некоторый прорыв все же налицо: данные инициативы ЮНЕСКО отразили противоречивый характер состояния цивилизационных исследований и одновременно расширили перечень «предполагаемых цивилизаций» (если использовать подход П.А. Сорокина), в состав которых может входить Монголия.

Подобные прорывы отражают развитие того направления исследований, которое мы связываем с именем Сорокина, областью цивилизационной политологии, и имеют подоплеку как в сдвигах в политической карте мира, так и в конкретных исследованиях, где выявляется несводимость некоторых регионов к привычным для классической цивилизационной теории схемам. Это, прежде всего, исследования специалистов в области геополитики, политологии, экономической географии, страноведов, особенно востоковедов. В результате появляются новые центры, обрастающие соответствующей историографией (например, Япония, АТР, ЮВА, Центральная Азия², Латинская Америка и т.д.). Термин «цивилизация» еще при А.Дж. Тойнби становится расхожим: помимо японской, американской, центральноазиатской и других цивилизаций, появляются понятия цивилизаций талассократической (морская, береговая), теллуократической (континентальная, сухопутная) и т.д. В этих двух последних цивилизациях выделяются исторические центры; в первой это Карфаген, Афины, Португалия, Британская империя, США, во второй — Рим, Спарта, Византия, Россия. Таким образом, нынешним центром теллуократической цивилизации, Heartland'ом, или «сердцем мира», является Россия³.

В основе расширительных употреблений термина «цивилизация» лежат не только новые «воздушные» схемы последователей класси-

¹ См.: Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.

² Центральная Азия в древней и средневековой ретроспективе выглядит иногда конгломератом цивилизаций (History of Civilizations of Central Asia. Vol. 1: The Dawn of Civilizations: Earliest Times to 700 B.C. / Ed. by A.H. Dani, V.M. Masson. Paris, 1992).

³ См. подробнее разбор работ западных геополитиков Х. Макиндера, К. Хаусхофера и др.: *Дугин А.* Послесловие. Евразийский триумф // Савицкий П.Н. Указ. соч. С. 444.

ков цивилизационного подхода, но и геостратегические императивы крупных держав (воплощенные в различных организациях сотрудничества (ШОС, БРИКС и т.д.), блоках (НАТО с Турцией, например, и с возможностью дальнейшего расширения) или предполагаемых общностях типа оси «Берлин–Москва–Токио» К. Хаусхофера или «демократического плацдарма», «черной дыры» и «евразийских Балкан» З. Бжезинского). Сюда же можно отнести и взаимовлияние различных историко-философских и социологических школ и направлений. Термин «цивилизация» используется в настоящее время не только цивилиграфами, но и исследователями мир-системной и формационной картин истории, которые опираются не только на работы О. Шпенглера и А.Дж. Тойнби (последние никогда не обладали монополией на этот термин), но и П.А. Сорокина (не давшего своего подробного перечня цивилизаций), К. Ясперса (с его концепцией «осевого времени»), представителей школ исторического материализма, социокультурной компаративистики, структурно-функциональной социологии и т.д.¹ В результате исследователи обнаруживают в цивилизационном устройстве общества разные основы: процесс роста рационального самоконтроля человека (Н. Элиас), сеть отношений (Б.С. Ерасов), систему формального знания (Дж. Хорд), экзистенциальные основы (Ш. Эйзенштадт), городское общество (Д. Уилкинсон), культурное наследие (Э. Калло), структуру, духовную энергию и порядок (В. Каволис), стиль и высокие ценности (А. Кребер), этические основания (А. Швейцер) и т.д.² Неудивитель-

---

¹ Подробный анализ всей современной цивилизационной проблематики дан в работах Б.С. Ерасова. См., например: *Ерасов Б.С.* Цивилизация: слово, термин, смысл // Цивилизации и культуры. Научный альманах. Вып. 2: Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1995. С. 3–30; *Он же.* Цивилизационная теория и евразийские исследования // Цивилизации и культуры. Научный альманах. Вып. 3: Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М., 1996. С. 3–28 и др.

Kroeber A.L. Stile and Civilization. Published Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1957; *Callot E.* Civilisation et Civilisations: Recherches d'une Philosophie de la Culture. Paris, 1954; *Schweitzer A.* Kulturphilosophie. Verfall und Wieder aufbau der Kultur. Munchen, 1926; *Wilkinson D.* Spatio-Temporal Boundaries of African Civilizations Reconsidered // Comparative Civilizations Review. 1995. No 29; *Idem.* The Connectedness Criterion and Central Civilization / Ed. by M. Melko, L. Scott. The Boundaries of Civilizations in Space and Time. Lanham-N.Y.-L., 1987; *Eisenstadt S.* Sociological Approach to the Comparative Study of Civilizations. Jerusalem, 1982; *Eisenstadt S.* Axial Age Civilizations. N.Y., 1986; *Эйзенштадт С.* Прорывы осевого времени: их особенности и происхождение // Современные теории цивилизаций. М.: ИВИ РАН, 1995; *Elias N.* The Civilizing Process (Revised edition). Oxford, Blackwell. van Krieken, 2000; *Hord J.* Civilization: A Definition // Comparative Civilizations Review. 1992. No 26; *Melko M.* The Nature of Civilizations. Boston: Porter Sargent Publisher, 1969.

но, что при таком разбросе «воздушных схем» возможны бесконечные открытия новых цивилизаций. Однако на современную Монголию ни у кого из современных западных исследователей выбор не выпал (если не считать встречающиеся время от времени употребления термина «цивилизация» в отношении монголов в изоляционном значении экзотического уголка мира¹ — вне контекста логического ряда мировых цивилизаций, т.е. цивилизационного подхода).

Самое интенсивное направление попыток изменения классических схем мировых цивилизаций в отношении всего евразийского пространства связано с российской научной мыслью (как оседлоцентристской, так и номадофильской). Эти попытки были и остаются разнонаправленными в построении новых пространств и обусловлены:

- гаммой славянофильских оттенков, плавно перетекающих в евразийские² с постепенным признанием положительной роли монгольского периода в истории России; при этом Россия мыслится наследницей империи Чингисхана, но чаще Византии — Третьим Римом;
- европоцентристскими оттенками, связанными с попытками России, начиная с эпохи Петра, включиться в западное сообщество³, и со славянской религиозной неоднородностью;
- великодержавными оттенками, вызванными к жизни геополитическими пристрастиями их выразителей⁴;
- культурно-историческими и этнонациональными оттенками, отражающими перипетии отношения бурятских деятелей к своему прошлому⁵;

---

¹ См.: например, книгу В. Хайссига, написанную еще в 1964 г.: *Heissig W. A Lost Civilization: The Mongols Rediscovered* (trans. 1966 Thomson, D.J.S.). L.: Thames & Hudson, 1966.

² На совпадение по многим вопросам позиций славянофилов и евразийцев указал в свое время П.Н. Савицкий, отметив, что «евразийцы в целом ряде идей являются продолжателями мощной традиции русского философского и историсофского мышления» (*Савицкий П.Н.* Указ. соч. С. 83–84).

³ «Это был первый пример добровольной самовестернизации незападной страны» (*Тойнби А.Дж.* Указ. соч. С. 564).

⁴ Одним из выразителей таких идей в России был в царствование Александра III П.А. Бадмаев с запиской на высочайшее имя «О присоединении к России Монголии, Тибета и Китая».

⁵ *Чимитдоржиев Ш.Б.* Кто мы и бурят-монголы? Улан-Удэ: Ассоциация литераторов Бурятии, 1991; *Он же.* Панмонгольское движение — это общемонгольское национальное движение // Монголоведные исследования. Вып. 3. Улан-Удэ, 2000; *Он же.* Была ли цивилизация у бурят?: раздумья монголоведа / М-во образования, по делам высш. шк. и науч. учреждений Респ. Бурятия. Улан-Удэ: Бэлг, 1996.

— различными глобальными оттенками (формационными и миросистемными), в которых границы цивилизаций вообще не принимаются во внимание, но локализация присутствует и здесь¹.

Что касается взгляда на проблему сквозь геополитическую призму, то место в мироустройстве не цивилизации, а любой страны, блока или региона определяется целой группой факторов, из которых факторы политических взаимоотношений данного субъекта международных отношений с его ближними и дальними стратегическими соседями имеют первостепенное значение. Каждая из большинства стран мира делегирует полномочия представлять себя в качестве части уникального сегмента, глобального военным и политическим союзам, содружествам, альянсам или блокам, членом которых она является. Если совместить этот подход с цивилизационным, то отдельная страна, как правило, выступает ярко выраженной частью общности близких ей в культурном, религиозном или языковом отношении стран. Даже если эта общность не составляет политический блок или союз, она представляет в мироустройстве как все входящие в нее страны, так и противоречия и проблемы между ними.

В такой, совершенно определенной нише крупной общности растворены, практически полностью, все средние и малые страны Западной Европы — Нидерланды и Лихтенштейн, Швеция и Австрия, Португалия и Исландия и др., и в значительной мере крупные страны — Германия, Великобритания (независимо от Брекзита), Франция, Италия, Испания. Данное положение распространяется и на другие регионы мира. Вместе с тем в отношении некоторых стран можно говорить об их отдельном и особом месте в мироустройстве, но опять-таки это можно делать в контексте их связей с «родственными» в культурном, религиозном и политическом отношении соседями и мировыми диаспорами. К таким странам можно отнести США (в составе Запада или в Северной Америке), Китай (в составе дальневосточной общности), Россию (в СНГ, ЕАЭС), Индию (в Южной Азии), Бразилию (в Латинской Америке), Иран (в исламском мире) и т.д.

Общность Внутренней Азии, которую Монголия представляет в качестве ядра, по ряду фундаментальных признаков (они будут

---

¹ К. Маркс, как уже отмечалось, говорил о «варварской и герметической изоляции от цивилизованного мира» не только Монголии, но и всей Маньчжурской империи. Здесь классовый подход полностью совпал с европоцентризмом. Восток–Запад, Север–Юг, третий мир и т.д. в наше время — из той же европоцентристской локализации.

рассмотрены в следующих разделах работы) вполне может быть причислена к числу мировых цивилизаций. Только в системе отношений с крупнейшими мировыми акторами — Россией, Западом, Дальним Востоком, Южной Азией и исламским миром — место Внутренней Азии просматривается напрямую.

1.3. Полосы и цивилизации на картах атласа

Для консенсусного признания совершенно определенной картины мироустройства, которую будут рисовать в атласе соавторы из разных стран, необходимо, чтобы эта картина выростала из общей историографии работ по данной теме, опиралась на источники, связанные с наиболее авторитетными именами в мировой науке. Ниже только очерчиваются контуры этой картины, с расчетом на ее дальнейшую конкретизацию коллективными усилиями.

Примерно четверть века назад, с окончанием холодной войны, перед мировым научным сообществом — прежде всего, перед историками, политологами и социологами — обозначилась проблема изучения сути, характера и структуры нового мироустройства, внезапно переставшего быть глобально биполярным. Тон исследованиям, естественно, был задан формулами обустройства глобального места в мире «самого могущественного государства» — Америки, испытывающей «совершенно очевидную потребность в обеспечении своей собственной национальной безопасности»¹ и принявшей «на себя миссию реформировать мир»².

Несмотря на всю «очевидность» доминирования американского влияния в мире, наибольший резонанс среди ученых, занимающихся изучением новых политических реалий глобального миропорядка, получила формула многополюсного и полицивилизационного мира. Формула стала чрезвычайно популярной в начале 1990-х годов в привязке к концепции столкновения цивилизаций американского социолога и политолога С. Хантингтона (1927–2008) (с. 16)³. Концепция была проработана им в рамках оформившегося примерно с середины XX века тренда фундаментальных цивилизационных исследований.

---

¹ *Бжезинский З.* Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Международные отношения, 2007. С. 9.

² *Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 11.

³ Здесь и далее в данном параграфе страницы в круглых скобках даются по книге: *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

В концепции Хантингтона многополюсность и полицивилизационность мироустройства представлены вопреки логике явного преувеличения в его исследовании политической составляющей — угла зрения наблюдателя, субъективно ощущающего себя находящимся, хотя и в одном из нескольких, но все же в основном, в представлении этого наблюдателя, центре глобальной политики.

По Хантингтону, современное мироустройство покоится на «взаимоотношениях между Западом и остальными». Он считает, что многополюсность сложилась из-за возникшей у Запада проблемы, причем быстро ставшей «основной проблемой», суть которой — «несоответствие между стремлением Запада — особенно Соединенных Штатов — насаждать универсальную западную культуру и все снижающейся способностью делать это» (с. 282).

Сама по себе постановка автором вопроса о доминирующем Западе и «всех остальных» вполне закономерна и логична. Но это вопрос текущей геополитики, и в качестве «основной проблемы» он не вполне вписывается в контекст темы книги — темы функционирования полицивилизационного многополюсного мира. Ведь получается, что речь идет о «снижающейся способности» (т.е. все же имеющейся способности) США насаждать свои правила («универсальную западную культуру») всему остальному миру. Если речь идет, действительно, об этом, тогда нарисованная Хантингтоном картина имеет логический изъян и вступает в серьезные противоречия с понятийно-терминологической системой. О какой многополюсности может идти речь, если по линии «Запад — остальные» можно представить мир только однополюсным. В этой линии наличествует одна центральная точка и несколько окружающих ее точек, т.е. изначально здесь имеет место иерархическая структура: главный центр (полюс) — периферийные центры. Полюсы же, по определению, периферийными быть не могут, так как это противоречит их природе: «полярности», «противоположности» и/или «исключительности», «предельности».

Магистральная нить концепции многополюсности мира проходит у автора, таким образом, через пусть остаточную, «теряющую способности» и тем самым как бы ускользающую из поля зрения, но пока центральную (а значит — «исключительную») глобальную роль одного полюса — единственной сохранившейся в мире сверхдержавы — США (ядра Запада). Более того, автор выпукло, уже без всякого «снижения способностей», дает исчерпывающую характеристику вообще центрального места западной цивилизации в сообществе цивилизаций: «Запад есть и еще долгие годы будет

оставаться самой могущественной цивилизацией» (с. 26). И еще: «Запад — единственная из цивилизаций, которая оказала огромный и временами разрушающий эффект на все остальные цивилизации. Следовательно, взаимоотношения между властью и культурой Запада и властью и культурами других цивилизаций — вот наиболее всеобъемлющая характеристика мира цивилизаций» (с. 281).

Разумеется, можно и нужно (и это оказывается, как правило, справедливым) подозревать в предвзятости по принципу «всяк кулик свое болото хвалит» любых авторов, занятых поисками идентичности «своих» и «остальных», будь то даже классики цивилизационной теории — Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер или А.Дж. Тойнби. Связанная с субъективными ощущениями предвзятость наблюдателя во взгляде на «своих» и «чужих», наслаиваясь на реалии, ведет в построенной им «объективной» картине мира к заметным в той или иной степени логическим изъянам.

Следует, однако, отметить, что в субъективных ощущениях, в пристрастиях профессионалов высокого класса (а Хантингтон, безусловно, к ним относится) всегда есть спорящая с логикой прочная интуитивная основа, базируясь на которой эти получившие широкое международное признание в области философии истории ученые и рисуют весьма убедительно мир таким, каким его видят. Как правило, основные претензии к логической стороне той или иной известной конструкции мироустройства вызывают европоцентристские предпочтения авторов (изначально это были представления о «бремени белого человека»). Но это общая черта во всем тренде цивилизационных работ, а подробно расписанная Хантингтоном картина многополюсного мира с центральным местом в нем Америки, имеет, помимо этого, особый логический изъян: смысловую раздвоенность, позволяющую без каких-либо купюр и добавлений воспринимать ее в совершенно противоположном смысле — как картину мира однополюсного.

Чтобы это увидеть, достаточно вспомнить известную идиому — риторический вопрос об одном и том же предмете, на который есть два ответа, характеризующие разные мироощущения: «Стакан наполовину полон или наполовину пуст?». Пессимистично рассматривающему «Запад в упадке» (с. 115–150 — по названию Главы 4 в его книге) Хантингтону (для которого «стакан наполовину пуст») почти не возражает, но оптимистично вторит, признавая вслед за ним центральное место Америки в мироустройстве, бывший премьер Великобритании М. Тэтчер (для которой тот же «стакан наполовину полон»). Она видит в превосходстве Америки в ресурсах

и размахе над своими ближайшими соперниками логику отличную от логики Хантингтона и склоняется к выводу о перемещении от “двухполярного” к “однополярному” миру»¹.

В многополюсной характеристике устройства современного мира Хантингтона, по сути, один и тот же с однополюсной характеристикой посыл: победа Запада в холодной войне, его доминирование над всеми другими участниками исторического развития, беспрецедентная мощь США. На первый взгляд, при таком послы сторонники признания устройства мира однополюсным оказываются намного убедительнее автора, который своей статьей в 1993 году² «заварил» в научном сообществе «всю эту кашу» по поводу многополюсного и полицивилизационного мира.

Но, видимо, читателей привлекли в концепции Хантингтона какие-то дополнительные, так называемые «подспудные», соображения (что-то вроде «ускользающей натуры»). Привлекло и то, что автор самого популярного в 1990-е годы труда по геополитике и философии истории не поддержал взбудоражившего мировую научную элиту Ф. Фукуяму с его идеей окончательного и бесповоротного цивилизационного прорыва Запада в открывшийся для всего остального мира «конец истории»³. Эту идею он еще до отказа от нее самого Фукуямы назвал «иллюзией гармонии» (с. 31).

Хантингтон был озабочен не триумфальным шествием США во главе мира в наступившем долгожданном светлом будущем, а спасением Запада в кажущихся ему неизбежными грядущих столкновениях цивилизаций. Поэтому он и связывает проблему взаимоотношений Америки с «остальными» с сохранением (или утратой) способности первой (центра) насаждать свою культуру вторым (периферии). И весь мир он видит в определенном политическом ракурсе, в котором Вашингтон стремится сохранить за собой место на вершине иерархической структуры зависимых от него или подстраивающихся под него центров, и в котором жители Запада объединяются «против вызовов не-западных обществ» (с. 16).

Получившись в картине Хантингтона однополюсным, современный глобальный геополитический расклад в цивилизационном отношении выглядит сиюминутным, незавершенным и никак не представляющим собой срез картины цивилизационного миро-

---

¹ *Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М.: Альпина паблишер. 2003. С. 48–49.

² *Huntington S.* The clash of civilizations? Foreign Affairs, Summer 1993.

³ *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. М., 1990, № 3.

устройства. Поэтому автор совершает чисто механическое действие: накладывает картину геополитической современности на картину уходящей вглубь веков истории цивилизаций и заявляет о многополюсной структуре мироустройства. Тем самым он проявляет готовность допустить в своей концепции терминологические неувязки, оставляя за скобками резкую грань между политическим и цивилизационным измерениями мироустройства.

Сооружение Хантингтоном гибридной (цивилизационной и геополитической одновременно) конструкции можно признать вполне работающим полипарадигмальным научным подходом к изучению сложных реалий современной действительности. Автор профессионально берется «играть сразу на двух полях» — почти абстрактном цивилизационном и конкретном политическом. Исследование «новой эры мировой политики» (с. 13–45 — по названию Главы 1 в его книге) подкрепляется изучением «истории и сегодняшнего дня цивилизаций» (с. 46–73 — по названию Главы 2 в его книге).

Автору удалось подчинить свое фундаментальное исследование по философии истории сугубо узкой, практической, хотя и весьма важной для него задаче — поискать рецепт выживания США и всего Запада в неизбежно надвигающейся, как он считает, катастрофе цивилизационного масштаба. И это получилось у него, прежде всего, в форме мистификации и провокации.

Концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона — мистификация, взбудоражившая мир. Сам автор так описывает эффект выхода его статьи в журнале *Foreign Affairs* летом 1993 г.: «Люди были в той или иной степени поражены, заинтригованы, возмущены, напуганы и сбиты с толку моим заявлением о том, что центральным и наиболее опасным аспектом зарождающейся глобальной политики станет конфликт между группами различных цивилизаций. Видимо, ударило по нервам читателей всех континентов» (с. 7).

Терминологическая уязвимость полюсной формулы мироустройства в концепции Хантингтона говорит о ее провокационности и связана с тем обстоятельством, что чрезвычайно узкое по сравнению с цивилизационным чисто политическое измерение не подходит для рассмотрения мироустройства как такового; оно годится лишь для изучения быстропроходящих в вековых устоях мировых цивилизаций ситуаций — революций, мира, войн («горячих» и «холодных»), смены режимов, развалов государств и даже крушения империй (то и дело вырождающихся в «колоссов на глиняных ногах»). Но именно «игра на двух полях» нужна была автору для того, чтобы

мобилизовать США и Запад на борьбу с их противниками («остальными») в ходе неминуемого и не предотвратимого, на его взгляд, никакими политическими мерами столкновения цивилизаций.

Как бы то ни было, Хантингтон сказал свое слово в разработке проблемы полюсного и цивилизационного устройства мира. По признанию редакторов журнала *Foreign Affairs*, статья Хантингтона вызвала больший резонанс, чем любая другая, напечатанная ими с 1940-х годов (с. 7). Анализ сильных и слабых сторон концепции «столкновения цивилизаций» позволял и позволяет сейчас исследователям смотреть на все соседствующие друг с другом на планете Земля страны и народы по-новому, иногда с неожиданной стороны. Спровоцированный Хантингтоном полемический настрой дает удобный повод взглянуть на его схему многополюсного мироустройства с альтернативной стороны, без выделения какого-либо полюса в качестве «центрального».

Задача упрощается тем, что нет необходимости рисовать какую-то альтернативную схему полностью и отдельно, поскольку Хантингтон в вопросе об идентификации «важнейших цивилизаций», возникших за всю историю человечества и сохранившихся до настоящего времени, идет в русле, в котором «исследователи обычно согласны» (с. 54). Что касается вопроса о количестве цивилизаций, по которому мнения исследователей всегда варьируются, то здесь достаточно будет отметить, что «в мире после холодной войны Хантингтон выделяет «всего семь или восемь главных цивилизаций» (с. 26) — наиболее распространенное, к тому же нечеткое среднее число. Выделение группы «главных цивилизаций», а следовательно, и группы некоторого числа «неглавных цивилизаций» (ниже они обозначены как цивилизационные общности переходного типа) при нечеткой их численности допускает определенные вариации трактовки состава как той, так и другой группы. Таким образом, и в этом вопросе разногласия хотя и имеются, но сведены к минимуму.

Схема Хантингтона вполне пригодна, как оригинал, для прорисовки ключевых черт возможной альтернативной схемы многополюсного и полицивилизационного мироустройства с устраненным логическим изъяном, связанным с иерархической структурой расположения «полюсов». В пунктах 1–4 расхождений с оригиналом нет, пункты 5–9 отражают особые черты новой схемы.

Первое. Среди цивилизаций, какими бы мощными потенциями и амбициями ни обладала какая-то из них, не существует эталонной цивилизации, способной поглотить весь мир или стать образцом для всеобщего подражания.

Второе. Все цивилизации и цивилизационные общности переходного типа («главные» и «неглавные» цивилизации) связаны с территориями распространения мировых религий и их ответвлений, идеологий, культов, традиций, языков, которые лишь за редкими исключениями не выходят за границы отдельных государств или блоков государств.

Третье. Цивилизационное мироустройство, в отличие от геополитического расклада сил, связано с почти воображаемой картиной членения современного мира на отдельные субъекты. По поводу этой картины имеется лишь условный консенсус разных наблюдателей.

Четвертое. Все цивилизации, по Хантингтону — «наивысшие культурные целостности» (с. 50) — имеют неясные («смазанные») границы, а значит, центры этих цивилизаций могут иметь претензии на политическое присоединение к себе или иное решение судебных цивилизационных общностей переходного типа, находящихся в перекрестывающихся орбитах. В частности, еще в начале 1990-х годов в центре внимания Хантингтона была Украина (с. 41–42).

Пятое. Исходя из того что цивилизации и цивилизационные общности переходного типа мыслят или просто ощущают себя каждая универсальной, находящейся в центре мира, можно по проявляющейся в современной международной жизни степени активности определить их политические центры в качестве соответственно реальных и потенциальных полюсов глобального политического воздействия.

Шестое. Сопоставление друг с другом взаимоисключающих претензий центров (полюсов) каждой из цивилизаций и цивилизационных общностей переходного типа на свое универсальное положение делает картину мироустройства стереоскопической. Претензии на универсальность («Москва — Третий Рим», «Пекин — столица Срединного государства» и т.д.) отражают мироустройство через призму действительно политических полюсов, а не подстраивающихся под один полюс второстепенных центров.

Седьмое. Практически орбиты влияния полюсов перекрестываются не только в зонах цивилизационных общностей переходного типа; сами цивилизации переплетены между собой в глобальном пространстве и являются межкультурными стыками, узлами. Этот признак — важный общий критерий для их корректного сопоставления. Благодаря этому признаку полюсы уравнивают друг друга.

Восьмое. Полюсы выступают в парных связках: каждая претензия полюса на универсальность и исключительность его цивилизации уравнивается не только остальными полюсами, но, прежде

всего, прямо противоположной ей претензией полюса-антагониста. Полюсы в паре представляют родственные цивилизации, составляющие дихотомическое единство, общее (парное) цивилизационное пространство. Между полюсами неродственных цивилизаций такого биполярного единства быть не может, поскольку разные культуры могут конфликтовать или мирно уживаться друг с другом просто потому, что они разные, а не противоположные.

Девятое. Биполярность в общем цивилизационном пространстве означает не столько непримиримую взаимную вражду двух полюсов, сколько их полную противоположность друг другу, подобно зарядам плюс и минус в мире электричества. Причем полюсы через определенные промежутки времени меняются своими основными характеристиками (в физическом мире — зарядами, в обществе — качествами центробежного или центростремительного развития, открытости или закрытости и т.д.). Протяженность исторического времени, которое занимает этот обмен качествами, предполагает наличие этапов сближения, взаимопонимания, конструктивного диалога.

Итак, альтернативная схема свидетельствует, что в современном мире проявлены или находятся в стадии проявления четыре парных биполярных цивилизационных пространства, т.е. 8 цивилизаций: Большая Европа, включающая в себя цивилизацию Евроатлантического западного мира с полюсом в Вашингтоне и цивилизацию Российского евразийского мира с полюсом в Москве, Дальневосточный мир с расколом между отстаивающими универсальность своих цивилизаций лидерами — Пекином и Токио, Исламский мир, еще четко не обозначивший полюсы своих цивилизаций, но явно расколотый не только религиозно и политически, но и цивилизационно, и, наконец, еще только начинающий проявляться Индуистско-буддийский (индо-тибето-монгольский) мир, биполярность которого может дать пример сосуществования полюсов в плоскости философского диалога.

Остальной мир в виде цивилизационных общностей переходного типа существует в пространствах между цивилизациями в одной паре или на стыках парных пространств: соседи России по СНГ в Восточной Европе и Центральной Азии (бывшей Средней Азии СССР), Латинская Америка, Африка южнее Сахары, КНДР и Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия и т.д. Разница со схемой Хантингтона здесь заключается в том, что в число цивилизаций («главных цивилизаций») не вошли Латинская Америка и Африка, но вошел родственный южному индуистско-буддийскому северный тенгрианско-буддийский мир.

В настоящее время мировая повестка дня в геополитическом отношении определяется биполярным пространством Большой Европы. С точки зрения временного пространства существования цивилизаций, измеряемого столетиями, это всего лишь отдельный фрагмент истории, в характеристику которого входит также почти одновременное возвышение биполярных Дальневосточного, Исламского и Индуистско-буддийского миров.

С точки зрения геополитики тон в международной жизни продолжают задавать беспрецедентно усилившиеся США, которые выступают как единственная супердержава. Но с точки зрения цивилизационного пространства США — это один из мировых полюсов, не единственный и не исключительный, и это еще и полюс биполярной Большой Европы — антагонист полюсу России.

Согласно весьма распространенному взгляду Россия давно и безвозвратно лишилась положения супердержавы и даже уступила свое место в раскладе главных мировых игроков Китаю¹. Тем не менее Россия продолжает оставаться полюсом в дихотомически разделенном цивилизационном пространстве Большой Европы. Китай же в силу своей цивилизационной принадлежности в обозримой перспективе не сможет сместить Россию с этого места и сформировать дихотомическую связку с США. Хотя он уже достиг уровня мощи экономики, сопоставимой с мощью экономики США, и теоретически в скором времени может резко усилить свое геополитическое влияние.

Многополюсный мир цивилизаций и парные биполярные пространства сами по себе являются гарантией уравнивания геополитических устремлений новых и старых лидеров. Евро-евразийская повестка дня в мировой политике, определяемая биполярной Большой Европой, в обозримой перспективе останется актуальной, поскольку она не резко, а постепенно и плавно уступает место Большой Двадцатке — консенсусу всех основных мировых игроков. Это является своеобразной гарантией от нагнетания страстей по поводу якобы неминуемого «столкновения цивилизаций».

Теперь — о возможности нанесения на карту атласа картины мироустройства. В имеющихся примерах гибридных прорисовок «текущей современности» цивилизаций (например, на карте С. Хантингтона²) есть одна важная деталь: цивилизации привязаны к политической

---

¹ Параг Ханна, правда, выделяет трех таких игроков — США, ЕС, КНР (*Ханна П. Второй мир*. М.: Издательство «Европа», 2010. С. XLII).

² *Хантингтон С. Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ, 2003. С. 22–23.

карте мира, к проведенным на ней государственным границам. Нами же взят из арсенала классиков цивилиографии совершенно умозрительный, почти «воздушный» образ границ, существующих между историческими общностями людей.

В разрабатываемом атласе использование этого образа связано с допущением того, что, несмотря на «воздушность», границы цивилизаций все-таки можно провести на политической карте мира, нанося на нее мазки и штрихи разного цвета распылителями, кистями и карандашами. Тогда с соответствующей каждому случаю интенсивностью и цветом красок можно будет разрисовать контуры распространения и взаимодействия языков, культур, религий. При этом многие зоны по разные стороны государственных границ окажутся разрисованными одинаковыми красками (т.е. границы окажутся смазанными). Одни мазки будут начинаться из центра того или иного государства и заканчиваться, постепенно теряя интенсивность, далеко за пределами государственных границ этого государства и его ближнего окружения в дальних просторах мира, а другие мазки будут начинаться как раз где-то в тех просторах и оттуда дойдут до данного государства. Но на том месте на карте, где расположены родственные по культурным, этническим, языковым и религиозным признакам страны и регионы, штрихи, брызги, мазки краской одного цвета могут, перехлестываясь, наслаиваясь друг на друга, усиливать общий фон, тем самым выделяя «сильное» пространство отдельной цивилизации. Полиэтнические же регионы в силу раскраски разными цветами и оттенками мазков изнутри и извне предстанут как зоны пересечения сильных орбит отдельных центров мирового политического, экономического и культурного влияния. Они обозначат на карте цивилизационные общности переходного типа.

На базе такого «живописного» подхода можно нарисовать современную картину цивилизационного мироустройства: в социально-историческом плане все хрестоматийные мировые цивилизации (их иногда называют и антонимично — локальными цивилизациями, но в принципе, это одно и то же) перекрыты полностью слабыми и частично — сильными орбитами друг друга. Иными словами, они являются глобально-локальными или глокализированными (если использовать очень удачно подходящий термин, введенный Р. Робертсоном¹) центрами влияния со своими орбитами.

Среди этих хрестоматийных мировых локальных цивилизаций, какими бы мощными потенциями и амбициями ни обладала какая-

---

¹ Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. L.: Sage, 1992.

то из них, не существует эталонной цивилизации, способной поглотить весь мир тотально сильной орбитой или стать образцом для всеобщего подражания. Все они имеют неясные («смазанные») границы, а значит, могут иметь претензии на политическое присоединение к себе или иное решение судеб цивилизационных общностей переходного типа, находящихся в переклестывающихся сильных орбитах (яркие примеры нынешнего времени — Украина и Турция). Внутри локальных цивилизаций и цивилизационных общностей переходного типа политические системы и государственные границы отдельных стран не стоят на месте, видоизменяются, перегруппировываются и во что-то трансформируются. Если зоны распространения мировых религий и их ответвлений (например, махаяна и хинаяна в буддизме, шиизм и суннизм в исламе, католицизм, протестантизм и православие в христианстве, другие ветви), зоны распространения идеологий, кульбов, традиций, языков и т.д. представить на карте в виде мазков, нанесенных в каждом случае отдельной краской или ее оттенком, то границы этих мазков лишь за редкими исключениями не выйдут за границы отдельных государств или блоков государств.

В отличие от геополитического подхода, оперирующего границами государств и других политически организованных структур, цивилизационный подход учитывает то обстоятельство, что у крупнейших мировых общностей нет четко выраженных границ: цивилизации имеют локальные сильные орбиты и глобальные слабые орбиты. И те и другие орбиты распространяются за пределы государственных и административных границ с разной степенью интенсивности и «угасания». Отдельные цивилизации обнаруживаются по активно проявляющемуся ядру. Поскольку каждое ядро — центр мира, постольку оно находится в центре переплетения слабых орбит всех цивилизаций.

Глава 2

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

2.1. Внутренняя Азия в семье цивилизаций: взгляд извне

Внутренняя Азия в мироустройстве занимает специфическое место, поскольку распространяется целиком только на одну небольшую страну — Монголию, которая является ее центральной частью, географическим, историческим и культурным ядром, и частично на две огромные страны — Россию и Китай. Внутренняя Азия — это обширный исторический мультикультурный регион в центре континента Евразии, населенный за пределами Монголии вперемежку людьми, исповедующими преимущественно буддизм, но также культуры тенгрианства¹, даосизм, конфуцианство, православие и ислам. При этом ядро Внутренней Азии — тенгрианско-буддийская Монголия — открыто проводит активную политику восприятия ценностей западного мира, являющегося еще одним из ее главных политических партнеров — «третьим стратегическим соседом».

Если представить обобщенную схему положения этого региона в мироустройстве, то она выглядит с неясными, смазанными границами: Монголия (вместе с разными в каждом отдельном случае фрагментами Внутренней Азии) в мировой историографии (в том числе монгольской²) признается частью или периферией разных

---

¹ В последнее время во Внутренней Азии все чаще проявляется один из таких культов тенгрианства — почитание великого предка степных народов региона — Чингисхана, его Золотого рода, нукеров.

² Даже автор отдельной книги «Философия цивилизации монголов», монгольский профессор Н. Хавх, указывает на то, что «в 1368 г. с побегом из Китая Тогон-Тумура (последнего монгольского хана Юаньской империи. — А.Ж.), монголы перестают быть центром цивилизации» и с конца XVII в. «превратились в периферию»

цивилизаций — кочевой, китайской (до 1911 г. — конца династии Цин), русской (царской «евразийской» и коммунистической), тибетской (по Тойнби, восходящей к индийской цивилизации). В последней карте С. Хантингтона «Мир разных цивилизаций: после 1990-х годов» Монголия обозначена в качестве северного анклава буддийской цивилизации¹. Это весьма неудачный пассаж: в схеме присутствует автономный район Китая — Тибет, но не указаны такие автономии и республики, как Внутренняя Монголия, Бурятия, другие регионы Китая и России, населенные народами, исповедующими северную разновидность буддизма. Создается впечатление, что Хантингтон обозначил в своей схеме буддийскую цивилизацию (правда, как неглавную; в дающемся им в той же книге окончательном перечне главных цивилизаций ее нет!) только по геополитическим мотивам: из-за невозможности игнорирования одной из мировых религий и из соображения поддержки сепаратистских устремлений далай-ламы. Какого-либо раскрытия этой темы в книге нет. Монголия на карте обозначена, но в тексте традиционно игнорируется и упоминается автором исключительно как объект возможных притязаний Китая².

Попутно в этот перечень «материнских» для Монголии цивилизаций можно включить центральноазиатскую, азиатско-тихоокеанскую и другие единицы глобальной общности, выделяемые «в обход» классических цивилизационных схем представителями различных школ исторической науки с обозначением их в отдельных случаях как «цивилизаций». В определенном смысле сюда же можно отнести и не указанную ранее западную цивилизацию.

В этой обобщенной схеме не учитывается, что в пределах Внутренней Азии Монголия является единственным суверенным государством, т.е. признанным субъектом международных отношений, а столица Монголии — город Улан-Батор — единственным легитимным политическим центром. Из Внутренней Азии, этого региона, расположенного на территории трех цивилизационно отличающихся друг от друга государств, в пределы русского и китайского, а через них — индийского, исламского и западного миров распространяется, прежде всего, глобальная сфера влияния одной из мировых религий — северного буддизма, «остаточных» культов тенгрианства (в первую очередь, культ Чингисхана), а также монголо-тибето-уйгурских зна-

---

локальной цивилизации с маньчжуро-китайским центром» (*Хавх Н.* Монголчуудын соёл иргэншлийн гун ухаан. Улаанбаатар, 1995. 111–112 дахь талд).

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. С. 22–23.

² Там же. С. 368.

ний, культурных символов и знаков. Письменная история собственно Монголии насчитывает более 23 веков и уходит корнями в великие кочевые империи древности и Средневековья. На XIII век приходится венец исторического творчества кочевников, создавших Великую монгольскую империю; в XVII–XVIII веках Монголия утрачивает роль имперского центра Внутренней Азии, но становится геополитическим ядром пространства, поделенного между царской Россией и Цинским Китаем, населенного народами, исповедующими тенгрианство и новую мировую религию — северный (тибетский) буддизм; в XX веке Монголия — единственная страна в регионе, вновь обретшая свою государственность. В настоящей работе этот регион, как общность, рассматривается в качестве политической основы отдельного мирового полюса и равноправного субъекта в системе современных мировых цивилизаций — самых крупных человеческих общностей.

Совсем недавно место Внутренней Азии, и прежде всего ее ядра — Монголии, в привычных схемах цивилизаций начало пересматриваться авторитетными российскими исследователями: Б.Н. Кузьком и Ю.В. Яковцом была дана интегральная оценка имперского прошлого Монголии (XIII–XIV вв.) как «недолговечной монгольской цивилизации»¹. Еще дальше пошел Н.Н. Крадин, который порекомендовал развить «заслуживающий особого внимания» поднятый нами вопрос о монгольской цивилизации² и перевести обсуждение проблемы «в русло более строгого логического обоснования этой идеи». При этом он выделил конкретные направления, по которым ему представляется важным проводить исследования³.

В России традиционно интерес к Монголии был более устойчивым, чем на Западе, но в цивилизационном плане эту страну рассматривали прежде всего в русле так называемого евразийства. Для крупнейших представителей этого течения мысли, ярких представителей русского зарубежья — Н.С. Трубецкого⁴, Г.В. Вернадского⁵ и П.Н. Савицкого⁶, как и для западных исследователей, Мон-

¹ Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Указ. соч. С. 304–305.

² Он сослался на нашу работу: Железняков А.С. Монголия в классических и современных схемах мировых цивилизаций // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. Т. IV. История, философия, социология, филология, искусство. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000, с. 100–123.

³ Крадин Н.Н. Кочевничество и теория цивилизаций // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Сб. статей. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. С. 20–21.

⁴ Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. и др.

⁵ Вернадский Г.В. Указ. соч. и др.

⁶ Савицкий П.Н. Указ. соч. и др.

голия — также часть более крупной общности или общностей. Но у евразийцев это особое пространство — Евразия, а у П.Н. Савицкого также и не сошедший еще с исторической арены островок кочевого мира, расположенный от Прикаспийской низменности на западе до Хингана на востоке, между 44 и 49^о с. ш.¹ Он связал его с «ядром кочевого месторазвития (может быть, начальной колыбелью и, вероятно, последним убежищем кочевого быта)»². Тем самым он впервые обозначил географические границы локальной общности в составе кочевого мира (подобно тому, как классики философии истории выделили в оседлой части ойкумены очаги мировых цивилизаций).

Российская историческая наука пережила длительный период, в течение которого официально признавалась правильной только формационная картина исторического развития. Особняком в этот период среди работ по истории, и по истории Монголии в частности, стоят труды продолжателя идей евразийцев, особенно П.Н. Савицкого — Л.Н. Гумилева, который предложил свою схему мировой истории. В ее основе лежит оригинальная концепция этногенеза и представления о «пассионарных» толчках. Отдавая приоритет членению исторического процесса по субэтносам, этносам и суперэтносам, он все же косвенно согласился с цивилизационным делением мировой истории: «Европа — центр мира, но и Палестина — центр мира, Иберия и Китай — то же самое»³. Однако здесь прослеживается ирония: наряду с общепризнанными примерами цивилизаций, хрестоматийными Китаем и Европой, в этом коротком списке упомянуты не Ближний Восток и Средняя Азия, не Индия и Россия, а Палестина и Иберия. Перечисление «центров мира» не входило в главную задачу автора, и поэтому невозможно определить, насколько длинен мог быть этот список, поставь он себе такую задачу. Непонятно, в какой связи находятся с этими «центрами» выделенные Л.Н. Гумилевым суперэтносы. Их насчитывается свыше двадцати — «исчезнувших в историческое время и заменившихся ныне существующими»⁴. Несмотря на внешнюю схожесть с классическими цивилизационными схемами (пассионарии, субпассионарии, химеры и т.д.), какое-либо «трехзвенное» упорядочение гумилевской картины мира и соотнесение пассионарных градаций с выделенными

¹ То есть прямоугольник, в восточной части которого располагается современная Монголия, а в западной — Калмыкия.

² Савицкий П.Н. Указ. соч. С. 347.

³ Цит. по: Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / Предисл. С.Б. Лаврова. М.: Экспресс, 1993. С. 10.

⁴ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 189.

центрами представляется проблематичным. Это связано с наличием в его концепции, помимо суперэтносов, этносов и субэтносов, других таксономических уровней — с одной стороны, гиперэтносов, с другой — консорциев и конвиксий — и даже далее: «На порядок ниже мы обнаружим одного человека, связанного с окружением. Это может быть полезно для биографии великих людей. Спустившись еще на порядок, мы встретимся не с полной биографией человека, а с одним эпизодом его жизни, например с совершенным преступлением, которое должно быть раскрыто. А еще ниже — случайная эмоция, не влекущая за собой крупных последствий»¹. Опираясь иногда термином П.Н. Савицкого «месторазвитие», он вкладывает в него более близкий ему смысл «вмещающего ландшафта», причем, по его мнению, «навечно закрепленных за каким-то народом земель и территорий не существует. Каждому этносу отведен определенный исторический срок, в пределах которого территория его проживания может и измениться»². Если метафоры О. Шпенглера можно связать с жесткими градациями Н.Я. Данилевского и А.Дж. Тойнби, то образы Л.Н. Гумилева больше согласуются со сложными многоуровневыми построениями П.А. Сорокина. Вместе с тем Л.Н. Гумилев был и остается крупнейшим исследователем, наиболее обстоятельно рассмотревшим монгольский регион в историко-философском плане.

В современной российской науке цивилизационная политология в целом только начинает пробивать себе дорогу, и в крупных исследованиях Монголия, как отдельная цивилизация, не представлена. Российские исследователи, как правило, убеждены в том, что монгольское общество имеет основания считаться отдельным субъектом хотя бы во взаимоотношениях со своими соседями, но воздерживаются вступать в диалог с классиками цивилизационного подхода, поскольку диалог на чужом поле получиться не может. Однако в некоторых работах по геополитике и истории Евразии, Золотой Орды, России, как цивилизации, место Монголии начинает обозначаться в составе тех или иных общностей (Евразия, Лимитроф, Центральная Азия³ и т.д.).

---

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 140.

² Цит. по: Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. С. 13.

³ См., например: Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций. Материалы международной научной конференции. Звенигород, 2–5 июня 2001 г. М.: ИВ РАН, Общество монголоведов РАН, 2002; Цимбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007; Казанский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001; Role of the Nomadic Peoples in the Civilization of Central Asia и др.

По поводу кочевой цивилизации современные цивилиографы сходятся на том, что она присутствовала только в схеме А.Дж. Тойнби, но даже у него ее нет в окончательном списке «расцветших» или «независимых» цивилизаций¹. Не принята цивилиографами и такая общность, как центральноазиатская цивилизация. Тем не менее эти две последние общности стали фактом историографии; они — «на слуху» и должны учитываться. То же самое можно сказать о евразийской общности, а также о Heartland'e, которые при определенной трактовке могут звучать как цивилизации. Что касается западной цивилизации, то она часто связывается с миросистемой и с тем, что, по мнению А. Франка и Г. Джилса, «подъем Запада» со своим делением на центр и периферию «не представляет собой существенного разрыва с общим процессом исторической эволюции»², в этом смысле она совпадает с глобальными тенденциями, с которыми может сталкиваться «конкретный человек, в каком бы регионе мира и в какой бы стране он ни жил... через товарные и информационные потоки, через массовую культуру, через загрязнение атмосферы, через СПИД, через возможность ядерной катастрофы, через медицинские технологии, способствующие как продолжению жизни, так и регулированию рождаемости, через угрозу распространения новых вооружений, а также через многое другое»³. Но это уже мир-системная градация центра и периферии, а не указание на цивилизационную принадлежность Монголии, которую никто из цивилиографов в компактную группу западных стран, разумеется, не включает.

Любая из приведенных выше трактовок цивилизационной принадлежности Монголии — к Китаю, России или Тибету (в трактовке А.Дж. Тойнби или С. Хантингтона) — весьма уязвима с фактической стороны и не подтверждается конкретными научными работами по смежным с Монголией цивилизациям. В состав этих работ не входят фундаментальные работы российских и западных востоковедов XIX — первой половины XX века, которые заложили в свое время необходимую базисную основу определения места кочевого мира, Монголии вместе с «Внутренней Азией» («Inner Asia») или «Срединной Азией» (по Ю.Н. Рериху), России, Китая, Индии,

---

¹ *Wilkinson D.* Op. cit. P. 31.

² *Roudometof V., Robertson R.* Globalization, Word System Theory, and the Comparative Study of Civilizations // *Civilizations and Word Systems: Studying Word-Historical Change* / Ed. by S.K. Sanderson. Walnut Creek (CA), 1995. P. 274.

³ *Ерасов Б.С.* Цивилизации и мировые системы. Основные принципы миросистемного подхода // Сравнительное изучение цивилизаций. С. 526.

Тибета и т.д. в классических схемах мировых цивилизаций. Разумеется, в трудах классиков востоковедения содержатся отдельные замечания и наблюдения, не всегда вписывающиеся в принятые схемы мировой истории. Но этот пласт литературы уже составил историографическую базу монголоведческих работ, капитальных исследований по монгольской истории, оторванных от контекста всемирной истории. Для настоящего же исследования интересны фундаментальные труды и оригинальные статьи последнего времени, в которых наметились тенденции разрушения сложившихся стереотипов. Имеющиеся в этих работах сведения о Монголии могут пролить новый свет на теоретические схемы всемирной истории.

Выясняется довольно странная ситуация. В конкретных работах (особенно в работах последних лет) по России, Китаю, Тибету и кочевому миру Монголия фигурирует, прежде всего, как доминирующий фактор на определенных отрезках истории, а не как органическая часть этих цивилизаций. В другие периоды истории современные исследователи смежных цивилизаций обнаруживают Монголию, как правило, в составе не той цивилизации, которую они изучают, а какой-нибудь соседней, или в качестве некоего постороннего субъекта. В работах по Китаю подчеркивается своеобразие кочевого образа жизни и религиозной принадлежности монголов, по тибетской цивилизации — самостоятельная активная позиция монгольских правителей на всех этапах контактов с Тибетом, исследователи русской общности в предреволюционное десятилетие, когда Монголия оказалась втянута в орбиту Российской империи в качестве протектората, обращают внимание на беспрекословный авторитет, которым пользовались в Монголии богдогэгэн и буддийская религия. Особняком стоят работы по советскому периоду, но и здесь наметились определенные сдвиги (о них будет сказано ниже).

Наиболее выпукло все эти противоречия со схемами цивилиографов проявляются в недавно вышедших работах по китайской цивилизации. Так, в одной из крупнейших работ последнего времени по истории Китая говорится о том, что в присоединении Внешней Монголии к Китаю в период цинской династии «важнейшим мотивом (видимо, наиболее существенным) было желание ликвидировать вековечную опасность, угрожавшую китайской земледельческой цивилизации со стороны кочевой периферии. Эту опасность маньчжуры, в недавнем прошлом сами кочевники, осознавали вполне отчетливо»¹. То есть, хотя здесь и присутствует замечание

---

¹ История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 271.

о «периферии» земледельческой цивилизации, но на самом деле имеется в виду создание своеобразного маньчжуро-монгольского блока, призванного сохранить самобытность составляющих его частей. Тем более что сам цинский двор рассматривал свою историческую родину — соседнюю с Монголией Маньчжурию — в качестве укрытия в случае изгнания из Китая¹. В вышедшем в 1999 году томе III многотомного издания «Истории Востока» говорится о том, что монгольская знать получила «привилегии второй в стране национальности после маньчжуров»². Следовательно, признается, что в составе Маньчжурской империи ламаистская Внешняя Монголия занимала привилегированное место и поэтому никак не могла быть ее периферией. Скорее, это была заповедная, и даже запретная (в смысле китайского проникновения) зона. Данные новые положения в российском Китаеведении связаны с первыми попытками использования цивилизационного подхода. Все указанные выше тезисы были выдвинуты нами в начале 1992 года «со стороны монголоведения» и сформулированы в маленькой статье³. Данные тезисы связаны с тем периодом истории Монголии и Китая, в который была достигнута наибольшая их близость под властью одной династии — династии не монгольской, но и не китайской. Поэтому, казалось бы, нет смысла обращаться к исследованиям китайской цивилизации в периоды до и после маньчжуров, раз найдены довольно весомые аргументы в пользу цивилизационных различий двух стран даже здесь.

Однако есть китайская историография, в которой превалируют работы с идеей о культурном единстве оседлых и кочевых народов, населявших Китай, достигавшемся в результате синизации. Эта идея, на мой взгляд, весьма близка идее русских евразийцев о едином евразийском суперэтнотесе. И та и другая точно определяют особенности развития ареалов китайской и русской цивилизаций «по монгольскому вектору», но не допускают возможности рассмотреть Монголию в качестве очага иной цивилизации. В целом работы китайских историков будут рассматриваться китайскими соавторами атласа; сейчас же хотелось бы остановиться лишь на одном, новом и ключевом, пункте.

---

¹ Там же. С. 275.

² История Востока. Т. III: Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI–XVIII вв. М.: Восточная литература, 1999. С. 569.

³ См.: Железняков А.С. Монгольский феномен // Азия и Африка сегодня. 1992. № 2; Way of the Urga // Asia and Africa Today. 1992. No 3; Baggrunden for filmen «Urga» // Ger, Dansk Mongolsk Selskab. 1995. No 14.

Ученые-историки Китая, хотя и придерживаются в целом марксистской схемы мировой истории (разумеется, не в европоцентристском, а китаецентристском варианте), но, как и их российские коллеги-китаисты, также подвержены новым веяниям. Этими веяниями в какой-то мере затронута кандидатская диссертация китайского историка Сюй Тао «Китай и северные “варвары” (III в. до н.э. — VI в. н.э.): взаимодействие народов и культур». Диссертация была успешно защищена в Москве, в МГУ, в 1996 году. И хотя Сюй Тао не пришел к цивилизационному подходу, тем не менее его работа представляет интерес и для настоящего исследования, прежде всего — отходом от некоторых марксистских догм и постулатов. Вращаясь в московской среде, изучая труды российских и советских авторов, в том числе тех, которых никак нельзя обвинить в марксистской ортодоксальности (в частности, Л.Н. Гумилева), этот китайский ученый затронул тему, которая его коллегами в Китае вообще специально не изучалась. Вопрос, действительно, назрел и в Китае, если автор уверенно заявляет, что «китайская сторона сознательно замалчивала проблему влияния культуры кочевников на ханьцев»¹, что «исследований по проблеме культурного взаимодействия Среднекитайской равнины и Северной степи (а не только процесса односторонней синизации кочевников) практически не было»². Сюй Тао склоняется к выводу «о тенденции к органическому синтезу культур»³ и при этом подчеркивает, что «выявленный... явный процесс слияния культур растянулся во времени и пространстве неравномерно, и степень этого взаимодействия в разные эпохи и в разных местах была неоднозначной»⁴. Даже такого мимолетного отхода от привычных догм оказалось достаточно, чтобы автор поднял ключевой вопрос о цивилизационной принадлежности Монголии к Китаю в совершенно необычной плоскости. Простого разъединения «цивилизации» Китая и «культуры» Монголии «в пространстве и времени» хватило на то, чтобы их пути окончательно разошлись. Благодаря тому, что «постоянно шла разнообразная переработка достижений *других культур* (курсив мой. — А.Ж.) и приспособление к ним... древнекитайская цивилиза-

---

¹ Сюй Тао. Китай и северные «варвары» (III в. до н.э. — VI в. н.э.): взаимодействие народов и культур. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИСАА при МГУ, 1996. С. 21.

² Там же. С. 8.

³ Сюй Тао отмечает, что эта тенденция прослеживается «в фундаментальной монографии обобщающего характера по проблемам китайской культуры ведущих ученых КНР, включая проф. Юй Сисяня», с которой он ознакомился в рукописи. (См.: Там же. С. 21.)

⁴ Там же. С. 21.

ция, — по мнению автора, — в отличие от цивилизаций Древнего Египта, Древней Месопотамии и других стран, не исчезла бесследно, а заложила прочную базу современной китайской цивилизации»¹. Таким образом, малейший шаг в сторону от отживших догм ставит перед китайской исторической наукой вопрос о пределах целостности Поднебесной как единой цивилизации ханьских и неханьских народов не только в эпоху Цин, но и в древности и Средние века. Неважно, что Монголия в этой картине выглядит лишь объектом этнического давления и «культурным материалом» обогащения китайской цивилизации; главное — она отделена от нее.

Что касается современной западной историографии Китая, то в ней противоречия цивилизационного подхода проявились очень давно — практически параллельно с выработкой этого подхода ведущими теоретиками истории. Наибольший интерес в этом отношении представляют работы на стыке изучения Китая и кочевых обществ, которые целесообразнее рассмотреть в комплексе с исследованиями по кочевой общности². Условно эти работы представляется возможным разделить на две группы: шпенглеровскую и тойнбианскую.

В работах первой группы³ домысливается и конкретизируется на материале Китая и Монголии схема О. Шпенглера. Кочевые общества в периоды подъема здесь предстают некими паразитическими наростами, живущими за счет завоеваний, вымогательства (сюда

---

¹ Там же. С. 21–22.

² Понятие «кочевая цивилизация» в современных цивилизационных (сравнительных) исследованиях так и не принято. Многочисленные работы по «кочевым цивилизациям» стоят особняком от этих исследований. Но есть немало работ на Западе и в Японии, в которых с использованием принципов цивилизационного подхода изучаются кочевые общества, обитавшие в Китае и Монголии.

³ Wittfogel K.A., Feng Ch'ia-Sheng. History of Chinese Society Liao (907–1125). American Philosophical Society. Philadelphia, 1949; Wittfogel K.A. Public Office in the Liao Dynasty and the Chinese Examination System. HJAS 11 (1947). P. 12–40; Eberhard W. Das Toba-Reich Nordchinas. Leyde, 1949; Serruys H. The Mongols of Kansu during the Ming. Extrait des Melanges Chinois et Bouddhiques. Publies par L'Institut Belge des Hautes Etudes Chinoises. V. X. Bruges (Belgique), 1955; Ecsedy II. Cultivators and Barbarians in Ancient China // Acta Orientalia Hungarica. Budapest, 1974. V. 28. Fasc. 3; Barfield Th.J. The Hsiung-nu Imperial Confederacy. Organization and Foreign Policy // Journal of Asian Studies. 1981. V. XLI. No 1; Buruham Ph. Spatial Mobility and Political Centralization in Pastoral Society // Pastoral Production and Society. P., 1979; Irons W. Political Stratification Among Pastoral Nomads // Pastoral Production and Society. N.Y., 1979. Позиции некоторых из этих западных ученых обстоятельно описаны Е.И. Кычановым. См.: Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Восточная литература, 1997. С. 264–302.

можно отнести также вымогательство внешней помощи и торговли) и эксплуатации экономики земледельческого населения. То есть, если привести цитату из работы О. Шпенглера «Закат Европы», они предстают некими точками, «которые всосали в себя все содержание истории и по отношению к которым совокупный ландшафт культуры опускается до ранга провинции, только и занятой тем, чтобы питать мировые города остатками своей высшей человечности»; они являют собой «тип крепких умом, но совершенно неметафизических людей»¹. Эти западные авторы далеки от безоговорочного противопоставления цивилизаций и культур по Шпенглеру, но, как заметил известный российский исследователь кочевых государств Е.И. Кычанов, допускают в «обществах симбиоза» «сосуществование кочевого и оседлого начал, но не их взаимопроникновение и слияние»². Здесь весьма заметно влияние китайских источников: все, что связано с кочевниками — чуждо земледельцам. Однако, если О. Шпенглер называл эти «наросты» цивилизациями и противопоставлял им высокие культуры, то данные исследователи ограничивались лишь констатацией паразитического характера кочевых обществ.

Представители тойнбианской группы исследователей, хотя и видят внутренние истоки жизнестойкости кочевых обществ, однако не идут дальше признания наличия у них классов и государства³. Для многих из них термин «цивилизация» неприменим к конкретному кочевому обществу в отрыве от земледельцев. В этом плане они оказываются даже ближе к Н.Я. Данилевскому, чем к А.Дж. Тойнби. Кочевники существуют для них не как самостоятельный социум, а лишь как периферийная часть компактных смешанных цивилизаций⁴. Монголия, где земледелие не получило сколько-нибудь заметного развития, выпадает из их поля зрения как объект, охваченный цивилизацией.

Видимо, в своеобразной смеси этих двух подходов кроются корни позиции некоторых монгольских исследователей по проблеме

---

¹ Шпенглер О. Указ. соч. С. 164–165.

² Кычанов Е.И. Указ. соч. С. 301.

³ Krader L. The Origin of the State among the Nomads of Asia // Pastoral Production and Society. P., 1979. P. 233.

⁴ Эти смешанные цивилизации не нашли признания в известных схемах мировой истории. Представляется, однако, что авторы подошли вплотную к очень важной историко-философской теме, но вынуждены были остановиться на слишком узком материале. Например, Л. Амбис прямо говорит о древней цивилизации Маньчжурии — полукочевой и полuosедлой (Hambis L. The Ancient Civilization of Manchuria // East and West. Roma. 1956. V. 7. No 3).

цивилизационного устройства современной Монголии, где оседлость уже успела пустить вековые корни. Одна из статей так и называется — «Одно государство — две цивилизации»¹.

Значительный интерес представляют работы советских и российских авторов по кочевым обществам. Значительная часть этих работ составила историографическую основу крупнейших монголо-ведческих исследований. Отсутствие у советских авторов на протяжении десятилетий возможности обращаться и апеллировать к цивилизационному подходу обусловило развитие в этих работах особого категориального аппарата. Но за терминами классовых отношений, за дефинициями, относящимися к формациям и государству, легко прослеживаются общие оценки цивилизационного уровня того или иного общества. Дело в том, что важнейшими атрибутами любой мировой цивилизации являются развитые классовые отношения и государственный опыт. Е.И. Кычанов выделяет три уровня социально-классовых оценок кочевых обществ в работах российских ученых (сам он эти оценки не группирует, но по его четкому изложению это нетрудно сделать). Первый уровень представлен С.А. Плетневой («кочевники не успели осесть, создать культуру, государство») и Г.Е. Марковым (кочевники не образовали классовых обществ, не создали государств). Второй — самим Е.И. Кычановым (в кочевых обществах имеются элементы рабовладельческих отношений и наблюдается генезис феодальных; имеются высоко и своеобразно организованные государственные образования), С.И. Вайнштейном и Ю.И. Семеновым (кочевые общества — предклассовые; кочевые империи — «становящиеся государства», эфемерные образования, но мало чем отличаются от многих формирующихся государств земледельческих народов). Третий уровень идет от В.В. Бартольда (в кочевом обществе — значительные размеры имущественного неравенства, классовая борьба, правительственная власть, военное и политическое могущество) и представлен сейчас Г.А. Федоровым-Давыдовым (организованное государство, жесткое своей дисциплиной и поставленными перед ним целями)².

По этим признакам можно условно определить позиции авторов по интересующему вопросу. Первая позиция целиком совпадает со схемой Н.Я Данилевского и немного «недотягивает» до схемы А.Дж. Тойнби. Зато вторая позиция внешне похожа на его классы

---

¹ *Чулуунибаатар Г.* Нэг улс — хоёр соёл иргэншил. Очигдор, оноодор, маргааш // Бодрол бясалгал. 1995. № 1–2. 31–39 дэх талд.

² См.: *Кычанов Е.И.* Указ. соч. С. 268–269, 273, 302.

«задержанных» и «эмбриональных» цивилизаций. Правда, есть одно отличие — кочевые общества здесь не выглядят «застывшими»; для них характерна динамика, «становление». В этом, кстати, их полное отличие от цивилизаций и «отсохших частей» культур в «вывернутой» схеме О. Шпенглера. Однако возможна и иная трактовка второй позиции: кочевники в цивилизационном плане являются органичной частью или периферией (классовой и государственной) той или иной мировой цивилизации. Наконец, третья позиция, которая является новшеством; она могла бы сломать все цивилизационные схемы и заявить о кочевниках (Монголии) как о представителях особой цивилизации, если бы была подкреплена соответствующим комплексным подходом. В том, что В.В. Бартольд и Г.А. Федоров-Давыдов не имеют в виду принадлежность Монгольской империи к какой-нибудь другой крупной общности, можно не сомневаться.

Идея вычленения Тибета как одной из цивилизаций принадлежит А.Дж. Тойнби. Ему же принадлежит инициатива включения в состав тибетской цивилизации Монголии (вместе с Бурятией и Калмыкией)¹. В наиболее общих схемах современного цивилизационного устройства мировой истории Тибет в качестве отдельной цивилизации не фигурировал до появления карты С. Хантингтона. «Освященное» авторитетом Тойнби понятие «тибетская цивилизация» вновь получило широкое хождение в литературе. Для подобных построений у Тойнби были более весомые основания, чем у Хантингтона. Еще в первой четверти XX века появляются работы тибетологов, в которых указывается на отрыв Тибета от индийского влияния после периода первоначального распространения буддизма. В них подчеркивается, что на протяжении последних шести-семи веков в Тибете доминирующую роль играли Китай и Монголия. Общее (хотя и не полное) родство, по мнению Ч. Белла, китайцев, монголов и тибетцев позволяло им противостоять внешним воздействиям². Подобное выделение общего монгольско-тибетско-китайского цивилизационного пространства интересно уже само по себе. Однако в более поздних работах по истории Тибета и тибетской цивилизации Китай и Монголия фигурируют по отношению к Тибету как внешние доминирующие силы в периоды их подъема³ и как внешние же страны (враждебные или дружествен-

¹ Тойнби А.Дж. Указ. соч. С. 725.

² Bell Ch. *Tibet. Past and Present*. Oxford, 1924. P. 25–26.

³ Snellgrove D., Richardson H. *A Cultural History of Tibet*. Shambhala, Boston & London, 1995. P. 149; Stein R.A. *Tibetan Civilization*. Stanford: Stanford University Press, 1972. P. 81.

ные, варварские или заимствующие религиозные институты) — в период упадка¹. Одновременно наблюдается также возврат к противоположной тенденции: новому осмыслению общих истоков монгольско-тибетско-китайского пространства. Так, Р. Стейн прослеживает, в частности, общие корни в циклических календарных системах народов, населявших Тибет, Китай и Монголию². Иногда резкая потеря жизненных сил и падение империй Китая и Монголии связываются авторами с «сентиментальным восхищением» императоров их тибетскими жрецами³.

Представляется, что в целом тибетология не дает положительного ответа на вопрос о принадлежности Монголии к тибетской цивилизации. На наш взгляд, вопрос должен ставиться с точностью до наоборот: о принадлежности Тибета к монгольской цивилизации, или о наличии общей монголо-тибетской цивилизации. Сам по себе факт принадлежности Монголии (как и Китая) к мировой религии — буддизму — не может служить достаточным основанием для ее включения в состав тибетской цивилизации. Мировые религии универсальны настолько, что не могут снять различия между цивилизациями, в результате чего религиозные учения делятся на ветви, секты, ереси и т.д. Подобно тому, как в христианстве русская православная церковь независима от греческой, не говоря уже о Римской католической, так и монгольская буддийская церковь может быть вполне самостоятельной от тибетской. Более того, даже при церковном единении желтошапочных сект⁴ религиозное единство Тибета и Монголии не было полным и функции цивилизационного центра во Внутренней Азии находились на оживленном перекрестке политических контактов — в Монголии.

Пожалуй, только один период в истории Монголии не вызывал до последнего времени разногласий — это период советско-монгольского блока (1921–1990). Советская, постсоветская и западная историография здесь сходились на том, что это был период «особых» отношений двух стран. (Это касается работ по истории СССР, КПСС

---

¹ *Richardson H.* Tibet and its History. L.: Oxford University Press, Toronto, Melbourne, 1962. P. 41.

² *Stein R.A.* Op. cit. P. 54.

³ *Snellgrove D., Richardson H.* Op. cit. P. 151.

⁴ Буддийская школа гелугпа, созданная в Тибете в начале XV века Цзонхавой. Власть этой школы была установлена в середине XVI века при помощи монголов и затем распространилась на Монголию, Бурятию, Туву, Калмыкию. На Китай распространились другие буддийские школы, а гелугпа — только как придворный культ при маньчжурском императоре.

и Коминтерна; о монголоведческих работах, относящихся к этому периоду, следует говорить особо.) Однако скоротечный по историческим меркам финал коммунистического отрезка истории соседней с Монголией русской цивилизации и вызванные этим отъезд десятков тысяч советских специалистов, вывод войск, свертывание культурных и прочих связей поставили перед историками задачу больше не связывать Монголию с Россией так тесно не только в настоящее время, но и в ретроспективе. Быстрота, с которой в стране произошло прощание с советским присутствием, говорит о том, что интеграции в цивилизационном плане на базе коммунистической идеологии здесь просто не было.

Итак, китаисты не обнаруживают Монголию в составе китайской цивилизации, тибетологи и советологи — в составе объектов своего изучения. Если представить себе схему одновременной принадлежности Монголии к нескольким более крупным общностям, то здесь обнаруживается противоречие логике соотношения части и целого. Попытки обозначить симбиоз оседлой и кочевой цивилизации в современной Монголии предпринимались монгольским философом Г. Чулунбаатаром. Рассмотрение в подобном ключе средневековых обществ в Маньчжурии и некоторых районов Северного Китая осуществлялось упомянутыми выше Т.Ж. Барфилдом, К. Виттфогелем, В. Айронсом, Ф. Бурухамом и другими западными исследователями. В концентрированном виде данный подход выражен Н.Н. Крадиным: «большая часть кочевников потенциально оставалась в рамках первобытной стадии развития и самостоятельно не могла преодолеть барьера государства. Только кочевые империи и подобные им структуры несколько меньшего масштаба представляли собой государственные образования. Однако это была специфическая *ксенократическая* (в более ранних работах я использовал иной термин — *экзополитарная*) (курсив Крадина Н.Н. — А.Ж.) государственность, которая была направлена вовне собственного общества на эксплуатацию соседних, как правило, земледельческих обществ»¹. Как видно, здесь используется цивилизационный подход не в чистом виде, а в симбиозе с мир-системным и формационным подходами. И в этом случае, место Монголии как отдельной цивилизации не обозначено. В результате остается только допущение частой смены цивилизаций, в орбиту которых входила Монголия. Такое допущение приводит к тому же выводу, к какому пришел полтора века назад Н.Я. Данилевский — о полном выпадении этой

---

¹ Крадин Н.Н. Империя хунну. Владивосток: Дальнаука, 1996. С. 141.

страны из цивилизационного процесса в качестве сколько-нибудь активного субъекта.

В работах западных исследователей, посвященных истории и культуре Монголии вне подробного контекста мировой истории, раскрывается глубокое своеобразие этой страны, но оно является для них лишь следствием периферийного положения или герметической изоляции кочевников. «Новое открытие»¹ Монголии в наши дни на Западе не привело к ее открытию как ядра одной из равноправных мировых цивилизаций.

Таким образом, Монголия с окружающей ее Внутренней Азией не включена ни в один известный перечень мировых цивилизаций. Крупнейшие теоретики истории рассматривают ее либо в качестве пассивного объекта проникновения цивилизационных потоков извне, либо вообще исключают ее из цивилизационного процесса как «негативный» фактор. В результате она предстает в виде некоего изолята, варварской или просто кочевой периферии более цивилизованных обществ.

Представители номадофилов сделали немало, чтобы опровергнуть господствовавшие в литературе до последнего времени штампы и стереотипы, касающиеся Евразии, кочевничества и Монголии. Но, как уже отмечалось выше, традиционно цивилизационная проблематика в работах историков-номадофилов отдана на откуп авторитетным теоретикам истории из лагеря оседлоцентристов. В ряде работ евразийцев и монголоведов есть весьма интересные наблюдения, подчеркивающие активный, творческий характер истории Монголии на отдельных этапах или в определенных сферах жизни. Сопоставление этих наблюдений со схемами цивилиографов способно опровергнуть многие их основные посыпки подхода к региону как к родине «пассивных» или «негативных» творцов истории.

Включение Монголии в перечень ядер мировых цивилизаций не может осуществиться только на основе механического суммирования некоторых разрозненных высказываний и выводов, содержащихся в работах крупнейших монголоведов. Монголию как ядро мировой цивилизации нужно изучать отдельно, усилиями большого международного коллектива специалистов. Богатая историография всемирного масштаба делает образ Монголии узнаваемым, напрашивающимся на описание в разворотах особого атласа — атласа монгольской цивилизации.

---

¹ По названию книг: *Heissig W. A Lost Civilization: The Mongols Rediscovered*, 1964; *Becker J. The Lost Country. Mongolia Revealed*. British Library C.I.P., 1992.

2.2. Внутренняя Азия в мироустройстве: взгляд изнутри

Исключительную убедительность картине положения Монголии в мироустройстве должен придать раздел атласа, посвященный ее самоидентификации. Саму себя как равноправного субъекта в диалоге разных культур Монголия открыла давно. Достаточно указать на несколько фундаментальных трудов монгольских мыслителей, написанных в начале, середине и конце растянувшегося на три с лишним столетия буддийско-ламаистского цикла истории Монголии, которые известны за пределами их родины только узкому кругу специалистов. В контексте рождения, расцвета и заката историографии трудов монгольских лам прослеживается логика конструирования кочевниками схем социальной структуры своего общества, своей истории, мироустройства, что может стать подспорьем не только для прорисовки карт атласа и корректного сравнения отношения монголов к себе и своему прошлому с тем, как они и их прошлое воспринимаются со стороны, но и для выявления в целом существенных расхождений в самоидентификации кочевых и оседлых народов.

Поскольку взгляды на мироустройство, на всемирную историю и ее ключевые сюжеты формируются у разных народов в пределах устойчивых стереотипов, гипотетически можно выделить минимальный фрагмент раздела библиографии всех самых «проговариваемых» (т.е. ведущих к формированию наиболее распространенных стереотипов) текстов по каждому из таких сюжетов. У большинства народов мира этот усредненный массовым потребителем фрагмент наиболее читаемой литературы практически никак не связан с трудами ученых из среды кочевников-монголов, осмысливаемыми в оседлой культурной среде с гораздо большим трудом, чем европейские, китайские, персидские и русские источники. Даже сюжеты истории Монгольской империи Чингисхана известны среднестатистическому читателю отнюдь не по работам монгольских историков, не по «Тайной истории монголов», признанной специалистами-монголоведами памятником мирового культурного значения. В России, например, эти сюжеты известны «в народе» по наиболее популярным изложениям в книгах российских и западных авторов уже переосмысленных сведений, почерпнутых из монгольских и других источников¹, по важ-

---

¹ Ян В. Избранные произведения. Т. 1: Чингисхан. Батый. Т. 2: К последнему морю. М.: Художественная литература, 1979; Груссе Р. Указ. соч.

нейшим научным трудам отечественных востоковедов¹, нескольким старинным европейским (прежде всего, «Книге» Марко Поло²), китайским³, русским⁴, персидским⁵, армянским⁶ текстам. В России (с некоторыми странами СНГ) и Китае массовые знания о Монголии более объемны, поскольку здесь монгольский и вообще степной мир вплетается в ткань социальной и политической жизни всего общества, в ткань отечественной истории. Но за пределами Монголии и расселения степных народов в Евразии с монгольским обществом «изнутри» знаком лишь довольно узкий круг специалистов.

Оседлая среда никогда не была особенно восприимчивой к особенностям социально-политических отношений в кочевых обществах. Хотя нет никаких препятствий к этому: имеется немало переводов на разные языки монгольских письменных памятников⁷, которые служат признанными источниками достоверных сведений о событиях, явлениях и фактах кочевой жизни. Осуществленная нами в 2005 году публикация сборника переводов трудов монгольских ученых лам⁸ призвана подтолкнуть исследовательскую работу в сферу анализа их политологического и историко-философского содержания.

Пока же весьма убедительная и перекрестно подтверждаемая в подробностях картина степной жизни, политической истории, которая предстает в упомянутом сборнике, может многим показаться настолько неожиданной, что возникает вопрос о ее несоответствии устоявшимся представлениям. В этой связи возникает также вопрос о том, насколько адекватно отражено содержание всех известных монгольских письменных памятников, как находящихся в архивах и рукописных фондах, так и опубликованных, в современной философии истории и в более широком контексте —

¹ *Бартольд В.В.* Образование империи Чингиз-хана // Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 253–265; *Владимирцов Б.Я.* Указ. соч.; *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991.

² *Плано Карпини Дж. дель.* История монгалов. 3-е изд.; *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. 3-е изд.; Книга Марко Поло. 4-е изд. М.: Мысль, 1997.

³ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. I, II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

⁴ Рассказы русских летописей.

⁵ *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей.

⁶ Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв.

⁷ *Козин С.А.* Указ. соч.; Шара туджи. Монгольская летопись XVII века; Лубсан Данзан. Алтан тобчи.

⁸ История в трудах ученых лам.

в устойчивых стереотипах политической, социологической и исторической мысли.

Вопрос закономерен, поскольку в глазах сторонних наблюдателей из оседлого мира — иностранных летописцев, путешественников, ученых, писателей — общественное и культурное развитие жителей степных, пустынных, горных и таежных зон Внутренней Азии выглядит весьма далеким от привычных понятий цивилизованной жизни, социального прогресса, собственно истории. В последнее время несколько смягченно говорится о «суперсложных вожествах», т.е. о «доклассовой», «предгосударственной» и т.д. стадии, на которой остановились средневековые кочевники Монголии¹, что, в сущности, смысла не меняет. Ряды сторонников этой позиции постепенно растут даже за счет тех исследователей², которые ранее придерживались взгляда о наличии у монголов традиционной государственности и классов³. Выводы Б.Я. Владимирцова и его последователей о классовой природе монгольского общества⁴, не в последнюю очередь из-за их вольной или невольной привязки к марксистским догмам и доктринам, в последнее время игнорируются. Одной из наиболее свежих трактовок такого подхода является идея о кочевниках, как *оспариваемой периферии* (contested periphery) — социальной группе между мир-системами. Т. Холл, ссылаясь на соответствующие работы своих коллег, посвященные главным образом регионам Ближнего и Среднего Востока⁵, несколько модифицирует эту идею в отношении монголов, отмечая, что у них степные конфедерации играли роль *оспариваемой полупериферии*⁶. При этом автор, отмечая свое знакомство с рабо-

---

¹ См., например: Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток: Дальнаука, 1992. С. 152; Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М.: Восточная литература, 1997. С. 49.

² Трепапов В.В. Ногайская альтернатива: от государства к вожеству и обратно // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995. С. 150.

³ Трепапов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М.: Восточная литература, 1993. С. 3–6, 114.

⁴ Владимирцов Б.Я. Указ. соч.; Златкин И.Я. Указ. соч. С. 131–193 и др.

⁵ Allen M. Contested Peripheries: Philistia in the New-Assyrian World-System. Unpublished Ph.D. dissertation. Interdepartmental archaeology program. UCLA, 1996; Berquist J.L. The Shifting Frontier: the Achaemenid Empire's Treatment of Western Colonies // Journal of World-Systems Research. 1995. Vol. 1. No 1. P. 17; Cline E. «Contested Peripheries» in World-System Theory: Megiddo and Jezreel Valley as a Test Case // Journal of World-Systems Research. 2000. Vol. 6. No 1. P. 8–17.

⁶ Холл Т. Монголы в мир-системной истории // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 158.

той Н.Н. Крадина¹, делает вывод о том, что для российских читателей эти идущие с Запада идеи могут показаться «изобретением велосипеда»². Это в целом соответствует положению дел, поскольку в историко-философском описании места кочевников Внутренней Азии в мировой истории российская историография всегда являлась наиболее весомой. Правда, Н.Н. Крадин выступает с критикой модифицированного подхода к кочевому миру, как *оспариваемой полупериферии*, и считает его «хинтерландом, вечной окраиной мировой истории»³. Но российская школа кочевниковедения выходит далеко за рамки западнического «велосипеда», представляя также свой оригинальный евразийский взгляд, беспрецедентный по глубине осмысления (но также надрывной гиперболизации, неизбежной при «научном одиночестве») исторических перипетий «кочевой стихии». Именно «евразийцы» впервые приступили к развенчанию европоцентристских мифов о лестнице эволюции и прогресса человечества и даже попытались взглянуть на историю с точки зрения наследия кочевников (см. статьи Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» и «Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока»⁴). Как продолжатель дела евразийцев, Л.Н. Гумилев написал, пожалуй, самую «степную» картину мировой истории⁵. Однако и в этом подходе собственно Монголия представляет периферию истории, социальной и политической жизни: в межимперские периоды до Чингисхана ей отводится роль «провинциальной державы»⁶, а после него — полупериферии уже не «спорящего» за нее всего ее окружения, как у западников, а особого «континента Евразии», в котором у России особое «колонизаторское» предназначение⁷. По весьма распространенному, как на Западе, так и на Востоке мнению, имевшие место прорывы из доисторического мира в мир истории носят у кочевников опустошительный

¹ *Kradin N. Nomadism, Evolution and World-Systems: Pastoral Societies in Theories of Historical Development // Journal of World-Systems Research. 2002. Vol. 8. No 3. P. 368–388.*

² Холл Т. Указ. соч. С. 165.

³ *Крадин Н.Н. Кочевничество в современных теориях исторического процесса // Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 388–389.*

⁴ *Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. С. 55–104, 211–266.*

⁵ *Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации; Он же. Этногенез и биосфера Земли и др.*

⁶ *Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 7.*

⁷ См.: *Савицкий П.Н. Указ. соч. С. 334–335.*

и паразитический характер и связаны с тем, что их эпизодически «засасывал вакуум, который образовывался в смежной области местного оседлого общества»¹. С этой идеей вполне согласуется вывод В.В. Трепавлова о неспособности кочевого государственного наследия при соприкосновении с оседлыми традициями соперничать с ними, о неминусимой при этом замене кочевых форм государственности на оседлые или «оторвавшиеся от центрально-азиатской основы» синтезные оседло-кочевые². У Н.Н. Крадина, как уже отмечалось, идея приобрела вид утверждения о ксенократическом характере политической системы у кочевников Монголии, которые выступают в качестве специфического «класса-этнуса», надстраивающегося над оседло-земледельческим базисом³.

Знакомство с трудами монгольских авторов, на протяжении столетий рассматривавших мировую историю через призму исторического развития их страны и всей родной им Внутренней Азии, опровергает этот взгляд и показывает, что исторический и политический процесс в Монголии был полноценным, постоянным, никогда не пресекался. Более того, даже поверхностный анализ текстов трудов монгольских лам показывает, что этот процесс несколько не выглядит непрерывной историей опустошения соседей и паразитического за их счет существования (во всяком случае, история Внутренней Азии «недотягивает» по этим показателям до средних значений наиболее развитых цивилизаций и стран); он предстает вполне самостоятельным, укорененным на достаточно мощном и гибком экономическом, социально-политическом и культурном базисе изначально оседло-кочевого общества Внутренней Азии, насыщенным не только обычными событиями и перипетиями побед и поражений — сценами дворцовой жизни, политических и любовных интриг, подоплеками принятия оригинальных военных, дипломатических и административных решений, но и жизненной силой, крупными свершениями, сокровенным смыслом.

В стремлении увидеть на своей земле и в своем близком и понятном окружении — во Внутренней Азии — гармонию и великий смысл происходящих событий монгольские ученые-ламы ничем не отличаются от собратьев по перу в других странах и мыслят примерно в том

---

¹ Тойнби А.Дж. Указ. соч. С. 186.

² Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. С. 117.

³ Крадин Н.Н. Кочевничество в современных теориях исторического процесса. С. 381.

же духе, что и, например, крупнейший английский теоретик истории А.Дж. Тойнби, для которого Великобритания расположена в родном «умопостигаемом поле исследования» — в Западной Европе («другие участники событий — Франция, Испания, Португалия, Нидерланды, Скандинавские страны и т.д.»)¹. Для монгольских историков «умопостигаемым полем» является оседло-кочевая Внутренняя Азия, а кочевая Монголия — его органической центральной частью.

Полярные различия позиций сторонних и внутренних наблюдателей в отношении смысла истории того или иного «умопостигаемого поля исследования» не принимаются во внимание при возникновении устойчивых стереотипов — побеждает всегда одна сторона. У каждой цивилизации — свое ощущение мировой истории, других общностей и цивилизаций. Однако диалог цивилизаций предполагает сближение позиций, выработку единых критериев в оценке друг друга.

Монгольская политическая и историческая мысль в настоящее время имеет относительно небольшой круг распространения, и поэтому ей трудно заявить о себе как о субъекте такого диалога, как о равноправном с другими субъектами явления в историко-философской литературе. Положение усугубляется тем, что окружающие Монголию цивилизации имеют сближающую их основу — многовековое господство ценностей оседлой жизни и уже стремительно сужают пространство распространения традиций политической и исторической мысли монголов. Диалог в этих условиях безотлагателен, поскольку связан с самым правом на существование монгольского взгляда на мировой социум и мировую историю.

Здесь целесообразно остановиться на вопросе о том, как складываются различные картины истории и мироустройства. Ни у кого, пожалуй, в наши дни не вызывает сомнения тот факт, что истоки и основы доминирующих в настоящее время представлений о мироустройстве сформировались совсем недавно — в считанные столетия — благодаря опыту и усилиям оседлых народов, причем тех, среди которых было распространено христианство. Христианский (и при этом — оседлоцентристский) угол зрения в постижении социально-исторического пространства планеты на протяжении первого полутора тысячелетия отнюдь не доминировал, сосуществовал с богатыми традициями летописания у народов, исповедующих другие религии — индуизм, буддизм, тенгрианство (в кочевых империях), конфуцианство и даосизм, иудаизм, манихейство, ислам.

---

¹ Тойнби А.Дж. Указ. соч. С. 25.

Да и в самом христианстве исторические картины мира были и остаются разными на Востоке и Западе. Вначале более широкое распространение (в Афроевразии) получили взгляды на мир и его историю, сложившиеся у народов, охваченных восточными ветвями христианства — несторианством и православием. Лишь с эпохи Великих географических открытий западным христианам-европейцам выпала доля первыми распространить уже на весь мир форпосты своего присутствия и пункты сбора информации, связать воедино разрозненные, разбросанные по континентам факты и сведения и дать им собственную интерпретацию. Этой интерпретации религиозные параметры истории уже не подходили, и она утвердилась в своей светской («постхристианской») модификации как наиболее полная и авторитетная картина мира и истории и в таком качестве существует по сей день.

Данное направление политических и исторических исследований неспособно беспристрастно подойти к письменным памятникам народов, не прошедших христианизации (причем в ее западном варианте). Исключение из употребления, а вернее, затушевывание представителями этого направления явных христианских парадигм не меняет сути дела: европоцентристское содержание подхода прослеживается в фундаментальных идеологемах, на которых строится жизнь западного общества. Коренные различия в картинах мира продолжают существовать в «пострелигиозную» эпоху между всеми цивилизациями, в том числе между восточной и западной частями христианства. На XX век пришлась калейдоскопическая смена картин мира, основанных в восточной части на большевизме («русском коммунизме») и постсоциализме (евразийстве и западничестве) и на социальных доктринах различного толка (социализме, нацизме, либерализме) — в западной.

В настоящее время вслед за Западом и Россией актуализацией своих исторических картин мира занялись другие мировые цивилизации. Современное политическое и историческое мировоззрение в центрах и мировых диаспорах конфуцианского, индуистского, исламского, буддийского мира (и сюда же следует добавить — кочевго мира) связано не только с религиозно окрашенным письменным наследием прошлых эпох, но и с освобожденными от религиозных догм идеологемами. В основе этих идеологем, картин истории мира лежит в каждом отдельном случае прошлый опыт той или иной цивилизации, а не только антитрадиционное «цивилизующее» воздействие Запада — колониализма, христианизации, революций, диаспоризации, глобализации (в случае с Внутренней Азией в это

перечисление попадает еще и «цивилизующее» воздействие оседлости — ассимиляция и седентеризация). Объективная историческая картина мира в XXI веке является мозаичной, многосоставной и уже не может быть только «постхристианской». Вот почему в наши дни в научных кругах Запада и России растет интерес к разработке философского, в том числе историко-философского наследия Запада и Востока мыслителями незападного направления. В их числе сингапурский социальный философ Кишоре Мабубани, которого называют на Западе то «азиатским Тойнби», то Максом Вебером «новой конфуцианской этики»¹.

Для того чтобы такой диалог состоялся в отношении Монголии, необходимо вести его в рамках общих для монгольских и немонгольских обществоведов критериев оценки общественно-экономического роста, технического и духовного прогресса, качества политической жизни во Внутренней Азии и за ее пределами. С монгольской стороны в качестве примера такой актуализации общих критериев в диалоге цивилизаций могут послужить опубликованные в отмеченном выше сборнике сочинения монгольских ученых лам, которые являются образцами историко-философской мысли, поскольку рассказывают об истории с древнейших времен всего «умопостигаемого» авторами мира — Монголии и Внутренней Азии. В работах вскользь рассматриваются и далекие страны — от Индии, Китая и Японии до России, Германии и Персии. Работа «Конечная причина религий в Монголии» ученого ламы, жившего в XX веке, Эрдэнипэла является обобщающей всю традицию, поэтому занимает в сборнике центральное место. Две другие работы — это летопись XVIII века «Хрустальное зеркало» Джамбадорджи, которая никогда еще не переводилась ни на один из европейских языков, и анонимная летопись «Золотое сказание» XVII века, до этого издававшаяся на русском языке полтора столетия назад, в 1858 году, и которая требовала нового перевода.

Все три сочинения в фактологическом и научном отношении весьма солидны: написаны в русле богатой историографической традиции Внутренней Азии, восходящей к эпохе кочевых государств и империй хунну (т.е. начиная с III века до н.э.), сяньби, муян, тоба, жуаньжуаней, тюрок, уйгуров, киргиз, киданей, чжурчженей и монголов с их «Тайной историей» — выдающимся памятником XIII века. У каждого автора были свои специфические возможности доступа

---

¹ См. об этом, например, статью: *Голенкова З.Т., МакМилан Д.Ч., Жвитаишвили А.Ш.* Размышления над новой книгой Mahubani Kishore. Can Asians Think? Singapore, Kuala Lumpur, 1998 // Общество и право. 2004. № 1 (3). С. 106–111.

к обширному кругу источников, в который входят древние хроники, буддийские трактаты, биографии, другие письменные труды монгольских, тибетских, индийских, персидских, китайских, маньчжурских, а у Эрдэнипэла — еще и европейских авторов, и, наконец, сообщения современников, старинные устные предания, легенды, рассказы. Таким образом, они вполне пригодны для иллюстрации не только событийной канвы исторического развития, но и теоретических конструкций и выводов.

Общественно-экономический аспект единых критериев в диалоге цивилизаций имеет в отношении к Монголии фундаментальное значение. Именно прежде всего по этому критерию, как паразитический нарост над земледельческим и городским базисом, древняя и средневековая Монголия вычеркнута из классических списков цивилизаций, отодвинута на задворки истории. Основные темы, нуждающиеся здесь в прояснении, сконцентрированы в вопросе о правомерности рассмотрения истории Монголии вне цивилизации, т.е. вне надэтнической общности и городской культуры. Примечательно, что с первых же фраз своего труда «Конечная причина религий в Монголии», лама Эрдэнипэл с совершенно неожиданной стороны дает ключ к иному пониманию проблемы уровня общественно-экономического развития кочевников Внутренней Азии. Пожалуй, впервые в мировом обществоведении при изучении начальной истории монголов им была предпринята попытка рассмотреть эту тему в цивилизационном (и, в определенном смысле — мир-системном) ключе, отодвинув на задний план процессы этногенеза.

Следует учитывать, что Эрдэнипэл пришел к цивилизационному подходу, по-видимому, независимо или, во всяком случае, вдали от дискуссионного поля в российской и западной историографии, не имея возможности сколько-нибудь подробно ознакомиться с работами своих классических предшественников и современников — Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби. Поэтому он пришел к совершенно противоположным выводам, и используемый им научный аппарат весьма специфичен и оригинален. Выделение единой надэтнической общности, частью которой является Монголия, достигается им в духе традиционной историографии посредством вневременного размещения самих монголов, как постоянных участников событий, в тех частях пространства Внутренней Азии, где осуществлялись судьбоносные межцивилизационные контакты (и где монголы в отдельные периоды действительно присутствовали и играли порой решающую роль).

Внешне он приводит будто бы намеренно искаженные факты о территории расселения «с древнейших времен» монголов, живших «на обширной территории в центре Азиатского континента, к югу от Байкала, к северу от Индии, Тибета и Китая. На западе их земли начинались от северных границ Индии и на востоке доходили до хребта Хинган»¹. Это в корне противоречит не только современным научным данным о ранней этнической истории монголов, согласно которым ареал их первоначального расселения занимает лишь небольшую часть этого региона, но и несомненно известным автору легендам об Эргуне-Куне — прародине монголов². Но Эрдэнипэл не противоречит своим предшественникам — монгольским историкам, задолго до него обрисовавшим такие же границы «видимого мира», взглянувшем за пределы этих границ не только в сторону Китая, Тибета и Индии, но и Японии, Кореи, России (где правит «девушка-царь из рода Чингисова» — Екатерина II), Турции, Германии, Швеции и других стран³. Принципиальное отличие конструкции Эрдэнипэла от «видимого мира» в трудах предшественников (перечень этих работ с учетом их удельного веса в пространственно-временном континууме весьма солиден даже по масштабам всей мировой исторической литературы) касается особой протяженности во времени (два с лишним тысячелетия) и устойчивости его схемы единого пространства.

У авторов средневековых монгольских памятников исторической литературы собственно монголы в «видимом мире» проживают довольно компактно, хотя могут появляться в неожиданных местах внутри него и за его пределами — даже в Мекке⁴. Этническая картина очень подробна: расписаны иногда до деталей места обитания в конкретном временном срезе того или иного периода многочисленные обоки (вотчины династий), улусы (государства и княжества), аймаки, хошуны (административные единицы), в том числе населенные различными в этническом отношении группами. «Золотое сказание» и «Хрустальное зеркало», как и многие другие

¹ История в трудах ученых лам. С. 155.

² Во втором томе недавно вышедшей в Улан-Баторе пятитомной «Истории Монголии» признается уже вполне решенным вопрос о прародине монголов: она находится в междуречье Онона и Аргуни (Эргунэ), откуда они в X–XI веках переместились к истокам трех рек — Онона, Керулена и Толы — в горах Хэнтэя. (Монгол улсын туух. Дэд боть. Улаанбаатар, 2003. 50 дахь талд.)

³ Об этом написано в «Хрустальном зеркале» Джамбадорджи (История в трудах ученых лам. С. 63–68). Это произведение Эрдэнипэл цитирует особенно часто.

⁴ История в трудах ученых лам. С. 68.

монгольские сочинения, наиболее подробно описывают политическую карту ойкумены, начиная с периода распада Хамаг Монгол улуса в XII веке. В начальном временном срезе присутствуют чжурчжени, создавшие в Маньчжурии, Монголии и Северном Китае после откочевавших на запад киданей империю Цзинь, и тангуты, проживавшие в богатом государстве Си Ся между Монголией и Тибетом, а также улусы и обоки татар, кераитов, найманов, тайчжуитов, меркитов, других групп: урянхатов, борджигинов, бесутов, бааринов, олхонутов, икересов, дербетов, хори-гуматов и др.

В позднем срезе, после распада Монгольской империи, по унаследованной от нее привычке некоторое время в единое пространство с монголами включаются китайцы и тибетцы, которые раньше в этом «поле исследования» отсутствовали. Однако акцент в перечислении делается на «северной стороне от Китая и Амдоской страны»¹, где в тумэнах (тьмах), отоках (от *сод.*: «страна», «территория»), аймаках, сеймах, хошунах, других объединениях проживают чахары, внутренние монголы, ордосцы, халхасцы, ойраты (дурбеты, хойты, хошуты, чоросы, а также кукунорские и алашаньские олэты), джунгары² и даже китайцы, тангуты и сартагулы (т.е. тибетцы и тюрки).

У Эрдэнипэла все временные срезы мозаичной картины этнополитической истории Внутренней Азии со времен хунну до Маньчжурской империи Цин смещены в двух с половиной тысячелетний сгусток и в таком концентрированном виде укладываются в формулировку, продолжающую приведенную выше фразу о расселении монголов: «Жили они вперемежку с уйгурами, тюрками и чжурчженями»³. Вывод настолько же верен, насколько неожидан (своей перекличкой с современностью) и не вписывается в устойчивые стереотипы картин истории. Перенос его на более точную и подробную этнополитическую карту того или иного периода, можно обнаружить, что «вперемежку» на всем пространстве Внутренней Азии сосуществовали не только различные этнические группы, но и разные уклады хозяйства внутри этих групп (подобно тому, как современная Монголия — страна кочевников-скотоводов и горожан — являет собой пример своеобразного сочетания пасторальных экологических традиций и новейших промышленных технологий. Один и тот же народ является здесь одновременно кочевым и оседлым).

---

¹ То есть Тибета.

² История в трудах ученых лам. С. 63.

³ Там же. С. 63–67.

Отсюда можно заключить, что оседлая часть населения Внутренней Азии всегда была в привилегированном положении, часто (в наиболее засушливых регионах) существовала в качестве надстройки над кочевой частью, а не наоборот, как это представляют некоторые современные историки. Причем, чем выше была доля кочевого населения и ниже — земледельческого, тем более сложные, сугубо городские и государственные функции были у оседлой части, органично существующей в составе кочевого общества. У кочевников Монголии, начиная с хунну вплоть до настоящего времени, достигнут максимальный предел: оседлое население полностью инкорпорировалось в состав города, а его высшая часть слилась с государственной структурой.

Правда, город в условиях Монголии чаще всего не имел постоянного места в пространстве, был своеобразной «кочующей» ставкой хана, наместника или духовного иерарха. Вплоть до середины XIX века такой снимавшейся иногда с места была даже столица Внешней Монголии — Урга (ныне Улан-Батор). В периоды экспансии кочевых империй с III века до н.э. в Хангайско-Хэнтэйском районе строилась и стационарная столица, которая каждый раз поднималась из руин. Последний раз этот пульсирующий Рим кочевников как столицу Монгольской империи — Каракорум — восстановил сын и наследник Чингисхана хан Угэдэй. В конце XVI века на месте одного из уцелевших кварталов заброшенного за ненужностью стационарного Каракорума возник первый буддийский монастырь в Северной Монголии — Эрдэни-дзу. В первые десятилетия XX века прекратили свое существование свыше 700 монастырей Внешней Монголии и вместе с ними Эрдэни-дзу. За пределами Монголии ставки ханов и полководцев постепенно становились полностью стационарными (если это происходило вне Внутренней Азии, то они растворялись в городах других цивилизаций), но письменные источники разных народов зафиксировали моменты переездов, когда в разных концах Евразии двигались орды — монгольские города с юрточными дворцами на огромных, запряженных в десятки быков, телегах с администрацией и чиновничьим аппаратом, монастырями, школами, бурлящей торговой и ремесленной жизнью.

Большинство цивилиграфов не готовы еще увидеть новые горизонты исследовательской работы, которые открывает данный вывод, поскольку он полностью переворачивает привычные представления об уровне общественно-экономического развития монголов в древности и Средневековье. Но сторонники идеи о первобытном характере общественно-экономического строя и экзополитарном

(или ксенократическом) характере политической системы кочевников Монголии после знакомства с выводами Эрдэнипэла уже не могут игнорировать сведения, приводимые монгольскими историками. Обобщив труды предшественников и указав на сосуществование в течение тысячелетий «впережку» кочевников с земледельцами и горожанами, Эрдэнипэл тем самым определил общую для оседлых и кочевых обществ систему координат и критериев, в рамках которых только и может быть правильно понят уровень общественно-экономического развития кочевников Монголии. Таким образом, взгляд «кабинетных» (монастырских) ученых из кочевой среды на роль кочевников Внутренней Азии в мировой истории оказался более гибким и универсальным, чем у их коллег из стран оседлого мира.

Время, видимо, все расставит на свои места: когда-то европейские ученые проявляли недоверие к похожим конструкциям оседло-кочевой Скифии у Геродота (с подробным членением скифского населения на горожан и кочевников, земледельцев, лесных конных охотников — йирков и тиссагетов, лесных «кочевников», занимавшихся подсечным земледелием), но здравый смысл в итоге восторжествовал¹. Характерно, что историко-философский вакуум вокруг средневековой Монголии в последние годы начинают прорывать археологи, для которых этот период связан со специфическим объектом исследований — городской жизнью монгольской степи². Бумажным документам в степи сохраниться довольно сложно, поскольку частые перекочевки даже княжеских ставок (городов) не позволяют обрастать «лишними» шкафами, сундуками, свертками, и эти документы «перекочевывают» в хранилища стационарных городов оседлых соседей. Тем не менее монгольские историки и археологи обнаруживают четкую преемственность в Монголии основных черт и традиций единой надэтнической общности и городской культуры.

---

¹ Б.А. Рыбаков приводит красноречивую историю о том, как российский профессор, крупный знаток и переводчик Геродота Ф.Г. Мищенко в конце XIX века отстаивал авторитет патриарха истории в споре с английским ориенталистом А. Сейсом. (Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М.: Наука, 1979. С. 8.)

² Прежде всего, следует отметить написанную известным монгольским археологом Д. Баяром совсем не археологическую главу о тюркских государствах в 5-томной «Истории Монголии» (Монгол улсын туух. Тэргуун боть. Улаанбаатар, 2003. 313–359 дэх талд) и интересную статью-эссе, которую написал в память о В.В. Волкове Е.Н. Черных (Черных Е.Н. Культуры Евразии и «евразийство» сквозь призму монгольских степей // Вестник Евразии. 2001. № 3 (14). С. 114–128.

Технико-технологическая сторона общих критериев междивизиационного диалога оседлого мира и оседло-кочевой Внутренней Азии (по большому счету, это проблема динамики и результатов прогресса) в настоящее время также недостаточно прояснена. С этой стороны, в трудах монгольских ученых лам наиболее подробно и точно обрисованы динамизм и прогрессивная устремленность деятельности городского оседло-кочевго и сельского кочевго населения. О земледельцах сведения также есть, но их немного, что связано, видимо, с их крайне незначительной в Монголии долей в составе городского населения и довольно изолированным размещением их отдельных поселений на весьма ограниченных участках в плодородных поймах рек и в оазисах. Вместе с тем материал, который представляют монгольские ученые ламы, вполне достаточен, чтобы выстроить следующую цепочку умозаключений.

Засушливая степная зона Монголии с доисторических времен окружена, как это видно из описаний окраин «видимого мира», экологическими зонами различного переходного типа — на границах с началом пустынь, тайги, высокогорья, плодородных равнин. Соответственно, население этих зон использовало разный опыт хозяйственной деятельности соседей. Однако костяком, центром всего мира Внутренней Азии была Монголия, в Хангайско-Хэнтэйском районе которой с определенной цикличностью возникали центры мощных кочевых империй, объединявших с собою в единое целое пограничные обочи и улусы. Разнообразный опыт синтезировался, становился общим достоянием, с тем чтобы вернуться на границы и за их пределы обогащенным. Уже только это говорит о чрезвычайно высокой динамике и прогрессивности процессов, которые происходили в Монголии и вокруг нее.

Но это только одна сторона дела. Монголия являлась горнилом прогрессивных процессов, решающих сдвигов в сфере «тонких технологий», приспособленных к собственной весьма хрупкой экологической зоне. Из века в век, из тысячелетия в тысячелетие она настойчиво продолжала оставаться монокультурным анклавом кочевго скотоводства, не допуская нарушения равновесия между человеческой деятельностью и природой. Иными словами, она держала оборону вокруг своих границ, защищая свой рукотворный памятник — пасторальный ландшафт — от малейшего воздействия, чреватого разрушительными последствиями. И это несмотря на то, что она являлась родиной кочевых государств и империй народов, которые до этого проживали на периферии, еще раньше попав туда, имея за плечами самые разные навыки хозяйственной культуры —

земледельцев плодородных равнин, охотников и рыболовов тайги, полуседлых жителей горных селений. В монгольском центре все перенимали кочевые традиции старожилов, которые, преломляясь через собственный опыт новых пришельцев, обогащались новыми веяниями в мобильной архитектуре, технике ухода за скотом, переработке животноводческой продукции и, говоря современным языком, в сфере социальной практики, информационных и политических технологий.

Для сторонних наблюдателей эти изменения часто незаметны, поскольку они с трудом могут быть сопоставлены с синхронно протекавшими процессами (начиная с domestikации животных) в оседло-земледельческих странах — со строительством крупных ирригационных сооружений, а затем монументальных зданий, развитием ремесел, мануфактурного и промышленного производства, классов и слоев капиталистического общества, прессы и других средств информации и массовой коммуникации, парламентаризма и т.д.

Однако изобретение и совершенствование кочевниками разборных или легких для перевозки жилищ, седла, стремян и всей конской упряжи, военного снаряжения, способов сублимации для уменьшения веса и длительного хранения мяса (борц) и молочных продуктов (ааруул) привело к возможности превратить ставку кочевого хана в неприступный для любой самой мощной армии современного ему мира город, без строительства защитных стен и крепостей. Как бы ни развивалась техника в земледельческих странах, степные анклавы Монголии каждый раз оказывались недоступными для завоевания пришельцами из оседлого мира. Будущий завоеватель Монголии должен сначала долгое время прожить на периферии ее мира, повариться в едином котле с ней и созреть для того, чтобы превратиться в кочевника. Но для этого такой народ — кандидат в кочевники — должен резко сместить акценты в своих прошлых представлениях о собственности, богатстве, власти, влиянии (политическом и информационном). Именно в процессе такой эволюции просматриваются наглядно общие критерии оценки оседлых и кочевых обществ.

Для того чтобы проиллюстрировать (в прямом — на разворотах атласа — и переносном смысле) эту мысль, нужно вернуться к анализу роли монгольского города. Городом в Монголии являлась ставка иерарха — хана, ноёна, полководца, наместника или высшего ламы. В моменты взлета город мог разрастаться до огромных размеров в завоеванных земледельческих странах и одновременно быть довольно компактным (с точки зрения оседлых цивилизаций) в самой Монголии, а во время затишья в степи он сужался до микроскопических

размеров. Исследователи, «выплескивая вместе с водой ребенка», часто просто исключают из лексикона термин «город», и вместе с этим они уже не видят оснований говорить о цивилизации применительно к Монголии, искать общие критерии для ее сравнения с оседлыми обществами. И действительно, сложно обнаружить хоть малейшее сходство с привычным образом города у ставки правителя, где дойкой коров занимается его супруга — случай, о котором свидетельствует монгольский исторический труд XVII века «Шара туджи»¹. Но данное свидетельство говорит лишь об одном: никакого возврата в первобытный строй нет, просто в Монголии расслоение общества не ведет к отрыву правящей верхушки от природы, как в странах оседлого мира. В наиболее засушливых зонах совместное кочевание правителя с многочисленной челядью просто невозможно, ограничивается также численность стада, поскольку в противном случае увеличивается количество перекочевков за единицу времени. Невозможно накопление имущества, скарба, а при изоляции (иногда весьма длительной) от пунктов обмена и торговли резко снижается значение денег, золота, драгоценностей. Вместе с тем и Гобийская пустыня, и Хангайские луга встроены в одно пространство с другими зонами, и авторитет правителя поддерживается политическими (классовой солидарностью) и информационными (созданием соответствующего имиджа) рычагами.

И наконец, об общих критериях в анализе кочевых и оседлых обществ в духовной сфере. За обстоятельным изложением монгольскими мыслителями событий минувших эпох бросается в глаза одна ключевая особенность их сочинений: в них светская жизнь предстает одновременно религиозной, а религиозная — светской. В этом — важнейшая отличительная черта повседневной жизни государств Внутренней Азии и империй с традиционным центром в Монголии: человеческий прогресс здесь с доисторических эпох до настоящего времени связан с никогда не прерывавшимся существованием мифологем кочевого общества, в основе которых органическое единство обыденного и культового, плотского и духовного, природного и рукотворного.

Обществоведы (как на Западе, так и на Востоке) часто выдают эту сохраняющуюся у кочевников в течение тысячелетий значимость одних и тех же мифологем за признак примитивного общества, находящегося в плену доисторических мифов и предрассудков. Отсюда они, забывая о религиозных парадигмах у себя дома, выводят

¹ Шара туджи. Монгольская летопись XVII века. С. 163.

принадлежность кочевого общества к родовому строю и на почти всем протяжении двух последних тысячелетий отрицают у него наличие своей собственной истории, государства, права, развитой религии и морали. Сочинения монгольских ученых лам, наряду со множеством других письменных памятников Монголии, Тибета, Северного Китая, Восточного Туркестана и Маньчжурии, опровергают этот стереотип: они повествуют о событиях, за которыми проглядывает крупная человеческая общность с классовым разделением и сложной политической структурой государств и империй, развитой религиозной жизнью, богатым интеллектуальным опытом, древнейшей письменной культурой, разнообразными системами философских знаний и наук о природе и обществе, выдающимися достижениями в области медицины, военного дела, мобильной архитектуры, изящной словесности, изобразительного и других видов искусства. Оригинальные сочинения монгольских лам открывают перед читателем удивительный, завораживающий мир Внутренней Азии, в котором разворачивается подлинная история, по широте охвата стран и народов, накалу страстей и драматизму событий ничем не уступающая истории какого-либо из хрестоматийных центров мировой культуры.

Вместе с тем указанная выше отличительная черта — живучесть одних и тех же мифологем кочевого общества на различных этапах исторического развития региона — накладывает оригинальный отпечаток на социально-политический облик обществ Внутренней Азии, в том числе на характер и историю распространения исповедуемых здесь религий. Неслучайно, что сочинение ламы Эрдэнипэла, жившего в XX веке, когда в Монголию пришли современные знания об истории мировых религий, посвящено уяснению «конечной причины религий, исповедуемых монгольскими племенами».

«Конечной причиной» этих религий в Монголии и окружающем ее огромном пространстве Внутренней Азии является сама монгольская земля. В Монголии — географическом, геополитическом и цивилизационном центре Внутренней Азии — нет обширных оазисов, пригодных для нерискованного земледелия, поэтому строительство храмов здесь никогда не вызывало образования вокруг них крупных поселений земледельцев, как это было на Ближнем и Среднем Востоке, не приводило к переходу кочевников к оседлому земледелию или снижению роли скотоводства в обществе, не вело к изменению вектора культурного развития. Даже в современной Монголии, где отмечен стремительный рост городов, их границы обрываются не пашнями, садами и огородами, а бескрайними просторами пастбищ.

По-прежнему степные просторы Монголии обрабатываются не крестьянами-земледельцами, живущими в оседлых поселениях, а резко отличающимися от них укладом жизни и символами культуры кочующими арагами-скотоводами. Кочевое скотоводство всегда было в Монголии основной и практически единственной отраслью хозяйства, обеспечивающей главные сферы жизнедеятельности всего общества. Поэтому здесь религии, первоначально возникшие у земледельческих оседлых народов, никогда не могли полностью вытеснить местные культы и верования, смешивались с ними, приобретали собственный смысл и трансформировались в порой неузнаваемые формы.

Это касается всех религий и идеологий, которые прививались на монгольской земле в течение тысячелетий — первых попавших в Евразию из Индии через Кушанское царство буддийских сект, зороастризма, манихейства, христианства несторианского толка, ислама, различных сект тибетского буддизма. Эрдэнипэл пишет, что монголы «исповедовали — сначала шаманизм, затем религию огнепоклонников и буддизм. Кроме того, было некоторое количество монголов-христиан и магометан»¹. Симбиозы этих религиозных течений с местными культами приводили к появлению новых скрепляющих символов, что нашло выражение в загадочной по своей вселенской веротерпимости религии кочевых империй — тенгрианстве.

Важнейшей функцией тенгрианства, как духовной подпорки и матрицы кочевых империй, является объединение под одной крышей в диспутах наиболее авторитетных представителей всех конфессий мировых религий империи. Жрецу (наставнику хана) отводилась роль организатора конкурса, на котором доктрины религий подвергались строгой оценке соответствия идеалам империи. Уникальность конкурентной борьбы на монгольском полигоне представителей мировых религий проявилась в постоянном реформаторстве, не прекращавшемся никогда межрелигиозном диалоге и даже в появлении сект с заимствованными одновременно из разных религий божествами и ритуалами.

В отмеченных сочинениях монгольских лам приводятся эпизоды, показывающие глубинную потребность многоконфессиональных кочевых империй в едином духовном авторитете, в наставнике хана, независимо от того, какой религии претендент на этот пост изначально придерживался. Для тенгрианской матрицы с приоритетом ценностей кочевого общества доктрины тех или иных религий

---

¹ История в трудах ученых лам. С. 155.

оседлых земледельцев казались весьма далекими от жизни и не имели значения. Главное, чтобы наставник органически вписывался в ханское окружение и лично соответствовал политическим и духовным потребностям хана. Само собой подразумевалось, что наставником хана может стать лишь победитель в диспутах с крупнейшими представителями других религиозных конфессий и сект империи. При дворе императора такие диспуты — своеобразные многоконфессиональные соборы — устраивались регулярно.

В окружении Чингисхана могущественными религиозными наставниками были жрец, известный как Тэб-Тэнгри Кокочу, и даосец Чан Чунь. Первый был у истоков создания Монгольской империи, сыграл заметную роль при возведении Тэмуджина-Чингисхана на ханский престол и в укреплении нового государства. В литературе его принято считать носителем местных культов и верований — шаманом, хотя в его титуле (тенгри — небо), исполнявшихся им государственных обрядах и в объекте поклонения обнаруживаются различные религиозные корни — согдийско-манихейские, уйгуро-буддийские и др. В частности, божество, которому в VIII–IX веках поклонялись кочевники-буддисты Уйгурского ханства в Монголии, Хормуста-тенгри, довольно четко соотносится с согдийским Хурмазтой или с Ахурамаздой — в зороастрийском пантеоне. В дальнейшем Тэб-Тэнгри был отторгнут ближайшими родственниками хана, как опасный вершитель их судеб, и умерщвлен. Второй наставник Чингисхана — даосский монах Чан Чунь — также оставил заметный след в религиозной истории Монгольской империи, но был вынужден отказаться выполнить возложенную на него непосильную задачу — обеспечить хану бессмертие.

Тенгрианская матрица была присуща не только кочевым империям, но и улусам и даже обокам (отдельным династийным вотчинам) на территории Монголии задолго до Чингисхана, а также во время его возвышения у его соседей, которых он впоследствии присоединил к своей державе, и после его смерти. Наставники ханов улусов и глав династий стремились на месте адаптировать доктрины разных религий к условиям кочевого общества. Часто советниками выступали жены правителей, которые прибыли в ставку из мест обитания христиан, буддистов, мусульман и т.д.

Джамбадорджи и Эрдэнипэл повествуют о том, как через десятилетия после смерти Чингисхана светская власть в Монгольской империи, следуя этому архетипу, ставит своего хана на место ученика буддийского ламы одной из многочисленных тибетских сект. Учеником и милостынедателем выступил Хубилай-хан, а учителем

и милостынеполучателем — Пагва-лама¹. Тем самым было положено начало соединению буддизма с монгольскими мифологемами и распространению возникшего синтетического учения в качестве одной из мировых религий. Вместе с тем в самой Монголии буддизм получил распространение лишь три века спустя.

С признанием наличия внутренних ресурсов во Внутренней Азии, необходимых для обеспечения самодостаточного общественно-экономического, технического и духовного развития населения и его равноправных контактов с окружающим миром, неизбежна переоценка причин имевших место экспансии кочевых империй и миграций целых ханств и улусов из Монголии, начиная от гуннов и кончая калмыками. Труды ученых лам прекрасно иллюстрируют эту тему и дают достаточно материала для вполне логичного предположения, что причины экспансии из Монголии те же, что и причины экспансии других цивилизаций от античности до наших дней — стремление обрести свободу (Моисей, миграция в Америку, заселение Сибири, с одной стороны, и гунны, авары, кара-китай и калмыки — с другой), восстановить справедливость (Крестовые походы, гражданские войны — походы Чингисхана против татар, Хорезмшаха и тангутского Шидургу-хана), «естественный» ход событий в соответствии с понятными идеалами (походы Александра, Дария, Наполеона, мировые войны — походы монголов в Китай и Европу). Жажда грабежей и добычи здесь не могут быть главными отличительными признаками (это спутники любого завоевания и любой войны).

Трудно представить, чтобы кто-нибудь из современных историков-оседлоцентристов начал серьезно рассматривать предложение гипотетического историка-номадофила перенести по одним и тем же общественно-экономическим критериям вывод о ксенократическом или паразитическом характере политической системы монголов на реалии истории Запада, России, Китая, Индии и исламского мира. Возможно, такая аргументация поможет диалогу представителей исторической мысли из среды номадофилов и оседлоцентристов.

Современные монголы — наследники менталитета всех доминировавших когда-то в их стране этносов — сами осознают себя, и вполне правомерно, носителями резко отличной от всего их окружения культуры, а их прошлое и настоящее дает им основание причислять свой социум к самостоятельным субъектам истории.

Специальный раздел современной историографии монгольских работ по этой теме вскоре будет написан монгольскими соавторами

---

¹ История в трудах ученых лам. С. 192.

атласа. Здесь тот же резон, что и в отношении китайских соавторов: дать возможность создателям атласа работать без оглядки на какую-то «внешнюю» схему. Поэтому есть смысл ограничиться несколькими словами о главном событии современной монгольской историографии проблемы — о важном законодательном акте монгольского парламента.

В 1994 году Великим государственным хуралом Монголии была принята Концепция национальной безопасности, в первом разделе которой существование монгольского народа и монгольской цивилизации названо во главе списка коренных национальных интересов Монголии¹. Таким образом, не дожидаясь глубокой научной проработки содержания впервые озвученного двумя годами ранее термина «монгольская цивилизация»², Великий государственный хурал Монголии счел необходимым ввести этот термин как системообразующее понятие в базисные основы внутренней и внешней политики государства.

Провозглашенная на уровне важного государственного акта идея существования в наше время отдельной монгольской цивилизации нуждается в серьезной теоретической проработке на базе развернутой аналитической оценки краеугольных положений основоположников цивилизационной теории и выработки собственного критического подхода к теме. В русле этой потребности в «Национальной программе развития науки и технологии Монголии» как одно из приоритетных направлений научных исследований отмечена разработка «формы монгольской цивилизации в условиях глобализации»³.

В Улан-Баторе сейчас выходит много книг и статей, в которых поднимается тема места Монголии среди своих ближних и дальних соседей, иногда ставятся дискуссионные вопросы в русле цивилизационной политологии, с упоминанием ставших популярными имен Г.В.Ф. Гегеля, О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби, К. Ясперса, Н.А. Бердяева, Л.Н. Гумилева и др. В Монголии цивилизационная политология делает только первые шаги, но процесс пошел. По этой теме пишут авторитетные авторы — академики АН Монголии Ш. Бира⁴

¹ Ардын эрх. 1994 оны 7-р сарын 26.

² Железняков А.С. Монгольский феномен // Азия и Африка сегодня, 1992. № 2. С. 64.

³ См.: Энхтувшин Б. К вопросу о комбинированном изучении евразийской и центрально-азиатской цивилизаций // Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций. Материалы международной научной конференции. С. 7.

⁴ Бира Ш. Вклад кочевых народов в историю цивилизаций Центральной Азии (Бира Ш. Монголын туух, соёл, туух бичлэгийн судалгаа. Токио, 1994. С. 185–192).

и Г. Чулуунбаатар¹, профессора Н. Хавх², Д. Чулуунжав³, Д. Баасанжав⁴ и др.

Монгольские авторы иногда приводят удачные аргументы в споре с оседлоцентристами, связанные с поразительной тенденцией в жизни Монголии в конце XX — начале XXI века: резкой амплитудой миграции из города в кочевья и обратно. В этой связи Ш. Бира совершенно справедливо заметил, что Тойнби поторопился, сказав о том, что пробил последний час номадизма: «Великий историк не мог предвидеть возрождения номадизма в Монголии»⁵. Г. Чулуунбаатар ставит вопрос о сосуществовании в Монголии сразу двух цивилизаций — кочевой и оседлой. Видимо, сама идея подобного симбиоза родилась неслучайно и связана с неопределенным и порой двусмысленным положением Монголии в различных схемах мировой истории, где она фигурирует в составе то одной, то другой цивилизации⁶. Самое удивительное здесь то, что, оперируя не проработанными на примере других макроуровневых структур понятиями и категориями, анализируя, по сути, взаимодействие двух укладов одного комплекса, автор выявляет некоторые специфические черты единой социокультурной общности.

За повышенным интересом, который прослеживается сейчас в Монголии в публикации литературы историко-философского содержания, стоит естественная потребность людей разобраться в истории своей родины.

¹ *Чулуунбаатар Г.* XX, XXI зууны зааг уеийн Монгол дахь иргэний нийгмийн толовшил, хөгжил (Формирование и развитие гражданского общества в Монголии на рубеже XX–XXI вв.). Улаанбаатар: Монгол улсын ШУА-ийн ФСЭХ, 1999.

² *Хавх Н.* Монголчуудын соёл иргэншлийн гүн ухаан. («Философия цивилизации монголов»). Улаанбаатар, 1995.

³ *Чулуунжав Д.* Монголын туухийн философи (нэн эртнээс XXI зууны эхэн) («Философия истории Монголии (с древних времен до начала XXI в.)»). Улаанбаатар: Монгол улсын ШУА-ийн ФСЭХ, 2005.

⁴ *Баасансурэн Д., Маналжав Г.* Улан-Батор на перекрестке цивилизаций Запада и Востока — Монгольский мир: между Востоком и Западом, Новосибирск, 2014. С. 242–245.

⁵ *Bira Sh.* The Nomadic Civilization of the Mongols and Their Folk Science // Bulletin. The IAMS News Information on Mongol Studies. 1998–1999. No 2(22), No 1(23). P. 8.

⁶ *Чулуунбаатар Г.* Нэг улс — хоёр соёл иргэншил. Очигдор, оноодор, маргааш (Одно государство — две цивилизации. Вчера, сегодня, завтра). 31–39 дэх талд.

2.3. Цивилизационные процессы в кочевом мире Внутренней Азии

Дополнительной аргументацией возможности вычленения на карте мироустройства монгольской цивилизации является то, что проблема выявления идентичности среди мировых цивилизаций какого-либо анклава, не вполне определившегося с точки зрения сторонних наблюдателей в своем отношении к крупным политическим общностям, напрямую связана с отличающимися друг от друга шкалами ценностей, которыми оперируют исследователи, теми или иными углами зрения. Соединяясь, взгляды со стороны отдельных центров внешнего мира дают стереоскопическую картину современного положения и будущего таких стран, автономий и регионов, как Монголия, Тибет, Австралия, ЮАР, Северный Кавказ, Украина, Турция и т.д. Эти взгляды обретают свое концентрированное выражение в поиске той или иной крупной общностью или государством призванной стать работающей схемы мировой истории и своего места в ней, в сопоставлении культур, народов, государств и политических движений, их расположении в определенной комплиментарной иерархии. Дело в том, что мир представляет собой систему разнообразных универсальных устремлений и приоритетов. Поэтому любое государство обязательно позиционирует себя и другие государства в какой-то одной работающей схеме мировых субъектов, связанной с политической интерпретацией границ распространения в мире идей, культур, религий, систем письма и других ценностей. Такая схема создается всякий раз коллективными усилиями государств-членов того или иного мирового блока, формального или неформального содружества (Запад, НАТО, ЕС, СНГ, ШОС, БРИКС, исламский мир и более узкие блоки), и/или собственными усилиями (Россия, США, Китай, Израиль и т.д.).

Если даже у небольшого государства есть своя работающая схема, в которой оно располагает себя в составе той или иной мировой цивилизации, в системе международных отношений, в мире в целом, то у мировых лидеров и у блоков государств в многосоставных мировых цивилизациях имеются универсалистские работающие схемы. Это — своеобразные углы зрения на происходящие процессы глобализации и регионализации, сближения и обособления различных субъектов исторического и культурного развития. В каждой схеме — своя пирамида предпочтений и приоритетов, свое видение места того или иного региона, анклава, государства, режима и оппо-

зиции режиму в будущей идеальной картине мира. В этом смысле, например, место Монголии в ее собственной схеме и в схемах России, США (и Запада в целом), КНР, индо-тибетской буддийской и центральноазиатской мусульманской общностей не может быть одинаковым.

Центральной темой в определении места Монголии среди мировых цивилизаций является выяснение отличительных черт, сводящих на нет любые попытки включить ее в состав какой-либо крупной соседней общности. Такими чертами являются ее принадлежность к северной (тибетской) ветви буддизма, а также сохраняющийся в качестве основного уклада сельского хозяйства номунизм с присущими ему культурами тенгрианства. Основные институты северной буддийской церкви (прежде всего, массовый ламаизм) и культы (прежде всего, Чингисхана) были атеистическими государствами практически полностью уничтожены во всех анклавах ее распространения в КНР, МНР и СССР, и сейчас идет процесс восстановления авторитета буддизма и имени великого степного предка, причем только в Монголии — в масштабе суверенного государства. Помимо этого уникального отличительного признака, для выявления самобытной цивилизационной идентичности Монголии остается феномен кочевого общества, который связывается в литературе с расхожим употреблением термина «кочевая цивилизация».

Историография проблемы кочевой цивилизации весьма обширна, но в историко-философском аспекте сводится к оседлоцентристской интерпретации места кочевников в мировой истории. И это неудивительно, поскольку история как современная наука создавалась в тех городах, которые изначально были или уже давно стали центрами традиционной оседло-земледельческой культуры. В городах, окруженных пашнями, садами и огородами, концентрировалась философская и историческая литература, в которой кочевники рассматривались в виде некоей экзотичной общности, остановившейся в своем развитии на ранних стадиях человеческого прогресса. Это положение не распространяется на работы евразийцев, представлявших в 20–30-е годы XX века русское зарубежье, интерес которых к «кочевнической стихии» прямо связывался с историческими судьбами покинутой ими России, подогревался ностальгией, и поэтому не мог органично встроиться в контекст западной классической философии истории. Однако их работы получили широкую известность на Западе и послужили определенным материалом для переосмысления наиболее одиозных положений в работах европоцентристов. Многие деятели российского

зарубежья инкорпорировались в западную науку, привнеся в нее некоторые элементы специфики отношения к кочевому миру со стороны русской научной школы, «необъятных просторов России».

Разумеется, наука не стояла на месте, степь подверглась натиску городской и земледельческой культуры, многие ее анклавы ассимилировались в составе земледельческих обществ и до своей полной ассимиляции успели послужить объектом пристального анализа исследователей. Научные экспедиции в глубинные районы степи принесли внушительные плоды: европейцы вживую увидели жизнь кочевников и их потребность в мирном сосуществовании с оседлыми народами, в местах их обитания открылись города — величественные творения зодчих, письменные памятники, богатейшие пласты устного творчества. Произошли сдвиги в интерпретации письменных источников, оставшихся от древних и средневековых nomadov в хранилищах покоренных когда-то ими городов, служивших ханскими ставками, столицами и опорными пунктами кочевых империй и улусов. Теперь мало кто из крупных теоретиков истории рискнет всерьез и прямо рассуждать о варварской сущности Тартарии, о полном отсутствии у nomadov истории. Произошел сдвиг в сторону некоторой почтительности к историческому творчеству nomadov, к признанию их пусть не совсем развитой, но все-таки частью всемирно-исторического процесса. И тем не менее по-прежнему недооценивается вклад кочевников в социально-классовое наполнение истории, в развитие форм государственности, историческое предназначение их существования (это четко прослеживается даже в самых комплиментарных к кочевникам работах оседлоцентристов¹).

На мой взгляд, центральной проблемой здесь стал вопрос о самом понятии «кочевой мир» и его стадийном соотношении с понятиями «цивилизация» (как ступень после дикости и варварства) и «локальная цивилизация». С этой проблемой связано соотношение между понятиями «кочевая цивилизация» и «оседлая земледельческая цивилизация».

В современной научной литературе мир кочевников принято трактовать со следующих позиций.

Во-первых, кочевой мир трактуется как осколок первобытного мира. В духе А.Дж. Тойнби кочевой мир сводится к некоей кочевой цивилизации, которая хотя уже и не рассматривается напрямую как «замедленная» или «застывшая» цивилизация², так и не вырвавшаяся

¹ См., например: Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004.

² Тойнби А.Дж. Указ. соч. С. 181, 698.

ся окончательно из ступени варварства, но за ней признаются только некоторые признаки, которые отличают ее от варварских обществ («суперсложные» племенные, вождественные, предгосударственные, экзополитарные, квазиимперские и т.д. институты — см., например, разделы в упомянутом сборнике, написанные Н.Н. Крадиным, Э.С. Кульпиным, Т. Холлом, Дж. Флетчером, Т. Барфилдом)¹. Из названия, плана работ и публикаций уже упомянутого выше Международного института по изучению кочевых цивилизаций со штаб-квартирой в Монголии, который осуществляет свою деятельность под эгидой ЮНЕСКО, следует, что понятие «кочевая цивилизация» связывается напрямую с понятием «локальная цивилизация», включается в контекст современной истории, не говоря уже об истории Средних веков².

И, во-вторых, считается, что кочевой скотоводческий мир во всем проигрывает миру оседло-земледельческому. Полный отрыв от варварства, как правило, связывается только с земледелием. Несогласных с этой позицией исследователей совсем немного, и они, будучи занятыми конкретно-историческими проблемами отдельных регионов степи, не делают развернутые историко-философские выводы³. Никто, правда, не говорит, что современный кочевой мир — это типиковое ответвление варварства, но общим местом в большинстве работ является обозначение того, что кочевники в цивилизационном плане уступают оседлым земледельцам — «старым», «великим», «признанным историей» высокоразвитым земледельческим цивилизациям⁴.

По первому вопросу наиболее весомый аргумент для спора вытекает, как это ни покажется парадоксальным, из работы самого Тойнби. Он рассмотрел кочевой мир сквозь призму сравнительного анализа и единых для кочевых и оседлых обществ критериев экономического роста, технического прогресса, духовных ценностей. Использование именно таких критериев и такого анализа как раз и необходимо для правильного понимания места кочевников в истории. Так, Тойнби отмечает определенные преимущества кочевой цивилизации перед земледельческой и проводит параллель между номадизмом и промышленным производством: «Если земледелец

¹ Монгольская империя и кочевой мир. С. 42, 141, 167, 212, 260 и след.

² *Nomads and Use of Pastures Today*. Ulaanbaatar, 2000.

³ *Кычанов Е.И.* Властители Азии. М., 2004; *Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976 и др.

⁴ *Жуковская Н.Л.* Кочевники Монголии. М., 2002. С. 7.

производит продукцию, которую он может сразу же и потреблять, кочевник, подобно промышленнику, тщательно перерабатывает сырой материал, который иначе не годится к употреблению... Эта непрягая утилизация растительного мира через посредство животного создает основу для развития человеческого ума и воли»¹. Таким образом, он признает, что кочевники совершили прорыв в сферу, экономически более выгодную, чем земледелие. Далее следовало бы перейти к оценке всемирно-исторических последствий этого прорыва, но Тойнби на этом резко останавливается. По мнению этого маститого английского философа истории, кочевники, осуществив доместикацию жвачных («искусство более высокое, чем доместикация растений, поскольку это победа человеческого ума и воли над менее послушным материалом»²), потерпели фиаско и «стали вечными узниками климатического и вегетационного цикла... утратили связь с миром»³. Данный тезис об «узниках климата» уже оспаривается самими оседлоцентристами. Но они, как правило, согласны с Тойнби в том, что у кочевников «нет истории»⁴ (в современной трактовке, например, у Н.Н. Крадина, это выглядит отрицанием их самостоятельной истории или некоей «окраинностью»⁵). На мой взгляд, кочевники представляли (как и земледельцы) неотъемлемую часть единого мира, необходимую антитезу общественному развитию земледельцев в замкнутых пространствах и являлись постоянными субъектами в динамике общественных изменений. Но почему-то их вклад связывают с решающими изменениями только на определенных этапах мировой истории (это ведет к утверждениям о случайном характере возвышения Чингисхана, а с ним — и всей степи, особой цикличности развития кочевников, зачастую забывая о том, что и земледельцы в какие-то моменты проявляли себя очень активно).

Второе. Подметив весьма существенный аспект отличия кочевой цивилизации от варварства и даже ее преимущества перед оседлой земледельческой цивилизацией, Тойнби отказал ей в праве выступать отдельным субъектом истории. Теоретик был бы, разумеется, прав, если бы отказался от употребления термина «кочевая цивилизация» уже не в качестве части дихотомической связки кочевники —

---

¹ Тойнби А.Дж. Указ. соч. С. 185.

² Там же.

³ Там же. С. 186.

⁴ Там же. С. 182.

⁵ Время мира. Альманах. Вып. 2. С. 388–389.

земледельцы, а в более узком смысле. Среди его локальных цивилизаций нет «оседлой земледельческой цивилизации», но есть «цивилизация кочевая», и это сбивает с толку многих современных исследователей. Эти два типа — понятия одноуровневые, не имеют отношения к локальным цивилизациям, а характеризуют определенный этап формирования общечеловеческой цивилизации, последовавший вслед за родовым строем. Признание отдельного существования кочевой цивилизации, после того, как указанный этап был пройден земледельцами, неминуемо приводит к оценке средневековых и даже современных кочевников как представителей первобытнообщинного строя. Однако и оседлые земледельцы, и кочевые скотоводы представляли собой отдельные монокультурные ветви начального этапа человеческой цивилизации.

Вне внимания «оседлоцентристов» оказывается тот факт, что ареалы расселения кочевников и оседлых земледельцев изначально были неоднородными, включали в себя плодородные равнины, степь, оазисы, лесные районы, пустыни и полупустыни, морское побережье. В определенных центрах появились очаги цивилизаций с преобладающим влиянием земледельцев, которые могли включать в себя внутренние полукочевые анклавные с отгонно-пастбищным животноводством, в других центрах земледельческие оазисы стали играть роль внутренних подсобных хозяйств кочевников, подобно тому, как в хозяйство первых вошло подсобное животноводство. Один и тот же народ в очагах доминирования кочевого мира оказывался зачастую одновременно кочевым, лесным и оседлым. (В настоящее время это явление можно наблюдать в Монголии.) Исторический процесс (изменения в культуре, социально-классовой структуре, возникновение государства, развитие письменности, распространение мировых религий и т.д.) на территориях проживания кочевых и оседлых народов шел параллельно (в чем-то даже синхронно), причем, когда у земледельцев господствовало рабство, кочевники превосходили их в динамизме общественных изменений. Это связано с «промышленным» характером ведущего уклада в экономике последних — кочевого скотоводческого производства, способствовавшего быстрому распространению в лесных, степных и земледельческих зонах их миграций частной, корпоративной (ошибочно, на наш взгляд, именуемой общинной, например, у славян) и государственной собственности на землю.

В настоящее время кочевой мир — это монокультурные анклавные различных цивилизаций. Никто не будет рассматривать рыболовецкие и овцеводческие анклавные Европы в начале XIX века в качестве

уголков первобытного мира только на том основании, что, скажем, в Исландии или в высокогорных районах Альп не было железных дорог и крупных промышленных предприятий, и ставить под вопрос цивилизованность тамошних жителей. А Монголию, стоящую на пересечении мощнейших цивилизационных потоков на протяжении двух с лишним тысяч лет, почему-то относят к родовому строю, говорят о дикости бытовавших там нравов и т.д. Настало время признать, что в монгольской цивилизации аккумулирован опыт кочевой и оседлой цивилизаций, что она не чужда городской культуре, социальному прогрессу, государственности.

Кочевое скотоводство, таким образом, совершенно неверно ассоциируется с крайне отсталой стадией развития человеческого общества. Налицо — подмена понятия «кочевой мир» понятием «кочевая цивилизация». Говорить об отдельно существующих цивилизациях кочевников-скотоводов и оседлых земледельцев допустимо лишь применительно к весьма отдаленному времени первого разделения труда. Мир кочевников-скотоводов вполне соотносится по времени возникновения и по значению своего вклада в становление человеческого общества с миром оседлых земледельцев. С момента первого разделения труда, когда одни занялись выращиванием злаков, другие — скота, оба эти мира исторически переплелись, были равноправны в формировании локальных цивилизаций, и сейчас присутствуют в них в виде институционального, культурного и политического наследия. В качестве господствующего в сельском хозяйстве уклада в масштабе целого государства кочевой мир присутствует в Монголии.

Но это не говорит о том, что Монголию можно соотносить с кочевой цивилизацией: это все равно что и все другие цивилизации низводить до уровня, характерного для эпохи первого разделения труда. Нынешнее кочевое скотоводство — это всего лишь тип хозяйства. Сохранение монокультурного характера сельского хозяйства Монголии не является отрицанием прогресса, оно лишь определяет ее положение в качестве специфического экологического и демографического анклава в центре Азии со своим собственным вектором технического и цивилизационного развития и, в конечном итоге, выступает условием выживания монгольского народа, его самобытной культуры и уникальной окружающей среды.

Вместе с тем вопрос о соотношении кочевого мира и цивилизации закономерен, поскольку в глазах сторонних наблюдателей из оседлого мира — иностранных летописцев, путешественников, ученых, писателей — общественное и культурное развитие жите-

лей степных, пустынных, горных и таежных зон Внутренней Азии выглядит весьма далеким от привычных понятий цивилизованной жизни, социального прогресса, собственно истории. Уже отмечалось выше, что даже для профессиональных историков, кочевниковедов, монголоведов, исследователей цивилизаций и мир-систем кочевники-скотоводы представляют собой не имеющую истории первобытную периферию или полупериферию цивилизованного оседлого мира. Поэтому возможность сохранения кочевой идентичности Монголии у многих исследователей вызывает скепсис.

Поводы для пессимизма, связанного с ожиданием «заката Европы» или другой той или иной культуры или цивилизации можно найти всегда. Но в данном случае есть немало поводов и для оптимизма. В границах мировых цивилизаций или зонах их влияния имеются горящие очаги, плавильные котлы разных общностей. Иногда это вспыхивающие старые очаги локальных цивилизаций, но иногда это что-то новое. Непонятно, как поведут себя такие очаги, как США, отдельные регионы мусульманского мира, Израиль, Латинская Америка, Западная Европа, Африка южнее Сахары и др. Есть анклав, переходящие из одной мировой цивилизации в другую (скажем, такой пример, как дрейф Австралии из лоно западной в лоно дальневосточной цивилизации). Есть также «дрейфующие» целые общности, которые находятся на перепутье: окончательно раствориться в какой-либо мировой цивилизации (например, Латинская Америка или Африка южнее Сахары в лоне западной цивилизации) или же пойти по пути своего собственного самовыражения и мирового предназначения. Если первый путь связан с утратой, то второй — с приобретением «дрейфующей» общностью всего комплекса признаков мировой цивилизации.

Ядро одной из таких «дрейфующих» общностей олицетворяет Монголия. Ее положение уникально тем, что уже вполне может по ряду признаков быть сопоставлено с положением ядер мировых цивилизаций. В атласе эти признаки могут быть представлены особенно наглядно.

Первым таким признаком является устойчивое на протяжении тысячелетий положение Монголии как культурного ядра на стыке разных цивилизаций. Почти две с половиной тысячи лет Монголия выступала пульсирующим центром мировых империй. Здесь наблюдается преемственность письменной и художественной культуры, религиозных представлений, государственного устройства, правовых норм, хозяйственная непрерывность.

Вторым признаком является резкое отличие монгольского ядра от ядер каждой из мировых, и прежде всего соседних, цивилизаций. Монголию — страну кочевников, тенгрианства и северной ветви буддизма — окружают оседлые общества с конфуцианским, православным и мусульманским ядрами. Современная Монголия — уникальная часть мира, где в масштабах государственных границ существует общество, экономические основы которого лежат в кочевом скотоводстве и современном промышленном производстве. Здесь современные жители мегаполиса, выезжая на природу, сталкиваются со специфическим сельским ландшафтом, который представлен не возделанными земледельцами пашнями, садами и огородами, а пастбищами, ухоженными кочевниками на протяжении тысячелетий.

Третьим признаком служит полный суверенитет. Монголия не является ни частью, ни зоной абсолютного влияния какой-либо одной мировой цивилизации. Монголия на протяжении всей своей истории оказывалась связующим звеном и геополитическим плацдармом, на котором происходило накапливание сил для формирования межцивилизационных империй колоссальных масштабов, таких как империи хунну, Цзинь, Чингисхана, маньчжуров. В этот же перечень можно включить кратковременный советско-монгольско-китайский коммунистический блок, удивительным образом совпавший контурами с границами нескольких улусов Великой Монгольской империи XIII века. Монголия, как и столетия назад, была настоящим геополитическим центром этого блока, так как до 1946 года являлась частью Китайской республики и одновременно государством под названием МНР, входившим в зону влияния СССР.

Четвертым признаком, сближающим Монголию с центральными странами мировых цивилизаций, является ее прямая причастность к определенному рубежу, изменившему ход всемирной истории. Монголия представляет собой тот островок мира, где, как тлеющий, а может быть и разгорающийся очаг, сохраняется комплекс живого переплетения кочевого и оседлого миров с характерными для них преимуществами, упущенными в процессе их слияния в единое оседлое целое.

С этим четвертым признаком связан, наконец, пятый признак, который должен окончательно определить место Монголии среди мировых цивилизаций — это всемирная потребность в том, что эта страна, эта общность несет с собой. Это очень спорный вопрос, ответ на него даст время, возможно, самое ближайшее.

Поэтому я позволю себе нарисовать только самый слабый контур проблемы.

Каждая культура несет человечеству определенный урок. Здесь и разные страхи, опасности, угрозы («белая», «красная», «желтая», «зеленая» и т.д.), и разные надежды на спасение (течения в христианстве, буддизме, исламе, конфуцианстве и т.д.), разные смыслы жизни, системы письма, традиции, обычаи и многое другое. Все, что можно соединить, соединилось и соединяется сейчас в мировых цивилизациях. В идеале мировые цивилизации могут стать похожими друг на друга именно тем, что в каждой из них найдется место всем культурам, в каждой будут присутствовать разные религии, системы ценностей, письма, языки. Несоединимыми останутся только самые тонкие сферы, связанные с генетическим кодом, пропорциями каждой мировой цивилизации. В эти тончайшие сферы религиозного или философского поиска смысла жизни, ответа на «вечные вопросы» переместится диалог цивилизаций, а их «столкновение», в идеале, должно быть уделом парных биполярных пространств родственных цивилизаций. Они в итоге всегда смогут найти друг с другом общий язык.

Именно Монголия, представляется, может выступить одним из плацдармов такого «тонкого» философского диалога цивилизаций. Слишком хрупкой она со своим менее чем трехмиллионным населением выглядит на фоне резкой разбалансировки сил в регионе — стремительно набирающего силу почти полуторамиллиардного Китая и России, не менее стремительно утрачивающей былые позиции в экономике. Но Монголия — это обтекаемый мировыми цивилизациями особый мир, это в статусе суверенного государства единственный продолжатель освященной тенгрианством северной ветви буддизма, отпочковавшейся от южной индуистско-буддийской традиции; это страна, связанная своей западной частью с исламским миром; страна, крепко привязанная экономически к Китаю; страна, озабоченная поиском «третьей» опоры на Западе; страна, опирающаяся в трудные дни на реальную помощь России, у которой весьма схожий с монгольским взгляд на всевозможные огораживания. Все мировые цивилизации захлестывают Монголию, но все внешние претензии взаимно уравновешиваются.

Если Монголия продолжит со времен раскола человечества на оседлых земледельцев и кочевых скотоводов оборонять от огораживания тучные пастбища, незагрязненную среду обитания, права людей жить на бескрайних просторах, то ее урок будет востребован

и можно будет говорить о появлении новой мировой цивилизации. Призвание цивилизации — показать пример человечеству, как остановить бездумные, резкие или вкрадчивые, действия по разрушению безопасности и идентичности большого количества малочисленных народов, природы и облика огромного региона Земли.

Глава 3

ФАЗЫ МОНГОЛЬСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

3.1. Схема исторических циклов развития монгольской цивилизации

Разделы разрабатываемого атласа должны будут иллюстрировать схемами и диаграммами исторические закономерности, по которым развивается монгольская цивилизация. Для этого нужно рассмотреть на монгольском примере таксономически равноценные с другими цивилизациями процессы, их фазы и стадии. Это облегчается наличием проделанной Питиримом Сорокиным систематизации «тотальных макросоциологических теорий цивилизаций», которая подводит к своеобразной легитимации (научной и в определенной мере политической) обобщенной схемы современного цивилизационного мироустройства и тем самым — прав и привилегий крупных общностей, включенных в схему, представлять себя в мировом сообществе в виде равноправных сегментов глобального. Например, таким сегментом предстает Запад, который «решает вопрос» о цивилизационной принадлежности своих частей — Франции, Великобритании, Бельгии, Италии и т.д., но не посягает на включение в свой состав Малайзии или Кореи. Поскольку Монголия является ядром обширного и устойчивого на протяжении свыше двух тысячелетий культурного региона — Внутренней Азии, разрабатываемый атлас призван показать место этой страны в обобщенной цивилизационной схеме, которое она должна иметь в соответствии с логикой, заложеной в текст сорокинской систематизации.

Рассмотрение политических и этнополитических процессов и трансформаций во Внутренней Азии на более высоких, чем местный и государственный, уровнях мироустройства не выявляет разногласий с общими критериями, по которым в указанных схемах

выделяются цивилизации. Вместе с тем среди цивилиографов превалирует освященный авторитетом Тойнби взгляд на кочевников как на «не имеющих истории» представителей первобытного общества. Пример Монголии опровергает этот взгляд, что хорошо видно уже при самой поверхностной примерке к ее историческому пути положений обоснованной П. Сорокиным теории повторения («неповторяющийся в целом исторический процесс соткан из повторяющихся элементов») и его же социологии революции¹.

Жизнь любых сколько-нибудь устойчивых обществ (от крупных мировых общностей до небольших территориальных общин) состоит из периодов относительного спокойствия и периодов, когда размеренная динамика существования нарушается, устойчивость и стабильность оказываются под угрозой; требуется определенное напряжение сил для того, чтобы восстановить равновесие. Нарушения равновесия (кризисы) преодолеваются путем реформ и войн, бесконечную череду которых можно обнаружить на примере истории любой страны. Войны, перевороты, бунты, восстания, путчи являются кульминационными моментами кризисов в обществе, которое тем не менее с рождения и до своей смерти пронесит через все эти перипетии собственные отличительные черты.

Но существует иная степень остроты исторических кульминаций — революции, которые высвечивают ситуации, когда никакое напряжение сил не в состоянии помочь обществу в восстановлении равновесия. Общество надламывается, крошится, причем в этом состоянии надлома завершается жизнь одного общества и одновременно начинается жизнь другого. Представляется, что революции случаются как в небольших и средних обществах в масштабах отдельных этносов, стран, государств, входящих в состав крупных общностей, так и в масштабе самих крупных общностей — цивилизаций. Первые — разрозненные, как правило, скоротечные революции, они микшируются в общем пространственно-временном континууме цивилизации. Вторые — протяженные во времени революции в масштабе цивилизаций; для их обозначения А.Дж. Тойнби использовал образ цивилизационных надломов².

По мнению Тойнби, цивилизационные надломы — весьма редкое явление. Он насчитывает всего 16 таких надломов в истории человечества³. В более ранней схеме О. Шпенглера для этого явления есть

---

¹ Сорокин П.А. Социология революции. М.: РОССПЭН, 2005. С. 27.

² Тойнби А.Дж. Указ. соч. С. 336.

³ Там же.

схожая формулировка — «надламывание сил»¹. Задолго до Тойнби и Шпенглера процесс смены цивилизаций описал Н.Я. Данилевский, который привел образ свежего среза ствола и черенка — «прививки»². Основоположники цивилизационного подхода, таким образом, признают наличие в мировой истории кульминационных моментов, связанных со своеобразной эстафетной сменой цивилизаций. Сами кульминации-надломы в этом случае могут быть протяженными во времени срезами («наискосок» — если буквально представить в пространственно-временной перспективе или ретроспекции «прививку-срез» Данилевского), которые могут продолжаться многие десятилетия. Столь протяженные отрезки времени затушевывают границы между сменяющимися друг друга цивилизациями, расплывающуюся трещину, поэтому цивилизационные надломы, в отличие от обычных революций, происходят незаметно для поколений современников; их нельзя связать с каким-либо одним событием или процессом, даже если это революция в одной из ведущих мировых держав.

Цивилизационный кризис, во время которого происходит угасание одного общества, его надлом и зарождение другого, сопровождается обычными кризисами, реформами и революциями. Протяженная во времени череда таких обычных кризисов совпадает, наконец, с решающим моментом — переходом власти от правящего меньшинства одной цивилизации (или ее отдельной фазы) к правящему меньшинству другой цивилизации (или следующей фазы). Такая ситуация не всегда сразу распознается современниками; далеко не всякая революция становится ключевым моментом надлома цивилизации. Очень часто революционные по форме перевороты сводились к достаточно крупным, но все-таки ограниченным реформам, к возвращению общества «на круги своя», а то и к регрессу или вообще к смерти ростков нового. Трудно выделить: в какой стране, какой кризис, какая революция были решающими в надломе той или иной цивилизации. Региональных кризисов очень много, а цивилизации или их фазы сменяют друг друга не часто. Достаточно вспомнить на примере Европы такую череду событий, как ряд античных и средневековых революций, акты принятия христианства различными народами, Крестовые походы, революции в Нидерландах, Англии, Великая Французская революция, войны Наполеона, более поздние революции в других

¹ Шпенглер О. Указ. соч. С. 264.

² Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 103.

европейских странах, Парижская коммуна, Англо-бурская война, революции начала XX века в России, Германии и Венгрии, Первая и Вторая мировые войны, Пражская весна, падение Берлинской стены и т.д. Кульминационные моменты цивилизационных надломов и «прививок» не всегда четко обнаруживаются не только в этих разовых актах, но даже в приблизительных географических и хронологических пределах таких продолжительных процессов, как, например, античность, Средние века, Великие географические открытия, Возрождение и Реформация, Промышленная революция, нынешний переход к постиндустриальной эпохе. А ведь именно в какие-то моменты этих или других крупных вех, по сути, сменяются разные общества, «к старому стволу прививаются новые черенки».

Переход власти от одного субъекта к другому, революция в масштабе отдельной страны или региона не означает автоматической ликвидации устоев отжившего общества и утверждения монополии устоев нарождающегося. Старое общество осталось у соседей, да и внутри региона или страны продолжает существовать в виде гвардии (в буквальном или переносном смысле) его сторонников, эмиграции, мечтающей о реставрации, явной и тайной внутренней оппозиции, в ежедневных связях, привычках, воззрениях людей и т.д. Новое же общество с победой революции очень часто на первых порах существует, помимо безликой властной вертикали, только в головах небольшой группы людей, принявших сакральный текст нового учения, лозунги вождя, готовых к насаждению где-то убеждением, а где-то и силой оружия новых институтов, символов и порядков.

Старое общество только тогда не возвращается, уничтожив, отбросив или подмяв под себя ростки нового, сменив или сохранив свое обличье, когда оно окончательно отжило свой срок в масштабе цивилизации, прошло через мелкие и крупные региональные революции все круги сползания в цивилизационный кризис. В этом смысле цивилизационный кризис означает катастрофическое положение основных устоев старого общества на уровне всех регионов. Правда, это не означает, что во всех регионах происходят революции, причем по одному и тому же образцу. Микширующая роль значительного пространственно-временного отрезка, отведенного надлому цивилизации, проявляется в том, что «постреволюционный порядок в символической и институциональных сферах, очень похожий на тот, что сформировался в... странах, прошедших революцию», может возникнуть и в странах, «которые не испытали не-

посредственного воздействия революционного процесса»¹. И все же новое общество окончательно утверждается только тогда, когда оно, пережив старое, вышло из кризиса цивилизации.

Однако неравномерные этнополитические процессы ведут к тому, что в рамках одних и тех же этносов остатки старого общества присутствуют рядом с элементами нового общества. Причем у разных этносов в разных пропорциях. Например, по Норману Дэвису, идеалы новой эпохи — эпохи Просвещения — пробивали себе дорогу в разных странах Европы и в Америке по-разному: в Нидерландах и Великобритании — в либеральном духе, в американских колониях — в духе бунтарства против британского правления, во Франции, Испании и Италии эти идеалы вдохновляли интеллектуалов, бывших в оппозиции старому режиму, но не имевших законных средств борьбы с ним, в Центральной и Восточной Европе к идеям Просвещения обращались «просвещенные деспоты»². В таких случаях кульминационный момент и место начала цивилизационного надлома не вполне единодушно определяются даже специалистами — историками и социологами. Положение некоторым образом проясняется, если глубокий разрыв между старым и новым обществом прослеживается на длительном промежутке времени по линии этнополитических границ.

Тойнби, отмечая чрезвычайную редкость цивилизационных надломов, не задавался целью обнаруживать их в периодизации истории тех народов, которые были, по его мнению, остановлены в своем развитии или вообще «не имели истории». Так, он прошел мимо кочевых империй Монголии древности и Средневековья, проигнорировав уникальные особенности этнополитического развития всей Внутренней Азии. На протяжении полутора тысячелетий (с III века до н.э. по XIII век) на территории Монголии в катастрофическом ритме возникали и сменяли друг друга центры нескольких империй, оставивших неизгладимый след в мировой истории. И это были империи, в которых правящее меньшинство и внутренний пролетариат каждый раз были представлены новым этносом. Это говорит о том, что во Внутренней Азии с древности по настоящее время произошла серия цивилизационных надломов: революционный кризис, начинаясь в том или ином регионе, каждый раз охватывал

---

¹ Об этом пишет Ш. Эйзенштадт применительно к опыту ряда европейских стран: *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 258–259.

² *Дэвис Н.* История Европы. М.: АСТ, 2007. С. 448.

цивилизационное пространство целиком, сметал старое общество и расчищал дорогу новому. В этом отношении Внутренняя Азия не является каким-либо уникальным уголком планеты — просто цивилизационные надломы, характерные для всех локальных цивилизаций (в том числе, например, для Запада со времен античности), здесь проявились достаточно наглядно благодаря резко выраженной до XIII века переселенческой доминанте с этнической окраской.

Эти наглядные качества цивилизационных надломов во Внутренней Азии, приводивших к гибели старых и образованию новых империй, позволяют приблизиться к более углубленному пониманию фаз и циклов цивилизационного развития вообще. В носивших революционный характер процессах образования империй во Внутренней Азии есть общие черты с процессом формирования «связанных» (по Тойнби) цивилизаций в других регионах, «возникших на месте уже ранее существовавших»¹. Достаточно указать на одну общую черту в кульминационном моменте — возникновение социально-политического ядра, которое в дальнейшем станет правящим меньшинством и распространит свою лидирующую роль далеко за пределы метрополии.

В настоящем исследовании невозможно дать даже беглый разбор цивилизационной морфологии всемирной истории, поэтому для иллюстрации будет взят лишь один пример — цивилизационный надлом, благодаря которому из соединения Старого и Нового Света возникла современная общность Запада. Прежде чем приступить к рассмотрению фаз этнополитической истории древней и средневековой Монголии, целесообразно более подробно рассмотреть ключевые черты сходства между такими цивилизационными образованиями, как современный Запад и одна из кочевых империй Монголии.

Это сходство проявляется в таких структурообразующих деталях и таких подробностях этапов начала, кульминации и завершения процессов, что напрашивается вывод о том, что это сходство носит таксономический характер:

---

¹ Тойнби А.Дж. Указ. соч. С. 130.

Таблица 3.1

**Сравнение цивилизационных процессов на современном Западе
и во Внутренней Азии в период Монгольской империи**

№	Современный Запад	Внутренняя Азия в период Монгольской империи
1	Ядром современной западной цивилизации является Белый дом в Вашингтоне, округ Колумбия. США — супердержава, общепризнанный не только западный, но и мировой лидер.	Ядром кочевой общности Внутренней Азии в период Монгольской империи была ставка хана в Каракоруме. Монголия превратилась в центр крупнейшей мировой империи.
2	Началом цивилизационного надлома явилась «прививка в срез» Старого Света «черенка» Света Нового — образование США, Американская революция XVIII в.	«Черенком, привитым в срез» Внутренней Азии был переворот XII в., связанный с образованием первого монгольского государства — Хамаг Монгол Улус.
3	Американской революции предшествовало формирование в Старом и Новом Свете политических идеалов Просвещения, понимаемых в разных странах по-разному, которые Соединенные Штаты начали воплощать в устройстве своего государства с наибольшей полнотой.	Государству Хамаг Монгол Улус предшествовало формирование во Внутренней Азии больших и малых кочевых государств с различным устройством политической и религиозной жизни. Монгольское государство начало искать скрепляющие все этносы и государства Внутренней Азии символы.
4	Америка стала первой демократической республикой нового времени. Это положило начало формированию новой общности — Запада — со своими характерными современными чертами. В Америке католицизм и протестантизм смогли вполне мирно ужиться в рамках одного государства.	Монголы начали воплощать в устройстве своего государства тенгрианские принципы безопасного сосуществования народов, говорящих на разных языках, исповедующих разные религии — буддизм, христианство (несторинского толка), ислам, местные культы.
5	В политическом устройстве американского государства широко использовался имеющийся материал, в том числе отжившие формы социальных отношений, включая рабство. Но американцы последовательно, этап за этапом отрывались от феодальных порядков, господствовавших в Европе, и могли сконцентрироваться на созидании нового общества.	В политическом устройстве монгольского государства также было немало пережитков прошлого, но монголы освобождались от влияния институтов и порядков своих предшественников и соседей — киданей и чжурчженей. Пришедшее на смену Хамаг Монгол Улусу государство Чингисхана было свободно от влияния даже прежней монгольской знати, в свое время обреченной будущего правителя на лишения в годы его возмужания.

№	Современный Запад	Внутренняя Азия в период Монгольской империи
6	Лидирующие позиции в мире США сохраняют за счет своей роли центра политической, военной и финансовой мощи, военного присутствия и делегирования полномочий региональным структурам — блокам и режимам.	То же самое характерно для Монгольской империи в период расцвета. Власть великого хана из метрополии осуществлялась через государства чингисидов в Азии и Европе.
7	Универсальный мир Запада вступил в полосу цивилизационного надлома в связи с биполярным противостоянием США и СССР, и ныне этот надлом углубляется в связи с формированием многополюсного мироустройства.	Монгольская империя пережила раздвоение центра в связи с противостоянием двух столиц — Каракорума и Пекина, после чего от империи отпали улусы Джучи, Чагатай и Хулагу. Монгольская империя, как и современный Запад, приняла участие в формировании новых «черенков для прививок» в Азии и Европе.

Американская революция XVIII века, по Сорокину, относится к тем революциям, которые «представляют собой скорее войну одного общества с другим и существенно отличаются от “революций” настоящих, происходящих внутри одного и того же общества»¹. Образование США, с точки зрения американской истории, действительно было результатом войны местного общества с британским (и, следовательно, «заокеанским») обществом. Но с точки зрения всей западной общности эта революция была кульминационным моментом внутреннего цивилизационного надлома. Структура надлома как революции в масштабе цивилизации достаточно четко обозначена этнополитической границей, резко проявившейся в кульминационный момент. Этот тип весьма протяженной во времени и пространстве революции вполне согласуется с сорокинской схемой революционного периода, как целого, которое «неизбежно состоит из двух частей, неразрывно связанных друг с другом и неотделимых одна от другой, как неотделима голова живого человека от его туловища»².

¹ Сорокин П.А. Социология революции. С. 31.

² Там же. С. 29.

Схема 3.1

Стадии революционного периода¹

Нормальный период	Революционный период		Нормальный период
	1-я стадия	2-я стадия «реакция»	

Приводя эту схему, Сорокин специально отметил: «“Реакция” не есть явление, выходящее за пределы революции, а неизбежная часть самого революционного периода — его вторая половина. Диктатура Робеспьера или Ленина, Кромвеля или Яна Жижки означала не конец революции, а ее разгар... Только тогда, когда кончается “реакция”, когда общество входит в период нормального органического развития, только тогда революция может считаться оконченной»². Первая стадия революции знаменуется решительными ударами по старому обществу и его ответной реакцией — контрреволюционными ударами; однако старое общество начинает крошиться и постепенно идет к полному краху. Одновременно появляются ростки второй стадии революции, связанные с реакцией революционеров на сопротивление старого общества и с появлением (через диктатуру или другую форму реакции) нового общества со всеми своими институтами, порядками и другими характерными чертами. Поэтому для графического изображения стадий революционного периода, наслаивающихся друг на друга, более подходит уже описывавшийся выше образ, примененный Данилевским: контур «косого среза прививки черенка к старому стволу». Для «настоящей революции» (по Сорокину) и для цивилизационного надлома схема могла бы выглядеть следующим образом:

Схема 3.2

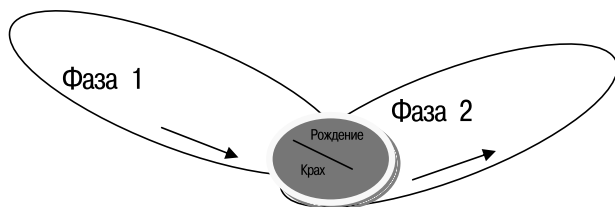
Совмещение стадий революционного периода

Нормальный период	2-я стадия	Нормальный период
	1-я стадия	

¹ Там же. С. 30.

² Там же.

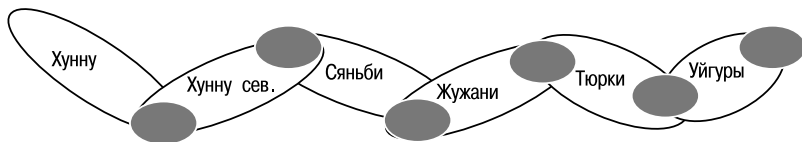
Межфазовый цивилизационный надлом

Во Внутренней Азии период истории с III века до н.э. по XIII век представляет собой ряд ярко выраженных цивилизационных надломов, связанных с чередой сменяющих друг друга разных в этнополитическом отношении обществ — кочевых универсальных государств с центром в Монголии.

Цивилизационные надломы в истории общности Внутренней Азии (III в. до н.э. — X в. н.э.)

- III	- II	- I	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
-------	------	-----	---	----	-----	----	---	----	-----	------	----	---

Не вдаваясь в тему цикличности космических и земных явлений, в данной работе можно ограничиться констатацией четкой ритмичности монгольской истории. В ритмах обнаруживается определенная закономерность — наложение длинных фаз (фаза — весь период существования общества с первых ростков возникновения до полного угасания) на более короткие циклы (цикл — период между кульминационными моментами смены обществ). Разумеется, приводимые круглые числа — 300-летние фазы, 200-летние циклы и 100-летние революционные периоды — дань схематизму и упрощению (см. схему 3.4). Нужно учитывать и допускать на отдельных

участках аритмию, замедление или учащение «пульса» исторического времени, растяжение некоторых фаз или, наоборот, сжатие. Правильнее было бы изображать картину с разной длиной фаз, циклов и революционных периодов, которые в действительности несколько длиннее или короче указанных в схеме. Следует также учитывать, что во время надлома иногда происходит рождение не одного, а большего количества зачатков новых обществ. Такими зачатками выступали кочующие орды — степные универсальные государства, которые либо погибают, расчищая путь другим, либо покидают Монголию, «прививаются» в теле других цивилизаций, а затем частично отпочковываются и возвращаются. Так было во время военных походов, миграций, посольств и т.д. Можно вспомнить миграции хунну и жуаньжуаней в Китай и Европу, походы и посольства Чингисхана, миссии монголов в Тибете, где они сначала произвели политический переворот, расчистивший путь тибетским школам для формирования мировой религии и откуда через несколько столетий творчески заимствовали буддизм, предварительно создав институт далай-лам. Переносясь в XX век, можно вспомнить Азиатскую дивизию барона Унгерна — интернациональную орду, наконец, делегацию первых монгольских революционеров в Советскую Россию, вернувшуюся на родину с новым правительством. Можно также вспомнить создание Хабул-ханом государства Хамаг Монгол Улус в XII веке, а также революцию 1911 года, провозгласившую монгольскую теократическую монархию. Оба эти случая закончились неудачей, но проложили путь более масштабным событиям. Для отражения всех этих событий в схеме необходимы скрупулезные, по годам, исследования исторической канвы событий. Поэтому автор намеренно микширует стыки между фазами неопределенными границами надломов, а сами фазы только условно изображает одинаковыми по протяженности. Фазы означают различные общества, причем между ними есть преемственность — конец одной фазы хронологически наслаивается на начало следующей. Наложение фаз друг на друга выглядит сосуществованием уходящего и идущего ему на смену обществ, но сосуществованием в разных плоскостях.

Не следует соотносить протяженность той или иной фазы с неким эталоном. То или иное общество может представлять отдельную фазу той или иной цивилизации, но одновременно оно может явиться «инородной прививкой» в срез другой цивилизации. Поэтому оно может иметь неопределенную протяженность своего существования и даже переживать революционные периоды в рамках одной локальной цивилизации. Интересно, как подобная смена

разных обществ в развитии локальной цивилизации проявляется в других цивилизациях, например в Западной Европе. Тойнби выделяет «шесть форпостов в истории Западной Европы». Он обозначает эти форпосты следующим образом: «Западный мир против континентальных и европейских варваров», «Западный мир против Московии», «Западный мир против Оттоманской империи», «Западный мир против дальнезападного христианства», «Западный мир против Скандинавии», «Западный мир против сирийского мира на Иберийском полуострове»¹. Проявления реакции разных частей западного мира на внешние вызовы или угрозы были апогеями фаз, правда сами эти фазы в Западной Европе имеют особенность наслаиваться и перекрывать друг друга. Например, апогеем первой фазы была саксонская реакция на внешний вызов при Оттоне I, когда на рубеже X–XI веков при режиме Оттонов были обращены в христианство мадьяры, поляки и скандинавы².

Внешне смена фаз общественного развития напоминает биологические принципы линии смены человеческих поколений — сосуществование зрелого (или состарившегося) отца с юным (или вполне возмужавшим) сыном. Циклы же, в которых отсекаются наслаивания совпавших по времени периодов фаз, сопоставимы с социальными принципами линии престолонаследия. Продолжительность жизни основателя династии и каждого из поочередно вступающих на престол его наследников исчисляется по датам их рождения и смерти, но сумма прожитых ими лет не дает картины возраста династии. Однако, если в отдельной династии смена правителей, несмотря на их резкие различия в привычках, предпочтениях, характерах и в судьбах, как правило, не означает смены языка, религии и основных правовых норм, то смена обществ может резко изменить язык, религию, смыслы и траектории развития.

Катастрофичность — особенность монгольской цивилизации, связанная с номадической линией истории. Только в степи, где происходит круговорот кочевых обществ, взаимодействующих с разными культурами и цивилизациями, возможно длительное сосуществование разных религий, идеологий, воззрений. Открытая всем сторонам света степь дает шанс любой мировой идее завоевать сердца кочевников. Но завоевавшая сердца идея оказывается здесь под постоянным контролем и натиском других великих идей, объединенных поклонением «Вечному синему небу». В этом — «закваска» истории; вопреки

---

¹ Тойнби А.Дж. Указ. соч. С. 142–164.

Там же. С. 143.

стереотипам о «застывшем» обществе, именно номады Монголии на протяжении тысячелетий живут в самом динамично меняющемся мире.

На протяжении всей истории Монголии, зафиксированной письменными источниками (сейчас пошел двадцать четвертый век этой истории), сменилось одиннадцать обществ и сейчас рождается двенадцатое. Если принять во внимание основные траектории расселения в этот период народов Монголии — хунну (сюнну, гуннов), жуаньжуаней (аваров, обров), тюрков (турок, татар и др.) и монголов (калмыков), то можно предположить подобные миграции известных по китайским летописям предков хунну — жунов и ди — и в предшествующее тысячелетие. Выходцы из Монголии, переселяясь на большие расстояния, часто, по прошествии жизни одного, двух или даже большего числа поколений, возвращались на родную землю. Возвращались, может быть, совсем немногие, иногда забыв язык, но приобретя новый опыт в своих странствиях. Как отмечал древнекитайский историк Сыма Цянь (145–87 год до н.э.), от легендарного прародителя сюнну (хунну) Шунь Вэя до шаньюя Тоуманя (первого шаньюя, имя которого упомянуто в исторических летописях), «прошло более тысячи лет, в продолжение которых сюнну временами усиливались, временами слабели, распались и делились, но было это давно, а поэтому невозможно узнать и по порядку изложить переходы власти от одного правителя к другому»¹. Можно с полным основанием утверждать о связях народов Монголии контактами и опытом не только с китайцами, тибетцами, византийцами, римлянами, парфянами, остготами, гепидами, герулами, славянами и др., но и с ариями, греками, скифами и др. Как бы то ни было, этот пласт контактов на просторах Европы и Азии в трудах по философии истории до последнего времени рассматривался только через призму варварского окружения так называемых цивилизованных народов. Однако открытые на территории Монголии археологические памятники, исследования последнего времени письменных источников указанных выше периодов истории выявили поразительные факты разнообразия и высокой культуры представленных Монголией обществ.

Схема 4 показывает калейдоскопичность истории Монголии от империи хунну до начала Киданьской империи; создается впечатление, что это не фазы одной цивилизации, а разные цивилизации

---

¹ Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Предисл., пер. и примеч. В.С. Таскина. М.: Наука, 1968. С. 9.

следуют друг за другом. По логике схемы Тойнби — так и есть: у каждого общества, представленного очередной фазой, — свой след во всемирной истории (след равного партнера других крупных обществ того времени — Китая, Византии, Запада и т.д.), свои культура, язык, системы письма, религии, нормы морали и права. А главное, три тойнбианских признака — свое универсальное государство, своя универсальная церковь и движение племен¹. Есть письменные и археологические свидетельства того, что в этих империях, каганатах и ханствах существовали различные, оригинальные и заимствованные из Греции и Рима, Передней и Центральной Азии, Персии, Индии и Китая системы письма, знаний, а все пришедшие оттуда же религиозные или местные шаманские культы были связаны с мощной традицией поклонения небу.

Первая фаза занимает период с III по I век до н.э. и связана с высокоразвитым «универсальным» государством хунну, имевшим свою «универсальную церковь» — поклонение небу, правовую основу, письменное делопроизводство, города, оригинальную культуру. Хунну оставили ярчайший след в истории многих государств Азии и Европы. Их стремительные появления в глубинных районах Китая, в Центральной Азии, на границах Византии, в Западной Европе, вкупе с военной мощью и отточенной стратегией и тактикой способствовали росту их известности и славы, но очень часто эту славу побежденные противники (а вслед за ними — историки) интерпретировали в духе зверств и варварского поведения. На самом же деле, ничего сверхъестественно жестокого в поведении кочевников на войне нет; просто они сильно отличались в культурном отношении, в привычках и предпочтениях от земледельцев. Эти культурные различия тем не менее совершенно не препятствовали хунну иметь широкие межгосударственные контакты.

Если в начале возвышения хунну император Китая Цинь Ши-Хуанди (259–210 год до н.э.) стремился отгородиться от них, послав с войсками полководца Мэн Тяня на север «строить Великую Стену и прочно удерживать рубежи вдоль нее»², то к 162 году до н.э. относится официальное признание ханьским императором Сяо Вэньди того факта, что «Хань и сюнну — равные по силе соседние государства. [Владение] сюнну расположено в северных землях, где холодно и рано наступают убийственные морозы, поэтому чиновникам

¹ Тойнби А.Дж. Указ. соч. С. 42, 45, 47, 55–56.

² *Сьма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. VI / Пер. с кит., предисл. и коммент. Р.В. Вяткина. М.: Восточная литература, 1992. С. 161.

приказано ежегодно отправлять в подарок шаньюю определенное количество солода из клейкого проса, золота, шелковых тканей, шелковой ваты и прочих вещей»¹. Таким способом Китай, хотя и несколько «прогнулся» под натиском кочевников, тем не менее вполне успешно начал уже не отгораживаться, а подрывать способность хунну опираться на собственную экономику.

Конец господства хунну в Монголии как раз и был связан с их стремлением походить на соседей, с превышением их потребностей над теми возможностями, которые давала монгольская степь; хунну раскололись на северных и южных. Это стало надломом цивилизации.

Вторая фаза (I век до н.э. — II век н.э.) характеризуется ситуацией, связанной с исходом хунну. Они стали чужими в выросшем их ландшафте и вынуждены были уйти на юг (в Северный Китай) и на запад (вплоть до Центральной Европы). Оставшаяся часть (северные хунну) не заполняла собой весь политический ландшафт и сосуществовала с династиями сяньби. В конце концов произошел новый надлом — вызванный возвышением сяньби над северными хунну.

Третья фаза (II–IV века). Государство Сяньби строилось на совершенно иных социальных и политических принципах, чем у хунну. Сяньби, изменившиеся в языковом и этническом отношении в результате слияния с оставшимися и возвратившимися в Монголию хунну, резко усилились и завоевали всю территорию, подвластную хунну в период их могущества. Но это был очень короткий период — период правления Тяньшихуая (141–182). Став во многом искусственным полиэтническим образованием, государство Сяньби, копируя историю хунну, положило начало росту новых государств — тоба, муон, юйвэнь и др., которые повторили судьбу своих предшественников — ушли из Монголии. В момент надлома Тоба образовали династию Тоба Вэй, или Северная Вэй (386–535), правившую в Северном Китае.

Четвертая фаза (IV–VI века) характеризуется вновь (как в эпоху хунну) появлением на территории Монголии высокоразвитого государства с оригинальными культурой, системами управления, права, письменности (протоорхонской). Это жуаньжуанский (жуаньжуанский) каганат, находившийся вначале в зависимости от государства Северная Вэй (Тоба Вэй), а затем вступивший с ним в борьбу на равных. Разбит каганат был тюрками. Жуаньжуани (жужани,

---

¹ Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). С. 48.

обры — в русских летописях, авары) повторили путь хунну на запад, дошли до Паннонии, где просуществовали до X века (Аварский каганат).

Пятая фаза (VI–VIII века) связана с тюрками, которые получили в Монголии расцвет культуры, письменности (рунической), первый опыт государственного строительства (Тюркские каганаты). Они строили города и поселения с керамическими водопроводными трубами, дороги, почтовые станции, развивали различные искусства. В их государстве были развиты традиционные верования народов монгольской степи и Забайкалья — шаманизм, а также тенгрианство и буддизм. До своего ухода из Монголии и распространения на огромных пространствах они оставили в монгольской степи глубокий культурный след; их потомки, смешанные с местным населением областей оседания, ныне представляют в Евразии разные народы.

Шестая фаза (VIII–X века) приходится на государства уйгуров и киргизов, которые заполнили политический ландшафт Монголии после тюрков. Монгоязычные и тюркоязычные народы, входившие в состав этих ханств, были разнородными в социально-экономическом, политическом и культурном отношении. В стране основной религией было тенгрианство, культуры которого справлялись шаманами, но проповедовали и согдийские монахи, буддийские, манихейские и христианские священнослужители. Уйгурская письменность восходила к арамейскому алфавиту через посредничество согдийцев. В историю вошли памятники градостроительства — столица Ордубалык (Балыклык) и город Байбалык.

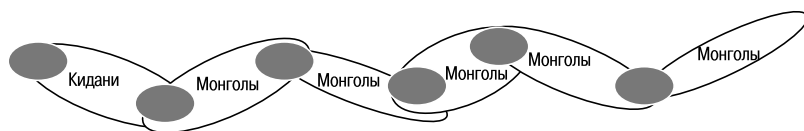
Эти первые шесть фаз настолько отличаются друг от друга, что если бы не то обстоятельство, что в истории Монголии подобная смена фаз происходила и в последующие эпохи (но после киданей — уже без смены языка, хотя в религиозном, правовом и культурном отношении различия были кардинальными), то можно было бы подумать, что здесь имеет место калейдоскопическая череда совершенно разных локальных цивилизаций. На деле же Монголия выступила родиной своеобразной пульсирующей цивилизации, кузницей вспыхивавших через определенные промежутки времени обществ, резко отличавшихся друг от друга в языковом, культурном и правовом отношении. Это напоминает историю Европы, где разные народы на протяжении тысячелетий успели оставить свой яркий след в истории Запада. Подобно тому как самые различные общества земледельцев Европы, Америки, Африки и Азии имеют общую черту — оседлость, так и этнически различавшиеся обще-

ства Монголии объединяла такая же общая, но другая черта — кочевничество.

Схема 3.5

**Цивилизационные надломы в истории общности
Внутренней Азии (X — нач. XXI в.)**

X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX	XXI
---	----	-----	------	-----	----	-----	------	-------	-----	----	-----

Последнее тысячелетие в Монголии представлено шестью обществами (см. схему 3.5), также, как и предыдущие, резко отличными друг от друга. Смена обществ сопровождалась событиями, менявшими материальные и духовные условия существования, траекторию развития, правовые, нравственные, религиозные и культурные условия существования.

Седьмая фаза, она же первая трехвековая фаза последнего тысячелетия, заняла период с X по XII век. На этой фазе империя киданей с конфуцианско-буддийскими правителями осуществляет свою миссию и сходит с исторической арены, постепенно уступая место творчеству различных монгольских династий, которые переняли опыт государственного строительства у своих предшественников, создавали по их образу и подобию государства, в том числе недолговечное государство Хамаг Монгол Улус, потеряли его и стремились к воссоединению. Но династии для этого были слишком пестрыми в этническом, языковом и религиозном отношении. В степи от киданей конфуцианская модель не перешла ни к кому, не получила признания; кто-то исповедовал тенгрианство или несторианскую ветвь христианства, а кому-то были ближе ценности буддизма. С середины — конца XI века начинается кризис. Отжившие киданские образцы политического и духовного устройства общества уже не работали, равновесие становилось неустойчивым и вскоре было потеряно. XII век является концом этой фазы и одновременно началом следующей. В этот период надлома Чингисхану с группой нукеров (дружинников) удается собрать на совершенно новых принципах

монгольское государство и превратить его в доминирующую силу в регионе.

Восьмая фаза (XII–XIV века) характеризуется тем, что начинает складываться новое равновесие, кризис преодолевается, появляется новое общество. В основе этого общества лежит смычка кочевого хозяйства и города, военная мобилизация, имперская власть над значительной частью Евразии, оригинальная идея мироустройства, религия тэнгрианства, прагматичный подход правящего класса ко всем мировым религиям, веротерпимость, сакральный авторитет правителя. Растянувшийся распад империи обозначил новый надлом, наиболее четко проявившийся возвращением в Монголию в XIV веке остатков руководящего ядра (правлящего меньшинства) и воинства (внутреннего пролетариата) ее империи. Многие забыли язык, обычаи и традиции своего народа.

Девятая фаза (XIV–XVI века), выросшая из этого надлома, знаменует общество, стремящееся скрепить воедино вернувшихся людей с теми, кто не покидал родных мест. Это удалось, несмотря на то, что в целом это общество принято до сих пор считать жившим в культурной и религиозной раздробленности, политической разобщенности, в войнах и столкновениях составляющих его частей, в условиях падения роли городской жизни. Но можно и нужно понимать эту фазу иначе: общество было представлено культурным, политическим и религиозным разнообразием, опиралось на внутренний потенциал степи. К концу фазы братоубийственные войны, демонстрируя бессмысленность жертв, принимают характер углубляющегося кризиса. Произошел надлом, продиктованный необходимостью поиска новых скрепляющих символов. Решение было найдено в создании принципиально нового религиозного направления — северного буддизма, превратившегося в мировую религию в результате творческой смычки монгольской политической и военной мощи с тибетскими религиозными течениями.

Десятая фаза (XVI–XVIII века) обнаруживает ядро Внутренней Азии — Северную (Внешнюю) Монголию — в самоизоляции, своеобразном коллективном отшельничестве. Строительство этой ниши совпало с возвышением маньчжуров, пытавшихся перенять опыт монгольской империи, на которых монголам удалось возложить роль гарантов своей изоляции. Разумеется, отношения между монголами и маньчжурами никогда не были идиллическими; этому в немалой степени способствовала продолжавшаяся до второй половины XVIII века междоусобная борьба между самими монгольскими князьями (северными и южными, западными и восточными).

ми), часто апеллировавшими к Цинам. Крупными вехами были: поражение хорчинского князя Онгудая от первого маньчжурского императора Нурхаци в 1598 году (позже эти два дома бывших противников породнились); поражение Лигдэн-хана в 1634 году и восшествие маньчжурского императора Абахая на монгольский престол с подчинением ему всех князей Южной Монголии. Северная Монголия обозначила в тот момент собственный вектор развития.

Будучи некогда собранными под крышей одной империи, малочисленные монгольские народы оказались на севере и юге в разных условиях социально-экономического и политического развития и пошли разными путями. Воинственные кочевники-маньчжуры сумели воспользоваться раздробленностью не менее воинственных кочевников-монголов и, одерживая одну военную победу за другой, начали рассматривать монголов из присоединявшихся к ним южных ханств и княжеств как своих единомышленников в войне с Китаем, призванных стать вторым после них по значимости и привилегиям народом империи, стоявшим над ханьцами. Именно такой политический подход маньчжуров к переживавшим период внутренних раздоров и неурядиц монголам и позволил ускорить решение вопроса присоединения последних к империи. Ойрато-халхасская война (т.е. война западных и восточных монголов между собой) в Северной Монголии закончилась в 1688 году переходом разгромленных халхасских князей на сторону маньчжуров. Родной ойратам (западным монголам) Кобдосский округ был присоединен к империи Цин лишь в 1758 году; до этого он входил в состав Джунгарского ханства.

В то время как родные земли маньчжуров (на северо-востоке современной КНР) быстро заселялись и осваивались китайскими земледельцами, превращались в обычные китайские провинции, Монголия сохраняла свою культурную самобытность, выступала своеобразным островком традиций кочевых государств и империй прошедших эпох.

Маньчжуры, в отличие от монголов, не были исключительно кочевым народом — значительная их часть издавна занималась земледелием. Поэтому в условиях единого государства, объединившего полуоседлую редконаселенную Маньчжурию с густонаселенным земледельческим Китаем, процесс колонизации и синизации первой приобрел стремительный и необратимый характер. Учитывая, что маньчжурские земли были заселены очень быстро китайцами, можно утверждать, что Монголия была единственной привилегированной частью империи. Сами монголы были в империи маньчжуров

вторым после них самих по привилегиям господствующим народом. И хотя военная мощь монголов была резко подорвана иноземным контролем, их опыт был весьма ценен для маньчжуров, которые учились у них, перенимали не только премудрости военного искусства, но и изучали политическое и культурное наследие Чингисхана; маньчжуры на начальном этапе использовали даже монгольский язык в качестве государственного, монгольское письмо в делопроизводстве. По первоначальному замыслу маньчжурских императоров здесь, на монгольской земле, была расположена летняя резиденция императора, сохранялись исконные привилегии степной аристократии, признавались преимущества степняков над жителями деревень и городов. Монголов и маньчжуров связывали близость этнических корней, хозяйственного и бытового уклада, брачные связи их правителей. Однако в процессе духовных поисков, укрепления основ церкви, роста образованного сословия лам, монастырей происходили необратимые изменения в облике Монголии. Вокруг кочевых монастырей росли временные стоянки кочующих прихожан, а сами монастыри уже являлись не просто ставками иерархов церкви, но и центрами мирской жизни. Идеология изоляции от окружающего мира дала трещину, к тому же с севера вплотную к Монголии подошли границы России, становящейся своеобразным объектом сравнения с южным соседом. В состав России вошли граничащие с Внешней Монголией на севере земли родственных монголам бурят. Внешняя Монголия стала пунктом наблюдения над судьбами родственных народов в зонах интенсивного российского и китайского влияний. Сравнение дало новые знания, и это вызвало очередной кризис, через который «наискосок» прошел цивилизационный надлом, связанный с освобождением от изоляции и рождением одиннадцатой фазы.

Одиннадцатую фазу (XVIII–XX века) и начало двенадцатой (с XX в.) целесообразно рассмотреть в двух отдельных параграфах, поскольку в настоящее время проходит завершающий этап стыка этих двух фаз — последнего по времени цивилизационного надлома в Монголии и во всей Внутренней Азии. Завершение одиннадцатой фазы совпадает по «косому срезу» с началом («прививкой») двенадцатой фазы и знаменует собой протянувшийся практически до наших дней цивилизационный кризис (надлом), который сопровождается целой серией второстепенных кризисных явлений в различных сферах жизни общества.

3.2. Монгольская цивилизация накануне современного надлома

В литературе существует устойчивый образ революционного кризиса, характеризующийся определением старого общества как находящегося в стадии «краха», «разложения» или «загнивания», а нового общества как рождающегося на обломках старого или на удобренной им почве. Этот образ отдельной, ограниченной коротким отрезком времени, национальными границами и конкретными социальными задачами революции можно считать вполне удачным и при использовании его применительно к цивилизационному кризису (надлому) в сочетании с образом «косого среза прививки» Н.Я. Данилевского. Единственное, что следовало бы в этом случае особо отметить, это то, что речь в данном случае не может идти о мгновенном разрушении всего старого общества — «старого мира» — «до основания, а затем...». Если старое общество разрушить одним актом до его основания и корней в масштабе цивилизации, то оно не даст привиться к своему мгновенному, а значит, строго «поперечному срезу» «черенку» нового общества, и тогда речь пойдет о другом «черенке» и другом основании, т.е. о драматическом пересечении двух разных цивилизаций, а не о фазах одной. Таких примеров в истории достаточно: например, появление нового «черенка» в Северной Америке не на «срезах местного ствола», а на базе пересекшего океан пестрого общества групп пришельцев — продукта разложения общества в Старом свете. Местная индейская традиция в формировании нового общества принимала минимальное участие. С другой стороны, в условиях второстепенных кризисов, возникающих на значительном отрезке времени и на разных участках пространства цивилизации, процесс краха и загнивания старого общества сопровождается рождением и ростом нового.

Рассматриваемый здесь отдельно стык между двумя последними фазами, цивилизационный кризис, надлом, растянувшийся на весь XX век и продолжающийся поныне, сопровождается второстепенными кризисами, которые обуславливают катастрофический темп истории, частые революционные подъемы и спады, «минование этапов», крушение вековых устоев кочевого общества, смертельные угрозы массовой колонизации и ассимиляции, переход кочевников российских, китайских и отчасти монгольских регионов Внутренней Азии к оседлости, совсем недавнее появление в степи городов и горожан, резкая смена внешних ориентиров, неоднократные изменения

идеологии, государственного статуса, конституций, политических систем, норм морали и права и даже систем письма.

Одиннадцатая фаза (XVIII–XX века) знаменуется ключевым моментом в развитии мировых связей общности Внутренней Азии, связанным с вовлечением ее ядра — Внешней Монголии — в орбиты Российской и Маньчжурской империй, которые подошли к данному плацдарму практически одновременно. С юга подошла Цинская империя, которая концентрическими кругами распространила свое господство на земли Китая, Маньчжурии, Южной (Внутренней) и Северной (Внешней) Монголии, Тувы, Восточного Туркестана и Тибета — огромные территории, населенные народами с разными традициями, культурами, религиями, говорящими на разных языках. До Северной (Внешней) Монголии господство Пекина дошло в сугубо политической и административной форме (как следствие, это нашло отражение и в социально-классовой сфере), без демографического давления, синизации и какого-либо резкого вторжения в сферу хозяйственного уклада, религиозной и культурной жизни. С севера к Внешней Монголии стала примыкать отгороженная военными монголо-маньчжурскими караулами и русскими острогами российская часть Внутренней Азии. Для западных и северных монголов Россия уже в XVIII веке стала своего рода новым культурным ориентиром и уравнивающей внешней политической опорой в отстаивании своей идентичности в расколотой на две части Внутренней Азии. В целом за столетия раздельного существования обе части Внутренней Азии успели в значительной степени диверсифицироваться не только в политическом плане, но и в культурном отношении.

Диверсификация прошла не просто по линии раздела Внутренней Азии между Россией и Китаем, но и по линии раздела между северными и южными монголами, которые под властью маньчжуров лишились возможности военной, а с ней и этнической и политической консолидации. Северные монголы традиционно выполняли роль хранителей ядра и колыбели могучих империй древности и Средневековья и к тому же оказались на перекрестке контактов между Россией и Китаем. Маньчжуры не только закрепили политическое разъединение монголов, живших по разные стороны от пустыни Гоби, но и положили конец их вражде друг с другом; поэтому не случайно монголы и на севере и на юге иногда воспринимали маньчжурского императора как продолжателя традиций Чингисхана и даже как законного держателя его яшмовой печати. Возможно, это был самообман (поскольку раскол монгольского мира закреплялся, более того, началась его

не только политическая, но и культурная диверсификация), однако в ответ монголы получали от маньчжурского императора то, что могли бы ожидать от собственного единокровного сюзерена — всяческую защиту от опасности синизации Монголии, а для Внешней Монголии — еще и запрет не только на русскую и китайскую колонизацию монгольских земель, но и просто на переход границы людьми со стороны внутренних районов Китая. (В литературе это положение часто характеризуется как особая доктрина управления «кочевыми инородцами» посредством их изоляции от внешнего мира¹. Это не совсем корректная характеристика, поскольку в недопущении в страну китайских колонистов были заинтересованы, прежде всего, сами монголы. От остального внешнего мира Монголия была изолирована относительно, поскольку второе являлось следствием первого.) Несмотря на то что маньчжуры как народ растворились среди ханьцев, двор Цинов долгое время по инерции следовал заветам предков — их первых императоров — и ревностно следил за сохранением привилегированного положения Монголии.

Однако время взяло свое и покорители Китая — бывшие кочевники — превратились, как не раз бывало в истории этой страны, во вполне традиционную императорскую династию Поднебесной, поддавшуюся «очарованию» оседлой городской жизни, влиянию ханьского окружения, путившую глубокие корни в Пекине. Произошло своеобразное сращивание маньчжурских чиновников с китайскими торгово-финансовыми кругами, с одной стороны, и с английскими, американскими и другими иностранными фирмами — с другой.

XIX век обозначает Внешнюю Монголию (т.е. ядро Внутренней Азии в границах современной Монголии) в системе мировых связей; она превращена в часть мирового рынка. Привязка к мировому рынку осуществлялась опосредованно, через Китай. К середине XIX века Монголия начинает открываться миру непосредственно и самостоятельно, через Россию, и теряет поддержку маньчжурского императорского двора Цин в Пекине — гаранта защиты от китайской колонизации. Ее существование с сохранением цивилизационной и даже национальной идентичности в качестве пусть сырьевого придатка, но более или менее самостоятельного субъекта мирового рынка, становится проблематичным, и она в период надлома перебирает варианты выхода из кризиса.

---

¹ См., например: Россия и Восток. Учеб. пособие / Под ред. С.М. Иванова, Б.Н. Мельниченко. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. С. 330.

К концу XIX — началу XX века время, когда Монголия была привилегированной и изолированной одновременно частью мощной и самодостаточной империи, безвозвратно ушло. Тем более что сама Маньчжурская империя превратилась в разделенный на сферы влияния конгломерат полуколоний ведущих мировых держав. Как другие империи прошлого, она превращалась в анахронизм и уступала место колониальным империям первой половины XX века.

Ведущие страны Запада, Россия и Япония в целом уже завершили раздел мира на колонии и полуколонии и определяли основные тенденции мирового развития. Борьба происходила не за освоение новых земель и создание новых колоний, а за передел уже разделенного на колониальные владения и сферы влияния в полуколониях мира. Ситуация в полуколониях определялась их включением и в систему мирового хозяйства, и в важнейшие договорные документы ведущих мировых держав. В результате в экономической и социально-политической сферах жизни общества некоторых полуколоний происходили кардинальные перемены — вызревали внутренние и внешние предпосылки возникновения новых суверенных государств. Это в полной мере относилось и к Монголии.

Острое соперничество за Монголию развернулось прежде всего между Японией и Россией. Неспособность имперского центра — маньчжурского двора в Пекине — справиться с натиском мировых держав усугублялась стремлением Монголии искать точки опоры вне империи. Наличие таких точек опоры ускоряло формирование внутренних предпосылок становления Монголии в качестве самостоятельного субъекта международных отношений — зачатков собственных государственных органов и структур.

Почти с середины XIX века Монголия входила в сферу российской экономической, политической и культурного влияния, являлась объектом договоров и соглашений между Россией и империей Цин — Айгуньского и Тяньцзиньского договоров (1858), Пекинского договора (1860), Правил сухопутной торговли между Россией и Китаем (1862), Санкт-Петербургского договора (1881). С 1861 года Российская империя имела в Урге свое консульство и была в силу экономических и геополитических причин заинтересована в усилении своего влияния в этом регионе. Россия тем самым выступала главной точкой опоры в перспективе обретения Монголией самостоятельности.

В условиях своего общего упадка маньчжурская династия могла противопоставить этому процессу отложения Монголии лишь попытку путем массивного заселения страны китайцами ликви-

дировать культурные, языковые, этнические и цивилизационные различия между ней и остальной частью империи и тем самым свести к минимуму опасность формирования условий функционирования нового независимого государства. В таком подходе, поскольку он останавливал дрейф Монголии в сторону России, были заинтересованы и крупные мировые державы, прежде всего США с их политикой «открытых дверей».

Справедливости ради надо отметить, что в кулуарах правительства России какое-то время вынашивались тайные планы «окончательного» решения «монгольского вопроса» в свою пользу. Эти планы были неким неофициальным дополнением к общей доктрине «быстрого продвижения России на Восток», приведшей страну в начале XX века к ухудшению отношений с цинским Китаем и Японией. На практике, однако, данные планы ни в коей мере не определяли основное содержание российско-монгольских отношений, поскольку были поистине спонтанными и носили действительно «кулуарный» характер на фоне официальной политики. Их авторы, известные деятели из окружения русских царей Александра III и Николая II — надворный советник (впоследствии действительный статский советник) П.А. Бадмаев, лидеры «безобразовской клики» — статс-секретарь А.М. Безобразов, великий князь Александр Михайлович, министр внутренних дел В.К. Плеве и др. — так и не смогли решительно изменить курс России по отношению к «монгольскому вопросу». Хотя дело доходило до открытых призывов к действиям и активизации антицинской деятельности со стороны различных торгово-промышленных кругов России. Например, докладная записка царю Александру III П.А. Бадмаева была названа вызывающе откровенно — «Присоединение к России Монголии, Тибета и Китая»¹. Как это ни покажется парадоксальным, такие «кулуарные» устремления России к радикальному решению «монгольского вопроса» служили дополнительному усилению той точки опоры, благодаря которой Монголия могла возродить свою государственность и даже попытаться вести дело к объединению под одной крышей монгольских земель, находившихся в разных сферах влияния мировых держав.

Россия не могла легитимно приращивать свою территорию за счет полуколониальной Монголии (и тем более — Китая), поскольку это происходило бы в нарушение установившегося к началу XX века порядка взаимоотношений мировых держав с полуколони-

---

¹ Бадмаев П.А. За кулисами царизма. Воспоминания. Мемуары. М.: АСТ, 2001. С. 55.

ями. Тем более что сам этот порядок на Дальнем Востоке был установлен в середине 90-х годов XIX века (в связи с японо-китайской войной 1894–1895 годов) не без активного участия России. Умеренные деятели (прежде всего, министр финансов С.В. Витте) противились постановке вопроса об укреплении позиций России на Дальнем Востоке путем наступательной политики захватов и призывали к легитимным шагам на международной арене, к укреплению экономических связей и упрочению дружеских политических отношений с восточными странами. В результате соединения усилий России, Франции и Германии удалось сдержать Японию, претендовавшую на часть Цинской империи — Ляодунский полуостров (маньчжурский плацдарм), и достичь коллективного отказа от раздела этой империи. Если шансы России на радикальное решение «монгольского вопроса» даже в годы ее относительного доминирования на Дальнем Востоке были призрачными, то с ее поражением в войне с Японией в 1904 году и резким ослаблением в ходе революционных событий 1905–1907 годов тайные экспансионистские планы отдельных российских деятелей вообще потеряли смысл. Данные планы играли положительную роль только в том смысле, что помогали формированию общественного давления на внешнеполитические ведомства России с тем, чтобы побудить их не расслабляться на Дальнем Востоке за счет увеличения внимания к Западу. В рамках Тройственной Антанты, в которую Россия вошла в 1907 году, она уже в силу своих обязательств перед Великобританией не могла посягать на целостность Цинской империи. По договорам 1907 и 1910 годов и секретному протоколу к последнему, определенными обязательствами в отношении Монголии Россия была связана с Японией. Однако и ослабленная и связанная обязательствами перед другими мировыми державами Россия имела в Монголии крепнущие с каждым годом доминирующие позиции, поскольку к ней апеллировали сановные монгольские деятели, которые считали ее важнейшей внешней опорой для достижения независимости. В результате максимальные ожидания и той и другой стороны гасились, но взамен складывались вполне прагматичные взаимоотношения между этими симпатизирующими друг другу сторонами.

На этом фоне политика маньчжурской династии Цин серьезно проигрывала российской политике, и притягательность для Монголии имперского единства с Китаем резко упала. Еще во второй половине XIX века правительством Цинов были приняты законы, по которым снимались все ограничения для деятельности китайских торговцев во Внутренней Монголии, что через несколько

десятилетий перекинулось и на ситуацию во Внешней Монголии. В 1881 году в Урге насчитывалось 215 торговых домов и лавок (44 пекинских и 171 — шаньсийских) и 120 ремесленных заведений¹. Если в 60-х годы XIX века в Монголии насчитывалось всего несколько десятков китайских фирм, то в начале XX века их было уже почти 500. Постепенно создавались условия для китайской массовой колонизации монгольских земель. В 1906 году в Пекине было учреждено Особое бюро по переселенческим делам Монголии, которое провело в 1909 году перепись населения и скота во Внешней Монголии и наметило план ее колонизации. Для подписания данного плана и соглашения с монгольскими князьями в Пекине было созвано специальное совещание. По соглашению, подписанному с монгольской стороны хошунными дзасаками (губернаторами) Зорикту-ханом, Ноинт-ваном и др., все пригодные для земледелия земли Внешней Монголии отчуждались в фонд цинского правительства с условием уплаты 50% стоимости земли хошунным дзасакам². Отрыв Цинов от своей собственной маньчжурской идентичности сделал для них целостность империи даже с доминирующим статусом ханьцев большей ценностью, чем сохранение привилегированного положения некогда близкой им по духу Монголии. Маньчжурский двор из покровителя монгольской самобытности превратился во врага, главную угрозу ее существованию.

Открытие монгольского рынка для других стран подхлестывало, прежде всего, организованную китайскую колонизацию, поскольку Монголия превращалась в наиболее мобильную и открытую новшествам внутреннюю часть практически безграничного китайского рынка сбыта продукции, дешевой рабочей силы и сырья, и тем самым могла вместить в себя и прокормить все больше и больше переселенцев. Таким образом, достигалось приобщение Монголии к более явно ощущаемым рыночным и товарно-денежным отношениям, но одновременно возникала опасность, что последние следы собственно монгольской экономики исчезнут в густо заселенной и модернизируемой китайцами стране. Вот почему страна, будучи на грани катастрофы, по-прежнему держалась за традиционные ценности, население не спешило оставлять свое основное занятие — кочевое скотоводство.

---

¹ Русский консул в Монголии. Отчет Я.П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства. Иркутск: Оттиск, 2001. С. 82.

² История Монгольской Народной Республики. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1983. С. 233.

Капитализм, который проникал в страну через Россию и Китай, нес с собой не только приобщение монголов к ценностям и институтам нового общественного устройства, самый передовой опыт экономического и технологического развития. Он вырос на собственной почве в Европе, а вне ее расчищал себе путь, «помогая» краху традиционных обществ, и его развитие сопровождалось во всем мире невиданными потоками миграции, урбанизации и индустриализации. В обстановке бурного экономического развития, затронувшей и Азию, миграция населения мира приняла невиданный массовый характер. Из одной только Европы за период с 1870 по 1914 год выехало в разные страны Северной и Южной Америки, в Австралию, Южную Африку и некоторые другие регионы около 26 млн человек. Европейская эмиграция только в США в период 1900–1910 годов достигла отметки свыше 1 млн человек в год¹. Для китайцев выезд в Монголию был привлекателен тем, что там можно было быстро и дешево обзавестись землей, хозяйством, при этом характерная для Китая обстановка перенаселенности, засилья чиновничества, бюрократии в этой окраине империи еще не сложилась. Сдерживала же приток китайцев в страну крайне негативная реакция населения.

В условиях развития капитализма интересы не обретших еще независимости малых народов, соседствующих в рамках единых границ с большими народами, оказывались зачастую под угрозой. Это связано с тем, что в полуколониях, где малые народы находились под угрозой вытеснения и ассимиляции, капитализм действовал за редкими исключениями не напрямую, а через посредников, связанных с властными структурами. В Монголии развитие капитализма без национальных границ, в свободной интеграции со всем Китаем было чревато цивилизационной катастрофой.

Российский капитал действовал в монгольской среде, как правило, напрямую, в то время как постепенное втягивание Монголии в орбиту интересов капитала более широкого круга стран — европейских держав, США и Японии — происходило большей частью через посредничество маньчжурской администрации и китайских торговцев и ростовщиков. Разумеется, в этом, втором, случае капитализм нес наиболее тяжелые социальные последствия массовой миграции и пауперизации именно монгольскому населению. Что касается влияния на монгольскую экономику свободного от недо-

---

¹ The World since 1500: a global history / L.S. Stavrianos. 7th ed. New Jersey: A Simon & Schuster Company, Englewood Cliffs, 1995. P. 543.

статка земель в своей стране и от переселенческих установок своего правительства русского капитала, то оно не было чревато массовой колонизацией страны. Численность русских в Монголии даже в 1919 году — в период революционных потрясений на родине — не превышала 5 тыс. человек¹. Наряду с равной по численности долей вполне осевших китайцев-земледельцев — это была оптимальная численность инациональных групп в общем составе населения, не угрожавшая Монголии потерей ее самобытности.

Царская Россия, проводя экспансионистскую политику в Монголии, использовала иные методы, чем маньчжурский двор, оттеснявший монголов от управления страной, подменявший государственный аппарат своими чиновниками и делавший ставку на колонизацию Монголии китайскими поселенцами. Эта разница наглядно проявилась в момент революционных событий — Синьхайской революции 1911 года в Китае и Национально-освободительной революции того же года в Монголии. С трибуны Государственной Думы в 1912 году министр иностранных дел С.Д. Сазонов прямо заявил: «Мы должны впредь идти тем же путем, который мы наметили при самом возникновении настоящего кризиса в Халхе, т.е. настаивать на том, что соглашение между Китаем и Халхой не должно осуществляться без нашего участия, а тем временем не отказывать Халхе в поддержке и помощи к созданию зачатков автономного управления, т.е. прежде всего финансов и какой-либо вооруженной силы, способной поддерживать порядок в стране»².

Однако до Синьхайской революции в Китае дело обстояло по-другому. Проникновение в Монголию капитализма чрезвычайно упростило задачу Цинского двора размещения там огромных масс мигрантов. С подключением Монголии к мировому рынку она стала доступной для международного движения предпринимательского капитала и для размещения займов. В единых границах империи, когда был снят запрет с въезда китайцев в страну, она сделалась добычей огромной армии предпринимателей (не только традиционных ростовщиков), стремившихся быстрее всех скупить у монголов (за долги, кредиты и т.д.) пастбищные угодья, не являвшиеся до этого никогда предметом купли-продажи. Следующим этапом должно было стать строительство городов и земледельческих поселков по всей стране и их разрастание за счет массовой миграции ханьцев из приграничных с Монголией и глубинных районов Китая.

---

¹ The World since 1500: a global history. P. 90.

² Цит. по: *Шурендыб Б.* Указ. соч. С. 88.

Вовлечение Монголии в орбиту мирового капиталистического хозяйства на рубеже XIX–XX веков не повлекло за собой создания крупной промышленности и условий для развития высших форм капиталистического предпринимательства. Более того, под конкуренцией привозных товаров начали вытесняться традиционные монгольские промыслы. В рассматриваемый период был нестабильным спрос мирового рынка на монгольское сырье¹. Положение усугублялось неустойчивостью политической ситуации в 10-е годы XX века, хозяйственной разрухой, военными действиями. В стране сворачивали работу даже немногочисленные мелкие предприятия (русские шерстемойки, китайские мануфактуры, ремесленные мастерские), сокращалась разведка и добыча золота и других полезных ископаемых. Таким образом, активизация капитализма в Монголии приходится на очень короткий период времени и не связана с созданием внутреннего рынка. Но важно то, что политическое завоевание Монголии капиталистическими странами началось раньше, чем экономическое. Хотя в дореволюционной Монголии нельзя обнаружить экономические классы, идентичные тем, что представляют общество в странах развитого капитализма, тем не менее также неправомерно игнорировать политические последствия вторжения капитализма в сфере классов и их взаимоотношений.

В связи со втягиванием страны в начале XX века в более глубокие, чем прежде, сферы мирового капиталистического рынка, в социально-экономической структуре монгольского общества происходили существенные изменения. Изменения касались социальной структуры общества и власти. Поэтому перед исследователями общества дореволюционной Монголии стоит непростая задача дать характеристику ее социально-классовой структуры. Сложность объекта исследования, вызванная резкими перепадами в исторических судьбах монгольского народа, а главное — во многом уникальными условиями развития самой социально-экономической структуры кочевого общества, породила известную противоречивость ее оценок. Дискуссионным до настоящего времени остается вопрос о степени воздействия капитализма на монгольскую экономику и на характер изменения в классах и социальных группах, в их взаимоотношениях друг с другом, с обществом и государством.

Вопрос о характере общественных отношений у монголов был впервые систематизированно и комплексно поставлен академиком

---

¹ *Майский И.М.* Монголия накануне революции. 2-е изд., перераб. М.: Восточная литература, 1960. С. 138.

Б.Я. Владимирцовым. Рассмотрев процесс развития общественно-го строя у монголов на протяжении длительного исторического периода — в основном с XII до начала XVIII века, Б.Я. Владимирцов, как уже отмечалось с введением, охарактеризовал его как кочевой феодализм¹. В последней главе своего фундаментального исследования «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» Б.Я. Владимирцов начал рассматривать новые явления монгольской жизни: развитие ремесел, появление монголов-горожан, «чиновников и мещан, рантье, обладателей недвижимой городской собственностью», элиты². К сожалению, эта глава осталась незавершенной. Непроработанными остались вопросы разложения традиционных отношений у монголов и возникновения нового общественного строя, новых классовобразующих факторов.

Другой крупный советский ученый — академик И.М. Майский — на основании собранного им огромного статистического и фактического материала впервые дал достоверные цифровые данные об общей численности населения предреволюционной Монголии и его распределении по сословиям, определил численность собственно монгольского населения, а также инонациональных групп, показал соотношение численности городских и сельских жителей и соотношение монголов и иностранцев в городах³. И.М. Майский считал недостатком умаление особенностей монгольского феодализма, наделение его чертами, характерными для западноевропейского феодализма XIII–XIV веков⁴. Здесь наблюдается явное стремление «подправить» Б.Я. Владимирцова и себя самого (под влиянием критики в монголоведческой литературе) в духе негативного отношения К. Маркса и вообще плеяды марксистов — представителей европоцентризма — к способностям исторического развития и социального прогресса кочевников Евразии. Он отмечал затуханность классовых граней и противоречий в монгольском обществе, считая их «пережитками патриархальщины, проявлениями загнивания феодализма под воздействием империализма и торгово-ростовщического капитала»⁵. В таком же ключе концепция Б.Я. Владимирцова рассматривалась, в частности, на всесоюзной научной конференции, посвященной 100-летию со дня его рождения в декабре

¹ Владимирцов Б.Я. Указ. соч.

² Там же. С. 124 и след.

³ Майский И.М. Современная Монголия.

⁴ Этот вывод И.М. Майский сделал во втором издании своей книги (Майский И.М. Монголия накануне революции).

⁵ Майский И.М. Монголия накануне революции. С. 37.

1984 года¹. И.М. Майский, со своей стороны, дал развернутый анализ экономики и политического положения Монголии накануне революции 1921 года.

Дальнейшему изучению и уточнению вопроса об общественном строе предреволюционной Монголии посвятили свои работы многие советские и монгольские ученые². Вместе с тем, несмотря на то что основные процессы социально-экономического и общественно-политического развития Монголии в предреволюционное десятилетие уже довольно обстоятельно освещены и дополнены новыми сведениями, общая характеристика последствий данных процессов в сфере социальных отношений еще не устоялась. Исследователи по-прежнему оперируют теми терминами классов и классовых отношений, которые сложились при самой начальной оценке общественных отношений в монгольском обществе. Признание наличия зрелой общественно-экономической формации — феодализма — у монголов было явлением творческим с точки зрения подхода к кочевникам в докапиталистическую эпоху как к активной исторической силе. Однако оперирование терминами и понятиями Средневековья в условиях вовлечения страны в систему мирового рынка не выдерживает никакой критики и выглядит анахронизмом.

К настоящему времени исследователи в основном сходятся на том, на чем сходились и раньше³: дореволюционное монгольское общество было разделено на два основных класса — господствующий класс феодалов и класс крепостного эксплуатируемого аратства⁴.

---

¹ См.: *Дылыков С.Д.* Академик Б.Я. Владимирцов и его роль в развитии мирового монголоведения // Всесоюзная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Б.Я. Владимирцова. Тезисы докладов. М., 1984. С. 5.

² Историография этой темы весьма обширна и не требует в данной работе специального разбора. Следует отметить, что резкой критики концепции монгольского кочевого феодализма Б.Я. Владимирцова не последовало. Эта концепция была все-таки доминирующей у российских и монгольских исследователей: *Златкин И.Я.* Указ. соч.; *Нацагдорж Ш.* Монголын феодализмын ундсэн замнал (Основной путь монгольского феодализма). Улаанбаатар, 1978 и др.

³ В российской историографии данной проблемы периода с конца 1980-х годов до недавнего времени существует пробел: все исследования социально-классовой структуры дореволюционного монгольского общества были заморожены в связи с отсутствием заказа как на привычные работы, базирующиеся на марксистском классовом подходе, так и на новые исследования за неимением опять-таки заказа и соответствующих специалистов с иным методологическим подходом. Одна обобщающая работа вышла только совсем недавно: *История Монголии: XX век.* М.: ИВ РАН, 2007.

⁴ Помимо Ш. Нацагдоржа и И.Я. Златкина, этой теме уделено внимание в работах Л.Л. Викторовой, Г.С. Матвеевой, С.К. Рощина, Ш.Б. Чимитдоржиева, А.Т. Яки-

Эти классы, в свою очередь, подразделяются на сословия и другие (архаичные) группы и слои: класс феодалов — на светскую владетельную и невладетельную знать и на высшее духовенство; класс аратства — на сословия албату (податные), хамжилга (крепостные) и шабинаров (дворовые и податные церковных иерархов). Выделяется также огромный слой ламства, который по-прежнему часто удостоивается эпитета — «паразитический». В последние годы монгольские исследователи, занимаясь проблемами социально-классовой структуры дореволюционного монгольского общества, обращаются к наследию «крестного отца» социологии XX века, основателя теории социальной стратификации П. Сорокина¹. На этом пути выявлены процессы расслоения внутри традиционных сословий — светских феодалов — нойонов и тайджи, аратов, лам². Однако проблема заключается в том, что монгольское общество так и не рассматривается в качестве современного фрагмента мирового социума со своими классами и политическими институтами, независимыми от европоцентристских представлений об их принадлежности к патриархальной и феодальной древности и Средневековью.

Таким образом, вычленение в дореволюционном монгольском обществе классов и современных социальных групп было затруднено; выделялись лишь внутрисословные различия и перегородки. Вместе с тем еще И.М. Майский отмечал «ослабление крепостного права и относительную свободу передвижения аратов, обеднение и известное «окрестьянивание» многих феодалов, отсутствие внешних проявлений монопольного права собственности князей на землю и т.п.»³. В результате возник определенный разрыв между социально-экономическими и социально-классовыми характеристиками (признание привязки Монголии к мировому рынку и наличия капиталистического уклада в экономике и отсутствие его носителей

мова и др., а также монгольских авторов того же периода: Д. Гонгора, Н. Жагварала, А. Миниса, Ц. Пунцагнорова, Б. Ширендэва и др.

¹ *Гундсамбуу Х.* Монголын нийгмийн давхраажил: хогжил, хандлага (Социальная стратификация в Монголии: развитие и тенденции). Улаанбаатар, 2002; *Болдбатар Ж.* Монголын туухийн судалгаа — онол-арга зүйн оноогийн толов байдал, цаашдын хандлага (Исторические исследования в Монголии: сегодняшнее теоретико-методологическое состояние и тенденции на будущее) // Туухийн судалгааны онол-арга зүйн асуудал. Улаанбаатар, 1999. 6 дахь талд.

² *Урангуа Ж.* XX зууны эхэн үеийн Монгол улс (1911–1919) (Монголия начала XX века). Улаанбаатар, 2006. 195–223 дахь талд.

³ *Майский И.М.* Монголия накануне революции. С. 37. См. также, например: История Монгольской Народной Республики. 3-е изд. М.: Наука, 1983. С. 222–225, 277–279 и след.

в социально-классовых образованиях). Указание на отдельные национальные капиталистические элементы и «рабочие элементы»¹ по сути не может уменьшить это противоречие, поскольку не ясно, как свести целый уклад в экономике лишь к отдельным элементам в социальной структуре. В результате исследователи по-разному акцентируют внимание на последствиях втягивания Монголии в сферу мирового капитализма: иногда подчеркивается, что страна попала в глухую изоляцию и полностью избежала трансформации феодальных форм эксплуатации в капиталистические, в других случаях указывается на то, что феодальные производственные отношения уже лишь преобладали, либо прямо говорится о наличии в Монголии капитализма (предоставленного «по преимуществу иностранными купцами и ростовщиками»)². В методологическом плане эти подходы выводили марксистских исследователей на путь конкретного анализа степени воздействия капитализма на Монголию и вовлеченности монголов в новые хозяйственные связи. Отсюда только один шаг до исследования Монголии в качестве части мирового социума. Однако этот шаг шел вразрез с основными марксистскими постулатами. Если в 20–30-е годы XX века Б.Я. Владимирцову, В.В. Бартольд и другим ученым удалось пронести свои оригинальные взгляды на Монголию в еще только формирующуюся советскую науку, то в поздние периоды «социалистической эпохи» число ученых, знакомых с работами Маркса, Энгельса и Ленина, возросло, и подобные «эксперименты» стали невозможны.

Тем не менее важно «не выплескивать с водой ребенка», а попытаться разобраться в подходах, которые были у исследователей во все периоды «эпохи социализма»; тогда можно использовать характеристики, в которых, пусть с устарелыми клише и формулировками, аккумулирован скрупулезный научный анализ обстановки в дореволюционной Монголии: «...наследие прошлого неизбежно накладывает определенный глубокий отпечаток на ход развития страны в новых условиях, хотя значение его в целом и преходяще. Для страны, избежавшей трансформации феодальных форм эксплуатации в капиталистические, остатки и пережитки феодализма (в виде различных укладов, социальных групп и пр.) оказывают огромное влияние на ход революционных преобразований, на темпы и методы

---

¹ Ширендыб Б. Указ. соч. С. 119–120.

² Коммунист. 1984. № 3. С. 91; Воплощение ленинского учения о партии нового типа в деятельности Монгольской народно-революционной партии. М.: Прогресс, 1976. С. 52 и след.

экономического строительства...»¹ Г.С. Матвеева (Яскина) одновременно указывает на необходимость исследования вопросов о том, «какое влияние оказывал на ее (старой Монголии. — А.Ж.) развитие... мировой капиталистический способ производства, или, иначе говоря, каким образом закон неравномерности социально-экономического развития отразился на внутреннем и внешнем положении страны»².

Исследователи, изучавшие в период «социалистической эпохи» дореволюционные аграрные отношения, почему-то никогда не сравнивали ситуацию в России и Монголии, выявляя априори только коренные различия двух обществ. Правда, они не могли обойти молчанием многочисленные факты, свидетельствующие о сходных процессах: резких изменениях в экономическом положении и социальном статусе представителей различных слоев общества (прежде всего, отмечается пауперизация населения³). Вместе с тем теоретический инструментарий марксистских исследователей российского общества представляет особый интерес, поскольку его последовательное применение к монгольским реалиям позволяет выявить «созвучие» социально-политической конструкции дореволюционного монгольского общества с конструкцией российского общества в период развития в России капитализма. Это «созвучие» отнюдь не случайное, не является выдумкой исследователей-марксистов (тем более, что оно ими никогда не признавалось). Но оно сыграло ключевую роль в политических баталиях XX века, соединив Россию и Монголию в едином пространстве — пространстве «русского коммунизма». Созвучие социальных конструкций наслонилось в начале XX века на объективный процесс более глубокого, чем прежде, вытягивания Монголии в сильную орбиту полюса русской цивилизации и ее «вытягивания» из лона Маньчжурской империи, из Китая. Процесс остановился ровно посередине, что означало триумф Монголии. Успех пришел вместе с феноменом «монгольского коммунизма», и поэтому он может быть адекватно объяснен в терминах классовых отношений. Судьба Монголии решалась в военных,

¹ Матвеева Г.С. Создание материально-технической базы социализма в МНР. М.: Наука, 1978. С. 15.

² Там же.

³ См. например: История Монгольской Народной Республики. С. 279–280; *Ширендыб Б.* Указ. соч. С. 57; *Түдэв Б.* Бугд Найрамдах Монгол Ард Улсад социализм байгуулж дуусахын толоо ажилчин ангийн тэмцэл (Рабочий класс в борьбе за завершение строительства социализма в Монгольской Народной Республике). Улаанбаатар: УХГ, 1980. 5 дахь талд и др.

политических и теоретических баталиях, в которых побеждали сторонники Коминтерна, большевиков, марксисты-ленинцы. Поэтому важно заглянуть в теоретическую «кухню», где готовились решения по «монгольскому вопросу» на уровне классовой борьбы, в инструментарий В.И. Ленина, примененный им для обозначения «эксплуататоров» и «эксплуатируемых» в дореволюционном российском обществе — теоретический инструментарий, подхваченный монгольскими революционерами и ставший руководством к действию, общей «технической базой» грандиозного социального эксперимента в России и Монголии.

Для этого необходимо рассмотреть монгольское общество с точки зрения воздействия на него капитализма, не только исследовать национальную часть населения, но и определить социальную и цивилизационную роль подавляющего большинства иностранцев, выявить степень вовлеченности монголов в новые хозяйственные связи и производственные отношения, с одной стороны, с промышленниками России и, с другой — с промышленниками Китая и западных стран, уровень трансформированности социально-классовой структуры, особенности возникновения в Монголии современных классов и социальных слоев.

На разворотах атласа монгольское общество этого периода предстанет будущей ареной одновременно национально-освободительной и классовой борьбы, в которой тон задавали сторонники самых радикальных перемен. Это положение «между молотом и наковальней», с одной стороны, усиливало самостоятельность и «субъектность» в отношениях с соседями цивилизационного ядра общности Внутренней Азии, но, с другой стороны, способствовало более глубокому его вращению в сильные орбиты русской и китайской цивилизаций.

Глава 4

НАДЛОМ ЦИВИЛИЗАЦИИ

4.1. Сдвиги в социальной структуре

Монголия — ядро Внутренней Азии — вступила в нынешний цивилизационный надлом в первое двадцатилетие XX века. В этот период она находилась на специфической стадии развития, на которой не произошло зарождения классических атрибутов капитализма, связанных с крупным промышленным производством. Однако колониализм и иностранный капитал вызвали не столько стагнацию, сколько складывание в стране новой экономической, социально-классовой и политической ситуации, отражавшей локальную форму общего, становящегося глобальным. Ситуация усугублялась назреванием революционных перемен в соседних странах. Это не могло не сказаться на том, что одновременно революционная ситуация вызревала в самой Монголии. Причем революционная ситуация в Монголии предвещала не только социальный взрыв, но и всеобъемлющий цивилизационный надлом.

«Втягивание» Монголии в пространство современности произошло революционным путем, причем путем, проложенным большевистской революцией в России. Поэтому в анализе предпосылок и движущих сил революции в Монголии весьма важны ленинские идеи и методы, поскольку именно они вскрывают логику мышления и инструментов, применявшийся в социальных экспериментах революционерами в России и Монголии. На базе этой логики вызрел «монгольский коммунизм», под знаменем которого страна вошла в цивилизационный надлом, продолжающийся поныне.

И в социальном, и в цивилизационном плане перемены обещали быть кардинальными. В дореволюционной Монголии кочевое скотоводство занимало господствующее положение в хозяйственной

жизни. Оно определяло монокультурный характер развития производительных сил и специфическое до крайней степени соотношение в общественном разделении труда в ущерб земледелию и в пользу скотоводства. Основное средство производства — земля — использовалась, главным образом, как пастбища, и лишь ее микроскопические островки служили базой для земледелия и оседлой жизни вообще. Хозяйство страны целиком находилось в глубокой, органичной связи с природой, что, с одной стороны, исключало крупные социально-экономические катаклизмы — кризисы перепроизводства, голод, массовую пауперизацию, люмпенизацию населения и т.д., но, с другой стороны, обуславливало его зависимость от климатических условий и вело к подрыву стабильности в получении излишка продуктов для их реализации на рынке.

Вместе с тем дореволюционная Монголия являлась придатком мирового капиталистического рынка, причем исключительно аграрно-сырьевым придатком; внутри страны единый национальный рынок не сложился, неразвиты были и товарно-денежные отношения. Эксплуатируя природные богатства Монголии, колонизаторы не оставляли накоплений для внутренних капиталовложений, вывозя их из страны без остатка. Роль иностранного капитала проявилась в определенной концентрации средств¹, однако ростовщичество вело к всеобщему обеднению масс. Внешний долг Монголии только Китаю составлял в начале XX века 80% стоимости всего поголовья скота².

В монгольском обществе шел процесс трансформации традиционных общественных отношений в капиталистические. Переход к капиталистическим отношениям начал осуществляться не в результате развития национального промышленного производства, последовательно восходящего от ремесленной к мануфактурной и затем к фабрично-заводской стадиям развития, а под влиянием разрозненных подразделений этих производств, привнесенных извне и находившихся в собственности иностранного ростовщического капитала.

В основных чертах трансформация социально-экономических отношений в Монголии происходила так же, как и в других колони-

---

¹ Матвеева Г.С. Указ. соч. С. 25.

² Жумдаан Ш. БНМАУ-д ажилчин анги, хоршоллосон ардын эдийн засгийн холбоо уусэн тогтож хогжсон тухай (Туух — эдийн засгийн судалгаа) (Возникновение и развитие экономических основ союза рабочего класса и кооперированного аратства в МНР. Историко-экономическое исследование). Улаанбаатар: УХГ, 1978. 67 дахь талд.

альных странах Востока. Главным отличием вызревания капитализма в промышленности в данных странах является то, что здесь фабрично-заводская промышленность возникает «под преимущественным воздействием иностранного капитала и империалистической политики колониальных держав, когда низшие формы предпринимательства и капитализма еще не только не исчерпали свою историческую роль, но и не успели достичь зрелости»¹. Внутреннему последовательному развитию капитализма (т.е. развитию по «классическому», европейскому пути) в Монголии препятствовало его вторжение в экономику «сверху», без созревания условий для нового разделения труда — в пользу оседлого земледелия. Торгово-ростовщический капитал, как и в других странах Востока, не вызывал в Монголии ничего иного, кроме разорения, экономического упадка и политической коррупции. Влияние ростовщического капитала на монгольское скотоводческое хозяйство ограничивалось тем, что он способствовал его разрушению, разорению и деградации. Роль иностранного торгово-ростовщического капитала усугублялась изменившейся политикой маньчжурской администрации, переставшей патронировать традиционный хозяйственный уклад и образ жизни монголов.

Это и вело к цивилизационному надлому — постепенному разрушению, «краху» традиционных связей и к притоку разоренных скотоводов в появляющиеся в голой степи города, к перераспределению населения по роду занятий. Ниже приводятся данные, касающиеся «пикового» момента — второго десятилетия XX века. В этот момент центральными властями в Пекине (с 1911 г. уже не маньчжурскими императорскими, а республиканскими китайскими) ставилась практическая задача ликвидации своеобразия Монголии, открытия ее границ для заселения китайцами. Поэтому картина менялась в количественном (численность различных слоев населения по роду занятий, объем товарно-денежной массы и т.д.) и качественном (национальные и классовые характеристики) плане в катастрофически быстром темпе.

И тем не менее даже в таких быстро меняющихся условиях можно установить приблизительную численность населения, занятого: а) сельскохозяйственной, б) торгово-промышленной деятельностью, в) не участвующего в хозяйственной деятельности, и распределить население Монголии по классовому положению. Идея и метод

---

¹ *Гельбрас В.Г.* Социально-политическая структура КНР. 50–60-е годы. М.: Наука, 1980. С. 37.

расчета, которыми пользовался В.И. Ленин при анализе русской действительности 1897 года¹, могут быть применены и в отношении анализа предреволюционной Монголии, однако следует учитывать крайнюю специфику разделения труда (в Монголии не только ремесла, но даже земледелие не получило заметного развития, торговля почти полностью находилась в руках иностранцев, подавляющую часть горожан составляли также иностранцы).

Общая характеристика степени общественного разделения труда в среде монгольского населения и, следовательно, степени его вовлечения в различные формы товарного производства и капитализма затруднена тем обстоятельством, что социально-экономическое и общественно-политическое развитие предреволюционной Монголии не было стабильным. В стране сложилась полукOLONиальная социальная структура общества и власти, при этом уже только во втором десятилетии XX века произошел ряд резких скачков в характере, соотношении и расстановке различных внешних и внутренних факторов; экономическая и политическая структуры общества испытали в этот период резкие изменения. Восстановление монгольской государственности в 1911 году и потеря ее в 1919 году, неоднократная переориентация страны во внешних экономических и политических связях, приливы и отливы внешних субсидий и массовые миграции инонациональных групп, бесчинства оккупантов — вызывали изменения как в соотношении классов и социальных групп и в их отношениях к политической системе и друг к другу, к обществу и государству, так и в распределении населения по роду занятий. Поэтому все группы монгольского общества подвергались значительным численным колебаниям на протяжении чрезвычайно коротких промежутков времени. Это делает статистический анализ дореволюционного монгольского общества приблизительным и побуждает сконцентрироваться на чисто политических факторах цивилизационного надлома.

По данным 1918 года², в Монголии находилось на момент переписи 100 тыс. китайских подданных (колонизация Монголии китай-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 501–506. Такой анализ применительно к одной из восточных стран — Китаю — был впервые произведен В.Г. Гельбрасом. См.: Гельбрас В.Г. Указ. соч. С. 25–37.

² Майский И.М. Монголия накануне революции. С. 30. В последнее время монгольские исследователи приводят уточняющие перепись 1918 года данные экспедиции 1913–1916 годов С.А. Козина, но они принципиально не могут изменить картину, которую дал в своей книге И.М. Майский (*Урангуа Ж. XX зууны эхэн уеийн Монгол улс (1911–1919)*). 175–193 дахь талд.

скими поселенцами лишь начиналась: более или менее постоянно проживавших в стране китайцев, в основном земледельцев, насчитывалось от 5¹ до 14 тысяч²). Численность подданных бывшей царской России в то время составляла 5 тысяч³. Таким образом, в общей численности населения (647,5 тыс. человек⁴) на долю иностранцев приходилось свыше 16%. В оседлых населенных пунктах, т.е. для монгольских условий — в городах, — они составляли подавляющее большинство — 64%. Необходимо отметить, что доля китайцев-колонистов в самостоятельном населении была несравненно выше их доли в общей численности населения, т.к. они являлись исключительно мужчинами трудоспособного возраста: от 15 до 50 лет⁵. Административный запрет на въезд в Монголию китайцев агонизирующим режимом цинов был снят, но переселения китайцев в страну с семьями еще не происходило; для этого не было условий в принимающем обществе. Молодые мужчины-китайцы ехали в страну «на разведку»: приобретать недвижимость, заводить дело. Всех иностранцев (не принимая во внимание периоды вторжения в страну оккупационных войск) следует отнести к торгово-промышленному населению.

Специфика земледельцев в данном случае в расчет не принимается, так как это были люди, связанные почти исключительно с хозяйственной инфраструктурой иностранных колоний — национальное земледелие как самостоятельная отрасль сельского хозяйства не получило сколько-нибудь заметного развития. Разумеется, следовало бы выделить среди иностранцев представителей колониальной администрации, дипломатов и консульских работников, но та их часть, которая была совершенно свободна от торговых операций, весьма незначительна. Появление среди иностранцев пауперов и люмпен-пролетариев исключалось: преступники, обнищавшие вконец «пролетарии» и прочие, как правило, покидали страну.

Для иностранцев страна после 1906 года была сферой откровенного грабежа аратов-скотоводов (прежде всего, через предоставление китайскими ростовщиками ссуд под проценты) и отхожего промысла; с семьями оседали очень немногие (причем исключительно

---

¹ Там же. С. 86.

² Хозяйство Монголии. 1931. № 1. С. 30.

³ *Майский И.М.* Монголия накануне революции. С. 30.

⁴ Народное хозяйство МНР за 60 лет (1921–1981). Юбилейный стат. сборник. Улан-Батор: Госиздат, 1981. С. 73.

⁵ *Майский И.М.* Монголия накануне революции. С. 84.

русские). В периоды политических потрясений только сами монголы оставались вершителями своих судеб.

В сложном симбиозе с торгово-промышленным населением иностранных колоний находилась определенная часть собственно монгольского населения. Всего только 9% всех монголов жило более или менее оседло¹. Из них 80% составляли монастырские ламы². Особая роль и масштабы распространения влияния духовенства на все стороны общественной жизни Монголии не позволяют включить его, как в России 1897 года, целиком в состав непроизводительного (т.е. не участвующего в хозяйственной деятельности) населения. Одна его часть была непосредственно связана с теми функциями, которые В.И. Ленин относил к функциям полупроизводительного населения³: торговля, частная служба, прислуга и т.д.⁴ Эту группу В.И. Ленин предлагал распределять приблизительно между торгово-промышленным и сельскохозяйственным населением (в данном случае имеются в виду только горожане — монастырские ламы, поэтому необходимо их относить только к торгово-промышленному населению). Другую же группу: лам, освободившихся от мирских занятий, а также ламаистскую часть бюрократической верхушки теократического государства следует отнести к группе не участвующего в хозяйственной деятельности населения. Помимо монастырских лам, имелись также ламы, проживавшие в кочевьях, но их следует отнести к сельскохозяйственному населению. (Дело в том, что в условиях степи натуральные подаяния верующих оборачивались созданием и поддержанием хозяйств лам, которые, ко всему прочему, обзаводились и неформальными семьями или жили у родных. Всего в Монголии численность лам достигала 115 тыс., или 44,5% всего мужского населения⁵).

Неразвитость в привычном понимании оседлоцентриста разделения труда затрудняет выделение в качестве непроизводительной части населения вообще какую-нибудь любую группу в кочевьях. Ни один владетельный или невладетельный феодал, чиновник, арат любого сословия не мог в степи обходиться без скотоводческого хозяйства. Но хошунный правитель, феодал являлся, как прави-

¹ *Майский И.М.* Монголия накануне революции. С. 102.

² Рассчитано по материалам *И.М. Майского (Майский И.М. Монголия накануне революции. С. 43, 247).*

³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 502.

⁴ Данный вывод подкрепляется и иллюстрируется в книге: *Урангуа Ж.* XX зууны эхэн уеийн Монгол улс (1911–1919). 195–223 дахь талд.

⁵ *Майский И.М.* Монголия накануне революции. С. 43.

ло, горожанином. Поэтому всю кочевую часть монгольского общества, включая управляющих и штат чиновничества, следует отнести к сельскохозяйственному населению (91%). Оставшуюся весьма многоликую в социально-экономическом отношении часть монголов-горожан можно распределить с большой долей условности на торгово-промышленное (1–2%) и непроизводительное (6–8%) население. Здесь учитываются данные о сословиях, о соотношении различных слоев ламства и феодалов, а также отрывочные данные о «мещанах», чернорабочих, пауперах и люмпен-пролетариях, чиновничестве и пр. Точных сведений нет, и приходится ограничиваться лишь весьма приблизительными данными. Подробное перечисление (через указание титулов, жалований, привилегий) «словес» монгольской светской и духовной аристократии² не проливает свет на истинное место в социально-классовой структуре того или иного князя или чиновника. Более того, классовая грань между князем, чиновником, «мещанином», предпринимателем (панзчин) не всегда проглядывается, поэтому в состав непроизводительного населения включены лишь высшая знать, центральный государственный аппарат, окружение богдо-гэгэна, войско, наиболее ортодоксальная часть ламства, люмпен-пролетарские элементы³.

Представленные результаты нашей оценки весьма приблизительны, но и они дают картину того, что рынок коснулся кочевий монголов в товарно-денежном выражении незначительно. Но с другой стороны, воздействие колониализма (проявившегося, прежде всего в попытке масштабной китайской колонизации), рост монастырей и ламства вызвали отток почти десятой части населения из кочевий, ее отстранение от сельскохозяйственного производства, коренное изменение характера государственного строя, обострение общественных противоречий. В появляющихся впервые за сотни лет городах насаждались «сверху» первоначальные торговые и бюрократические формы капитализма, а худонские⁴ массы были поставлены

¹ См.: *Урангуа Ж.* XX зууны эхэн уеийн Монгол улс (1911–1919). 195–223 дахь талд.

² См. помимо материалов И.М. Майского: Пунцагноров Ц. Монголын автономит уеийн туух (1911–1919) (История Монголии периода автономии). Улаанбаатар: УХГ, 1955. 105 дахь тал. См. также: Московская торговая экспедиция в Монголии. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1912; *Болобан А.Н.* Указ. соч.; *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Указ. соч.; *Баторский А.А.* Опыт военно-статистического очерка Монголии. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб: Изд-во Военно-ученого комитета главного Штаба, 1989 и др.

⁴ *Худон* — сельская местность.

иностранным торгово-ростовщическим капиталом на стадию «примитивного капитализма». Вместе с появлением городов возник бюрократический слой чиновничества и особый пауперизованный слой — харчуул и борчуул, было немало люмпен-пролетарских элементов — цагаачин, бэртэгчин, гуйлагчин, проституток, лам-расстриг и т.п. В этих условиях начинал зарождаться национальный пролетариат.

Полученные данные позволяют сделать приблизительное распределение монгольского населения по классовому положению, т.е. по положению в общественном строе производства. Это позволяет по методике работы В.И. Ленина «Развитие капитализма в России» выявить общие и особенные черты классовых структур России и Монголии, стран, которые вот-вот сольются в пространстве «русского коммунизма».

Прежде всего, необходимо выделить отдельные группы сельскохозяйственного населения. В Монголии не было оформившихся групп сельской буржуазии и сельскохозяйственного пролетариата, но не было также и группы национальной мелкой буржуазии. Все монгольские скотоводческие хозяйства являлись полунатуральными (в контексте зависимости благополучия сельского населения от мирового рынка: притока таких важных иностранных товаров повседневного спроса, как любые ткани, чай, табак, крупы, посуда, сахар, охотничье оружие и патроны, всевозможные предметы и аксессуары быта и досуга, детские игрушки, технические новинки и многое другое), несмотря на существенную имущественную дифференциацию. На 92,2% населения приходилось всего лишь 51,5% скота; остальной скот был сосредоточен в руках богатого меньшинства¹. Вместе с тем эта дифференциация позволяет рассматривать монгольское общество через призму трансформации традиционных отношений по пути их преобразования в капиталистические. На это указывает тот факт, что в условиях общего хозяйственного упадка, возрастающей зависимости местных правителей от центральной власти, засилья церкви, а главное — бюрократии и ростовщиков, определяющим в положении всех слоев общества становилась либо работа под ростовщические проценты и выполнение всевозможных повинностей: воинских, уртонных² и проч., либо получение жалованья за исполнение государственных и культовых функций. Значе-

---

¹ МАХН-ын товч түүх (Краткая история МНРП). Улаанбаатар: УХГ, 1970. 2 дахь тал.

² *Уртон* — станция, ямской перегон.

ние сословных различий быстро ослабевало: в результате регулярных стихийных бедствий в различных районах, как обычно, происходил массовый падеж скота, но теперь восполнение стад зависело не от традиционной солидарности и круговой поруки, а от новых иерархо-бюрократических реалий. В результате появились «окрестьянившиеся» аристократы, не сумевшие приспособиться к новым условиям, и возросло значение коррупции в среде чиновников и ростовщиков.

Непроизводительный ростовщический капитал ускорял разрушение производительных сил, вел к массовому обнищанию кочевников и тем самым менял характер политических отношений и расстановку социальных сил в стране. Он способствовал появлению в монгольском обществе зачатков системы наемного труда, которые появились в животноводческом хозяйстве и в сфере других видов производства в весьма специфической, резко отличной от европейского образца, форме.

В новых условиях появилась особая группа неимущих, разорившихся кочевников, традиционные связи которых с обществом были резко ослаблены и частично подорваны. Это араты, потерявшие возможность сохранить хозяйство в степи. Одна их часть не нашла возможности выплатить ростовщические проценты и производительно применить свою рабочую силу, другая подражалась на различные государственные работы. По своему положению эта группа напоминала сельскохозяйственный пролетариат. Многие кочевники предлагали свою рабочую силу (правда, спрос на нее был невелик) и в случае, когда у них было недостаточно для поддержания жизненного минимума скота. К этим пролетаризирующимся и полупролетарским слоям относилось около 10% кочевников¹.

Основную массу аратства следует отнести к бедным и беднейшим хозяйствам — свыше 80%². Сюда входят представители различных

¹ Эта цифра весьма приблизительная и основана на расчетах, в которые вошли по той же пропорции, что и остальные традиционные группы, разорившиеся представители аристократии, сохранявшие еще некоторые привилегии, обнищавшие ламы, проживавшие зачастую на пожертвования, и неимущие шабинары, пасшие монастырский скот на особых условиях. Известная исходная цифра — 3,3% касается, по-видимому, лишь совсем не имевших скота, причем только аратов-албату и хамжилга, и не дает картины пролетаризации населения в целом. См.: Современная Монголия. 1940. № 5–6. С. 67.

² Данный расчет произведен путем вычета из всей «эксплуатируемой» части общества, определенной исследователями в 92,2% доли пролетаризирующихся и полупролетарских слоев (см., например: Социалистическая Монголия / Под ред. Ц. Балхажава и др. Улан-Батор: Госиздат, 1981. С. 57).

сословий аратства, а также разорившиеся аристократы, ламы, проживавшие в кочевьях. Многие из них держали скот, уже целиком заложенный под ростовщические проценты. Крупные хозяйства нойонов и монастырей, как правило, дробились и распределялись. В хозяйстве какой-либо оседло-земледельческой страны такие отношения можно было бы считать батрачеством, но условия, на которых сдавался скот в Монголии, позволяют говорить о добровольной основе и полном господстве традиционных отношений. В целом эти хозяйства после раздробления, путем раздачи скота на выпас соседям-албату, крепостным (т.е. дворовым) или на основе джасовского метода¹, выравнивались в сторону оптимального соответствия природно-климатическим условиям и собственным физическим возможностям, т.е. становились бедными и беднейшими. Снятие с таких хозяйств излишков под ростовщические проценты или ренту оказывалось практически невозможным без их уничтожения. До второго десятилетия XX века сохранялся консенсус между китайскими снабженцами, торговыми агентами и аратами (никому не нужно было «рубить сук, на котором сидишь»), но в преддверии крутых изменений араты стали изгоняться из своих кочевий в города. Под видом аренды или в счет долгов торговцы из Китая прибирали к рукам значительные земельные участки во многих хошунах² Монголии. К 1911 году в Восточной и Западной Монголии отдельные хошуны были полностью разорены, а их население разбежалось³.

С другой стороны, хозяйства крупных феодалов, чиновников и аратов, где оставалось особенно большое количество скота, стали нередко испытывать потребность прибегать к найму рабочей силы. Но использование батрацкого труда даже в самом крупном кочевом скотоводческом хозяйстве убыточно, и лишь государственные надобности, необходимость передачи денег в центральную казну или на нужды местного князя в ущерб росту поголовья скота принуждали время от времени прибегать к подобной мере. Постоянное же батрачество, содержание ростовщических фирм, чиновников центрального государственного аппарата и пр. могло происходить только при крупных ставках светских и церковных иерархов, отдельных представите-

---

¹ Джасы (управления монастырских хозяйств) распределяли скот по более или менее состоятельным хозяйствам на добровольной основе. См.: *Митис А.* МНРП во главе антифеодальных экономических преобразований в МНР. Улан-Батор: Госиздат, 1976. С. 103.

² *Хошун* — административная единица в дореволюционной Монголии; входит в состав аймака, включает в себя сомоны.

³ История Монгольской Народной Республики. С. 231, 232, 234.

лей знати и чиновников, т.е. для Монголии — в городе. По своему социально-экономическому положению эти хозяйства в какой-то мере являлись зажиточными мелкими хозяйствами. Можно привести лишь усредненную цифру — 8%¹, однако необходимо учитывать, что владельцами этих хозяйств являлись не только (и даже не столько) кочевники, но прежде всего высшая знать и корпоративно — монастырское ламство, т.е. горожане. В их отсутствие управление такими хозяйствами осуществлялось сородичами (невладельческой знатью), джасой, управляющими, доверенными зажиточными аратами и т.д. Они-то и подразумеваются, наряду с вышеуказанными владельцами, в данной цифре. Основную массу ламства нельзя отнести к зажиточным хозяевам, поэтому остается цифра — 2%.

Переходные к капиталистическим отношения опутывали также все торгово-промышленное и непроизводительное население. Но если вышеприведенная разбивка групп сельскохозяйственного населения по классовому положению весьма условна и груба, то в данном случае подобное распределение, хотя и грубо в количественных показателях, зато должно отличаться меньшей степенью условности.

И.М. Майский² приводит следующие данные об иностранцах, являвшихся основной частью торгово-промышленного населения. Из 100 тыс. китайцев 75 тыс. — торговцы и ростовщики, остальная часть — ремесленники, мануфактурные рабочие, земледельцы, чернорабочие и прочие «пролетарии». Лиц свободных профессий — не более 100. Из 5 тыс. российских подданных 4 тыс. — люди торгового сословия, оставшаяся часть — рабочие заимок русских купцов, шорники, столяры и пр. Служащих, интеллигенции, военных также немного (правда, их доля в составе русской колонии гораздо выше, чем среди китайцев, но эта непроизводительная часть колонии, разумеется, теряется в общей численности населения страны).

Из торгово-промышленного монгольского населения следует выделить поденщиков, чернорабочих, караванщиков, перегонщиков скота, а также производительную часть ламства и чиновничества (обеспечивающих ежедневное функционирование монастырей и учреждений правительства в хозяйственном отношении). Это своеобразная пролетаризирующаяся и полупролетарская часть торгово-промышленного населения. Далее следуют бедные и беднейшие мелкие хозяйства в городах или вокруг них — они уже в основном учтены: внутри городов

¹ То есть приблизительно число всех зажиточных мелких хозяйств, включая хозяйства, принадлежавшие высшим чинам монархии и монастыря.

² *Майский И.М.* Монголия накануне революции. С. 30, 85, 86, 90.

такие хозяйства трансформировались в полупролетарские. К зажиточным мелким хозяйствам данной группы относятся перекупщики-спекулянты, торговцы-монголы (в основном из знати и чиновничества) и пр. О крупной буржуазии говорить трудно, хотя имеются сведения об отдельных монгольских заводчиках, пытавшихся широко развернуть производство древесины, чая, добычу соли¹.

Определение численности всех этих групп затруднено тем обстоятельством, что еще не проводился детальный анализ функций отдельных слоев ламства и чиновничества по монастырям и учреждениям, хотя и перечислялись должностные обязанности некоторых монастырских и административных «хозяйственников»². Нет также точной статистики поденщиков-монголов, занятых на русских мелких предприятиях³, отсутствуют единые сведения о численности всей пауперизированной части монгольского населения городов, вынужденной перебиваться случайными заработками⁴. Поэтому численность пролетаризирующейся и полупролетарской части (равно как и зажиточной части) городского населения представляется возможным выделить с большими оговорками лишь из всей городской массы, поддающейся учету, включая непроизводительное население. Это связано с тем, что, как уже отмечалось, грань между населением, не участвующим в хозяйственной деятельности, и торгово-промышленным населением была в то время весьма нечеткой.

Непроизводительное население включало в себя своеобразным образом трансформировавшиеся под воздействием колониализма традиционные социально-классовые образования с разнообразными бюрократическими, буржуазными и люмпен-пролетарскими признаками. Высшие чины монархии являлись одновременно либо пайщиками крупных фирм, либо их сподвижниками. Большую часть чиновничества, администрации, интеллигенции России В.И. Ленин относил к зажиточным мелким хозяевам⁵. В Монголии

---

¹ *Ширендыб Б.* Указ. соч. С. 115–116.

² Там же; *Урангуа Ж.* XX зууны эхэн уеийн Монгол улс (1911–1919). 195–223 дахь талд.

³ *Ширендыб Б.* Указ. соч. С. 45–56 и след.

⁴ Расхождения в данных весьма существенные: всего в стране насчитывалось от 90 до 150 мелких и мельчайших русских предприятий сезонного цикла работы, в каждом из которых трудилось от 1–2 до 40 человек. См.: Московская торговая экспедиция в Монголию. С. 341–353; *Тудэв Б.* Формирование и развитие рабочего класса Монгольской Народной Республики. М.: Наука, 1968. С. 25.

⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 506.

к ним по этой методике можно отнести многих монастырских лам. Большая же часть лам располагалась на другом полюсе — с нижними чинами администрации, армии, полиции, с прислугой, с нищими и бродягами (пролетаризирующееся и полупролетарское население, частью люмпены¹).

Таблица 4.1

**Социально-классовая структура монгольского общества в 1918 году
(расчет по ленинской методике)**

Социальная группа (слой, класс)	%
«Эксплуататорская» группа (высшие чины монархии, духовная и светская знать с бюрократическими и капиталистическими признаками)	6
Зажиточные мелкие хозяева	2
Бедные и беднейшие мелкие хозяева	80
Пролетарии и полупролетарии (пролетаризирующиеся слои)	12

Наш ход расчета и степень его приближения к действительности, разумеется, иные, чем при анализе действительности России, так как новая классовая дифференциация в дореволюционной Монголии еле угадывается, к тому же необходимо было расчленять национальную и инонациональную группы и вводить в составные части структуры различные слои ламства. В этом направлении статистика не прорабатывалась, поэтому имеет место некоторая неопределенность нынешних исходных величин. Но уже сейчас видны, несмотря на округленность и условность многих цифр, контуры основных социальных групп и слоев дореволюционного монгольского общества. Глубокое своеобразие монгольских условий, незавершенность процесса классовообразования, стадийные несовпадения в развитии основных социальных групп затрудняют сопоставление полученных данных с данными по России². И все же с определенными оговорками такое сопоставление можно попытаться произвести. В России крупная буржуазия, помещики, высшие чины составляли более

¹ Там же. С. 504.

² Берутся данные по России за 1897 год: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 505.

чем вдвое меньшую часть населения, чем высшие чины в Монголии, а зажиточные мелкие хозяйства, развивавшиеся по капиталистическому пути, более чем в девять раз превышали долю зажиточных мелких хозяйств Монголии. Лично свободные беднейшие мелкие хозяйства России составляли 28,5% населения, тогда как в Монголии существование 80% населения, опутанного традиционными отношениями кочевнической солидарности, было связано с природной гранью физиологического минимума. Пролетарии, в том числе фабрично-заводской пролетариат, и полупролетарии составляли свыше половины населения России — 50,7%, в Монголии же рабочий класс не сформировался, а пролетаризирующиеся и полупролетарские слои, главным образом неимущие и малоимущие араты, пауперы и люмпен-пролетарии, насчитывали 12%.

Анализ социальной структуры дореволюционного монгольского общества выявил сложное переплетение в нем элементов разложения традиционного общества с ростками нового. Расчеты позволили определить специфическое соотношение социальных и политических сил в предреволюционной Монголии, выступившее предпосылкой будущей народной революции 1921 года, формирования ее организаторов внутри страны — сочувствующих Коминтерну и большевикам тайных кружков и обществ, логику организованного в конце 20-х — начале 30-х годов XX века партийным и государственным руководством МНР и коминтерновцами столкновения так называемых «эксплуататорской» и «эксплуатируемой» частей монгольского общества. «Монгольский коммунизм» продолжил разрушение традиционного общества, но он же и продолжил, пусть в весьма искаженном виде «некапиталистического пути развития»¹, «прививку» нового. Это произошло в кульминационный период цивилизационного надлома, который будет рассмотрен несколько позже.

4.2. Политические факторы надлома цивилизации

Цивилизационный надлом, представленный в виде «черенка», прививающегося к «срезу старого ствола», был связан с трансформацией традиционных отношений в монгольском обществе в капиталистичес-

---

¹ В частности, на рубеже 1920–1930-х годов была предпринята безуспешная попытка пересмотреть статус 80% населения — бедных и беднейших хозяйств, в угоду унификации искусственно насаждавшейся кооперации аратских хозяйств с колхозным строем в СССР.

тические. С точки зрения европейского пути общество в целом было опутано докапиталистическими или переходными к капиталистическим отношениями; с точки же зрения местных реалий в трансформированном традиционном обществе появились новые социальные группы с признаками классов.

С формальной точки зрения казалось, что в экономике Монголии на протяжении ее двухсотлетнего существования в составе Маньчжурской империи резких перемен не произошло, что время в стране и обществе стоит на месте — основным занятием населения продолжало оставаться кочевое скотоводство, не было современных фабрик, железных дорог, крупных городов. Но в реальности, по сравнению даже с рубежом XVIII–XIX веков, положение в этой глубинной части Азии, как и во всем мире, коренным образом изменилось. Ни о какой застойности монгольского общества речи идти не могло. Просто изменения, которые имели место в Монголии, по меркам Европы не казались созвучными новым веяниям и темпам технического прогресса; исследователи их часто воспринимали в качестве экзотических ступеней давно прошедших в передовых странах эпох или настолько микроскопических новаций, что не принимали во внимание¹.

Атлас своими иллюстрациями, графиками и картами призван развеять эти стереотипы. Для самой Монголии изменения не были микроскопическими; они имели поистине революционное значение — это создание стационарных городов (даже столица страны Улан-Батор, имевшая до 1924 года разные названия, перестала кочевать только в середине XIX века), появление рабочих, ремесленников, художников, людей других творческих профессий, вообще живущих оседло горожан — чиновников, мещан, рантье, точечное внедрение технических и культурных новинок — телефона, телеграфа, машин, ружья (иногда современного, но в большинстве случаев — примитивного кремниевого), газет, кино и т.д. Пусть современные направления и мотивы в литературе, искусстве, новшества в быту, изменения в экономике, социальной структуре общества и политике, во взглядах людей не всегда были четко обозначенными, тем не менее монгольское общество в целом коренным образом преобразалось, на авансцену политических событий выходили совершенно новые социальные силы, причем это происходило в исторически сжатые сроки.

---

¹ Исключение, пожалуй, представляет Б.Я. Владимирцов, который в конце своей жизни вплотную подошел к изучению и осмыслению новых веяний в монгольской экономике и культуре. См.: *Владимирцов Б.Я.* Указ. соч. С. 189–196.

Зачатки новых общественных сил страны составляли, прежде всего, горожане. В городах жили в основном ламы, светская знать и небольшая прослойка свободных простолюдинов. Никто из них не был чужд радостям городской жизни, развлечений, добывания денег, иногда довольно крупных денег, путем вкладывания своих капиталов на паях с иностранными предпринимателями. Некоторые представители монгольской аристократии и чиновничества находились в тесном контакте с китайскими торговцами и ростовщиками и маньчжурскими должностными лицами, связанными с крупнейшими фирмами в Монголии — Да Шенху, Тянь Идэ, Юань Шэндэ и др. Но массового движения к модернизации, рыночным отношениям, к превращению страны в процветающую часть империи не было. Среди новых слоев общества были и такие категории горожан, как харчуул и борчуул (*букв.* — чернь¹), перебивавшиеся случайными заработками, обедневшие дворяне, рассчитывавшие на помощь земляков и родственников, мелкие торговцы — панзчины и приказчики — бичечи. Многие были обучены грамоте и в будущем составили костяк монгольских чиновников и интеллигенции. Вокруг монастырей скапливались юрты, в которых некоторые ламы негласно вели мирскую жизнь в кругу неофициальных семей. Связанный целибатом, впрочем, не очень строгим, институт ламства являлся своеобразным амортизатором демографического роста. Монголов-горожан было очень мало, они составляли 36% городского населения, из них 80% приходилось на лам². Многие женщины, по выражению Б.Я. Владимирцова, занимались «гетеризмом разного рода; женщины эти в некоторых случаях не теряли связи со «степью»»³ (речь следует вести не столько об имевшей место обычной проституции, сколько о неформальных женах лам и неформальной «ламской» полиандрии). Основной же массой горожан в Монголии были иностранцы — прежде всего торговцы, рабочие и ремесленники из числа китайцев. Китайцы были сезонными горожанами Монголии, их состав менялся и восполнялся за счет частичной ротации. В отличие от китайцев, русские горожане готовы были осесть прочно, с семьями; к началу XX века они добились разрешения маньчжурских властей строить в Урге и других местах (Дзаин-шаби, Хатгале, Мурене, Хангельциге и др.) добротные дома, даже двухэтажные. В 1907 году в Урге появилась первая западная фирма — английская, затем стали

---

¹ *Хаар* — черный, *бор* — серый (*монг.*).

² Рассчитано по: *Майский И.М.* Монголия накануне революции. С. 43, 247.

³ *Владимирцов Б.Я.* Указ. соч. С. 192.

появляться фирмы США, Германии и других стран, хотя западные селтльменты в стране так и не возникли. На золотых приисках акционерного общества «Монголор», созданного еще в 1900 году, появились американские и европейские специалисты, инженеры и техники. В Урге росло число ресторанов, парикмахерских салонов и других учреждений быта, держателями которых были европейцы.

При оценке внутренней экономической ситуации в стране, т.е. уровня развития Монголии в начале XX века, как правило, в литературе используются критерии стадияльных изменений в системе производительных сил и производственных отношений — показатели развития промышленности, товарного производства, товарно-денежных отношений, рынка, банковской системы и т.д. Невозможно оспорить то обстоятельство, что Монголия только в опосредованной форме и лишь отчасти фрагментарно была затронута стадияльными изменениями в технологическом и экономическом развитии, через которые к началу XX века прошла Европа. Но вызывает возражение то, что некоторыми авторами при этом осуществляется механистический перенос во времени обнаруживаемой в Монголии картины отсутствия некоторых ключевых (с точки зрения промышленных стран) признаков развитости (фабричной промышленности, банков, развитого денежного обращения и т.д.) к тому периоду, в который подобная картина отсутствия данных признаков органично была присуща передовым странам Европы. Отсюда берут истоки до сих пор живучие взгляды о монгольском обществе как «антитезисе индустриального общества»¹, о так называемом «средневековье», оторванности от «реалий XX века»², «многовековом отставании» Монголии, в экономике которой господствующие позиции занимало кочевое скотоводство, от передовых стран мира. По этой логике можно перенести с конца XIX — начала XX века на целые столетия вглубь веков — на период отсутствия железных дорог, крупного фабричного производства, развитой инфраструктуры и т.д. — такие, например, датские владения, как Исландия и Гренландия. Подобный перенос некорректен не только в рыболовных и овцеводческих анклавах Европы, но и в скотоводческом анклав Азии — в Монголии, поскольку при таком подходе упускаются из виду опосредованные формы стадияльных изменений и неверно

---

¹ *Bawden C.R.* The modern history of Mongolia. Kegan Paul International. L.-N.Y., 1989. P. 243.

² См., например: *Рощин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. С. 3, 8.

оценивается как крайне отсталый тип производства кочевое скотоводство. Кочевое скотоводство — это тип хозяйства, а не некая докапиталистическая стадия развития. Как и оседлое земледелие, и рыболовство, оно не связано семантически с какой-либо безвозвратно пройденной человечеством универсальной стадией развития. Но главное — не учитывается принадлежность Монголии начала XX века к современности — мировой экономике, рынку, миру машин, электричества, телеграфа. С этими атрибутами современности Монголия была знакома не понаслышке (правда, в приложении к общей ситуации рынок проявлялся в опосредованной через китайский ростовщический капитал и колонизационный поток форме, а удельный вес других новшеств в то время не мог быть высоким). Монголия в качестве хотя и экзотичного и зависимого, но необходимого звена (полуколониального, ресурсного, сырьевого и т.д.) была все-таки частью современного ей мира. Поэтому совершенно справедлива оговорка авторов нового российского учебника по истории стран Азии и Африки о том, что Монголия была отсталым государством «по европейским меркам»¹.

Для того чтобы выступать вполне в унисон со временем и достаточно прагматично с точки зрения сохранения собственной идентичности, Монголия, как ни странно, должна была в определенной мере абстрагироваться от этих «европейских мерок», от «догоняющего развития», «модернизации». Следование европейским эталонам прогресса и критериям развитости (если оно вообще было возможно в зависимом обществе в эпоху колониализма) при отсутствии своих границ и без защиты внутреннего производителя и внутреннего рынка означали для Монголии того времени не реальное достижение этих эталонов, а массиванный приток в страну китайских колонистов — торговцев, земледельцев, ремесленников, чиновников. Это диктовалось логикой рынка. Еще немного, и за этими первопреходцами, уже с войсками, потянулись бы людские потоки, во много раз превышавшие численность коренного населения Монголии.

Поэтому необходимо с пониманием отнестись к позиции монгольских светских и духовных феодалов², всех общественных сил, сопротивлявшихся бесконтрольному насаждению в обществе степняков чуждых им эталонов и ценностей мирового перемещения това-

---

¹ Новейшая история стран Азии и Африки. XX век: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. В 2 ч. Ч. 1: 1900–1945. М.: ВЛАДОС, 2001. С. 123.

² Принятое в литературе и ставшее стереотипным обозначение высших монгольских иерархов в маньчжурский период.

ров, капиталов и людей в то время, когда не были решены вопросы независимости и суверенитета страны. Именно с этим обстоятельством связано то, что многие исследователи не могут обнаружить в той Монголии созвучные современному прогрессу подвиги. С точки зрения какого-нибудь исследователя с европоцентристскими взглядами, доминирующей чертой монгольского общества было его пассивное отношение к новшествам в экономике, политике и культуре, «монгольский социальный консерватизм»¹. Для исследователя с марксистскими взглядами (не противоречащими по своей природе европоцентристским предпочтениям) попытки феодалов сохранить рычаги личного воздействия на своих подданных, в условиях безраздельного господства китайского ростовщического капитала, паразитировавшего на теле монгольской экономики, выглядели господством феодальных отношений. Однако монгольские араты-скотоводы находились под гнетом, прежде всего, китайских купцов и чиновников². Многие монгольские феодалы были разорены, и личная зависимость от них аратов сохранялась в обществе лишь по традиции, в противовес господству маньчжурских чиновников и китайских торговцев. До этого же, по свидетельству русского консула в Урге Я.П. Шишмарева, «князья были богаты и тароваты (т.е. предприимчивы. — А.Ж.), народ жил в довольстве. Что же больше нужно монголу? Потребности весьма скромны: обилие молока летом, верховая лошадь, теплая юрта зимою, лишний баран для стола, он счастлив»³. Значительно большее экономическое влияние, чем просто феодалы по происхождению и званию, имели те владетельные и невладетельные князья и даже зажиточные араты, кто совмещал свои чиновничьи обязанности с функциями компрадорской буржуазии.

Цинский двор, стремясь пресечь отделение Монголии от империи, взял на себя непосильную задачу: темпам усиления притока китайских колонистов в страну в геометрической прогрессии соответствовали темпы осознания монголами необходимости обретения национальной независимости, развертывания их политической активности, национально-освободительной борьбы. Этому не могло помешать то обстоятельство, что монгольская аристократия находилась на государственной службе иноземного императора.

---

¹ *Murphy G. Soviet Mongolia. A study of the oldest political satellite. Berkeley-Los Angeles: University of California Press, 1966. P. 29.*

² Это, в частности, легко прослеживается по данным русских торговых экспедиций. См.: Московская торговая экспедиция в Монголию. С. 1.

³ Русский консул в Монголии. С. 101–102.

Напротив, данное обстоятельство помогало монголам формировать зачатки своей собственной государственности и быть в курсе событий, происходящих в империи. Не меняло дела и то, что маньчжуры сформировали сложную административную систему с соответствующими ей формами продвижения по службе и ведения дел, получения ученых рангов. И даже то, что они внесли новшества: если раньше существовал запрет на использование китайской письменности в делопроизводстве и китайских названий, приглашение из Китая писарей и пр., то теперь эти запреты были сняты, и были введены специфические требования к знанию маньчжурского и китайского языков¹. Эффект от этих мер был прямо противоположный ожидавшемуся: многих владетельных и невладетельных монгольских князей на службе у маньчжуров захлестнул протест, вылившийся в чувство патриотизма; с этим чувством они подходили к решению всевозможных политических и экономических вопросов, стремясь сохранить национальные корни своего народа².

Прежде всего, Цины лишились возможности сколько-нибудь серьезно опираться в своих политических и военно-стратегических расчетах на военную поддержку монголов. Исследователи часто отмечают упадок боевого духа монголов — потомков их прославленного предка Чингисхана. Это так и далеко не так. Просто патриотично настроенные командующие монгольскими войсками не хотели быть полицейской силой в руках иноземцев. В 1900 году маньчжуры пытались организовать во Внешней Монголии 20-тысячное войско для подавления в Китае ихэтуаней, но столкнулись с полным неприятием Монголией этой роли. 2 тыс. солдат, которых хошунный князь все-таки вынуждены были передать в распоряжение маньчжурского цзянцзюня (наместника) в Улясутае, разошлись по домам, перебив перед этим солдат улясутайского маньчжурского гарнизона, разгромив резиденцию наместника, купеческие конторы и лавки³. Но в целом задолго до этого монголы, будучи в подчинении у маньчжурской династии, предпочли выглядеть отказавшимися от воинственности и представлять в виде мирных аратов-скотоводов, чем служить усмирительной силой империи, в частности во время крестьянской войны тайпинов и «опиумных» войн. Эта пассивная форма сопротивления способствовала крушению мощи империи,

---

¹ Лхамсурэн Б. Монголын гадаад орчин торийн тусгаар тогтнол. Улаанбаатар: МУШУАТХ, 1995. 7 дахь талд.

² Монгол улсын туух (туух, онол-арга зүйн асуудлууд). УБ., 1999. С. 192–195.

³ История Монгольской Народной Республики. С. 236.

сделала династию весьма уязвимой на очень ответственных участках. Но это было только началом конца.

Монголы не стали забитым народом и не потеряли своего боевого духа. Из последнего приюта и духовного оплота некогда кочевой имперской династии Монголия превращалась в мятежный край. В разных частях страны вспыхивали выступления против маньчжуров. Особенно крупными были выступления в хошуне князя Сансарайдоржа и некоторых других хошунах Цэцэнханского аймака в 1902 году, в хошуне Дархан-бэйлэ Дзасагтуханского аймака в 1903 году — это выступление проходило под руководством арата Аюши, волнения в 1905–1907 годах в Урге, вновь в Цэцэнханском аймаке в 1909 году — под руководством прославленного Зоригт-батара (Неустршимого героя) Тогтоха. За этими и некоторыми другими выступлениями негласно стояли владельческие и невладельческие князья. Маньчжуры отвечали на эти выступления репрессиями, ускорением военной оккупации Монголии, значительным усилением и пополнением маньчжурских гарнизонов в ряде городов и населенных пунктов¹.

Помимо стихийных выступлений и волнений, это время отмечено и вполне сознательными шагами монгольской династической и церковной элиты против маньчжурского господства в стране. В 1900 году глава монгольской буддийской церкви, будущий правитель автономной Монголии Джебдзундамба хутугта отправил в Россию своих посланцев во главе с управляющим шабинским ведомством да-ламой Бадамдоржем, которых снабдил подарками и письмом в адрес российского правительства, с просьбой оказать помощь в обретении Монголией независимости. И хотя миссия монгольских посланцев в Петербург в тот момент не увенчалась успехом, начало антицинской международной активности Монголии, т.е. ее деятельности в качестве самостоятельного субъекта международных отношений, было положено.

С этого момента всколыхнулась вся Внутренняя Азия. В Урге происходят знаменательные события: в 1904 году монгольские деятели принимают у себя «великого беглеца»² — далай-ламу, который советуется с ними о соединении усилий Тибета и Монголии в борьбе за независимость, о поиске путей подключения к этому процессу

---

¹ Там же. С. 236–238; *Лхамсурэн Б.* Монголын гадаад орчин торийн тусгаар тогтнол. 7 дахь талд.

² По названию книги Инессы Ломакиной (*Ломакина И.И.* Великий беглец. М.: ДИК, 2001).

помощи России. В 1907 году из Внутренней Монголии в Ургу прибывают чиновники-харачины Хайсан и Алмас-Очир, которые проводят переговоры с халхасскими властителями по поводу независимости всей этнографической Монголии. Алмас-Очир привез с собой письмо, адресованное князьям Халхи, в котором подробно описал убийства, зверства и притеснения, чинившиеся маньчжурскими властями и китайцами во Внутренней Монголии¹. С этими чиновниками-харачинами доверительные отношения устанавливают да-лама Церенчимэд и командующий войсками Тушету-ханского аймака чин ван Ханддорж. С 1910 года халхасские князья ведут интенсивную переписку и проводят совещания, на которых разрабатывается конкретный путь обретения Монголией независимости².

Итак, положение Монголии накануне революции 1911 года характеризовалось, с одной стороны, нависшей над ней угрозой превратиться из привилегированной части великой империи с самобытной культурой, народом и цивилизацией в заурядную китайскую провинцию с преобладающим ханьским населением, а с другой стороны, ее вовлечением в орбиту выходящих за пределы империи широких межгосударственных отношений. В рамках этих взаимоотношений Монголия получала возможность если и не достичь независимости, то хотя бы постепенно выстроить систему противовесов, способных сдерживать опасность ее поглощения Китаем. Иными словами, Монголия в этот момент выступала органичным активным звеном современности, современности, в которой перемещение товаров, капиталов, людей приобрело общемировой характер, а полукolonии становились объектами притязаний сразу нескольких держав и, следовательно, превращались в субъекты отношений с этими державами, т.е. международного права.

В июле 1911 года, когда происходил крах Маньчжурской империи и администрация агонизировавшего режима династии Цин быстро теряла контроль над событиями в политически раздробленном Китае и Монголии, в Урге во главе с Джебдзундамбой хутугтой состоялось тайное совещание крупнейших князей, на котором было признано невозможным для Монголии оставаться дальше под властью Цинов и было принято решение воспользоваться благоприят-

---

¹ Дэндэв Л. XX зууны Монголын туухийн эх сурвалж (Автономит Монгол улсын уеийн онцлог баримт бичгууд) (Источники по истории Монголии XX в. Особые документы по периоду автономии Монголии). Улаанбаатар, 2003. 27–35 дахь талд.

² Заанхуу Ж., Алтанцэцэг Т. Монголын туухийн лекцууд. Улаанбаатар: Цагдаагийн дээд сургууль, 1999. 222–223 дахь талд.

ной обстановкой начавшейся в Китае революции для провозглашения независимости страны. Причина провозглашения независимости Внешней Монголии лежала в бедственном положении страны, о чем позднее, зимой этого же года, доводилось до сведения маньчжурского правительства в посланной в Пекин телеграмме. В телеграмме, в частности, указывалось, что «в течение двухсот с лишним лет Монголия пользовалась особым расположением к себе богдыханов и не собиралась никогда прекращать служить империи Цин верой и правдой, делить с ней счастье и горе. Но в течение последних десятилетий стержень власти, к сожалению, покачнулся, пограничные наместники и чиновники центральных ведомств начали грубо попирали законы, занялись поборами и взятками. В результате, нет сейчас в мире более дикого и заброшенного угла»¹.

Таким образом, и Урга, и далекие кочевья были готовы к переменам. Наиболее прозорливые представители всех слоев общества не могли не понимать, что вместе с загнивающей империей Цин Монголия катилась в пропасть. И Монголия оказалась наиболее слабым звеном империи. Стоило только в 1911 году начаться революционным событиям в Китае, как страна тут же забурлила, новые общественные силы собрались в единый кулак с тем, чтобы свергнуть власть маньчжуров. Иногда трудно было определить, кто в этом едином, но пестром движении был ближе к цели достижения блага для своего народа — представитель высшего духовенства, резко выступавший за единство Монголии, против любого влияния извне, но и против свободомыслия тоже, или не чуждый западным ценностям, но и внутримонгольскому сепаратизму либерально настроенный представитель светской аристократии, готовый составить первые ряды компрадорской буржуазии. А между этими двумя крайними позициями — множество оттенков быстро меняющейся политической палитры.

Во время вышеотмеченного совещания в Урге светских и духовных феодалов Внешней и Внутренней Монголии во главе с богдогэгэном в июле 1911 года было принято решение послать специальную делегацию в Россию для переговоров о поддержке ею нового монгольского государства. Данное решение участники совещания приняли после продолжительных дискуссий²: они отдавали себе отчет в том, что последствием этого шага может быть не только

¹ Дэндэв Л. XX зууны Монголын туухийн эх сурвалж (Автономит Монгол улсын ийн онцлог баримт бичгууд). 128 дахь талд.

² История Монгольской Народной Республики. С. 263.

разрыв с Пекином и успешное противостояние ему, но и чрезмерное усиление позиций России в Монголии в условиях острой конфронтации последней с южным соседом. Участники совещания тем не менее пошли на риск, исходя из возможностей объединенного потенциала двух Монголий — Внешней и Внутренней. Они полагали, что на объединенную Монголию, сложившуюся из сфер влияния разных мировых держав, ни одна из этих держав посягать не станет и что именно Россия возьмет на себя, выражаясь современным языком, поиск консенсуса с заинтересованными странами, первой установит дипломатические отношения с монгольским государством и поможет ему на начальном этапе его существования.

Таков был идеальный образ монголо-русских отношений, который представляли себе участники совещания. Разумеется, ими допускался и отход от идеала, вплоть до превращения Монголии в государство-сателлит России. В письме Николаю II, подписанном богдо-гэгэном и влиятельными халхасскими князьями, которое привезла в Петербург монгольская делегация, говорилось, что «в международных правилах установилось положение, когда малое государство становится самостоятельным, почитая сильное и великое государство, а последнее становится опорой первого, помогая ему» и что в этой связи они ждут российской помощи, «как дождя во время великой засухи»¹. Авторы письма пытались заинтересовать Россию льготами в торговле, строительстве железных дорог, организации почтовой связи и т.д. Особенно сильно звучали в письме их сетования на новый курс политики Цинов в Монголии и их решимость покончить с засильем в стране китайских земледельцев и торговцев². (В этом содержался вольный или невольный намек на перспективы свободной от китайской конкуренции деятельности в Монголии русских промышленников и купцов.)

Несмотря на заманчивость предложения стать куратором «этнографического объединения» (по выражению русского посланника в Китае И.Я. Коростовца)³ Внешней и Внутренней Монголии, а также Барги, царское правительство посоветовало монголам «действовать умеренно и постараться найти почву для соглашения с Китаем»⁴.

---

¹ Иш татсан нь: *Жамсран Л.* Монголчуудын сэргэн мандалтын эхэн (1911–1913). УБ., 1992. 55 дахь талд.

² Мон тэнд. 54 дэх талд.

³ Цит. по: *Ширендыб Б.* Указ. соч. С. 89. *Коростовец И.Я.* От Чингисхана до Советской республики. Краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени. Улан-Батор: Эмгэнт, 2004.

⁴ *Гримм Э.Д.* Указ. соч. С. 178–179.

В условиях того времени, разумеется, ни о каком международном консенсусе, добровольном отказе мировых держав от своих сфер влияния и их «суммировании» в пользу спонтанно возникшего государства не могло быть и речи. Ноты правительства Внешней Монголии, разосланные министрам иностранных дел Англии, Франции, Германии, Австрии, Дании, Голландии, Японии, Бельгии и США, остались без ответа¹.

Из всех стран лишь Россия имела легитимную возможность отреагировать на обращение Урги в строго очерченных пределах своей компетенции. По соглашениям с Японией и Великобританией, Россия включала в сферу своего влияния в монголоязычных и ламаистских регионах Китая только Внешнюю Монголию, Баргу и Урянхайский край, но и в этой сфере была ограничена обязательством не нарушать целостность Китая. В каждом из этих регионов у России были разные интересы и возможности.

Что касается Барги, пересекаемой КВЖД и открытой для международной торговли, то здесь Россия была особо заинтересована в поддержке центральной власти, охватывающей весь Китай. После изгнания из Барги маньчжурской администрации там в январе 1912 года была провозглашена независимость. Россия выступила посредником и подписала в октябре 1915 года с Китаем соглашение о Барге, по которому та образует отдельную область, подчиненную центральному китайскому правительству. Барга была открыта для военной оккупации Китаем и для колонизации, что прикрывалось в соглашении оговорками о «предупреждении России» и о «разрешении местной власти».

Феномен практически безболезненного присоединения тюркоязычного ламаистского Урянхая к Российской империи в 1914 году связан не с нарушением соглашений, а с проблемой определения линии прохождения на этом участке российско-китайской границы, спорность которой признавалась как российской, так и китайской сторонами. «Автономизация» Монголии в 1913 году позволила России единолично решить вопрос этой отгороженной от Китая Монголией территории в свою пользу. В дальнейшем этот шаг России явился причиной совпадения интересов Китая и Монголии на этом участке, их сближения², некоторых осложнений в переговорах с Китаем в 1915 году и во взаимоотношениях с монгольским правительством. Рецидив конфликта произошел и сразу после проведения

---

¹ *Ширендыб Б.* Указ. соч. С. 93.

² *Коростовец И.Я.* Указ. соч. С. 259.

в Монголии революции 1921 года. Тогда большевикам пришлось пойти на уступки, содействуя образованию Тувинской народной республики, ставшей, по сути, успокоительной «ширмой» для нормализации отношений с монгольскими революционерами.

В Монголии позиция России была совершенно иной: здесь, в отличие от Барги и Урянхая, расчет строился на формировании монгольской государственности. Выступив в роли посредника между Ургой и Пекином, правительство России не могло не отдавать себе отчета в том, что любые его попытки выйти за рамки своей компетенции неизбежно обрекались бы на последующее неприятие их цинским правительством, а главное — теми мировыми державами, которые за ним стояли или имели свои интересы в регионе. Но, учитывая, что династия Цин агонизировала, царское правительство могло себе позволить решительно вмешаться в вопросы устройства Монголии и даже под благовидным предлогом охраны своего консульства ввести в Ургу ограниченный контингент войск (батальон пехоты и несколько сот казаков). Более того, оно вынудило цинское правительство дать письменные обязательства не проводить во Внешней Монголии никаких реформ без соглашения с правительством России, не применять никаких репрессий к членам монгольской делегации, ездившей в Петербург¹.

Монгольская делегация вернулась из России в Ургу в середине октября и застала страну уже с совершенно иными возможностями. Перед духовными и светскими феодалами открылась возможность совершенно открыто готовить переворот, собирать ополчение, выступать с обращениями к народу. В опубликованном 1 декабря обращении говорилось: «Наша Монголия с самого начала своего существования была самостоятельным государством, а потому, согласно древнему праву, Монголия объявляет себя независимым государством с новым правительством, с независимой от других властью в вершении своих дел. Ввиду изложенного сим объявляется, что мы, монголы, отныне не подчиняемся маньчжурским и китайским чиновникам, власть которых совершенно уничтожается, и они вследствие этого должны отправиться на родину»². Китайский гарнизон в Урге оказался парализованным, а маньчжурский наместник (амбань) Саньдо вынужден был с чиновниками укрыться в российском консульстве, откуда 4 декабря под охраной русских казаков выехал через Россию в Китай.

---

¹ История Монгольской Народной Республики. С. 265.

² Там же.

29 декабря в Урге на ханский престол был возведен глава ламаистской церкви богдо-гэгэн Джебдзундамба хутухта. Было назначено правительство нового монгольского государства в составе премьера (сайн-нойон-хан Намнансурэн) и пяти министров — внутренних дел (да-лама Цэрэнчимэд), иностранных дел (цинъ-ван Ханддорж), финансов (тушету-ван Чагдаржав), юстиции (эрдэнэ-ван Намсарай), военного министра (далай-ван Гомбосурэн).

Разумеется, у любой революции есть свои сторонники и противники, судьбы которых иногда являют весьма сложные и противоречивые картины. В Пекине, у трона агонизировавшей династии Цин, собрались и нашли временное пристанище монгольские деятели, выступавшие против Синьхайской революции в Китае и вместе с ней — национально-освободительной революции в Монголии. Так, представитель в Пекине от Сайн-нойон-хановского аймака чин ван Наянт вступил в союз с чин ванами и гунами северо-восточных хорчинских хошунов Внутренней Монголии, присягнул на верность правительству империи Цин и выступил против нарождавшейся Китайской республики. Однако очень скоро чин ван Наянт и другие монгольские деятели прокитайской ориентации уже присягали на верность Юань Шикаю, ставили вопрос о присоединении Монголии вместе с Тибетом к Китайской республике, о созыве совещания по возмещению ущерба Монголии и Тибету¹. Этому в немалой степени способствовала гибкая политика республиканцев, которые смогли расположить к себе даже некоторых из тех монгольских князей, которые ранее выступали за независимость Монголии. Поддавшись обещанию Юань Шикая предоставить равные права всем пяти национальностям Поднебесной, на сторону Китайской республики перешел даже такой известный реформатор, японофил и борец за независимость Монголии, как харчинский ван Гунсэнноров. Он даже возглавил Бюро по монгольским и тибетским делам (Мэн Цзан Шиуцзюй)².

Внешнеполитическим результатом революции 1911 года было подписание 3 ноября 1912 года русско-монгольского соглашения и протокола — первых международных документов нового государства. По этим актам двух правительств Россия получила обещанные ей ранее преимущества в сфере торгово-предпринимательской деятельности и выразила готовность помочь монгольскому правительству в деле сохранения институтов монгольской государственности,

---

¹ Монгол улсын туух. Тавдугаар боть (XX зуун). Улаанбаатар, 2003. 70 дахь талд.

² Мон тэнд. 71 дэх талд.

формирования вооруженных сил, недопущения китайской колонизации и ввода китайских войск.

Соглашение 1912 года было, по сути, «договором глухих»: каждая сторона стремилась к максимуму в достижении своих целей, причем была нарушена аутентичность русского и монгольского текстов соглашения, а также допускалась возможность по-разному интерпретировать отдельные термины. «Неточности» перевода и возможности широкого толкования терминов касались таких основополагающих положений, как степень самостоятельности монгольского государства и его границы (двум терминам в монгольском варианте, которые приблизительно можно перевести на русский язык как «самоопределение» и «самодержавие»¹, в русском соответствовал один термин — «автономный строй»²; замена названия «Внешняя Монголия» на название «Монголия», произведенная по настоянию монгольской стороны в обоих текстах документа, позволяла последней представлять дело так, будто Барга и Внутренняя Монголия включены в состав единого государства. С этим не была согласна российская сторона, но свое несогласие она выразила весьма своеобразно: в секретной ноте, в которой указывалось, что царское правительство оставляет за собой право выбрать, на какие районы, кроме самой Внешней Монголии, оно распространит право на автономию)³.

Консенсуса относительно Внутренней Монголии, Тувы (Урянхая) и Барги найдено не было, и правительства Внешней Монголии и России приобрели лишь то, что диктовалось балансом сил в регионе. Находившийся в революционной смуте Китай, ввиду его непримиримой позиции, временно остался за рамками переговоров. Это дало ему возможность какое-то время держаться в тени, с тем чтобы в будущем предъявить свои претензии, заявить о своих правах в полном объеме. Тем более что незримо Китай в переговорах все-таки присутствовал: текст русско-монгольского соглашения не мог не быть составлен с прицелом на его подключение в дальнейшем к переговорному процессу.

Россия получила возможность активно влиять на развитие ситуации во Внешней Монголии в благоприятном для себя направлении.

¹ Коминтерн ба Монгол. Баримтын эмхэтгэл. 425 дахь тал.

² Проф. Ю.В.Ключников и Андрей Сабанин. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1: От Французской революции до империалистической войны. М.: Изд-во Литиздата НКВД, 1925. С. 360–361.

³ История Монгольской Народной Республики. С. 269.

Соглашением была подготовлена почва к ускорению подключения к переговорам Китая, причем на выгодных для России позициях.

Монголия получила возможность заявить в тексте важного международного документа о своем видении собственного статуса — как независимого государства. По сути, она на время (до момента подписания соглашения с Китаем) получила суверенное государство — богдоханскую монархию — вначале в пределах Халхи, а затем, по результатам второй монгольской миссии в Петербург во главе с Ханддоржем в декабре 1912 — марте 1913 года, и Кобдоского округа¹. Внутренняя Монголия и Барга, а также Урянхай остались за пределами нового государственного образования. Это связано со слабой связью Урги с указанными регионами, ограничивавшейся контролируруемыми маньчжурами эпизодическими культурными, религиозными и экономическими контактами. Попытки объединения обрекались на неудачу уже не столько контролем извне, сколько и из-за серьезных различий в экономическом и политическом потенциале, языке, менталитете, внешних предпочтениях и устремлениях давно разошедшихся народов. Позже по этим же причинам сама Урга отказалась примкнуть к объединительному панмонгольскому движению, в котором тон задавали Чита и Хайлар, справедливо усматривая в нем прямую угрозу сохранению самобытности Внешней Монголии, своей самостоятельности и лидирующей роли. Однако поддержка центростремительных процессов с условием признания центра в Урге являлась важнейшим инструментом давления правителей Внешней Монголии на Россию и Китай.

Монархия имела мощную поддержку России: миллионные займы, поставки вооружения, направление русских военных инструкторов и т.д. Летом 1913 года Россия оказала и прямую военную помощь, введя свои войска в район Кобдо для предотвращения карательной экспедиции, готовившейся пекинским правительством².

Таким образом, русско-монгольское соглашение 1912 года дало максимум возможного договаривающимся сторонам и в этом смысле

---

¹ События в Кобдосском округе, не входившем в юрисдикцию ургинского амбана, развивались не столь мирно, как в Урге. Здешний маньчжурский амбан рассчитывал продержаться до прихода подкрепления из Синьцзяна, опираясь на многочисленный гарнизон и имеющиеся большие запасы продовольствия и боеприпасов. Лишь 6 августа 1912 года город Кобдо был взят штурмом отрядом Дамбижанцана (Джа-ламы) и посланными правительством Монголии войсками под командованием Магсаржава и Дамдинсурэна.

² История Монгольской Народной Республики. С. 271.

было подготовлено в высшей степени профессионально. По канцелярским же критериям исполнения оно не было безупречным; помимо «неточностей» перевода (т.е. отсутствия аутентичности между русским и монгольским текстами), существовали другие «издержки». Но это только лишний раз подчеркивает виртуозность исполнения задуманной многоходовой комбинации. Правда, с такими «издержками» это соглашение не могло быть встроено в систему более широких международных связей.

Указанные «издержки» были скорректированы и исправлены в русско-китайской декларации от 5 ноября 1913 года, признавшей Внешнюю Монголию автономной, ее территорию — частью территории Китая, а правительство Китая — сюзереном автономной Внешней Монголии¹. Правительство Китая, подписав эту декларацию, официально признало и подтвердило основные положения русско-монгольского соглашения 1912 года (изложенные в русском варианте текста). Что касается правительства Монголии, то оно категорически отказалось признать эту декларацию обязательной для себя, о чем сообщило в специальной ноте 2 декабря 1913 года дипломатическому представителю России в Урге.

Русско-монгольское соглашение 1912 года и русско-китайская декларация 1913 года создали необходимое правовое поле для защиты завоеваний революции 1911 года и для постепенного повышения роли и статуса Монголии в системе международных отношений. Активная и грамотная позиция российского правительства в «монгольском вопросе» была помножена на решимость монгольского правительства полностью ему довериться. Такое доверие складывалось в непростой борьбе с интригами прокитайской части монгольского правительства. По свидетельству И.Я. Коростовца, эта партия, «сильная числом и историческими традициями, временно стухевалась, но не отказалась от борьбы. Русская партия, образовавшаяся после переворота, не успела еще окрепнуть. Правда, на ее стороне были Хутухта и его супруга, но князя и ламы держались выжидательно и лишь некоторые более сознательные монголы высказывались за создание полунезависимой области под советским протекторатом Китая и России»².

Согласованность действий позволила обоим правительствам успешно противостоять японскому и американскому вариантам развития событий. По первому варианту Япония при правовом вакууме

---

¹ Коминтерн ба Монгол. 423 дахь талд.

² *Коростовец И.Я.* Указ. соч. С. 169.

неизбежно должна была оттеснить Россию и приступить к распространению своего влияния на обе Монголии, стремящиеся к объединению, и весь Северо-Восточный Китай. В результате легитимность богдоханской монархии была бы сведена на нет, вся структура международных отношений в регионе — нарушена, и Монголию с уходом Японии в собственные пределы ждала бы совершенно ясная перспектива возвращения в «лоно» преемника Цинской империи — республиканского Китая. Причем возврат «объединенной Монголии» произошел бы на условиях Пекина — в статусе обычной китайской провинции¹. Второй вариант связан с однозначной ориентацией правящих кругов и капитала США на режим Юань Шикая, на принципы «политики открытых дверей» в отношении всего Китая. В их интересах было передать Монголию под полный контроль Китая, где они занимали сильные позиции.

Принципы русско-китайской декларации 1913 года были полностью подтверждены тройственным Кяхтинским соглашением, подписанным делегациями Китая, Монголии и России 25 мая 1915 года. Подписанию соглашения предшествовала восьмимесячная работа конференции, на которой были представлены три готовых проекта, принципиально отличающиеся друг от друга в трактовке статуса Монголии. Китайский проект подразумевал превращение Монголии в обычную провинцию Китая, российский — исходил из идеи широкой автономии Внешней Монголии под сюзеренитетом Китая, монгольский — отстаивал государственную независимость Монголии.

В конечном итоге победил российский вариант. Хотя, как отмечает исследовательница русско-монгольских отношений этого периода Н.Е. Единархова, «межцивилизационные различия во внешнеполитических доктринах России и Китая создали большое количество затруднений в реализации статей русско-китайских документов, касавшихся развития русско-монгольских отношений»². Китаю удалось выступить правопреемником империи Цин в отношениях с одним из ее осколков — Внешней Монголией — как с частью собственной территории. И как правопреемник, он вынужден был согласиться с тем, что Внешняя Монголия будет закрыта

¹ Такое предположение вытекает из анализа интереса Японии к Монголии на протяжении всего указанного времени (см., например: *Батбаяр Б.* Монголия и Япония в первой половине XX века. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2002. С. 55 и след.) и из опыта государства Маньчжоу-го.

² *Единархова Н.Е.* Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.) Иркутск: Оттиск. С. 83.

для китайской колонизации, как это было на протяжении почти всего периода правления Цинов вплоть до конца XIX века.

Между тем промежуточное положение (автономия в составе Китая и одновременно российский протекторат) свидетельствовало о том, что новое монгольское государство достигло, в отличие, скажем, от Урянхая, в 1914 году аннексированного Россией, или Внутренней Монголии, ставшей провинцией республиканского Китая, статуса субъекта международных отношений и получило значительные возможности в сохранении собственной траектории развития, равноудаленной от России и Китая.

Монголы могли вынести из событий 1911–1915 годов один важный урок: их обращение за помощью к России хотя и имело вполне определенный риск и не отвечало требованиям объединения Внешней и Внутренней Монголий, тем не менее было единственным оптимальным решением с точки зрения формирования благоприятной геополитической ситуации для создания легитимной монгольской государственности и противостояния китайской угрозе. Как отметил уже в эмиграции барон Б.Э. Нольдэ, российский ученый и дипломат, занимавший пост директора Второго департамента МИД России: «Создание Монголии — одно из крупных дипломатических достижений императорской России»¹.

Вместе с тем подписание документов 1915 года для Монголии было во многом вынужденной акцией. Это показали события, происходившие в течение многомесячных переговоров. Монгольское правительство было вынуждено вывести свои войска из Внутренней Монголии, где они сражались за независимость этого региона от Китая. Это вынудило отвести к границе с Внешней Монголией и войска повстанцев во главе с шударгу батором Бавужавом. Такие как он наиболее радикально настроенные деятели освободительного движения вовсе не оставили своих планов вести борьбу с Китаем до полного отделения. Они не приняли результаты переговоров и не признали Тройственного Соглашения².

Дальнейшая судьба страны зависела, не в последнюю очередь, от способности монгольского правительства лавировать в политике. Китай вновь настойчиво и весомо занимал утраченные позиции в стране. Несмотря на привилегии, которые получил российский капитал в Монголии по результатам Кяхтинского соглашения 1915 года, он не мог противостоять китайскому капиталу, который хотя

---

¹ Цит. по: *Коростовец И.Я.* Указ. соч. С. XVIII.

² Монгол улсын туух. Тавдугаар боть. 84 дэх талд.

и стоял в правовом отношении несравненно ниже него, но за которым проглядывались объединенные интересы капитала других мировых держав. Если в 1912–1915 годах ввоз товаров в Монголию принадлежал единолично России и тем не менее обеспечивал всего лишь 30–35% потребности рынка (это провоцировало в те годы товарный голод), то после заключения Кяхтинского соглашения и с первыми крупными поражениями царизма в Первой мировой войне доставка русских товаров в страну вообще прекратилась, и роль основного поставщика промышленных товаров и покупателя монгольского скота и сырья вновь вернулась к китайскому капиталу. В 1917 году свернул свою работу Монгольский национальный банк, полностью находившийся под контролем России с момента официального открытия в Петербурге в 1914 году и создания центральной конторы в Урге в 1915 году¹.

Против воли договаривавшихся с ней сторон, Внешняя Монголия превращалась в геополитический центр региона и, как не раз бывало в ее многовековой истории, становилась ядром притяжения родственных монголоязычных и исповедующих тенгрианство и северный буддизм народов, населявших пространства от Байкала до Великой Китайской стены. В связи с открывшейся возможностью влиять на ситуацию в сопредельных районах Китая и России роль внешнеполитических акций правительства богдо-гэгэна резко возросла. И хотя Россия ответила отказом на просьбу богдо-гэгэна помочь ему в усилиях присоединить к монархии Внутреннюю Монголию, не поддержала его войска, направленные туда в 1913 году для отражения китайских карательных экспедиций, тем не менее она уже не могла остановить эти центростремительные процессы. Результат сказался несколько позже — в возникновении движения панмонголизма.

Крах Российской империи в 1917 году лишил на время Внешнюю Монголию одной из важнейших внешних опор ее положения субъекта международных отношений. Гибкая позиция Урги в годы автономии (корректное отношение к договорным обязательствам, отказ от расширения границ и одновременно — достаточно жесткая линия в вопросах внутреннего государственного устройства) позволила ей некоторое время продержаться, но выстоять в это лихолетье без помощи извне было невозможно. Остро нуждавшаяся

---

¹ История Монгольской Народной Республики. С. 285; *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия. М.: Восточная литература, 1987. С. 167–168; *Единархова Н.Е.* Указ. соч. С. 187.

в поддержке и весьма уязвимая в международно-правовом отношении, Внешняя Монголия обратила на себя пристальный интерес различных милитаристских группировок, хозяйничавших в Маньчжурии, Внутренней Монголии и Бурятии, политических течений и движений среди харачинов, баргинцев, внутренних монголов и бурят.

Примерно в это же время на Монголию обратили внимание большевики, которые пришли к власти в России в 1917 году, вынашивая идею мировой революции. Они разрушили старую систему международных договоров и соглашений, подписанных царским правительством, и приступили к планомерному осуществлению своих целей. Уже 25 ноября 1917 года правительство Советской России послало телеграмму в российское консульство в Урге с требованием его безоговорочного подчинения Советской власти. Эта телеграмма, как и опубликованные в 1918 и 1919 годах обращения Советского правительства в адрес правительства и народа Монголии, осталась без ответа. В наиболее развернутом виде дипломатическая и пропагандистская кампания большевиков нашла отражение в «Обращении к монгольскому народу и правительству автономной Монголии» от 26 июля 1919 года, в котором Монголия признавалась свободной и независимой страной, имеющей право «непосредственно сноситься со всеми другими народами без всякой опеки со стороны Пекина и Петрограда» и утверждалось, что «вся власть и суд в стране должны принадлежать монгольскому народу»¹. Характерной особенностью документа является то, что в нем право монгольской нации на самоопределение связывалось с волеизъявлением «свободного монгольского народа», а не теократического монарха, сохранявшего лояльное отношение к Кяхтинскому российско-китайско-монгольскому соглашению 1915 года, и к тем правительствам в Китае и России, которые готовы были его исполнять. «Советское правительство, — говорилось в Обращении, — громогласно возвещая об этом монгольскому народу, предлагает немедленно вступить в дипломатические сношения с русским народом и выслать навстречу Красной Армии посланцев свободно-го монгольского народа»².

В момент публикации Обращения в Монголии отсутствовала какая-либо организованная сила, способная откликнуться на это

---

¹ Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Док-ты и мат-лы. Т. 1: 1921–1940. М.-УБ., 1975. С. 469.

² Там же. С. 470

послание. Обращение большевиков, несмотря на обилие революционных фраз, было весьма заманчиво, но сами авторы этого обращения находились далеко, их с Монголией разделяла полоса гражданской войны. Если бы не это обстоятельство, кто знает, не повторился ли бы здесь пример Финляндии, получившей независимость из рук большевиков уже в декабре 1917 года? Как бы то ни было, момент, благоприятный для безоговорочного признания независимости Внешней Монголии Советской Россией, был упущен.

В сентябре 1917 года во Внутренней Монголии произошло выступление отрядов харачинов и чахарцев, усиленных японскими солдатами и офицерами. В декабре в Хайларе начался процесс их притирки к силам атамана Семенова. Через год харачины вместе с атаманом Семеновым (отряд князя Фушенги составил один из двух полков Азиатской дивизии барона Унгерна) пришли в Забайкалье. Семенов материально и организационно поддержал возникшую в этот период безвременья в среде радикально настроенных бурятских деятелей идею создания «Великой Монголии», включавшую в себя все территории расселения монгольских народов. В разбухенной лихолетьем мифологеме монгольской империи Чингисхана Семенов и Унгерн увидели для себя шанс повторить путь великого предшественника. Так зародилось панмонгольское движение, в котором Урга не принимала участия, соблюдая принятые на себя международные обязательства, но которое тем не менее было связано с самим фактом существования геополитического ядра — теократической монархии богдо-гэгэна. На так называемой Даурской конференции, состоявшейся в Чите в феврале 1919 года, и других слетах панмонголистов представителей богдо-гэгэна не было. Урга не примкнула также к другому пожинателю славы великих предков — маньчжурских императоров — генералу Чжан Цзолину. Богдо-гэгэн не доверял маргиналам, справедливо опасаясь контактами с ними подорвать легитимность монгольской автономии. Но кольцо вокруг Урги из разношерстных претендентов на общемонгольское лидерство резко сужалось. В феврале 1919 года панмонголисты предложили богдо-гэгэну пост конституционного монарха в федерации под названием «Великая Монголия» и были готовы объявить ему войну, создать ополчение под предводительством атамана Семенова и идти на Ургу походом, если он откажется признать Даурское правительство¹.

---

¹ Юзефович Л.А. Самодержец пустыни. Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга. М.: Эллис Лак, 1993. С. 56.

Однако вскоре ситуация в стране коренным образом изменилась: вслед за Россией свободным от своих обязательств по отношению к Внешней Монголии почувствовало себя пекинское правительство, которое начало склонять богдо-гэгэна и его правительство к отказу от автономии. В июле 1919 года возник раскол между верхней и нижней палатами, образованными при правительстве богдо-гэгэна для обсуждения соглашения о ликвидации автономии. Нижняя палата, в которой были представлены средние слои общества, отвергла навязываемый китайским наместником в Урге Чен И документ из 64 пунктов под названием «Об уважении Внешней Монголии правительством Китая и улучшении ее будущего положения после самоликвидации автономии», высказавшись за сохранение автономии. Однако под военным нажимом прибывшего в Монголию в октябре 1919 года генерала Сюй Шучжена автономия была ликвидирована. Оккупационный режим, репрессии, ограничение свободы отправления религиозных обрядов вызвали волну недовольства всех слоев общества; вокруг богдо-гэгэна начали оформляться всевозможные группировки и тайные кружки различной ориентации, в которых готовились обращения за помощью извне, в частности, к правительствам Советской России, США и Японии.

Такой поворот событий означал, что для панмонголистов открывалась возможность усилить давление на богдо-гэгэна. До прихода китайских войск в Ургу поход войск Временного правительства «Великой Монголии» на столицу автономной Монголии осуществить не удалось, возможно, из-за кровавого конфликта с харачинами внутри Азиатской дивизии Унгерна¹, а после оккупации Урги гаминами, в январе 1920 года вооруженные силы панмонголистов полностью раскололись: харачины, вырезав около сотни спящих русских офицеров и казаков из отряда другого семеновского генерала — Левицкого², решили уйти домой — во Внутреннюю Монголию³. При попытке пройти через территорию Внешней Монголии они были арестованы китайцами. Вся верхушка, начиная с главы панмонгольского правительства Ничи-тойна (Нэйсэ-гэгэна) была истреблена, солдаты же были отправлены в Ургу на казенные работы⁴. Так был подведен итог короткому периоду существования «Великой Монголии». Альтернатив в выборе внешних опор для Монголии становилось все меньше.

---

¹ Юзефович Л.А. Указ. соч. С. 57–58.

² Там же. С. 59.

³ Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. С. 246.

⁴ Там же.

Победоносное наступление Красной армии в Сибири и на Дальнем Востоке в начале 1920 года и утверждение советского строя в граничащих с Монголией районах стимулировали рост интереса двух тайных (т.е. скрывавшихся от оккупационных китайских войск) кружков (Ургинского и Консульского) в Урге к обращению к монгольскому народу правительства РСФСР, с которым последнее выступило за год до этого. В марте-мае 1920 года установились первые контакты тайных кружков с большевистскими эмиссарами, в частности, Ургу посетил С.С. Борисов — заведующий монголо-тибетским отделом Секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) (Секвостнар, позднее преобразованный в Дальневосточный секретариат Коминтерна).

Между тем российские большевики уже не поднимали вопрос о независимости Монголии, поскольку их предыдущие обращения остались без ответа. Они начали готовиться к переговорам с Китаем об установлении дипломатических отношений, КВЖД, проекте торгового соглашения. Летом 1920 года в Монголии стало известно о первых признаках советско-китайского сближения. Находившаяся в июле в Монголии на пути в Китай миссия ДВР под руководством И.Л. Юрина не имела контактов с монгольскими представителями и не собиралась поднимать монгольский вопрос на переговорах с китайской стороной.

Для Монголии это означало реальную угрозу оказаться за бортом событий, определявших ее дальнейшую судьбу. Хотя и запоздало, богдо-гэгэн все же подписал в один день три письма, выражавшие просьбу лично его и всех влиятельных монгольских князей к правительствам США, Японии и Советской России относительно восстановления автономии¹. Письмо с обращением к Советской России оказалось в руках сочувствующих Коминтерну монгольских революционеров.

Монголия вступила в XX век в качестве органичной части современного мира: как активный субъект международных отношений, как специфический кочевническо-скотоводческий анклав Азии, политическое ядро общности Внутренней Азии, сырьевая часть мирового рынка. Путем обретения суверенитета Монголия стремилась сохранить собственную идентичность, ликвидировать опасность быть растворенной в потоках организованной массовой миграции людей из Китая. Выбор внешних опор был неперменным условием выживания, и Монголия с самого начала решительных

---

¹ *Ширендыб Б.* Указ. соч. С. 202–203.

действий свой выбор сделала в пользу России. Вначале это был выбор в пользу царской России, затем — Советской. Такая последовательность привела к тому, что страна оказалась на самом острие основного конфликта XX века, раскола мира на два полюса.

Думается, целесообразно вернуться к исследованию монгольского общества с точки зрения воздействия на него капитализма, при этом делая акцент на механизме появления в Монголии политических групп, которые выступили за слияние революционного движения в своей стране с движением, которым руководили российские большевики и Коминтерн. Поэтому это исследование должно учитывать не столько этнополитические проблемы выбора, сколько марксистские дефиниции в делении общества на «своих» и «чужих», «эксплуататоров» и «эксплуатируемых».

Глава 5

КУЛЬМИНАЦИЯ НАДЛОМА

5.1. Предпосылки рождения нового общества

Неизбежно приближавшаяся к революции Россия двигалась очень резко, преодолевая незавершенность развития у себя современного капитализма рывками и скачками. К этому ритму начала приравниваться и Монголия, поскольку с Россией было связано ее государственное будущее. Это было время, когда политические и предпринимательские «верхи» в монгольском обществе были неоднородны, но уже приобретали признаки класса. «Верхи» объединялись в непрочные конгломераты по национальным, экономическим и политическим признакам и были представлены верхушкой теократической монархии, иностранных колоний, владетельной духовной и светской знатью, сельскими «мироедами», разнородным по принадлежности к сословиям и монашеским рангам чиновничеством, иностранными купцами, ростовщиками и мелкими предпринимателями. Иностранный капитал повлиял на появление в «верхах» различных интегрированных промежуточных групп и слоев, связанных с функционированием новой государственной и хозяйственной инфраструктуры: центральных правительственных учреждений, таможенной службы во внешней и внутренней торговле, армии, прессы, связи и т.д. Представитель верхнего слоя в социальной иерархии монгольского общества совмещал в своем лице в различных комбинациях одновременно владетельного или невладетельного аристократа, зажиточного скотовладельца (в том числе разбогатевшего на службе арата), сановного или без сана чиновника, состоявшего в деле на паях с иностранными купцами и ростовщиками, т.е. выступал многолико,

причем не самостоятельно, а под охраной и контролем колонизаторов.

В численном отношении верхний слой общества (если учитывать инонациональные группы) сильно колебался на протяжении коротких промежутков времени (по нашим грубым подсчетам, от 7–10 до 17–20%), что было вызвано резкими переменами в политическом положении страны, особенно волнами массивованного въезда в страну десятков тысяч китайских колонистов и таким же массивованным их изгнанием.

Ни одна из групп верхнего слоя монгольского общества не достигла достаточной экономической зрелости и силы для того, чтобы встать во главе общественного прогресса, а их объединения в различные конгломераты были непрочными. Одним из важных показателей этого процесса в 1911–1921 годах является нестабильность состава этого слоя: расслоение ламства, массовый приток в ряды чиновничества представителей неимущих слоев, а также массовое вытеснение или изгнание из страны иностранцев, в том числе «партнеров» крупных чиновников. В конце концов противоречия между группами «эксплуататоров» зашли настолько далеко, что сложилась ситуация, когда «верхи» уже не могли управлять по-старому.

Наличие влиятельнейших иностранных групп в лице верхушек русской и китайской колоний, имевших собственные городские муниципалитеты и непосредственные контакты с правительством монархии и с населением, способствовало вовлечению зажиточных групп монгольских горожан в новые виды деятельности. Изменилось общественное положение высших сановников теократической монархии, некоторые из них приобрели черты представителей бюрократической буржуазии. Более того, среди крупных лам и чиновников появились люди, начавшие заниматься торговыми операциями и установившие широкие связи за границей: в России, Китае, Японии, Германии и других странах, как через представителей фирм этих стран в Монголии, так и в результате личных поездок¹. В связи с этим можно в контексте марксистских дефиниций выделить в среде собственно монголов современную социальную группу «эксплуататоров».

Классический класс капиталистов, разумеется, в Монголии еще не появился. Однако вынужденными проводниками империалистической политики, давящей на страну извне, были высшие чины

---

¹ Более подробно об этом см.: Ширендыб Б. Указ. соч. С. 115.

монархии, хошунные правители, чиновничий аппарат. Они же являлись крупнейшими собственниками скота. «Реализацией» этой собственности занимались зажиточные хозяйства, управляемые джасой, штатом высшего, среднего и мелкого чиновничества — выходцами из дворян, аратов, лам. Основная часть скота был заложена под ростовщические проценты.

В случае нейтрализации иностранцев, зачатки капитализма и мелкотоварный уклад автоматически разрушались, монгольский представитель «верхов» оказывался в полной изоляции: старые связи в сельской местности были уже резко подорваны и заменены иерархо-бюрократическими порядками, а новые экономические рычаги находились все-таки в руках иностранных торговцев и ростовщиков. В результате открывалось чрезвычайно благоприятное поле деятельности для большевистской агитации, оперирующей хлесткими ленинскими наработками. Как отмечал В.И. Ленин, имея в виду примитивные формы торгового и ростовщического капитала, «чем захолустнее деревня, чем дальше она стоит от влияния новых капиталистических порядков, железных дорог, крупных фабрик, крупного капиталистического земледелия, — тем сильнее монополия местных торговцев и ростовщиков, тем сильнее подчинение им окрестных крестьян и тем более грубые формы принимает это подчинение. Число этих мелких пиявок громадно (по сравнению со скудным количеством продукта у крестьян)...»¹ Монгольская сельская местность — худон — оказалась в том положении, когда она уже не могла мыслиться в рамках существующего строя «без мелких торговцев и скупщиков, являющихся «хозяевами» мелких местных рынков»². Точно также выросал образ монгольского «эксплуататора», который уже не мог мыслиться свободным от этих «хозяев», на которых он отчасти переложил свои заботы (ростовщики выкупали у монгольских хошунных правителей право собирать налог с населения, превращая их тем самым в своего рода рантье)³.

Чаяния и чувства монгольских «эксплуататоров» были противоречивыми: либо обращены в прошлое — к возврату традиционных отношений, где они себя видели в безграничной власти над своими подданными, либо к поискам выгодных союзов за рубежом. Экономическая «половинчатость» и несамостоятельность «эксплуататоров»

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 383.

² Там же.

³ Владимирцов Б.Я. Указ. соч. С. 192.

делала их непоследовательными в национально-освободительном движении, к тому же существовали существенные разногласия между двумя основными их группами — светской и духовной знатью.

Сложное переплетение традиционных и привнесенных извне с мировым рынком и колонизацией новых общественных отношений сказалось на особенностях формирования интеллигенции и служащих. Условием стойкости этой прослойки являлось национальное единство. Образование монархии в 1911 году вызвало расширение рядов интеллигенции и служащих: правительство богдо-гэгэна образовало ряд министерств и ведомств, строились школы, создавались вооруженные силы, получила развитие пресса. Интеллигенция и служащие комплектовались не только из образованной части ламства, но и из низших слоев общества. Среди городских жителей было немало грамотных, из них формировался младший командный состав армии, многие перешли на службу в министерства.

За несколько лет существования монархии многие служащие из низов успели сделать карьеру, укрепиться на важных постах государства и армии. Новые явления общественной жизни, требования политической деятельности обусловили отход многих лам от этических и социально-политических догматов ламаизма, их отказ от религиозной замкнутости и кастовости. Из их среды вышло немало революционеров. В русских школах были подготовлены первые монгольские кадры, получившие светское образование. Для этих новых чиновников и интеллигенции возврат к прошлому, к деспотизму собственных или соседних правителей — оборачивался трагедией. Их взоры обратились к опыту массовой революционной агитации Гоминдана в Китае, эсэров и большевиков в России. В среде националистически и патриотически настроенной интеллигенции появились люди, проникнувшиеся революционным сознанием. Эти чувства побудили их приветствовать Великую Октябрьскую социалистическую революцию и, по примеру большевиков, окончательно встать на позиции «низов» — «народных масс». Наиболее активные представители интеллигенции стали под руководством агентов Коминтерна изучать идеи научного социализма и формировать свое классовое сознание, претендуя на будущую политическую организацию масс. В начальной стадии формирования МНРП этот политически деятельный слой был представлен в ее составе наиболее широко.

«Эксплуатируемые» (термин берется также в границах марксистских дефиниций) в монгольском обществе также переживают существенные перемены. Вместе с тем хозяйственная деятельность мон-

голов ограничивалась, как и прежде, в основном уходом за скотом, изготовлением и ремонтом скотоводческого и несложного бытового инвентаря в домашних условиях, сезонными работами и промыслами. Производственная деятельность как наезжавших, так и осевших на территории Монголии иностранцев не выходила за рамки отдельных вкраплений ремесла, мануфактурного производства и примитивного земледелия и являлась, по сути, лишь незначительным дополнением к полунатуральной скотоводческой экономике. Такие сферы промышленного производства, как добыча полезных ископаемых, производство строительных материалов, грубая обработка кож и др., почти не были затронуты механизацией.

Основная масса «эксплуатируемых» была разбросана по кочевьям и не имела никакой общегосударственной экономической связи. Однако всеохватывающий процесс общего обнищания и ослабления традиционных связей вел к стиранию сословных перегородок между отдельными их слоями: аратами-албату, хамджилга, шабинарами, низшими ламами, разорившимися аристократами; сословность придавала лишь второстепенные оттенки этому процессу. Определяющими были факторы, вызванные к жизни колониалистской политикой, широкой сетью ростовщического капитала.

Выше было определено, что основную массу монгольского населения составляли бедные и беднейшие мелкие хозяева. Основным стимулом их существования был не обмен, а получение минимума жизненных средств (с различными вариациями в чисто имущественном положении и в распределении по роду занятий). В целом положение аратства как традиционной группы становилось неустойчивым. Оно превратилось в неоплатного должника колонизаторов. В этой связи следует отметить нетрадиционную социально-экономическую ситуацию, в которой оказалась бедняцкая часть мелких производителей, и вытекающую из этого их особую роль. В силу глубокой зависимости от иностранного ростовщического капитала главный и основной источник существования аратов-бедняков — скот — был фактически полностью отчужден в его пользу и возвращен уже в качестве не принадлежащих аратам средств производства. Тем самым в специфических условиях аграрной страны бедняцкие слои аратства выступали своего рода антагонистом капитала (при этом старые противоречия традиционного общества уступали место новым противоречиям).

В среде аратства появилась полупролетарская, пролетаризирующаяся группа — араты, лишенные даже видимости собственного стада, которые могли существовать в кочевьях, лишь подражаясь

на различные государственные работы (пасти монастырский, джасовский, скот, нести уртонную повинность и т.д.). Некоторые араты вовсе были поставлены вне системы традиционных отношений, лишены покровительства князей и круговой поруки. Эта выброшенная за рамки традиционного общества категория людей уже не могла найти себе пропитания и приложения сил в степи, и единственным ее спасением было бегство в город. Там она перебивалась случайными и сезонными работами (грубая мойка шерсти, гужевой извоз и др.). Часть этой категории аратов была бы обречена на голодную смерть в степи, если бы не получала поддержку соседей, еще придерживавшихся номадских традиций, но огромные расстояния, суровые природно-климатические условия не позволяли влачить жалкое существование в степи сразу многим людям. Определенное количество таких людей скапливалось в городах. Для них приход в город из степи означал поклонение богдо-гэгэну и медленную смерть. Жалкое существование влачили городские «старожилы»: нищие, состарившиеся проститутки и другие деклассированные элементы.

К «эксплуатируемым» следует отнести и небольшую часть иностранцев. Это в основном мигранты-отходники, в основном китайцы (русских рабочих и ремесленников было совсем немного). И.М. Майский определил ежегодную численность мигрирующих из Китая и обратно ремесленников, чернорабочих и других «китайцев-пролетариев» приблизительно в 15 тыс. человек¹. Это большая цифра для оседлых населенных пунктов Монголии, но здесь необходимо иметь в виду корпоративность и замкнутость китайских предприятий, причем большинство из них работало только летний сезон. Наиболее развитые китайские предприятия не вышли за рамки мануфактуры начального этапа развития. В Урге имелось 363 китайских мастерских, в которых трудилось 4280 рабочих, или 11,8 человек в среднем на одно предприятие². Следует отметить отсутствие цеховых или профессиональных организаций среди китайских рабочих³. В Монголии корпоративные устои ремесла и мануфактуры приобретали еще более реакционные черты ввиду замкнутости китайской колонии, регламентации всех сфер жизни китайских рабочих, становящейся особенно суровой за границей. (Китайским рабочим было, в частности, запрещено приезжать

---

¹ Майский И.М. Монголия накануне революции. С. 86.

² Там же. С. 191.

³ Там же. С. 192.

с семьями.) Средний заработок китайского рабочего был ниже заработка даже таких абсолютно неквалифицированных людей, как монгольские отходники на русских шерстомойках (правда, без учета расходов на питание¹).

Мелкие и мельчайшие русские предприятия в Монголии отличались от мануфактур свободой от корпоративной замкнутости. К ним примыкали также предприятия, созданные с участием капитала других стран. В число отходников, работающих на этих предприятиях, входили монголы. Единственное крупное капиталистическое предприятие — золотые прииски «Монголор» — просуществовало недолго. Китайский историк Чен Чжун-цзо в книге «Новая история Внешней Монголии» приводит данные о национальном составе рабочих этих приисков: китайцев 2376 человек (89,15%), русских 220 (8,03%), монголов 69 (2,82%)². К этому перечню следует прибавить также 40 американских инженеров и техников³. На угольных копиях Налайхи работало под руководством русского горного инженера максимум 25–30 человек, монголов среди них не было⁴. Б. Тудэв отмечает, что в этих копиях работали только китайцы⁵.

Монголы трудились в основном на шерстомойках, своего рода мобильных мельчайших предприятиях. Некоторые скотоводы нанимались на эти предприятия сезонного цикла работы по несколько раз. Среди рабочих кожевенных заводов и других мелких русских предприятий также встречались отдельные монголы. По некоторым данным, более половины рабочих этих предприятий составляли русские и буряты (российские)⁶.

За короткий период активизации капитализма в Монголии рабочий класс в стране, разумеется, не мог сформироваться. Однако в данном случае важен сам процесс начала его формирования, так как именно в зачатках этой новой группы сфокусированы важнейшие проблемы социально-политического развития страны. Именно на формирование пролетариата было направлено основное внимание большевиков, Коминтерна, и соответственно здесь проявились

¹ Ср. там же: с. 192 и 193.

² *Ширендыб Б.* Указ. соч. С. 119.

³ Краткие сообщения ИВАН СССР М.: Восточная литература, 1952. С. 56.

⁴ *Юрьев И.Г.* Государственная и кооперативная промышленность // Монгольская Народная Республика. Сб. статей. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 137.

⁵ *Тудэв Б.* Формирование и развитие рабочего класса Монгольской Народной Республики. С. 17.

⁶ *Даревская М.Е.* Февральская революция в России и русская колония в Урге. Иркутск, 1957. С. 26.

истоки субъектной роли социального и политического ядра монгольского общества.

Отличительной чертой формирования монгольского пролетариата было то, что оно происходило независимо от роста относительного перенаселения городов, связанного с массовым разорением аратства. Подавляющая часть разорившихся аратов оставалась за бортом общественной жизни. Селившиеся в столице и при монастырях харчуул и борчуул не могли пополнять ряды фабрично-заводских рабочих, т.к. даже мелкие предприятия свертывали производство. Для организации же небольших инфраструктурных предприятий не требовалось привлечения больших масс разорившихся аратов.

Особенностью развития зачатков монгольского промышленно-го пролетариата является их место в политической системе. Рабочие-монголы трудились на важнейших государственных предприятиях: на телеграфе и в типографии, а также в правительственной инфраструктуре, и занимали далеко не последнее место (со служащими так называемого «фонда реформ») в служебной иерархии. Почти все рабочие, будучи выходцами из аратства, в то же время уже имели чины и звания, опыт службы в администрации, в войсках. Они «командировались» на работу правительством и участвовали в организации необходимых для его функционирования предприятий.

Рабочие комплектовались из наиболее грамотных людей, что было связано со спецификой типографского и телеграфного труда и поставленных перед ними задач. По этим причинам рабочие были наиболее осведомленными в стране людьми, имели самые широкие связи с представителями зарождающейся интеллигенции: журналистами, учениками светских школ, а также со служащими административного аппарата, крупными военными деятелями и даже с высшими инстанциями. Именно вокруг рабочих, установивших контакты с русским «Союзом рабочих и служащих» в Урге, а затем с РКП(б) и Коминтерном, группировались все оппозиционные силы. По нашим предварительным подсчетам, по меньшей мере 12% членов первоначального состава МНП проработали в то или иное время в типографии¹. В типографии наборщиком работал легендар-

---

¹ Подсчитано по: Монгол Ардын Хувьсгалт Нам. Тоо баримт. МАХН-ын уусэн байгуулагдсаны 60 жилийн ойд. (МНРП в цифрах и фактах. К 60-летию образования МНРП). Улаанбаатар: УХГ, 1982. 23 дахь талд; *Бат-Очир Л., Дашжамц Д.* Дамдингийн Сухбаатар. Улаанбаатар: УХГ, 1973.

ный главком, один из основателей народно-революционной партии и один из вождей народной монгольской революции Д. Сухэ-Батор. Еще больше партийцев, в том числе лица первой величины в революции 1921 года и в будущей МНР — Х. Чойбалсан, Ц. Дамбадорж, Н. Джадамба и др., проработали какое-то время на телеграфе. Можно констатировать, что создание политической организации монгольских революционеров, как и последующее развертывание революционного движения в Монголии, происходило при самом непосредственном участии первых монгольских рабочих.

Таким образом, накануне народной революции 1921 года в монгольском обществе складывалось специфическое соотношение социальных и политических сил. Движущими силами изменений выступали не классы экономически зрелого капитализма, а социальные группы с признаками классов, возникшие на базе трансформации традиционного общества под воздействием колониализма и усиления влияния со стороны иностранного капитала.

Специфика внутренних и международных условий («половинчатость» национальной «верхушки», отсутствие зрелой национальной буржуазии, парализованность высшей бюрократии, вовлечение в политический процесс всех слоев общества, а также растущая с утверждением Советской власти в Сибири изоляция страны от остального мира) предопределили новое политическое деление общества. Единственной силой, способной получить помощь извне и преобразовать всю политическую организацию общества, выступила Монгольская Народная партия (с 1924 года — МНРП).

5.2 «Монгольский коммунизм»

Приход XX века сблизил народы Земли всемирным рынком, глобальными транспортными сетями и средствами мгновенной связи. Но в рамках сформировавшихся мировых хозяйственных и политических структур сохранялось культурное многообразие человечества, проявлялись разные исторические судьбы стран и народов мира. Более того, XX век — век глобальных столкновений идеологий, религий, рас, стран, народов, классов, — разрушив многие экономические и политические барьеры и перегородки между старыми странами и обществами, обозначил тем не менее границы крупных культурных границ, закрепив их политическими границами блоков. Мировые войны, антиколониальные, национально-освободительные и социальные революции, круша империи, меняя жизнь

всех людей, облик планеты, оставляли за собой глубокие и отличающиеся друг от друга последствия по разные стороны этих границ — в цитаделях противостоявших в этих войнах и революциях друг другу сторон. После снятия накала того или иного современного конфликта, причин недавнего противостояния (крушения империй, окончания войн, падения тоталитарных режимов и т.д.) границы сохраняются, что и определяет генезис современных мировых цивилизаций на базе тысячелетних культурных традиций.

С 1917 года одну из двух первых современных мировых цивилизаций стала представлять Россия — цитадель до 1991 года классовой революции «низов», ошестившейся штыками против всего «старого мира». Она схлестнулась с другой мировой цивилизацией, которую представлял Запад, динамично осуществлявший из своей цитадели защиту всего мира от «красной» опасности. В 1921 году раскол по линии религии, культуры и классовой революции вышел за рамки разделения между Россией и Западом и пошел дальше и обозначил границы новой Монголии. Коммунистический Интернационал готовил почву для победы своих сторонников на всех континентах Земли, но до завершения Второй мировой войны только в этих двух странах (вернее, трех, если включить соседнюю с Монголией Туву, вошедшую в 1944 году в состав РСФСР) приверженцы коммунизма¹ и их партии — ВКП(б) и МНРП — находились у власти. Они руководили катастрофическим процессом строительства по своему образу и подобию новых обществ, сопровождавшимся уничтожением старых. После войны уже под непосредственным воздействием не Коминтерна (он был распушен), а принявшего на себя его функции Международного отдела ЦК КПСС этот процесс перекинулся на страны Восточной Европы, Юго-Восточной Азии, Китай, Северную Корею, и еще позже — Кубу.

Граница продолжала расширяться (но уже не достаточно резко) и по линии так называемой «социалистической ориентации». Эта неразвитость раскола привела к тому, что появились зоны, в которых разлом по линии классовой революции прошел как бы по краям — ни влияние Запада, ни влияние СССР здесь не были доминирующими.

---

¹ Термин «коммунизм» в данной работе понимается, прежде всего, в цивилизационном плане — как правящее меньшинство общества, ориентированного на победу мировой революции пролетариата. То есть имеется в виду «коммунизм здесь и сейчас» — не столько цель, сколько субъект цели, живущий в конкретном обществе, реальном мире. Поэтому этот термин может распространяться не только на учение Маркса, но и на любое общество, в котором правящее меньшинство привержено или лояльно этому учению, в любой его локальной интерпретации.

В странах третьего мира решающую роль продолжали играть культурные особенности, наследие традиционных цивилизаций, прежнего места которым в биполярно расколотом современном мире уже не оставалось. Если в парном биполярном евро-евразийском цивилизационном пространстве коммунизм являлся противником религии вообще, то Запад выступал и выступает сейчас противником фундаменталистских проявлений религий. На основе этого двустороннего раскола выделилось в качестве парного биполярного исламское цивилизационное пространство.

Подобно другим мировым идеологиям или даже мировым религиям, коммунизм не замыкался пределами какой-либо одной культурной общности, цивилизации. Но в разных цивилизациях, сметая правящее меньшинство прежних обществ, он не мог искоренить специфические, индивидуальные черты цивилизаций, подобно тому, как христианство, буддизм или ислам, сметая у разных народов ранние формы религии, не утверждали повсеместную религиозную монолитность и единообразие, а делились на различные ветви, школы и ереси.

Коммунизм, объединив страны разных континентов в жесткий политический блок, не представлял собой отдельной цивилизации, какой-то общей для всех оригинальной культуры. Зародившись как интернациональное идеологическое и политическое явление, он видел свою роль во всемирном строительстве нового общества, свободного от любых религиозных оков, национальных архетипов и ценностей. Но это — его собственное видение своей роли, на деле же в странах, где он оставил свой след, все сводится к расчистке пути для смены одного локального общества другим.

Коммунизм, как антагонист существующих обществ, мог утверждаться только тоталитарными режимами. Распространяясь по планете, он никогда не был монолитным в культурном отношении, растекался по национальным «квартирам» и лишь в идеологии и политике имел черты мирового явления, но и эти черты потерял на обломках рухнувшего социалистического лагеря, дружества, а затем и распавшегося Советского Союза.

Запад же стоял на позициях «обороняющейся» стороны, выступал защитником всех старых режимов от неминуемой пролетарской революции. Но он являлся мировой цивилизацией не как всемирный противник коммунизма, а всего лишь в рамках строго очерченной культурной общности. Как и коммунизм, он в своей ипостаси его противника неминуемо должен потерять в перспективе черты доминирующего в идеологии и политике мирового явления.

Общие границы военных и политических союзов и блоков практически всегда сближают нации и государства, однако интеграция разных культур в единую цивилизацию на базе только хрупких и краткосрочных совпадений политических интересов невозможна. Подобно этому, национальные коммунисты различных стран, вырстая из интернационального инкубатора — Коминтерна, после распадов политических блоков зачастую дистанцируются в сфере культуры и идеологии, не говоря о политике, от своих бывших единомышленников более резко, чем даже от традиционных противников. На Западе в стане противников коммунизма также случился раскол, вылившийся в мировую войну. В коммунизме ярким проявлением глубокого раскола явилось обособление такой гигантской общности, как Китай. Но расходятся в разные стороны не только коммунисты, но и наследующие их власть преемники в странах бывшего блока, лагеря, содружества или союза. Нынешний дрейф восточноевропейских стран в сторону Запада и неустойчивость ситуации на Кавказе и в Центральной Азии грозят новыми трещинами и расколами.

В условиях многополюсного мира на смену расколу по линии классовой революции приходит раскол по линии культурного обособления.

Коммунизм проходит в теории и практике путь от интернационализма к великодержавности или национализму. Как ренегатский вариант коммунизма, национальный коммунизм отказывается от интернационализма (иногда сохраняя номинально программные установки, но чаще отказываясь даже от декларации цели всемирно-исторического объединения пролетариата), однако усиливает свою роль в пределах локальных цивилизаций.

Эта роль заключается в том, что национальный коммунизм начинает с разрушения устоев старого общества, независимо от того, в какой стране это происходит — в стране с развитыми городами, промышленностью, социальной инфраструктурой или в экономически отсталой стране. Возникая взамен разрушенного общества, на его руинах, национальный коммунизм несет черты этого разрушения, и даже сходя с арены истории (после «бархатной революции», беловежских решений, крушения «железного занавеса», Берлинской стены и т.д.), он передает эти черты по эстафете новому обществу, приходящему ему на смену. «Занавесы» и «стены» воздвигаются вновь, но уже по иным поводам. В этом смысле национальный коммунизм представляет собой определенную продолжительную границу в смене важнейших этапов развития конкретного общества,

а если общество совпадает с ядром цивилизации — межфазовый рубеж.

На монгольский коммунизм, как на коммунизм китайский, корейский, румынский, югославский и т.д., полностью распространяется характеристика, данная Н.А. Бердяевым в отношении русского коммунизма, который, по его мнению, имеет двойной характер — характер мирового и интернационального явления, с одной стороны, и явления национального — с другой¹. Монгольский коммунизм — это явление, связанное с зарождением в 1920–1921 годах на монгольской почве ядра нового общества, которое в слое правящего меньшинства приняло коммунистические идеи, по-своему поняв, ассимилировав и связав их с историей собственной страны. В конечном итоге этому правящему меньшинству, следующему в фарватере Коминтерна, удалось приспособить и даже свести интернациональные идеи коммунизма к чисто прикладным национальным задачам — обретению независимости и государственного суверенитета своей страны.

Принципиальной особенностью монгольского коммунизма является то, что он возник в момент цивилизационного кризиса, более того — цивилизационного надлома. Монголия оказалась государством, в котором коммунизм не просто совпал с полным параличом старого общества и рождением нового, но и стал выразителем весьма редкого в мировой истории явления — смены цивилизационных общностей. Первое свойственно всем странам, пережившим период социалистического общежития. Но везде, кроме Монголии, фундамент нового общества возводился из имевшихся в распоряжении правящего меньшинства элементов оседлой — городской и сельской — цивилизации. В Монголии же коммунизм вырастал одновременно с самым созданием городской культуры и переходом части кочевников к оседлости. Даже после того, как коммунизм сошел с мировой арены, в Монголии видна цивилизационная граница между нынешним и прошлым обществами. Было бы ошибкой тем не менее представлять дело так, будто это — граница между некоммунистическим и коммунистическим обществами. Нет, коммунизм как раз сам явился этапом ломки старого общества и смены его новым, водоразделом, протяженным во времени.

Если сравнить: какой была Монголия, вступая в XX век, и какой она из этого века выходит, то обнаружится, что здесь следует говорить

---

¹ *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. (Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г.). М.: Наука, 1990. С. 7.

о двух совершенно разных в цивилизационном плане обществах — старом и новом. Это два общества, относящиеся к разным фазам цивилизации. О том, что это так, можно судить по двум весьма веским основаниям.

Первое основание связано с тем, что у старого общества не было своего государства, а у нового оно есть. В качестве самостоятельного государства Монголия выступает после многовекового перерыва, впервые со времени Чингисхана и его династии. Собственное государство на монгольской земле возникло в XX веке стремительно, вместе с находившимся с ним в связке новым обществом. В этом обществе переплелись в сложном сочетании мифологема тенгрианства, героической эпохи монгольской империи, принципы устройства буддийской общины, антиколониальные мотивы, зачатки современных социальных движений. Новое монгольское общество зародилось вместе с провозглашением государства в 1911 году, т.е. еще до принятия идей коммунизма. Представители высшего духовенства и степной аристократии, непосредственно участвовавшие в церемонии провозглашения монархии богдогэгэна, были лишь частью правящего меньшинства, которое было открыто для любых сил, способствовавших укреплению монгольской государственности — обретенной впервые за многие столетия. Поэтому, по большому счету, для монгольской цивилизации социальная или религиозная составляющие государственности имели второстепенное значение — главное, чтобы сохранялось как таковое само государство. За считанные десятилетия монгольское государство прошло путь от теократической монархии и автономии до народной республики и нынешнего государства под названием Монголия.

С этим ключевым отличием нового общества от старого связаны резкие контрасты между ними в области материальной культуры, экономики, политики и в социальной сфере. Прежнее общество было кочевым, вращалось вокруг монастырей, которые выступали форпостами оседлости. Нынешнее же общество имеет современные города, в которых население живет по преимуществу оседло. В голой степи, на месте временных стойбищ и монастырей с расположившимися по соседству ставками наместников пекинского правительства, маньчжурскими гарнизонами, лавками иностранных торговцев, вокруг которых кочевали скотоводы, выросли города с библиотеками, школами и университетами, театрами и музеями, больницами и профилакториями, фабриками и заводами, с воздушным, железнодорожным и автомобильным транспортом, с центральным водо-, тепло- и электроснабжением, с радио, космическим телевидением

и ежедневной прессой, с Интернетом и мобильной телефонной связью. По сравнению с тем, как этот процесс возникновения современных городов происходил у цивилизаций, стран и народов земледельческого оседлого мира, в Монголии его особенностью было то, что он не растянулся на долгие столетия, а занял только время, необходимое для возведения городских кварталов, адаптации в них кочевников и приобретения ими городских профессий, — всего несколько десятилетий XX века. Впервые за многие века, причем сразу, на марше, появились горожане — рабочие, инженеры, служащие, интеллигенция, студенты и школьники, домохозяйки и пенсионеры. Новое общество с национальным государством и городским укладом получило новые условия жизни, которые позволили в 5 раз увеличить население, резко поднять его продолжительность жизни и образовательный уровень. У старого общества, ориентированного на пекинский императорский двор маньчжурской династии Цин, оставалась только одна участь — кануть вместе с империей в Лету. Монгольское государство, таким образом, выступило не только архитектором нового общества, но и гарантом сохранения национальной идентичности, языка и основных архетипов культуры.

Второе веское основание, по которому можно судить о цивилизационной смене обществ, а не о ступенях революционного развития, вытекает из того, что прежнее общество было ламаистским, а нынешнее является светским. Это — признак кардинальных различий, связанный с духовными основаниями жизни.

Как не раз бывало в истории, гибель одного общества и рождение на его месте другого происходили в жесточайшей борьбе, с кровопролитием и невинными жертвами. В корне изменился религиозный облик страны, целая армия священнослужителей — лам — была частично истреблена, частично насильственно переведена в светское состояние. Был отменен институт хубилганов — ключевой в ламаистской церкви, пресечена линия перерождений иерарха монгольской церкви — богдогэгэна — и других хутухт. Сменилась не только идеология, но и система письменности — вертикальная вязь была заменена на горизонтальную кириллицу. Нынешние попытки возродить религию, вернуть старую письменность осуществляются фактически на выжженной земле.

Перечень изменений условий и качества жизни в Монголии на протяжении XX века настолько внушительен и длинен, что не вызывает сомнений наличие глубокого водораздела между обществом, существовавшим в начале века, и нынешним. Более того, водораздел этот носит характер не столько рубежа между различными

политическими режимами, социально-экономическими формациями или стадиями развития, сколько между двумя крупными историческими эпохами. С этой точки зрения сам водораздел — не одномоментное событие, а продолжающийся во времени процесс, связанный целиком с периодом крушения старого общества и рождения нового, т.е. с феноменом надлома цивилизации.

Предпосылки надлома цивилизации намного более веские и неизбежные, чем предпосылки какой-либо локальной революции, восстания или путча, смены одного строя или правительства другим строем или правительством. Эти предпосылки связаны с ростом нового мира. Таким ростком были получившие Обращение к правительству Советской России с печатью богдо-гэгэна монгольские революционеры. Именно на их долю выпала задача, которую никто, кроме них, решить не мог: пройти по острию глобального водораздела XX века и создать условия сохранения монгольской идентичности.

Развитие социалистической Монголии часто трактуется как строительство фундамента нового общества «на пустом месте», «с чистого листа». На деле же это строительство, осененное лозунгами мировой революции и пролетарской диктатуры, означало кардинальное разрушение всех устоев прежней жизни. Здесь, как в Туве (присоединенной в 1944 году к СССР), да и в самой России, «расчистка» велась на цивилизационном уровне: были разрушены практически все монастыри, перестало существовать ламское духовенство (многих лам уничтожили физически, основная же масса духовенства была насильственно переведена в мирское состояние), из привычной для них жизни оказались выбиты, а затем и вовсе вытеснены за пределы «нового» общества не только прежняя знать и чиновники, но и зажиточные араты, китайские земледельцы, ремесленники, сезонные рабочие и торговцы, русские купцы и промышленники, представители западных фирм. Культурному наследию была, по сути, объявлена война («культурная революция»), приведшая в 1942 году к упразднению национальной письменности на основе уйгурского алфавита.

Столь жесткая политика монгольских властей может быть объяснена их намерением добиться еще большей поддержки со стороны советского руководства. Первоначальное стремление монгольских революционеров опереться на СССР лишь в деле обеспечения независимости от Китая и своего пребывания у власти обернулось трансформацией этой власти в управление страной по советскому образцу, включая комплектование партийно-государственного

аппарата малограмотными выдвиженцами из «низов», его обновление посредством регулярных чисток и репрессий.

Монголия стала вначале фактически, а затем и юридически независимой от Китая, обрела свою собственную государственность и гарантии безопасности. Цивилизационные «пустоты» заполнялись за счет использования тысяч советских специалистов, подготовки национальных кадров из числа бывших скотоводов в советских вузах и средних учебных заведениях. Вместо старой письменности была введена новая — на основе кириллицы.

Монголия вступила на путь революционных потрясений в результате сложного переплетения внутренних и внешних факторов. В этой «выстраданности» выбора было ее большое сходство с Россией, но и большое отличие от других стран бывшего социалистического содружества, коммунистическое будущее которых было предопределено результатами Второй мировой войны и принципами послевоенного переустройства мира, а никак не их собственным общественным менталитетом. На протяжении двух межвоенных десятилетий и во время войны 1939–1945 годов Монголия (как и Тува) находилась в цивилизационном пространстве «русского коммунизма». В последующий период она развивалась в рамках интеграционных отношений с СССР, продолжая копировать действия «первопроходца социализма». В результате в стране не прерывалось формирование однотипных с советскими экономических, политических и культурных учреждений, совершенно сходных структур общества и власти (вплоть до мелочей в структурах и регламенте работы центральных и местных органов партии и государства). Советская перестройка застала Монголию в тот исторический момент, когда она превратилась в своеобразную копию своего «старшего брата», или, по расхожему негласному определению, в «16-ю союзную республику». Но политическое единство не привело к единству цивилизационному: до 1946 года Монголия даже формально была частью Китая, т.е. зоной переплетения двух сильных орбит, выступала плацдармом формирования в будущем хотя и кратковременного, но глобального советско-китайского коммунистического блока.

Политологический анализ проблемы «монгольского коммунизма» сильно затруднен, поскольку до сих пор нет консенсуса в интерпретации исторических событий и фактов, огромного массива архивных документов, которые стали достоянием ученых в 1990-е годы. Тогда, на волне разоблачения «белых пятен», произошел поворот на 180 градусов большинства исследований, которые велись в России и Монголии по новейшей истории. До сих пор в работах российских,

монгольских и западных исследователей-историков превалирует взгляд на Монголию XX века как на жертву чудовищного коммунистического эксперимента, в который ее насильно втянули кукловоды из Коминтерна и ВКП(б). Любопытно, что дело представляется так, что монгольская сторона была активна как сторонница не коммунизма, а более умеренного революционного движения — национально-демократического.

В разворотах атласа поэтому целесообразно представить политическую канву выбора монгольскими революционерами пути развития своей страны, перипетии следования по этому пути, специфику отношений Монгольской Народной Республики с Коминтерном, СССР, Китаем, США. Отдельный разворот (а может, и целый раздел) атласа должен быть посвящен политической канве событий, предварявших революцию 1921 года.

Имеется немало важных документов, касающихся нелегального прибытия в августе 1920 года в Иркутск из оккупированной китайскими войсками столицы Внешней Монголии делегации Монгольской народной партии, возникшей незадолго до того в результате слияния Ургинского и Консульского тайных кружков. Делегация приехала с целью провести переговоры с представителями Советского правительства и Сиббюро ЦК РКП(б) об оказании Монголии помощи в восстановлении автономии — дипломатической, оружием и военными инструкторами. Привезенная делегатами грамота монгольских князей и лам, заверенная печатью богдо-гэгэна, была призвана подчеркнуть официальный статус их миссии. Но в условиях китайской оккупации Монголии и начавшегося советско-китайского сближения этот документ показался большевикам неуместным. Делегация не имела шансов быть принятой в Иркутске официально (т.е. в соответствии с международным протоколом), так как у иркутян не было на это никаких полномочий. Москва также уже не была готова иметь с Монголией какие-либо официальные контакты. В результате в Иркутске произошла встреча не дипломатов, а революционеров. Все семеро делегатов — С. Данзан, Д. Догсом, Д. Лосол, Д. Бодо, Д. Чагдаржав, Х. Чойбалсан и Д. Сухэ-Батор — оставили заметный след в истории монгольской революции (разумеется, каждый по-своему; их биографии оборвались в разное время: в 1922 году были расстреляны премьеры в отставке Бодо и Чагдаржав, в 1923 году умер молодым главком Сухэ-Батор, в 1924 году расстрелян председатель ЦК МНП, главком Данзан, в 1939 году репрессированы председатель ЦК МНРП, председатель Малого Хурала МНР Догсом и председатель ЦКК МНРП, заместитель пред-

седателя Малого Хурала МНР Лосол, в 1952 году умер в больнице в Москве премьер-министр МНР, маршал Чойбалсан).

Первые встречи выявили разные позиции сторон. Каждая сторона в своих устремлениях была радикальна по-своему, но они сошлись в крайностях. Российские большевики рассматривали Монголию как часть Китая и как возможный плацдарм для развития революционного движения в этой многонациональной стране. Члены монгольской миссии, которых принимали во второй половине 1920 году в Иркутске, затем Омске и Москве, постоянно сталкивались с обращенным к ним вопросом об их ориентации на революционный Китай. 17 августа 1920 года заместитель уполномоченного по иностранным делам в Сибири и на Дальнем Востоке Ф.И. Гапон (он являлся также заместителем председателя Секвостнара и заместителем уполномоченного Коминтерна) заявил в Иркутске на первой встрече с монгольской миссией: «Монгольскому трудовому люду по пути с трудящимся населением Китая, по пути с рабочими и крестьянами всех стран. Я глубоко уверен, что монгольский народ скоро яснее увидит, что его враг не китайский рабочий люд, одинаково с ним страдающий, а эксплуатирующие, играющие на его темноте, верхи. Поняв это, монгольские трудящиеся протянут руку таким же слоям Китая и общим взмахом сбросят раз навсегда царящий над ними гнет»¹. На другой встрече Гапон, стремясь преодолеть нежелание монгольской миссии устанавливать контакты с Китаем, выразился еще более откровенно и жестко: «Советская Россия является в настоящее время тем центром, от правильных шагов которого зависит судьба революционных народов и трудящихся всего мира. Я полагаю, что делегация учитывает это. Поэтому Советская Россия, принимая решение о том или ином участии в революционном движении той или другой революционной группировки, исходит не из интересов одной национальности. Если вопрос, касающийся участия в движении одной национальности, может вызвать шероховатости в международном революционном движении, это может быть препятствием к положительному решению. Советская Россия не может соглашаться на временный успех, если это поведет только к подрыву авторитета тех групп, которые пользовались этим временным успехом и вообще в ущерб международному революционному движению»².

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 4. Л. 2.

² Там же. Д. 5. Л. 4.

Такой подход не устраивал посланцев Монголии. Им нужны были оружие, деньги и дипломатическая поддержка в борьбе за автономию, а в идеале — за полное отделение Монголии от Китая. Они исходили из первых Обращений советского правительства и полагали, что именно коммунистическая Россия, порвавшая со старыми договорами, может дать им все это. Однако отказ Советской России от Кяхтинского соглашения 1915 года означал уже не признание монгольской независимости, а просто аннулирование российского протектората, что автоматически вело к передаче Монголии под полный сюзеренитет Китая. Это давало большевикам бесконфликтный союз с революционными силами Китая — на их взгляд, несравнимо более значительного в сравнении с Монголией плацдарма мировой революции. В этих условиях монгольская делегация оказалась перед выбором: вернуться на родину ни с чем или попытаться разобраться в логике большевистского видения будущего Монголии. В спорах и столкновениях как внутри делегации, так и с советскими партнерами по переговорам у отдельных «кружковцев» зрело убеждение в целесообразности сделать ставку на то, чтобы заинтересовать большевиков возможностью подключения Монголии к мировой революции. Только такой ультрарадикальный подход мог в корне изменить позицию Советской России к монгольскому вопросу и побудить ее к активным действиям в регионе, независимо от перспектив китайской революции. Подчеркивая свой радикализм, монгольская миссия получала возможность влиять на общую схему формирования новых международных отношений на Дальнем Востоке и на характер будущих соглашений Советской России с Китаем.

Постановка вопроса о советизации Монголии не входила в первоначальные планы российских большевиков и Коминтерна. Иркутяне исходили из того, что помощь Советской России этой стране будет заключаться, во-первых, в «выяснении» в Китае тех «группировок, которые соглашаются на автономию Монголии», и в предложении им это «свое отношение декларировать» и, во-вторых, в намерении «свести монгол[ов] с Китревпартией»¹. Столкнувшись с таким подходом, монгольская делегация повела себя очень настороженно. Часть ее начала сомневаться в успехе миссии и заняла выжидательную позицию, уклоняясь от участия в совещаниях. Другие, напротив, развили бурную деятельность с тем, чтобы в корне изменить отношение большевиков к ситуации в Монголии. Внешне это напоминало раскол делегации на две враждующие группы, иногда избегающие

---

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 5. Л. 32.

общения друг с другом даже на бытовом уровне. В письме председателю Сибирского революционного комитета И.Н. Смирнову Гапон писал, что делегация представляет «три оттенка мысли: ориентирующихся на высших князей и духовенство — 2 представителя; на среднее чиновничество и оставшихся в настоящее время не у дел военных, также торговцев — 2 представителя; и на широкие трудящиеся массы, именуемая ими народно-революционной партией (так в тексте. — А.Ж.) — 3 представителя»¹.

Однако делегация смогла найти «золотую середину» в своей линии на переговорах. Расчет был основан на неприемлемом ни для Китая, ни для России требовании объединения всех частей Монголии. Радикально настроенные делегаты согласились пойти на «установление тесной связи и контакта с революционными группами и организациями Китая», но только в обмен на «распространение своего влияния на все части Монголии и объединение их в будущем в одно государственное целое», хотя бы и «связанное с Китаем в той или иной форме федерации или автономии»².

Так возник диалог, а с ним — практические шаги, т.е. монгольский коммунизм, который не имел в своих истоках ничего общего с установками марксистской теории. Началась подготовка к революции, причем предполагалось, что ее проведение, а затем революционная ломка старого общественного строя и замена его новым будут происходить под непосредственным контролем и руководством Коминтерна и при деятельном участии Советской России. Но у истоков этой специфической идеи стояла МНП. Добившись поддержки Коминтерна, она «притянула на себя» сильную орбиту русской цивилизации и втянула Советскую Россию в соперничество с Китаем за Монголию. В Коминтерне до самого последнего момента сомневались в целесообразности проведения в Монголии изолированной от общекитайских событий революции, справедливо опасаясь, что это нанесет непоправимый ущерб делу коммунизма. Привлекательность и в высшей степени прагматичность разработанной в Иркутске идеи подтолкнула тем не менее советское и коминтерновское руководство к активным действиям. Монгольская делегация впервые открыла перед российскими большевиками путь к победоносному пока шествию мировой революции за пределы Страны Советов.

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 5. Л. 18.

² Цит. по: *Лузянин С.Г.* Монголия: между Китаем и Советской Россией (1920–1924) // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 2. С. 75.

Часть делегации двинулась в Омск, затем в Москву. С Данзаном, Лосолом и Чагдаржавом в Омск был отправлен в качестве переводчика Э.-Д. Ринчино — видный общественный деятель Бурятии, идеолог панмонголизма, бывший член правительства «Великой Монголии», автор многих работ о международном и внутреннем положении Бурятии и Монголии. Иркутские большевики не могли забыть его сотрудничества с атаманом Семеновым и относились к нему с большим подозрением. Но в Верхнеудинске, где до прибытия в Иркутск успела побывать делегация, Ринчино пользовался популярностью; его поддерживал сам Б.З. Шумяцкий (псевдоним Андрей Червонный) — член Дальбюро ЦК РКП(б), председатель Совета министров ДВР, заместитель председателя Сибирского революционного комитета.

В Омске Ринчино выполнял не только обязанности переводчика, но выступал как самостоятельная политическая фигура. В его объемном докладе «Краткое изложение о положении дел во Внешней Монголии», датированном 1 сентября 1920 года, в причудливой форме переплелись панмонгольские и большевистские идеи. Он предложил большевикам новое видение места Монголии в продвижении мировой революции дальше на Восток. Не могла остаться незамеченной его совершенно новая мысль о том, что «вовлечение Внешней Монголии, [а] вместе с нею и всей Монголии, в русло мировой революции отдаст в руки последней новый боевой плацдарм, революционно-стратегическое значение которого огромно ввиду существующих тесных связей Монголии с Маньчжурией, Китайским Туркестаном и Тибетом, а через последний и Индией» и что «в будущем генеральном сражении трудящихся всего мира с мировой буржуазией монгольский революционный плацдарм, несомненно, сыграет огромную роль, связывая революционную Россию с великими народами Азии, питающих (так в тексте. — А.Ж.) своими соками в настоящий момент мировых насильников, мировые империалистические державы, давая им, таким образом, силу и мощь»¹.

В его докладе говорилось, что «народно-революционная группа, учитывая всю сложность международной конъюнктуры Дальнего Востока и, несомненно, интересы трудящихся всего мира, выдвигает вполне приемлемое для революционно-трудящихся элементов Китая требование восстановления автономии и стремится к установлению контактных действий с революционными группами южного Китая (имеется в виду Гоминдан. — А.Ж.); но, не имея пока что

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 122. Л. 21.

возможности самой установить этот контакт, группа обращается за содействием к той же Советской России»¹. (Последняя часть фразы построена так, что ее можно понять не только как просьбу о содействии посредничеством в установлении контакта с Гоминданом, но и как более широкое видение роли Советской России в переговорах с Китаем.)

В Москве делегация вызвала к себе весьма большой интерес. Ринчино был приглашен на обсуждение бурятского и монгольского вопросов на заседание Политбюро ЦК РКП(б), в котором участвовали В.И. Ленин, И.В. Сталин и Н.И. Бухарин². Это отразилось на сумме денег, выделенных на ее «первоначальную работу» (80 тыс. рублей серебром из 300 тыс., отпущенных Шумяцкому вообще на работу в Китае и Корее)³. И хотя проблема «автономизации» Монголии большевиками по-прежнему отвергалась, тем не менее образ монгольской прокоммунистической монархии в Москве начал представляться более привлекательным, нежели абстрактные конструкции грядущих генеральных сражений пролетариата Китая. В этом была немалая заслуга Ринчино, весьма прозорливого политика, уловившего настроения в партийном, советском и коминтерновском руководстве. На благодатную почву легли высказанные им весьма своевременно опасения, что «если в китайской гражданской войне возьмет верх возглавляемая Чжан Цзолинем и поддерживаемая Японией реакционно-маньчжурская партия, Монголия тем самым попадет в сферу уже непосредственного японского влияния, феодально-теократический строй в ней получит, несомненно, крепкую опору, демократическое движение, конечно, будет раздавлено, и территория этой страны будет широко использована для накопления в ней для борьбы с Советской Россией разных контрреволюционных банд...»⁴

Задачи миссии в Москве были исчерпаны, и она отправилась в обратный путь. В Омске ее застала весть о военном вторжении Унгерна в Монголию, что вынудило партийцев приступить к немедленным действиям по подготовке вооруженного выступления. Над МНП нависла угроза потерять поддержку богдо-гэгэна и упустить инициативу из рук: Внешняя Монголия реально освобождалась от китайских оккупационных войск не отрядами, организованными

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 122. Л. 21–22.

² Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. С. 248.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 34.

МНП и усиленными Страной Советов, а Азиатской дивизией барона Унгерна.

Унгерн в 1920 году уже не представлял, как это было в 1919 году, враждебное автономии движение панмонголизма и являлся заинтересованным лицом в деле воссоздания монархии богдо-гэгэна. Он командовал войсками, собранными по всей Внутренней Азии, и в Монголии на него делали ставку как освободителя. И вот он, парадокс истории: получив для своего государства неожиданный шанс на обретение независимости, богдо-гэгэн был уже не в состоянии заменить членов своей миссии в России — революционеров — профессиональными дипломатами — людьми из собственного окружения. Позже, когда Унгерн официально восстановил его на монаршем престоле, он предпринял попытку завязать новые связи с Советской Россией¹, но она не могла уже быть успешной. К тому времени «семерка» настолько приковала внимание советского руководства к возможности создания прокоммунистического режима в стране, что этот процесс невозможно было остановить. К тому времени уже было создано Временное революционное правительство, которое готовило с Красной армией совместный поход на Ургу.

Военные экспедиции в сопредельные с Советской Россией районы (в частности, во Внешнюю Монголию и Восточный Туркестан) для разгрома остатков белогвардейских войск готовились «в дружественном контакте с правительством Китая»². В планах военных операций задача создания независимых от Китая государств — Монголии, Тувинской, Джунгарской и Кашгарской республик — не стояла, хотя такие просьбы с мест уже начали поступать в Дальневосточный секретариат Коминтерна и Турккомиссию ВЦИК и СНК РСФСР³. Вместе с тем предстоявший ввод советских войск в Монголию открывал перед МНП (или МНРП — в первоначальном коминтерновском варианте названия прокоммунистической части этой партии, названия, распространившегося позднее на всю партию) возможность выступить в роли самостоятельного субъекта монголо-советских отношений. Так, в Иркутске началась активная работа по подготовке монгольской революции.

---

¹ История Монгольской Народной Республики. С. 312.

² Хейфец А.Н. Советская дипломатия и народы Востока. 1921–1927. М., 1968. С. 24.

³ Там же. С. 129.

* * *

В подаче согласованной с монгольскими соавторами атласа позиции по характеру дальнейших радикальных политических преобразований в стране имеются определенные трудности. Тема определения общих политических черт у монгольских революционеров и российских большевиков в настоящее время приобрела несколько политизированный оттенок. Представляется, что назрела необходимость поговорить о «подводных камнях», которые подстерегают соавторов атласа монгольской цивилизации в раскрытии некоторых страниц истории Монголии. Дело касается принципиальных вопросов взаимоотношений России и Монголии (МНР и СССР), и соавторы атласа просто обязаны находить в таких вопросах согласие.

Нужно провести обстоятельные обсуждения спорных тем, чтобы наметить пути нахождения консенсуса. Нужно время на обдумывание позиции соавторов. Есть смысл в качестве иллюстрации сказанного привести мой текст, несогласие с некоторыми выводами которого было выражено монгольской стороной почти официально и связано с публикацией ранее закрытых архивных документов¹. Вот он:

...В рассматриваемый период Центральный Комитет РКП(б)–ВКП(б), его Политбюро и Секретариат, т.е. высшее советское руководство, стремилось официально дистанцироваться от проблем внутриполитической борьбы в Монголии, передав эту область деятельности («монгольский вопрос») в ведение Коммунистического Интернационала.

Коминтерн формально считался самостоятельным объединением коммунистических партий различных стран. Партийно-политическое руководство СССР держало Коминтерн под своим финансовым, идейным и политическим контролем, но некоторая самостоятельность этой организации, ее революционной деятельности, в том числе на монгольском направлении, сохранялась. На заседаниях Политбюро, Секретариата, Оргбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) рассматривались только важнейшие вопросы военных, политических и экономических отношений Советской России с Монголией. Документы Политбюро, не предназна-

---

¹ Монголын тухай БХК(б) Намын баримт бичигт (Монголия в документах ВКП(б)). Т. 1: 1920–1932. Сб. документов / Отв. сост. и авторы введений А.С. Железняков, С. Дамдинсурэн. Улаанбаатар, 2002. — 735 с. (сигнальный экземпляр); Монголын тухай БХК(б) Намын баримт бичигт (Монголия в документах ВКП(б)). Т. 1: 1920–1932. Сб. документов / Отв. сост. А.С. Железняков, С. Дамдинсурэн. авторы введения — редсовет. Улаанбаатар, 2002. — 560 с.

ченные специально для обнародования, вплоть до 1991 года составляли государственную тайну, носили гриф «совершенно секретно», а доступ к наиболее важным документам, которые были отнесены к грифу высшей формы секретности — «особая папка» Политбюро, был открыт совсем недавно. Вошедший в сборник первый документ «особой папки», касающийся Монголии, датирован 8 мая 1924 года (решение Политбюро ЦК РКП(б) о содержании войск Красной Армии в Монголии¹). Документы «особой папки» Политбюро (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162) составили более трети документов основного корпуса сборника. В сборнике представлены также менее секретные и открытые протоколы Политбюро (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3), решения Оргбюро, Секретариата ЦК, постановления ЦК, совместные постановления ЦК и СНК СССР, записи бесед и совещаний И.В. Сталина с монгольскими делегациями, переписка, личные фонды и другие документы, хранящиеся в РГАСПИ, а также документы из других архивов России и архива ЦК МНРП. В этих впервые публикуемых материалах отражен скрытый от исследователей в течение десятилетий сложный механизм формирования и развития тесных отношений руководителей двух государств, находившихся «во враждебном империалистическом окружении».

В целом взаимоотношения СССР и Монголии в период 1920–1934 годов характеризуются динамичным развитием диалога, нарастанием обоюдного интереса в развитии и укреплении двусторонних связей.

...Как уже было отмечено, высший эшелон ВКП(б) до определенного момента дистанцировался от внутривластной борьбы в Монголии. На это были веские причины.

Во-первых, в самом начале революционных контактов двух стран, во второй половине 1920 — начале 1921 года, перспектива развития революционного процесса в Монголии рассматривалась сначала в Сиббюро ЦК РКП(б), а затем в Коминтерне в непосредственной связи с революционным процессом и возможной победой революции в Китае. Это соответствовало сложившемуся к тому времени в партийных и государственных кругах Советской России, в том числе в НКВД, подходу к Монголии как к составной части Китая².

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 54.

² На самом деле статус Внешней Монголии не был столь однозначным. До определенного момента он регулировался Русско-китайско-монгольским соглашением об автономии Внешней Монголии, подписанным 25 мая 1915 года в г. Кяхте. Понятие «автономия» для Монголии в тот период означало ее признанный на международном уровне статус российского протектората в составе республиканского Китая. Правительство автономной Монголии являлось активным участником международных отношений, а сама Монголия таким образом была их субъектом с четко обозначенными границами. Так как к 1920 году официального пересмотра Кяхтинского соглашения не произошло, данный статус Монголии не был отменен, но и не был урегулирован с учетом новых реалий, в частности аннулирования российского протектората.

Советским партийным и государственным органам, вернее их официальному влиянию в Монголии, не находилось места, потому что ожидалось включение этой страны в состав будущей революционной Китайской федерации, которая, как предполагалось, будет иметь свою собственную партийную и государственную структуру, подчиненную Коминтерну.

Во-вторых, несмотря на то что цель осуществления мировой революции предполагала проведение прямолинейной наступательной политики со стороны первого в мире государства диктатуры пролетариата, такая прямолинейность была недопустима в сфере конкретных межгосударственных отношений, в дипломатии. Любые революционные (агентурные, пропагандистские и т.д.) действия и контакты советских руководителей за пределами страны могли трактоваться на международной арене не иначе как грубые нарушения суверенитета других государств. Так как это было чревато подрывом авторитета СССР, к таким контактам руководство страны вынуждено было относиться с известной осторожностью. Поэтому почти вся революционная деятельность партийно-государственного руководства СССР за границей осуществлялась посредством координации деятельности Коммунистического Интернационала с линией легитимных органов советского государства, в частности НКВД. Коминтерн же, как формально независимая организация, мог действовать в Монголии свободно.

Ввод советских войск в Монголию летом 1921 года, занятие ими Урги — столицы страны, были обоснованы дипломатами целью преследования белогвардейских формирований¹. Не исключалась совместная операция с китайскими войсками, но против «операции китовыск [на] Ургу, которая не дает нам никаких выгод, [а] только спугает наши отношения к Монголии и Китаю»...² Действия советских дипломатов, Красной Армии и революционная работа Коминтерна не всегда были взаимосвязаны и часто преследовали разные цели. Но они сошлись в одной точке — в оказании помощи Народному правительству и его вооруженным отрядам. Плод сотрудничества с Секцией восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) — Народное правительство Монголии — превращалось в хозяина в своей стране, которого не могло сбрасывать со счетов официальное советское руководство.

5 ноября 1921 года подписывается «Соглашение между Правительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Народным Правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией». Тем самым

---

¹ Позднее, 20 октября 1921 года. Политбюро принимает решение об ассигновании 500 тыс. рублей серебром на возмещение населению Монголии за убытки, причиненные войсками (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 219. Л. 1).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 190. Л. 23–23 (об.).

высшее советское партийно-политическое руководство поставило монгольский вопрос в плоскость официального рассмотрения и положительного решения, невзирая на возможность осложнения своих отношений с официальным Китаем.

После подписания Соглашения стало ясно, что такие резкие односторонние действия советского руководства на международной арене чреваты серьезными последствиями не только в дипломатической сфере (с этим можно было смириться), но и в сфере текущей подготовки мировой революции, антиимпериалистической борьбы. «Нужно помнить, что ввиду нашей монгольской авантюры, — отмечал в письме Ленину от 28 октября 1922 года видный большевистский дипломат А.А. Иоффе, — ...многие и многие подозревают нас в неискренности. ...Я убежден, что хоть одного нашего империалистического или полумпериалистического требования Китаю будет достаточно, чтобы испортить всю нашу китайскую политику. А крах нашей китайской политики, по моему глубочайшему убеждению, означает крах нашей мировой, антиимпериалистической политики вообще»¹.

Это предупреждение прозвучало слишком поздно: Советская Россия крепко завязла в монгольских делах и при всем желании уже не могла вернуться к исходной точке своих отношений с революционными деятелями Монголии. Хотя ситуация резко изменилась. В советско-монгольском диалоге 1921–1924 годов появилась вновь риторика 1920 года, но уже с одним нюансом: стороны как бы обменялись своими позициями. С советской стороны раздавались высказывания об автономии Монголии, об участии монгольского правительства в переговорах СССР с Китаем по монгольскому вопросу² (т.е. о трехсторонних переговорах, о том, чего раньше, в 1920 году, добивалась монгольская миссия), а с монгольской, устами лидера МНРП С. Данзана — «о вхождении в Китай, только когда Китай сам освободится от империалистов»³ (т.е. о том, на чем настаивал Япон тогда же). На самом же деле, позиции сторон сблизились и даже смешались. Так, Г.Е. Зиновьев в январе 1922 года на I съезде революционных организаций Дальнего Востока выразил обе эти позиции: «...Сейчас вопрос о Монголии связывается некоторыми с возможностью возвращения ее во владение Китая и... этим вопросом, как мячиком, перебрасываются империалисты. Это те самые господа, которые издеваются даже над всякой тенью автономии в том случае, когда в их лапах находится какой-нибудь народ... Окончательное решение вопроса о Монголии

---

¹ Иоффе Адольф Абрамович (1883–1927). Дипломат революции. Сб. работ. Cambridge: Iskra Research, 1998. С. 350.

² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2145. Л. 16.

³ Цит. по: Лузянин С.Г. Россия–Монголия–Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: ИДВ РАН, 2000. С. 118.

наступит в тот момент, когда сам Китай избавит себя из-под угнетательского ига... когда в Китае прочно победит революция и когда там будет достигнута первоначальная ступень раскрепощения... Вот тогда вопрос о Монголии может быть поставлен в новой перспективе...»¹ Можно не сомневаться, что устами председателя ИККИ была озвучена позиция советского руководства.

Активная просоветская позиция Монголии, с одной стороны, и ее противодействие Китаю — с другой, становились разнонаправленными факторами, во многом определявшими нюансы отношения к ней со стороны официального руководства СССР и Коминтерна. Межправительственным Соглашением 1921 года был закреплен статус Монголии как неподконтрольной Китаю территории. Когда же встал вопрос о возможности заключения советско-китайского Соглашения, Монголия становится «камнем преткновения», объектом уступок со стороны СССР. И здесь опять-таки нет двойной игры внешнеполитических ведомств СССР, революционного «практицизма» и манипулирования судьбами целых народов и государств ради «великой идеи», как это иногда подается в литературе последнего времени². Как нет здесь, впрочем, и «решительной поддержки реальной независимости Монголии от Китая». Просто партийно-политическое руководство СССР незадолго до установления дипломатических отношений с Китаем признало тот факт, что аннулирование протектората России над Монголией, хотя и освободило Монголию и Россию от обязательств перед Китаем по Кяхтинскому соглашению, не означало тем не менее автоматического решения судьбы Монголии. Оформление ее международного статуса было невозможно без учета позиции Китая. А позиция Китая заключалась в полной обструкции монгольского вопроса и в требовании исключить Монголию из переговорного процесса.

В позициях советской и монгольской сторон по поводу необходимости установления дипломатических отношений СССР с Китаем расхождений не было. Был накал эмоций, связанный с тем, что Монголия выпадает из переговоров, что пройденный вместе путь был преодолен слишком стремительно, не совсем в корректной форме (без учета мнения третьей стороны процесса — Китая) и нуждался в довольно-таки болезненной корректировке.

С таким положением вещей руководство СССР вынуждено было согласиться по ряду причин. Во-первых, совершенно недостаточен был политический вес и авторитет советского правительства в мире для того, чтобы организовать международное признание независимости Монголии и одновременно установить с Китаем дипломатические

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 31. Л. 45.

² См.: Лузянин С.Г. Указ. соч. С. 115.

³ Роцин С.К. Указ. соч. С. 108.

отношения; во-вторых, СССР не мог вести переговоры с полуколониальным Китаем с позиции силы («империалистических требований») и по идеологическим соображениям; в-третьих, и это главное, советское руководство уповало на скорую революцию в Китае, которая, по искреннему убеждению большевиков, должна была стать детонатором мировой революции, призванной принести подлинное освобождение всем народам мира. Поэтому советское правительство отказывается от давления на Китай в устройстве судьбы Монголии, готово по его требованию вывести из Монголии свои войска и завуалировать Соглашение от 5 ноября 1921 года, т.е. не рассматривать его в рамках отношений с Китаем официально. Но при этом вопрос об аннулировании данного Соглашения с Монголией отвергался полностью, ставилась задача лишь «в крайнем случае, согласиться на постановление, что Монголия должна испросить признания Китаем этого договора»¹, а вместо регулярных войск Красной армии монгольское правительство могло рассчитывать на добровольцев в их же лице.

Это была своеобразная революционная позиция. Пока Китай из-за наличия прояпонских группировок на севере не был способен создать условия для обеспечения безопасности границ Монголии, защиты ее революционных завоеваний, прав монгольского народа на самоопределение эту функцию взял на себя СССР. В случае же победы в Китае революции, эти проблемы предполагалось решать в революционном духе с участием правящих в Монголии и Китае партий, т.е. опять-таки под полным контролем Коминтерна.

31 мая 1924 года подписывается Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой, в статье 5-й которого Монголия признается составной частью Китайской Республики². Была найдена «золотая середина»: Монголия не признала данное Соглашение и его решения, а Советская Россия подтвердила свой принципиальный отказ от старых привилегий в Монголии, но одновременно с этим была, в отличие от царской России, свободна от каких-либо гарантий официальному Китаю по защите его интересов или сохранению баланса сил в этой стране. Для классовых же союзников, в том числе в Гоминьдане, пока они оставались лояльными Коминтерну, авторитет СССР и МНР был достаточно высок, особенно в сравнении с авторитетом различных прояпонских милитаристских группировок в Северо-Восточном Китае, чтобы Советско-монгольское соглашение от 5 ноября 1921 года продолжало действовать и наполняться полнокровным содержанием.

Документы «особой папки» Политбюро свидетельствуют о том, что Коминтерн, МНРП и китайские революционеры широко исполь-

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2145. Л. 79.

² Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сб. документов. М., 1958. С. 83.

зовали в своей деятельности то обстоятельство, что Монголия была признана составной частью Китая. Это развязывало им руки в деле превращения Монголии в революционный (причем победивший революционный) центр огромного района, включающего Маньчжурию, Баргу, Внутреннюю Монголию, Синьцзян и Тибет. Монголия превращалась в удобный плацдарм и перевалочный пункт для оказания масштабной помощи Гоминьдану и КПК, местным революционерам, снаряжения тайных миссий и экспедиций, агентурной сети в указанных районах¹. Новая власть в Монголии не была лояльна по отношению ни к одному китайскому режиму, но формирование республиканского строя (в связи с кончиной теократического монарха Монголии Джебдзундамбы хутухты) сближало политические структуры Китая и Монголии. Важность таких изменений, такого положения Монголии как передаточного звена помощи СССР Китаю осознавали не только китайские коммунисты, но и Гоминьдан.

Монгольское революционное руководство также имело в этом деле свой интерес. В случае развертывания революции в Китае оно должно было по договоренности с РКП(б) и Коминтерном пойти на установление тесного контакта с революционными группами и организациями Китая. Многие в стране понимали, что борьба в Китае «ничего революционного не заключает»² и попытки тех или иных китайских партий распространить свое влияние на Монголию могут привести к национальной катастрофе. Монгольская сторона успела еще на переговорах в 1920 года поставить условия, при которых она готова согласиться на контакт с революционным Китаем: только в обмен на «распространение своего влияния на все части Монголии»³ и объединение их в будущем в одно государство, связанное с Китаем в той или иной форме федерации или автономии»⁴. Это, казалось бы, неприемлемое с точки зрения национальных интересов России и Китая требование тем не менее было в дальнейшем, по соображениям текущих политических целей, с сочувствием встречено как российской

¹ В частности, 21 января 1926 года Политбюро приняло постановление об отправке по предложению НКВД в Лхасу неофициального представительства СССР под видом представительства МНР (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 16). 16 сентября того же года Политбюро принимает решение, в котором рекомендует ЦК МНРП организовать массовое движение во Внутренней Монголии (Там же. Л. 108). В июне 1927 года Политбюро разрешает отпуск Фэн Юйсяну из специальных запасов в Урге оружия (Там же. Д. 5. Л. 39).

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 4. Л. 4.

³ Помимо собственно Внешней Монголии, имеются в виду Урянхайский край и все территории в Китае, заселенные монголами, — Барга, Внутренняя Монголия и районы в Синьцзяне. Соседняя Бурятия и далекая Калмыкия из этого списка исключались.

⁴ Цит. по: Лузянин С.Г. Указ. соч. С. 92.

стороной, так и некоторыми влиятельными китайскими деятелями, в частности генералом Фэн Юйсяном. Рассматривались разные варианты реализации высказанного руководством МНРП стремления к объединению монгольских народов: создание объединенной Монголии, с включением в нее Внешней Монголии, Тувы и районов, населенных монголами в Китае; создание двух Монголий, с включением в одну Внешней Монголии, Бурятии и Тувы, а в другую — вышеуказанных китайских районов. При первом варианте предусматривалось вступление единой Монголии в состав Китайской федерации; при втором — разделение двух Монголий с их вступлением в состав соответственно СССР и Китая¹. Официально рассматривался только вариант вступления объединенной Монголии в состав Китая. МНРП занималась реализацией этих установок Коминтерна по агентурной работе вплоть до 1928 года. На этом пути как-то забылось, откуда взяла начало агентурная работа в Китае, и многие функционеры Коминтерна и деятели МНРП позднее подверглись со стороны Политбюро и руководства ИККИ обвинениям в так называемом панмонголизме. Но самое интересное заключается в том, что ярлык панмонголизма неожиданно переключался в современную историографию проблемы. В работах последнего времени часто можно встретить оценку деятельности председателя ИККИ Н. Бухарина, агента Коминтерна в Монголии Э.-Д. Ринчино и некоторых руководителей МНРП, выступавших за «революционное объединение монголов», в духе документов той эпохи — как проявлений панмонголизма².

Вместе с тем вопрос о самостоятельном объединенном государстве типа «Великой Монголии» в Политбюро и Коминтерне никогда не ставился³. Монгольское руководство также не вело деятельности, направленной на отделение от Китая (не говоря уже о России) тер-

---

¹ См.: Роцин С.К. Указ. соч. С. 230.

² См.: Кузьмин Ю.В., Свинин В.В. «Панмонголизм» в XX веке. Иркутск, 1997. С. 6; Лузянин С.Г. Указ. соч. С. 137; Роцин С.К. Указ. соч. С. 152.

³ Панмонголизм как политическая доктрина означает идею объединения Монголии и всех территорий в России и Китае, на которых проживают монголы, буряты и тувинцы, в составе самостоятельного государства. Эта идея была использована Дарурским правительством в 1919 году и основывалась на былом единстве, могуществе и границах государства Их Монгол улус (Великая Монголия) XIII века. Главный упор в ней делался на расовом, культурном или языковом родстве народов, проживавших в разных странах, которых стремились объединить с помощью силы. Она не учитывала естественнoисторических процессов этнической дивергенции и политического размежевания монголов, происшедших за многие столетия на территориях первоначального их расселения, степени сплоченности бывшего центра империи, оставшегося гомогенным, со смешавшейся и слившейся с другими народами периферией. Иными словами, эта идея не считалась с интересами как самих монголов, бурят и тувинцев, так и живущих рядом с ними представителей других народов.

риторий, населенных монголами. Оно вынуждено было учитывать мнение советского руководства, которое придавало слишком большое значение развитию и укреплению своих официальных связей с китайским правительством и очень дорожило влиянием Коминтерна на Гоминьдан и КПК, чтобы вести такую рискованную игру. Как уже было сказано выше, все, что касалось расширения границ Монголии на юг и на север, волей-неволей связывалось Народным правительством соответственно либо с вхождением такой объединенной страны в состав Китайской федерации, либо с разделением двух Монголий между Китаем и СССР. Агентурная сеть МНРП в Китае, действовавшая под лозунгом объединения монголов, координировала свои акции с руководством Коминтерна и различных китайских политических групп. Встречи влиятельных деятелей Коминтерна, МНРП, Гоминьдана и КПК происходили в Улан-Баторе, а также в Пекине, Калгане и других городах Китая, как правило, под знаком не национально-освободительной, а революционной работы.

Так продолжалось вплоть до поражения китайской революции 1925–1927 годов 5 января 1928 года. Политбюро утвердило «Резолюцию по монгольскому вопросу», в которой поставило задачу «в борьбе с идеологией панмонголизма... выдвигать идею национальной независимости и перспективу объединения монгол в будущем на основе революционной власти, всемерно предостерегая от рискованной агитации за объединение в настоящее время (в силу, главным образом, внешних опасностей)»¹. То есть лозунг объединения монголов был, по сути, снят («сдвинут» в неопределенное будущее) и заменен идеей независимости МНР.

Называть действия не только коминтерновской резидентуры, но и монгольского руководства в период активных акций в Китае панмонголизмом неверно и в том случае, если у кого-то из самих организаторов данных действий на этот счет имелось иное мнение². С точки зрения логики, термин «панмонголизм» даже при очень широком толковании его значения, не может быть распространен на политическое движение за создание монгольской автономии в составе другого государства и поэтому совершенно не подходит для раскрытия сути происходивших в 1920-е годы в Монголии событий.

Коминтерновские представители и советские полпреды в Монголии действовали в тесном контакте друг с другом. Иногда между ними

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 9.

² Весьма характерно высказывание Ринчино на заседании ЦК МНРП в мае 1925 года: «Отрицать, что мы “панмонголисты», не приходится... в наших руках общемонгольская национальная идея — опасное и острое революционное оружие» (цит. по: Лузянин С.Г. Указ. соч. С. 133). Называя себя «панмонголистами», Ринчино и его единомышленники часто использовали кавычки в письменном тексте, подчеркивая тем самым лишь внешнее сходство своих идей с идеями носителей этого политического движения.

возникали разногласия, которые разрешались высшим партийно-политическим руководством СССР. Представители Коминтерна зачастую высказывали недовольство официальной политикой высшего советского руководства в Монголии. По словам представителя Коминтерна в Монголии в 1924–1925 годах Т. Рыскулова, «прежние составы наших полпредств представляли себе Монгольское Народное правительство почти правительством какой-то иностранной державы, ну вроде хотя бы Афганской или Турецкой, и всю работу и взаимоотношения с самого начала до конца поставили на дипломатическую ногу... Каждый разговор с той или другой стороны (по линии правительственной и партийной) обставлен был также дипломатически»¹. Коминтерновцы отвергали даже формальности дипломатического протокола и рекомендовали Москве «войти в гущу партийной работы и государственного строительства», оставив дипломатии «делать свое дело»².

Однако Политбюро придерживалось дистанции в своих отношениях с партийными и государственными органами Монголии. Это подтверждается характером впервые открытых архивных документов. Такая дистанция создавала особый, привилегированный статус МНРП в Коминтерне, несмотря на то что членом Коминтерна МНРП никогда не была. МНРП среди других революционных партий выделялась тем, что была, как и РКП(б)–ВКП(б), партией, стоявшей у власти в своей стране. Различные течения, «перегибы» и «уклоны» в Коминтерне приобретали в условиях Монголии свое собственное общеполитическое значение, свою собственную инерцию. В какие-то моменты руководители МНРП могли себе позволить открыто конфликтовать с представителями Коминтерна в Монголии. При этом, по свидетельству представителя Коминтерна в Монголии в 1927 и 1929 годах М. Амагаева, даже такие видные деятели правого крыла в МНРП, как Дамбадорж, оправдывали свою политическую линию, «как линию последовательного выполнения директив и решений Коминтерна»³. В сохранявшем дистанцию Политбюро эти споры решались по-разному, зачастую — в пользу ЦК МНРП, и тогда ИККИ был вынужден отстранять от работы своих представителей.

Дистанция между руководителями двух стран сохраняется некоторое время и после поражения китайской революции, когда СССР и МНР оказались своеобразными заложниками своих обязательств друг перед другом и противостояли нараставшей японской опасности. В этот период в деятельности Коминтерна усиливается сталинское влияние, а в МНРП продолжает набирать силу «правый уклон». Политбюро ЦК ВКП(б) видит непримиримость позиций

---

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 25. Л. 10.

² Там же.

³ Там же. Д. 57. Л. 1.

сторон и принимает меры, направленные на то, чтобы избежать потери Монголии, как дружественного СССР государства. 13 сентября 1928 года оно принимает по монгольскому вопросу постановление, в котором признается «несвоевременным переход власти в руки только лево-худонской оппозиции»¹. Одновременно в этом же постановлении Политбюро утверждает проект резолюции ИККИ по монгольскому вопросу. В проекте указывается на необходимость «ликвидации подчинения Народно-революционной партии Внешней Монголии Коминтерну» и признается «нецелесообразным нахождение постоянного представителя Коминтерна при Нарреспублике»².

Но ситуация внутри МНРП развивалась уже по собственной логике. Делегация Коминтерна на VII съезде МНРП во главе с Б. Шмералем не могла стоять в стороне от борьбы внутри МНРП и, в конце концов, оказалась в центре событий, связанных с полным разгромом правой оппозиции и приходом к власти «левых». Оглушительная победа «левых» встревожила советское руководство. 29 ноября 1928 года под председательством И.В. Сталина состоялось заседание Политбюро, на котором была утверждена директива делегации Коминтерна. В ней указывалось на недопустимость отстранения «правых», «окончательно себя не дискредитировавших», в том числе Амара, который «может быть оставлен председателем правительства»³. Политбюро выразило свою озабоченность: «Неизбрание в ЦК и ЦКК, при одновременном отстранении от всех руководящих должностей Дамбадоржа и Джадамбы и других бывших руководителей — не вызовет ли крупных осложнений... не лучше ли было бы ввести их в руководящие парторганы, отстранив их от всех ответственных руководящих должностей?..»⁴ Новая ситуация вынудила все-таки Политбюро отойти от своих первоначальных планов по освобождению МНРП от опеки Коминтерна. МНРП, «будучи сочувствующей организацией», стала работать «под идейным руководством и в тесном контакте с КИ», причем обмениваясь с ним представителями⁵.

Победа «левых» привела в действие мощный маховик копирования советского опыта монгольскими руководителями, действовавшими в связке с представителями Коминтерна при ЦК МНРП. В центре внимания Политбюро оказываются вопросы обеспечения «МНРП квалифицированным инструктажем во всех наиболее важных отраслях партийной, государственной и, в частности, хозяйственной и военной работы»⁶. На деле это вылилось в борьбу с так называемыми

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 129.

² Там же. Л. 131.

³ Там же. Д. 7. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 3–4.

⁶ Там же. Л. 38.

«левацкими перегибами» в таких вопросах, как конфискация скота и имущества владельных князей, хулухт и высших чиновников¹, борьба с ламством², коллективизация³ и т.д. Извлеченные из ранее секретных папок документы свидетельствуют о том, что из Политбюро, которое в СССР в данный период инспирировало массовые кампании по раскулачиванию зажиточных слоев деревни и сплошной коллективизации, часто следовали указания относительно отказа от крутых и ускоренных мер в этих деликатных сферах в сельской местности Монголии. Позднее Политбюро направило усилия на борьбу за обеспечение единства в монгольском руководстве в условиях вспыхнувшего в ряде аймаков восстания и обострения политической ситуации в стране и на Дальнем Востоке в целом⁴.

На момент прихода к власти «левых» приходится резкое усиление тенденции к дальнейшей централизации в деятельности высшего партийно-политического руководства СССР, и монгольский вопрос все чаще и подробнее обсуждается на заседаниях Политбюро. В конечном итоге это вылилось в то, что 23 апреля 1932 года Политбюро утвердило «Инструкцию уполномоченному ЦК ВКП(б) в МНР тов. Охтину», в которой возложило «общее руководство всей работой... политических и хозяйственных организаций, а также всех... советников и инструкторов в Монголии... на представителя ЦК ВКП(б), который в своих официальных отношениях с монголами выступает как полпред СССР»⁵. Постепенно монгольский вопрос перешел полностью в ведение Политбюро.

Такова вкратце наша позиция в вопросе о политической истории МНР, о взаимоотношениях между коммунистическими руководителями СССР и МНР в 1920–1934 годы, подкрепляемая источниками, которые были долгое время скрыты в недоступных архивных хранилищах. Развертывание этой позиции на более широком историческом фоне еще яснее подчеркивает активную субъективную роль МНРП в продвижении своей страны по самому радикальному пути политического развития.

Причины несогласия монгольской стороны с этим текстом разбираются ниже в ходе описания следующего периода политической истории МНР, уже на этапе обретения ею статуса легитимного субъекта международных отношений. Для наглядности в изложении немного «сгущены» формулировки.

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 172.

² Там же. Д. 9. Л. 2.

³ Там же. Д. 8. Л. 129.

⁴ Там же. Д. 12. Л. 111, 167.

⁵ Там же. Л. 111.

Глава 6

МОНГОЛЬСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: НАЧАЛО НОВОЙ ФАЗЫ

6.1. Обретение Монголией субъектной роли в миропорядке

Долгое время руководители Монголии в бытность ее частью социалистического содружества находились в едином строю с другими «борцами за светлое будущее всего человечества» и смотрели на мир из-за плеча правофлангового в этом строю — высшего партийно-государственного руководства Советского Союза. Это была четкая, незыблемая позиция, продиктованная выбором, который Монголия сделала в 1911 году в пользу царской России, а в 1921 году — в пользу России Советской, Коммунистического Интернационала, «нашего, нового мира», противостоявшего всему старому миру. Монголии суждено было оказаться старейшим партнером России по коммунистическому строительству. Ее стаж меньше российского всего на три года и 8 месяцев, исчислялся с июля 1921 года и примерно равняется стажу большинства бывших советских республик. «Особая значимость» взаимоотношений руководителей Народной Монголии и Советской России с самого начала создавала для монгольского государства чрезвычайно «упрощенные» условия отправления внешнеполитических функций. С одной стороны, кооперация усилий большой и малой стран позволяла монгольским руководителям скромными средствами весьма компактной дипломатической службы достигать крупных целей обеспечения безопасности своего молодого государства, а с другой — эта же кооперация зачастую расслабляла их волю и гасила творческие порывы на внешнеполитическом участке деятельности, вносила элементы инертности в работу дипломатического ведомства.

Все началось в 1920–1921 годах, когда перед нависшей угрозой поглощения Монголии Китаем революционеры-партийцы обратились к Стране Советов за помощью и согласились стать «сочувствующим» Коминтерну боевым отрядом мировой революции. Большевики организационно, кадрами и вооруженной силой поддержали своих монгольских единомышленников, помогли им создать Временное правительство на севере страны и привести его к власти в столице, резко ограничив в правах монарха. Советская Россия первой установила с этой, новой Монголией, независимость которой никем не была признана, дипломатические отношения. Затем на протяжении ряда лет, находясь во «враждебном империалистическом окружении», руководители обеих стран еще более сблизились, что означало новый шаг на пути окончательного отрыва Монголии от Китая. В 1930-е годы в МНР и СССР формируются однотипные политические структуры, отношения между государствами оформляются как союзнические. Это проявилось в боевом содружестве армий СССР и МНР при разгроме японских агрессоров на Халхин-голе в 1939 году, в последовательной позиции монгольского руководства в годы Второй мировой войны на стороне стран антигитлеровской коалиции. Высшие руководители двух стран договорились о содружестве не только армий, но и органов госбезопасности, что вносило в советско-монгольские отношения теневую сторону действий властных структур обоих государств и говорило об отсутствии у монгольского государства амбиций полного политического обособления от СССР. Но как бы там ни было, опираясь на СССР, Монголия не просто избежала колонизации со стороны Китая; ее руководители получили важнейший политический и идеологический инструментарий для обозначения статус-кво своего государства перед мировым сообществом как активного субъекта международных отношений. На заключительном этапе Второй мировой войны монгольские войска приняли непосредственное участие в военных действиях на Дальнем Востоке. Успехи монгольского государства на международной арене становятся еще более очевидными: государства-победители побуждают в ультимативной форме гоминьдановский Китай признать независимость Монголии; с ней начинают устанавливать дипломатические отношения другие страны, а в 1961 году она становится членом ООН. После этого начался процесс установления дипломатических отношений с развитыми капиталистическими странами — Великобританией (1963), Францией (1965), Японией (1972), США (1987).

Но и в последовавший за этим период Монголия оставалась в весьма «упрощенных» условиях проявления международной актив-

ности: продолжалось разделение функций советских и монгольских руководителей в выработке общего внешнеполитического курса двух стран. Согласно Конституции 1960 года, Монголия являлась социалистическим государством с однопартийной коммунистической системой, и почти до 1990 года решение всех вопросов политической, экономической и общественной жизни страны, в том числе внешней политики, находилось в непосредственном ведении Монгольской народно-революционной партии (МНРП). «Блоковая психология», если можно так выразиться, взаимное доверие и особый пиетет в отношениях между «братьями» пронизывали все сферы жизни руководящих звеньев обоих государств, глубоко укоренились в сознании и практике работников всех правительственных ведомств и учреждений двух стран, в том числе внешнеполитических. Советские руководители взяли на себя крупные политические вопросы создания и функционирования социалистического содружества государств, его соперничества с США и с их союзниками, поддержки национально-освободительных движений, проблемы разоружения и т.д. В рамках этого курса Монголия могла противостоять экономическому и политическому натиску Китая, обеспечивались другие важнейшие внешние условия ее национальной безопасности. Руководители МНР участвовали в выработке этого курса на двухсторонних консультациях с советскими руководителями, на международных совещаниях коммунистических и рабочих партий и т.д. В определенный момент они сыграли ключевую роль в выработке позиции СССР в отношении Китая, но, по большому счету, они не видели смысла сколько-нибудь интенсивно заниматься теми вопросами мировой политики, с которыми, по их мнению, вполне справлялись советские коллеги. Они не ставили себе задачи создавать институты и исследовательские группы для выработки какого-либо оригинального подхода к крупнейшим мировым державам, блокам, важнейшим международным движениям, организациям и инициативам, развития страноведческих исследований (исключение составляет китаеведение, получившее в Монголии заметное развитие). Им достаточно было отправлять своих послов и представителей в разные страны и международные организации, развивать небольшую дипломатическую службу без выработки подробной внешнеполитической доктрины. По всем вопросам текущей политики они могли в любой момент получить консультацию и поддержку в Москве.

Советский Союз был хозяином положения в регионе и в обмен на этот статус лидирующей державы нес всю полноту ответственности за военную безопасность МНР. Военные расходы самой МНР

при этом не были слишком обременительными, поскольку СССР, разместив на ее территории свои войска, позволил ограничить оборонные статьи ее государственного бюджета минимальными суммами. Военные расходы в значительной мере осуществлялись за счет разных форм безвозмездной помощи СССР. Правда, иногда МНР приходилось резко увеличивать военные расходы, доводя их до весьма ощутимых размеров. Так, в период советско-китайского конфликта они достигли отметки 10–15% государственного бюджета, составляя около 5% ВВП. За период с начала 1960-х до середины 1980-х годов Советский Союз поставил в МНР боевой техники и вооружений на сумму 343 млн рублей, обеспечив полное оснащение Монгольской народной армии самолетами МиГ-17 и МиГ-21, боевыми вертолетами, зенитно-ракетными и радиотехническими комплексами, средними танками, всей другой техникой. В 14 военных академиях и 34 высших и средних военных учебных заведениях СССР было подготовлено около 3 тыс. человек — вся элита офицерских кадров высокой военно-технической квалификации.

Так продолжалось до начала 1990-х годов — до момента развала социалистического содружества, смены власти в Монголии и распада СССР. Новые монгольские руководители приступили к формированию всесторонне аргументированной собственной концепции национальной безопасности и внешнеполитической доктрины. Государству потребовались специалисты по всемирной истории, по истории конкретных зарубежных стран, по геополитике, русисты, китайисты, японисты, американисты, индологи и т.д. Но началось все, и это естественно, с пересмотра истории самой Монголии. И сейчас подвергается ревизии как совсем недавняя история, так и история давно минувших эпох.

Прежде всего, взор специалистов широкого профиля по истории своей страны устремился к тенгрианству, к истокам монгольской государственности, связанным с деятельностью Чингисхана. Имя этого крупнейшего военного и государственного деятеля последнего тысячелетия на его родине долгое время незаслуженно игнорировалось и даже очернялось; теперь оно полностью реабилитировано и почитается в стране как имя великого собирателя монгольских народов, основателя монгольского государства, т.е., по сути, возведено в ранг государственных святых. От него, и это справедливо, теперь принято проследивать линию преемственности и легитимности монгольского государства. Что касается истории Монголии XX века, то и она подверглась кардинальному пересмотру, а вся марксистская историография этой проблемы — вполне заслужен-

ной критике за фальсификацию, умолчание неприглядных сфер деятельности партии и государства, преступного прошлого карательных органов, утаивание источников, забвение многих имен.

Но что удивительно: и в исторической науке Монголии, и в монголоведении России произошел некоторый перекосяк в критике прошлого — основной источник негативных явлений в обществе в период строительства социализма довольно часто обнаруживается вне Монголии. Для теоретического обоснования этого перекосяка произведена переоценка характера революции 1921 года — теперь некоторые монгольские историки и российские монголоведы определяют ее как национально-демократическую. Это полностью меняет отношение к революционным событиям в стране в первые годы революции, к последовавшим за ними этапам переустройства общества, к роли и месту сотрудничества МНРП и КПСС, государственных органов МНР и СССР в жизни обеих стран. Картина событий в работах этих историков выглядит следующим образом: революцию 1921 года в Монголии осуществили не сторонники Ленина и большевиков, а национальные демократы, которые были вынуждены просить помощь у Советской России для достижения своих целей. Затем Коминтерн и советское руководство стали вмешиваться во внутренние дела Монголии и диктовать монгольским национальным демократам свои условия. По мере углубления революционных преобразований в руководящей верхушке Монголии постоянно оказывались национальные демократы, с которыми Коминтерн и Кремль вели непрерывную борьбу. Никакого единства руководителей СССР и МНР не было, был только грубый диктат силы большевиков над национальными демократами. На мой взгляд, такой подход не соответствует реальному положению дел.

Так, российский монголовед С.К. Рощин утверждает, что «первые национальные демократы, при всех тогдашних идеологических особенностях, исповедовали идеи возрождения нации и государства, лояльного отношения к религии, национального согласия и единства, терпимости, выступали за расширение внешних связей»¹. Вместе с тем «национально-демократическая революция 1921 года, обеспечившая национальное возрождение Монголии»², имела странный результат: привела к установлению «одной из разновидностей авторитарного режима сталинистского типа»³. По теоретической

---

¹ Рощин С.К. Указ. соч. С. 310.

² Там же. С. 307.

³ Там же.

конструкции автора получается, что монгольское национально-демократическое руководство вообще не имеет никакого отношения к такой метаморфозе. Он так и пишет: «Внешние силы — исполнители сталинской политики, приверженцы догматического понимания социалистических идей и их сторонники в самой Монголии были сильней»¹. Правда, непонятно, имеют ли вообще какое-нибудь отношение к национально-демократическому руководству страной «сторонники социалистических идей в самой Монголии». Более аккуратен в построении этой же теоретической конструкции и одновременно более откровенен в политических оценках монгольский исследователь О. Батсайхан, который считает, что в монгольском руководстве только «правые» были до конца верны своей концепции национально-демократического развития Монголии и поэтому боролись против теории «левизны» как проявления шовинизма Советского Союза. Они защищали свои взгляды, за что они и сложили свои головы»². («Левых» в монгольском руководстве Батсайхан в этой же статье рассматривает за скобками «национальной демократии» и связывает, прежде всего, с «представителем Коммунистической партии Советского Союза, получившим от нее определенные поручения и выполнявшим их»³. — *Э.Д. Ринчино*.) Более взвешенная позиция представлена российским историком-монголоведом С.Г. Лузяниным, который тему «советского шовинизма» не поддерживает, а отмечает, что «имели место усиление идеологического давления Коминтерна на МНР, превращение Монголии в один из полигонов по реализации возможности перехода отсталых народов к социализму, минуя капитализм. Причем под «социализмом» однозначно подразумевалась сталинская модель, сложившаяся в тот период в Советском Союзе. Все попытки национально-демократического руководства Ц. Дамбадоржа и Н. Джадамбы сохранить приемлемую дистанцию от Коминтерна закончились провалом и отстранением их на VII съезде МНРП (1928) от управления страной»⁴.

С Лузяниным можно согласиться при условии принципиальной редакции последнего предложения: если убрать определение мон-

---

¹ *Роцин С.К.* Указ. соч. С. 4.

² *Батсайхан О.* К вопросу о возможности альтернативного пути развития Монголии в 1920–1930-е годы // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М., 2001. С. 96.

³ Там же. С. 95. Есть другая работа этого же автора, где о Ринчино говорится прямо, как о советском агенте, пытавшемся включить Монголию в состав СССР: *Батсайхан О.* Монгол улсын хөгжлийн замд учирсан ээдрээ. 1921–1932 (Препятствия на пути развития Монголии в 1921–1932 гг.). УБ. 36 дахь талд.

⁴ *Лузянин С.Г.* Указ. соч. С. 231.

гольского руководства как «национально-демократического», и если уточнить от кого оно хотело сохранить в Коминтерне дистанцию — от рвущихся к руководству этой организацией противников Н.И. Бухарина, приверженцев И.В. Сталина. Тогда все встает на свои места: руководители СССР и МНР не являлись идеологическими противниками, они поддерживали друг друга, руководствовались общими целями, выраженными в программных документах Коминтерна, строили общий «полигон», и многих из них постигла общая судьба, продиктованная логикой борьбы разных течений внутри радикального политического движения.

Итак, новые веяния в исторических исследованиях, связанные с разведением руководителей СССР и МНР в разные стороны с точки зрения политики и идеологии, с признанием Монголии 1921–1990 гг. сопротивлявшимся объектом давления со стороны высшего партийно-политического руководства Советского Союза, ведут к автоматическому пересмотру условий внешнеполитической активности Монголии в этот период. В работах некоторых монгольских авторов дело доходит до указания на Россию как на место, откуда исходит опасность окончательной деградации монгольской нации¹; в совместных же работах российских и монгольских историков пока господствует эклектика. Например, в предисловии совместной редколлегии российско-монгольского сборника статей «Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке» можно встретить следующее утверждение: «...Октябрьская революция 1917 года в России оказала воздействие на монгольскую национально-демократическую революцию 1921 года. Советский Союз последовательно отстаивал суверенитет и независимость Монголии, содействовал ее социально-экономическому развитию в новых условиях»². А далее, уже в статьях, говорится о «шовинизме Советского Союза», которому не нравилось «стремление “правых” ориентироваться на экономические и культурные связи с Западом»³, который не позволил «Монголии стать объединенной сильной страной»⁴ и т.д. Советский Союз, по этой логике, из демиурга условий прихода к власти МНРП, народного правительства, существования современного

¹ *Баабар Б. (Батбаяр Б.)* Буу март! Мартвал сононо (Не забывайте! Забыть — значит пропасть). УБ., 1990. 6 дахь талд уз.

² Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. С. 5.

³ *Батсайхан О.* К вопросу о возможности альтернативного пути развития Монголии в 1920–1930-е годы. С. 96.

⁴ *Шурхуу Д.* Урянхайский вопрос в монголо-российских отношениях // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. С. 117.

монгольского государства превращается в главного противника «национальных демократов», основное препятствие объединения и свободного развития Монголии, ее широкого международного признания, установления ее связей с остальным миром. Этот вывод имеет настолько резкую политическую окраску, что авторы стараются прибегать к его развернутой формулировке как можно реже¹.

* * *

Для обоснования или опровержения теоретического вывода монгольских и некоторых российских (не говоря уже о западных) исследователей о негативном воздействии СССР на международное положение Монголии необходимо выяснить, насколько он увязывается с фактами, известными как широкой общественности, так и узкому кругу специалистов-международников. Для этого, помимо работ о монгольской истории XX века и собственно о российско-монгольских отношениях, требуются конкретные узкоспециализированные исследования по геополитике, истории внешней политики Монголии, ее связей с разными странами. В отличие от работ широкого профиля по истории страны, в которых анализ внешних факторов существования государства не опирается на достаточное количество фактов и источников, в этих работах рассматривается конкретная картина функционирования механизма развития международных связей Монголии, ее взаимоотношений с различными государствами, организациями, блоками. Только из таких работ можно почерпнуть сведения о том, имелись или нет в XX веке возможности у Монголии развиваться в качестве объединенной, всеми признанной и свободной страны, упущенных якобы из-за обструкционистской позиции советского руководства. Ответ на этот вопрос снимет, в конечном итоге, превалирующую в современной литературе противоречивую, эклектичную оценку, типа: с одной стороны, СССР оказал Монголии помощь, но с другой — очень мешал, препятствовал, запрещал... Этот ответ позволит либо подкрепить аргументами мысль некоторых авторов о том, что Монголия была в безвыходном положении и только поэтому, не имея выбора, готова была прибегнуть к помощи России¹ (или «хоть самого черта», как выразился

---

¹ Из наиболее крупных обобщающих работ в этом плане самыми откровенными оценками выделяется книга: *Баабар Б.* XX зууны Монгол. Нуудэл суудал. Гарз олз (Монголия XX века. Кочевание и оседание. Потери и приобретения). УБ., 1996.

² *Батсайхан О.* К вопросу о возможности альтернативного пути развития Монголии в 1920–1930-е годы. С. 96.

Б. Баабар¹), либо доказать некорректность данного допущения, поскольку попытки прибегнуть к помощи других стран — Японии, США или Китая — были не очень настойчивыми или вовсе отвергнуты монгольским руководством, а это говорит о том, что вариант опоры на Россию почти сразу же *был выбран* как лучший, наиболее привлекательный в цивилизационном плане. Такие узкоспециализированные работы по внешнеполитической проблематике уже появились в Монголии в большом количестве и ждут своего комплексного исследования². Предварительный анализ этих работ показывает, что теоретический разброд сохраняется и здесь, но в целом их авторы придерживаются весьма сдержанной позиции в отношении выводов историков широкого профиля о негативном воздействии

¹ *Баабар Б.* XX зууны Монгол. Нуудэл суудал. Гарз олз. 249 дэх талд.

² Достаточно упомянуть следующие работы, вышедшие в последнее время: *Баярхуу Д.* Олон улсын харилцаа, геополитикийн сонирхол (Международные отношения и геополитические интересы). УБ., 2000; *Он же.* Монголын статус кво ба гурав дахь хоршийн тухайд (О статус-кво Монголии и третьем соседе) // Ардын эрх. 1998. 04. 03; *Idem.* New Central Asia: New Paradigm, New Paradox and Counter Balance by Dashdorjiin Bayarkhuu. Ulaanbaatar: The Institute for Strategic Studies, 2001; *Баяр С.* Бамбай улсын тавилан (Судьба буферного государства) // Стратеги судлал. 1995. № 1; *Galsanjants S.* Nuclear-Weapon-Free Status of Mongolia. Ulaanbaatar: The Institute for Strategic Studies, 2001; Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности. Сб. статей. М.: Росс. институт стратегических исследований, 1998; *Балдоо Б., Дамдинсүрэн С., Хайсандай Л.* Монголын тусгаар тогтнол ба Орос, Хятадын хучин зүйл (Независимость Монголии и факторы России и Китая). УБ., 1999; *Батбаяр Ц.* Монгол ба Япон XX зууны эхний хагаст. Монголын улс төрийн гадаад харилцааны туухээс. (Монголия и Япония в первой половине XX века. Из истории внешнеполитических отношений Монголии). УБ., 1998; *Баабар Б.* Айл гэр болж тоглох нь (Игры во взрослых). УБ., 1995; *Лхамсүрэн Б.* Монголын гадаад орчин, төрийн тусгаар тогтнол (Внешнее окружение Монголии и государственная независимость). УБ., 1995, 1997; *Гомбосүрэн Ц.* Монгол улсын гадаад бодлого (Внешняя политика Монголии) // Дорно Орно. 1994. № 2; 90-ээд оны олон улсын харилцааны хандлагууд. Монгол улс — их гурнуудийн харилцаа (Тенденции развития международных отношений в 1990-е гг. Взаимоотношения Монголии с великими державами). УБ., 1995; Монгол улсын аюулгүй байдал: монгол, орос судлаачдын үзэл бодол (Национальная безопасность Монголии: взгляды монгольских и российских исследователей). УБ., 1999; *Янжмаа Р.* Монгол улсын дипломат алба уусч хогжсон туухээс (Из истории возникновения и развития дипломатической службы Монголии) // Дорно Орно. 1996. № 2; *Томорчулуун Г.* Прагматизм — 90-ээд оны Монголын гадаад бодлогын үндэс (Прагматизм — основа внешней политики Монголии в 1990-е гг.) // Дорно Орно. 1993. № 1; *Дугэрсүрэн М., Хосбаяр О.* Дипломат ажиллагаа, дипломат албаны үндэс (Основы дипломатии и дипломатической службы). УБ., 1998; XX зууны Монголын туухийн зарим асуудал (Некоторые вопросы истории Монголии XX века). УБ., 1999; *Цэдэн-Иш Б.* Монгол улсын хил хязгаар бүрэлдэн тогтсон туухээс (Из истории образования государственной границы Монголии). УБ., 1997 и др.

СССР на положение Монголии в мировом сообществе. Особый интерес в этом смысле представляют работы, касающиеся монгольско-американских отношений¹.

В одной из таких первых работ, посвященных комплексному анализу этой темы², автор прослеживает историю монгольско-американских отношений на протяжении всего XX века, дает оценку современного их состояния и перспектив. Широкий исторический фон, на котором рассматривается эта довольно узкая и частная для большей части XX века тема, дает возможность с неожиданной стороны подойти к проблеме механизма функционирования Монголии в системе международных отношений в качестве их субъекта. Интересно проследить на материале книги, как сказывалось раньше и как сказывается сейчас воздействие того или иного внешнего ориентира на международной активности Монголии.

Удовлетворению этого интереса во многом способствует то несколько необычно повышенное значение, которое придает автор роли поддержки США, причем в отрыве от всего остального западного мира³, для настоящего и будущего Монголии. Такая постановка вопроса заставляет автора обращаться к самым истокам отношений Монголии с США, отслеживать первые контакты монголов с американскими политиками и бизнесменами, учеными и путешественниками, дипломатами и консульскими работниками в ООН и других странах, частными лицами. Попутно дается оценка позиции офици-

---

¹ *Болд Р.* Монголын тусгаар тогтнол ба Америкийн Нэгдсэн Улс (Монголын тусгаар тогтнолын талаарх АНУ-ын үзэл хандлага, байр суурь, бодлого. 1910–1973). Судалгааны бүтээл. (Независимость Монголии и Соединенные Штаты Америки). Улаанбаатар: NERCO Publishing, 2008 (недавно эта книга была выпущена в России: *Болд Р.* Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: США–Россия–Китай, 1910–1973 / Пер. с монг., предисл. А.С. Железнякова. М.: Вест Мир); Ишжамц Н. АНУ-аас Монголын хувьд явуулсан бодлого, монгол-америкийн харилцаа (The policy of USA towards Mongolia, Mongol-American relations) (1900–1987). УБ., 1999; *Дамдинсүрэн А.* Монгол-Америкийн харилцааны эхлэл (Начало монгольско-американских отношений) // Дорно Орно. 1991. № 3; *Пунцагноров Ц.* Монгол-Америкийн харилцааны туулсан зам, хамтын ажиллагааны оноогийн толов (Монгольско-американские отношения: пройденный путь и нынешнее сотрудничество) // Дорно Орно. 1994. № 1; 1995. № 1; *Хурметхан М.* АНУ, Монголын соёл иргэншлийг харьцуулан үзэх нь (Сравнение цивилизаций США и Монголии) // America: Studies and Information. 1997. No 3 и др.

² *Галиймаа Н.* XX зууны Монгол, Америкийн харилцаа: уусэл хогжил, тулгамдаж байсан асуудлууд (Монгольско-американские отношения в XX веке: их возникновение, развитие и стоявшие перед ними проблемы). Улаанбаатар, 2001.

³ *Галиймаа Н.* XX зууны Монгол, Америкийн харилцаа: уусэл хогжил, тулгамдаж байсан асуудлууд. 130–131 дэх талд.

ального Вашингтона в отношении Монголии и монгольского вопроса на протяжении всего XX века, анализируются нюансы ответных действий монгольских партийных и государственных руководителей, министров, послов в разных странах в отношении тех или иных инициатив дипломатии США на монгольском направлении, приводится реакция на эти инициативы советского руководства. Уделяя внимание внутренней «кухне» дипломатов, даже таким, например, деталям, как конфликт посла со своим начальством по поводу «смягчения» позиции в отношении США в нарушение инструкции МИД МНР¹, Н. Галиймаа проливает свет на механизм принятия решений в монгольском руководстве по важнейшим вопросам внешней политики.

В целом автор делит историю монгольско-американских отношений на три этапа.

Первый этап (конец XIX века — 1920 год) связан с началом проникновения в Монголию американских товаров через китайских торговцев, а затем и приездом в страну первых американцев. После 1911 года, когда в стране победила национально-освободительная революция, монгольское правительство «Многими возведенного» теократического монарха — богдо-гэгэна — оказывало всевозможную поддержку американскому бизнесу в стране, «возлагая на США огромные надежды в своих усилиях найти признание независимости Монголии в мире». Однако соответствующая просьба монгольского правительства была оставлена без внимания, «поскольку США в те годы не проявляли особого интереса не только к Монголии, но и к Азии вообще». Тем не менее в 1919 году, когда Китай ввел свои войска во Внешнюю Монголию и установил там оккупационный режим, некоторые представители теократической верхушки во главе с таким известным деятелем государства и церкви, как Джалханза хутухта Дамдинбазар, стали проводить, как пишет автор, «политику опоры на США».

Второй этап (1921–1980-е годы) у автора неоднороден и заканчивается «смазанной» во времени границей. В начале этого этапа народное правительство Монголии продолжало проводить внешнюю политику «Многими возведенного», стремилось установить с США дипломатические отношения, пыталось развивать с этой страной торговые и экономические связи. Однако дело ограничивалось с американской стороны только активизацией торговых связей и увеличением доходов с оборота ее компаний. С 1924 года

---

¹ Мон тэнд. 81 дэх талд.

в Монголии проводилась политика вытеснения иностранного капитала, и с 1930-х годов отношения двух стран оказались в застое, который продолжался до середины 1960-х годов. В этот момент испортились отношения между СССР и КНР, и США начинают проявлять активный интерес к Монголии как к весьма удобному с точки зрения географического положения пункту для наблюдения за политическими процессами в этих странах. Как отмечает автор, у МНР не было сил и возможностей откликнуться на инициативы США и установить с этой страной дипломатические отношения¹.

Третий этап (с 1987 года) после смазанной границы второго этапа неожиданно начинается с конкретной даты и характеризуется разрыванием отношений с США в новой Монголии. «В конце 1980-х годов, — пишет Галиймаа, вновь проводя неясную границу, — когда произошло крушение социалистической системы, прекращение борьбы двух мировых систем, потепление международного климата, между Монголией и США были установлены дипломатические отношения». Это положило начало новому этапу истории монгольско-американских отношений. Помощь правительства США направлена, прежде всего, на углубление в Монголии демократии, претворение в жизнь прав человека, развитие неправительственных организаций, демократизации избирательной системы².

Как видно, автор выделяет этапы по признаку: «до, во время и после» периода тесных, так называемых «братских», отношений Монголии с Советским Союзом. Это создает изначальную идеологизированность всей периодизации. Именно этим можно объяснить намеренную небрежность и неточность автора в проведении границ между вторым и третьим этапами³.

На мой взгляд, более точна, идеологически нейтральна и «академична» периодизация истории монгольско-американских отношений, которую дал в своей книге двумя годами раньше ныне покойный академик Н. Ишжамц. У него этапы следующие: вторая половина XIX века — 1911 год — первый, 1911–1945 годы — второй, 1945–1987 годы — третий этап⁴. Эти этапы лучше согласуются с важнейшими вехами

---

¹ Галиймаа Н. XX зууны Монгол, Америкийн харилцаа: уусэл хогжил, тулгамдаж байсан асуудлууд. 5 дахь талд.

² Мон тэнд, 5–6 дахь талд.

³ Дело в том, что дипломатические отношения между МНР и США были установлены 27 января 1987 года, т.е. до крушения социалистического содружества государств.

⁴ Ишжамц Н. АНУ-аас Монголын хувьд явуулсан бодлого, монгол-америкийн харилцаа. 3 дахь талд.

XX века и отражают более глубинную суть водоразделов процесса развития взаимоотношений двух стран. Ишжамц в своей книге не разделяет мнения о том, что СССР намеренно создавал препятствия объединению и свободному развитию Монголии, ее широкому международному признанию. Это не означает того, что он замалчивает случаи подозрительного отношения российских большевиков к прямым контактам тех или иных деятелей Монголии с официальными и частными лицами США, но из его изложения становится ясным, что и подозрения во враждебных происках американцев, и, напротив, надежды на признание Монголии со стороны США были общими как для монгольских революционеров, так и для российских большевиков. Ишжамц, в частности, приводит пример того, как работник монгольской службы безопасности из числа российских бурят в беседе с американским дипломатом из ведомства военного атташе в Пекине, оказавшимся в 1923 году в Монголии на охоте, спросил последнего о причине невнимания его правительства к провозглашению Монголии независимым государством¹. Разумеется, в условиях противостояния «империалистическому окружению» подозрения брали верх над всеми другими чувствами. Из-за того, что авторитет российских советников в Монголии был высок, часто инициативы подозревать или надеяться исходили от них, однако окончательное решение оставалось за монгольским правительством. В книге Ишжамца приводится пример обвинения монгольским правительством американского консула в Калгане Самюэля Сокобина во «враждебных происках», встречах в 1922 году с контрреволюционными элементами во главе с богдо-гэгэном, Бодо и Пунцагдоржем. На этой основе было официально объявлено о «неблагонадежности всех американских граждан» и принято решение «о пресечении отношений с США по линии служебных и личных контактов». Ишжамц высказывает осторожное предположение о том, что этому решению предшествовали различные меры российских большевиков через органы безопасности и внутренней охраны². Представляется, что данное предположение вполне корректно, если учитывать, что такие решения относятся к компетенции именно этих органов, а в Монголии в тот период весь аппарат правительства создавался практически с нуля при помощи советников и инструкторов из СССР. Благодаря соглашению высших руководителей двух государств о «всестороннем» сотрудничестве оказалась

---

¹ Мон тэнд. 26 дахь талд.

² *Ишжамц Н.* АНУ-аас Монголын хувьд явуулсан бодлого, монгол-америкийн харилцаа. 25–26 дахь талд.

возможной легитимная в глазах Народного правительства деятельность советских спецслужб на территории Монголии, не говоря уже о последовавшем вскоре таком же «легитимном» (т.е. с санкции или молчаливого согласия руководства МНР) преследовании заподозренных в шпионской и контрреволюционной деятельности монгольских граждан репрессивными и судебными органами на территории СССР.

В любом случае, выход книг монгольских авторов по проблематике международных отношений, геополитики, дипломатии и т.д. дает хорошую возможность задуматься над упомянутыми выше кардинальными выводами некоторых историков общего профиля о положении, которое занимала и занимает Монголия в мире. Представляется интересным проследить, находят ли эти выводы свое подтверждение в книге Галиймы.

Первое, что бросается в глаза: факты, изложенные в книге Н. Галиймы, не согласуются с выводами историков широкого профиля о негативном воздействии СССР на внешнеполитическое положение Монголии. Правда, в общих размышлениях автора есть немало стереотипов, сложившихся в исторической литературе Монголии за последние годы. Но специфика темы, которой посвятила свою работу Галиймаа, конкретность самого предмета не подтверждают эти общие рассуждения, не позволяют подкрепить их обнаружением антагонизма там, где его нет — в советской и монгольской политических линиях, в том числе во внешней политике и дипломатии.

Разрыв между общими рассуждениями и конкретными фактами, приводящимися автором, — наиболее уязвимое звено в книге. Галиймаа встает на уже упомянутую ранее позицию разведения по политическому и идеологическому признакам монгольского руководства и советского как соответственно национально-демократического и коммунистического. Сторонники этой позиции забыли, что она имеет корни в стремлении самого Коминтерна и всего большевистского Кремля «дипломатически» дистанцироваться от событий в Монголии, перед руководством которой была поставлена задача «вовне формально... усиленно “буферить”... и выпячивать свой демократизм и прочие атрибуты современного радикально-демократического государства»¹. К слову сказать, выделять во внутреннем составе Коминтерна, этой весьма идеологизированной и жесткой коммунистической организации, какие-нибудь партии в качестве коммунистических и некоммунистических (или «сочувствующих») — это проблема иерархии самой этой организации и установленных ею

---

¹ *Элбек-Доржи Ринчино*. Документы, статьи, письма. С. 142.

приоритетов и дефиниций. На мой взгляд, нынешние попытки историков определить МНРП как партию «национально-демократической» ориентации есть не что иное, как стремление вырвать из коммунистического контекста всю руководящую верхушку монгольского общества.

Поскольку Коминтерн определил для МНРП задачу «усиленно буферить», постольку вся «национально-демократическая» проблематика ее действий формировалась в соответствии с этой инструкцией штаба мировой революции. Монголия была единственным государством за пределами СССР, в котором внутренняя и внешняя политика разрабатывалась на основе марксистско-ленинского учения, чаще всего даже совместными усилиями национального правительства и представителей Коминтерна. Связка СССР–МНР долгое время была уникальным детищем коммунистических вождей, призванным показать прообраз отношений нового типа между большой и малой странами. За фасадом межгосударственных отношений, осуществляемых по линии посольств, скрывалось полное политическое, идеологическое и организационное единство партийных (по линии Коминтерна) и государственных (по линии института советников) органов двух стран.

Однако это единство означает лишь тот факт, что СССР и МНР составляли вместе одно единое целое, не более того. МНР, хотя ее руководители и стремились во многом подражать СССР, никогда не была его копией даже в миниатюре или в «экспортном исполнении». Слишком необычны, каждая по своему, были эти две страны и слишком сильно они различались по своему политическому весу, роли в международных делах, правовому статусу государств и т.д. По большому счету, до окончания Второй мировой войны мир социализма был представлен не одним государством, а международной системой, связкой или блоком из двух стран: СССР–МНР. Специалисты-международники, как правило, пытаются обходить стороной этот факт, а также роль в данном блоке Тувинской Народной Республики, просуществовавшей до 1944 года. Но факт остается фактом: начало возникновения советского блока как системы относится к 1921 году.

Такой, системный, подход позволяет совершенно по-новому ответить на многие вопросы советско-монгольских отношений, которые до сих пор являются очень «неудобными» для формирования цельного образа СССР в его действиях в отношении Монголии. Прежде всего, это касается проблемы оценки поведения советской делегации при подписании Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой от 31 мая

1924 года, в котором статья 5 гласила: «Правительство СССР признает, что Внешняя Монголия является составной частью Китайской Республики и уважает там суверенитет Китая»¹. Так, Галиймаа считает, что соглашение 1924 года не только «отрицало суверенитет Монголии», но и «закрывало для нее возможность свободного общения на международной арене и изолировало ее»². Представляется, что положение Монголии в 1920-е годы предвосхитило будущее послевоенное положение в советских зонах освобожденных войсками союзников Германии и Кореи. Тогда тоже было неясно, до какого времени продлится разделение некогда единой Германии и некогда единой Кореи на секторы и зоны оккупации, и поэтому международно-правовое оформление этого разделения затянулось. Не признавая некоторое время Восточную Германию и Северную Корею независимыми государствами, Советский Союз вовсе не жертвовал их интересами, как это может показаться современному наблюдателю, а воспринимал статичную картину мира в том виде, в каком ее воспринимали другие державы. В динамике же формировался «железный занавес», по обе стороны которого шли процессы образования новых государств. Точно так же в 1921–1924 годах дело обстояло с Монголией: ни для кого не секрет, что в тот момент она считалась частью Китая, легитимно, в ходе преследования белогвардейцев, занятой советскими войсками, и признать в этих условиях ее независимость для СССР было равнозначно объявлению Китаю войны и вступлению на путь конфронтации со всеми мировыми державами. То, что СССР не пошел на этот безрассудный шаг, ни в коей мере не может говорить о том, что «легко усмотреть в этом “двойную игру”»³. Благодаря этому он как раз избежал двойственности или двусмысленности позиции, а следовательно — осложнений во внешней политике. В будущем именно открытое содействие СССР появлению на политической карте мира ГДР и КНДР и углублению международно-правовых принципов существования МНР явились одними из главных причин возникновения серьезных осложнений — холодной войны и советско-китайского конфликта.

Малоизвестные сведения из недавно рассекреченных архивов подчеркивают неантагонистичный характер разногласий между руководителями СССР и МНР. Причем инициатива усиления жест-

---

¹ Советско-китайские отношения. 1917–1957. С. 83.

² Галиймаа Н. XX зууны Монгол, Америкийн харилцаа: уусэл хожжил, тулгамдаж байсан асуудлууд. 31 дэх талд.

³ Роцин С.К. Указ. соч. С. 105.

кости в подходе к тому или иному вопросу исходила не из той или иной страны как таковой, а от приверженцев сверхрадикальных мер по обе стороны границы. Было немало случаев, когда Политбюро приходилось через ИККИ проводить решения, чтобы напоминать монгольскому руководству и представителям Коминтерна в Монголии о «соблюдении необходимой осторожности» в их чрезмерно жестких шагах¹.

Этих примеров достаточно, чтобы показать отсутствие у всего руководящего слоя монгольского общества, формирующего властную структуру, каких-либо амбиций порвать с коммунистической идеологией. Именно в общем идеологическом и политическом котле, в котором оно варилось вместе с советским руководством, монгольское руководство чувствовало себя наиболее комфортно. Особая близость между МНРП и КПСС обеспечивала слаженность и четкость взаимных действий внешнеполитических ведомств обоих государств.

Тем не менее, возвращаясь к книге Галиймы, можно сказать, что она пытается некоторым образом обосновать наличие противоречий между политическими курсами СССР и МНР, и в частности, между их подходами к развитию отношений последней с США. Примеры некоторых конфликтных ситуаций в книге приводятся. Вот один такой пример, который служит для Галиймы достаточным основанием для следующего вывода: «Из этого становится ясным, что Советский Союз недоброжелательно относился к установлению МНР дипломатических отношений с США»². Речь идет о совете, который дал монгольскому послу в СССР С. Лувсану первый замминистра иностранных дел В.В. Кузнецов в июне 1961 года. Кузнецов сказал следующее: «Со мной встретился господин Томпсон, который в разговоре об установлении дипломатических отношений между США и МНР затронул вопрос о помощи в этом деле правительства Советского Союза. Если американский посол на встрече с вами будет об этом говорить, не следует показывать нетерпение в желании установить дипломатические отношения с США. Конечно, вы получите от своего правительства соответствующие инструкции. Но, кажется, беседу надо вести в этом ключе»³. Данная фраза Кузнецова дается в переводе с монгольского, возможно, кое-какие нюансы упущены. Но и из этого можно сделать вывод о грубейшем нарушении дипло-

¹ Там же. Л. 38.

² *Галиймаа Н.* XX зууны Монгол, Америкийн харилцаа: уусэл хогжил, тулгамдаж байсан асуудлууд. 80 дахь талд.

³ Мон тэнд.

матического протокола со стороны высокопоставленного советского чиновника. Стороннему наблюдателю трудно представить большее унижение, которому может быть подвергнут посол со стороны чиновника страны его аккредитации. Но человеку, знакомому с коминтерновским и более поздним стилем общения соратников по общей антиимпериалистической борьбе из разных стран, данная фраза покажется вполне нормальной и деловой. Выше уже говорилось о том, что еще в 1920-е годы коминтерновцы в Монголии отвергали даже формальности дипломатического протокола, рекомендуя Москве войти в гущу партийной работы и оставить дипломатии делать свое дело. Во фразе Кузнецова действительно обнаруживается то, что видит в ней Галиймаа — негативная реакция СССР на возможность установления дипломатических отношений МНР с США. Но Кузнецов был уверен, что его мнение разделяет высшее монгольское руководство, для которого в условиях того времени отношения с США не имели никакой ценности, если не находили положительного отзыва в Москве. Поэтому в традициях партийцев 20-х годов он просто высказал монгольскому коллеге свое видение места МНР в конкретной обстановке общего для всего советского блока «дела противостояния мировому империализму». Советскому блоку действительно могли сильно мешать «глаза и уши» американцев в Монголии, особенно в условиях обострения советско-китайских отношений. Однако этот факт не может быть свидетельством противоречий между советской и монгольской линиями внешней политики. Тем более, как пишет сама Галиймаа, «государственные деятели (Монголии. — А.Ж.) того времени не хотели ни в малейшей степени проводить самостоятельную политику»¹. Автор сожалеет о неудавшейся второй попытке США установить с МНР дипломатические отношения в 1976 году. Главную причину провала автор усматривает в «диктате советской политики, а также в равной мере — в некомпетентности, нерешительности и нерасторопности некоторых монгольских руководителей»². Представляется, что в этом есть доля истины, но вместо столь резкой характеристики монгольских руководителей следовало бы, видимо, ограничиться констатацией некоторой инерции и расслабленности в их работе. Непонятно, по какому поводу сетует Галиймаа: провал был для США, а для монгольского руководства провала не было, поскольку у него в тот момент не было никакого ярко выраженного стремления иметь дипломатические отношения с США.

---

¹ Мон тэнд. 88 дахь талд.

² Мон тэнд. 95 дахь талд.

Наконец, автор пишет, что «зеленый свет» монгольско-американским отношениям был зажжен министром иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе во время его визита в МНР в 1986 году. Галийма приводит очень интересные сведения о сложных коллизиях в монгольском руководстве, связанных с опасениями генерального секретаря ЦК МНРП, председателя Президиума Великого народного хурала Ж. Батмунха от своего имени поставить этот вопрос перед Шеварднадзе¹. В этой связи возникает вопрос: не являлось ли и раньше желание руководителей МНР установить дипломатические отношения с США (если это желание вообще имело место) слишком туманным и недостаточно внятно доведенным до советских собеседников, чтобы его можно было включить в их внешнеполитические расчеты? Ведь обмен посольствами между МНР и США, произошедший он как в 1960-е, так и в 1970-е годы, предполагал возникновение целого комплекса проблем с далеко идущими последствиями, на которые указал в свое время А.А. Громыко в беседе с монгольским министром иностранных дел Л. Ринчином: «Если они (американцы. — А.Ж.) будут иметь у вас свою агентурную точку, то смогут шпионить за нашим Востоком, к тому же у них появится пункт для установления тесных связей с вашим южным соседом»². Для СССР единственным способом решить эти проблемы было (в связи с отсутствием каких-либо ясных, просчитанных инициатив с монгольской стороны) не торопиться с допущением США в этот регион. Галийма, когда говорит о побудительных мотивах такой позиции руководителей СССР, не находит ничего, кроме их стремления использовать МНР как буфер против Китая³. Представляется, что советское руководство таким способом заботилось о национальной безопасности не только своего государства, но и, учитывая «тайваньский фактор» американской политики, своего стратегического союзника в регионе — Монголии, руководители которой занимали активную позицию укрепления дружбы с СССР, хотя азами самостоятельной политики и дипломатии только начинали овладевать. Образ буфера с самого начала возник у тех исследователей, которые не видели в Монголии вообще никакого активного внутреннего начала и готовы были представлять ее открытой площадкой для любых внешних влияний, пустой формой для любого содержания.

---

¹ Мон тэнд. 97 дахь талд.

² Мон тэнд. 94 дэх талд.

³ Мон тэнд. 70 дахь талд.

Таким образом, конкретные исследования об отношениях Монголии с разными странами не решают, конечно, проблемы однозначного понимания места Монголии в мире, роли в ее судьбе России, Китая, Японии, США и других стран. Но они проливают свет на долгое время находившиеся в тени стороны функционирования монгольского государства как субъекта международных отношений. Предварительным выводом, сделанным на основе изучения всех этих исследований, может быть вывод о том, что ученым предстоит сломать еще немало копий в деле определения статусных градаций Монголии как государства на протяжении всего XX века. Причем градации эти будут определяться по очень широкой шкале, с весьма спорными отметками, начиная от признания Монголии буферным, марионеточным государством, затем государством-сателлитом и, наконец, государством, которое своим выбором и своими действиями способствовало формированию и крушению пусть кратковременного, но гигантского советско-монгольско-китайского коммунистического блока, и тем самым — кардинальным изменениям политической карты мира, международного климата.

* * *

Период «монгольского коммунизма» и обретения страной статуса суверенного государства, члена советского блока оставил после себя современную Монголию — уникальную часть мира, где в масштабах признанных мировым сообществом государственных границ существует общество, экономические основы которого лежат в кочевом скотоводстве и современном промышленном производстве. «Монгольский коммунизм» не имел ничего общего ни с учением Маркса, ни с экспортом революции — «прививанием» чужого «черенка» к старому «стволу». Многое было уничтожено и деформировано в области религии, письменности, исторической памяти, но в Монголию не хлынули переселенцы, со своими уставами, порядками и привычками; страна избежала распашки, чреватой экологической катастрофой, кочевники остались кочевниками, со своими системами знаний, досуга, питания, игр, со своим языком. «Черенок» следующей фазы был своим, но полностью подчиненным новому, биполярному миропорядку. Монголия оказалась в перекрещивающихся орбитах глобальных полюсов, и это позволило ей сохранить свою идентичность. Формальная принадлежность к Китаю до 1946 года позволила ей дистанцироваться от СССР, не пойти по пути Тувы, которая в 1944 году стала частью Советского Союза

в составе РСФСР. Одновременное ее положение в качестве советского спутника привело к тому, что при содействии бывшего СССР и стран СЭВ здесь было создано более 800 объектов, в том числе около 150 крупных структурообразующих промышленных предприятий, составляющих основу современной монгольской экономики. Кочевое и городское население в период социализма было полностью охвачено современными государственными системами образования, здравоохранения и социального обеспечения. Таким образом, можно констатировать: современный цивилизационный надлом смел остатки старого общества и открыл шлюзы новому.

6.2. Политические аспекты глобализации современной Монголии

На постсоциалистический период существования современной Монголии приходится двадцатипятилетний отрезок времени. Для анализа в русле цивилизационной политологии он явно недостаточен. Можно выделить лишь самые общие штрихи: что произошло с блоком России (СССР) и Монголии (МНР), с чем осталось монгольское общество и что за проблемы стоят сейчас перед ним как ядром цивилизации.

В конце 80-х годов Монголия столкнулась с концом биполярного мира и, «оголившись», оказалась в новом, незнакомом мироустройстве. Монголия, будучи еще очень крепко привязанной экономически к своему северному соседу, получила в то же время возможность совершенно свободно выстраивать свои отношения с США, странами Западной Европы, Японией, Кореей. Она уже не могла во всем опираться на СССР и была вынуждена решать свои проблемы самостоятельно. Пути двух стран все более расходились, но у россиян и монголов сохранились многие схожие привычки и ассоциации, подходы и устремления. Вот почему многое в двух странах развивалось по однотипным сценариям, но с необычной очередностью действий.

Если в прошлом Монголия как бы постоянно догоняла своего старшего партнера и пыталась синхронизировать с ним свои действия, то с 1990 года положение стало принципиально меняться. В марте 1990 года, т.е. еще задолго до августовских событий 1991 года в России, в Монголии произошло то, что можно было бы назвать местным вариантом «бархатной» революции. Этому событию предшествовало ухудшение социально-экономического положения страны и как следствие чрезвычайное обострение всей обстановки: массовые митинги,

забастовки, голодовка молодежных активистов на столичной площади Сухэ-Батора перед домом правительства. Монгольские руководители не были подготовлены к принятию самостоятельных решений, но осознавали неприемлемость китайского рецепта (поскольку разгром оппозиции «по-тяньаньмэнски» означал бы фактическую изоляцию страны от внешнего мира). В результате Монголия мирно «проследовала» по пути, проторенному европейскими участниками социалистического блока: руководство страны во главе с генеральным секретарем ЦК МНРП вынуждено было подать в отставку.

Не исключено, что в какой-то мере в силу этого шага своих лидеров МНРП оказалась летом 1990 года вне конкуренции на выборах в хуралы всех уровней. В тот период МНРП численно превосходила все оппозиционные партии, сохранила прочную материальную и финансовую базу, а главное — контроль над государственным аппаратом. Тем самым в ее опыте отразились некоторые черты постсоциалистического развития, черты, проявившиеся в России и некоторых странах Восточной Европы позднее.

Но, пожалуй, главным, что повлияло тогда на успех МНРП, было то, что ее ведущий партнер — КПСС — оставалась правящей партией, продолжала определять внешнюю и внутреннюю политику СССР, традиционно поддерживаемую Монголией. Монгольские избиратели по-прежнему считали, что безопасность страны зависит от особых отношений партийного руководства двух стран. Если восточноевропейские государства — члены Варшавского договора могли пойти на риск ухудшения отношений с СССР, чтобы начать сближение с Западной Европой, то Монголия не могла себе этого позволить из опасения подрыва национальной безопасности.

К моменту распада СССР в Монголии в основном завершилось формирование новой структуры власти: многопартийный парламент избрал первого президента, объявленного гарантом стабильности и безопасности страны, в январе 1992 года была принята новая конституция. Тем самым обнаружилась способность постсоциалистической Монголии к самостоятельным шагам в контексте обозначившегося в июле 1991 года диссонанса политических систем России и Монголии. В то время как в России коммунисты оказались в оппозиции, МНРП вплоть до 30 июня 1996 года оставалась правящей партией. Примечательно, что ее уход на период до следующих выборов в парламент в 2000 году с господствующими высот политической жизни страны пришелся на период «междутурья» в президентских выборах России, что показало не механическое, а сущностное совпадение тенденций политического развития двух стран.

Переход от однопартийной системы к парламентской республике продолжался с декабря 1990 по июль 1992 года, когда в новой Конституции была снята статья о руководящей роли Монгольской народно-революционной партии, которая была заложена в Конституции 1960 года. МНРП, несмотря на разрушение прежних основ своей деятельности и на внутрипартийный кризис, отказавшись от коммунистической идеологии, сумела сохранить свое влияние и продолжать осуществлять демократические преобразования в стране. Уже к середине 1990-х годов в стране была создана довольно прочная политическая система, что позволило цивилизованно осуществить передачу власти как при парламентских выборах 1996, 2000, 2004, 2008, 2012 и 2016 годов (в 2008 году произошла безуспешная попытка «кашемировой» революции), так и президентских (1997, 2001, 2005, 2009, 2013 годы). Таким образом, процесс демократизации в Монголии шел динамично, опираясь на собственные традиции и мировой опыт, не допуская внешнего вмешательства. По данным известного мирового агентства *Freedom House*, изучающего степень политических прав и свобод в странах мира, на начало 2008 года Монголия из постсоциалистических стран была названа наиболее демократической страной в Азии, а ее демократический статус оказался достаточно высок и в сравнении со странами Восточной Европы, где Монголии отводилось 8-е место¹. То же агентство в 2015 году подтвердило статус Монголии как одной из самых демократических стран АТР, оценив уровень политических свобод в стране в 86 баллов по 100-бальной шкале. Тем самым Монголия уступила только Японии и Тайваню, опередив такие страны региона, как Республика Корея и КНР².

Исследователи процесса демократизации Монголии выделяют интересное сочетание двух особенностей: возрождение национально-государственной идентичности монголов на фоне высокой адаптивности монгольского социума к идеям западной демократии и практически нереплексивного их заимствования³.

Легкое и механистическое восприятие политической элитой и населением демократических ценностей объясняется совокупностью факторов. В свое время степная ментальность монголов, доктриналь-

---

¹ Map of Freedom in the World. 2008 // <http://www.freedomhouse.org/tem-plate.cfm?page=22&year=2008&country=7451>.

² Freedom in the World 2015 Maps // <https://www.freedomhouse.org/report/freedom-world-2015/maps>.

³ См.: *Гармиева И.Б.* Особенности демократизации Монголии: внутренние и внешние факторы (кон. XX в. — нач. XXI в.): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Улан-Батор, 2011.

ная толерантность буддизма позволили монгольскому обществу аккумулировать социальную энергию для «прыжка» из феодального состояния к социализму. «Прорывное» строительство современного общества в исторически сжатые сроки, массивная пропаганда коммунистической идеологии, советской культуры и морали отчасти размыли устои традиционного общества, отчасти «закуклили» центральную зону его культуры, отчасти внедрили социалистические ценности в повседневные практики монголов.

На рубеже 1980–1990-х годов позиции сторонников социалистической идеи были серьезно подорваны событиями в СССР. Потеря поддержки СССР, кризис социально-политической системы МНР при сохранявшейся колоссальной зависимости от внешнеполитических факторов стали мощными факторами построения в Монголии такой политической системы, которая «получала бы одобрение и материальное поощрение со стороны западных демократий и их организаций»¹.

Оценки монгольской демократии западными политиками комплиментарны настолько, что заставляют задуматься о степени содержащихся в них стимулов «мягкой силы». Во время своего визита в Улан-Батор в 2011 году вице-президент США Джо Байден назвал Монголию не просто блистательным примером для других стран на переходном этапе, но формирующимся лидером всемирного демократического движения, ответственным участником событий на мировой арене, а также близким другом и партнером Соединённых Штатов»².

Монгольские эксперты более сдержаны и объективны в оценках, хотя никто не ставит под сомнение безусловные демократические успехи своей страны.

Консенсусно признается, что постоянные «зоны турбулентности» в политическом процессе Монголии продуцируют невысокое качество политических элит, их подверженность политическому оппортунизму, коррупции, nepotism, низкий уровень культуры и теоретико-технологических знаний электоральной борьбы, политическая неискренность значительной части электората.

Полувековые «объятия» патерналистской политики «старшего брата» привели Монголию в состояние практически полной экономической и политической зависимости от СССР. Выстоять в насту-

---

¹ Гармаева И.Б. Особенности демократизации Монголии...

² Демократия: Почему у Монголии получилось / Мир. Казахстанская республика. газета. 18.10.2011 (<http://nashmir.kz/news/demokratiya-pochemu-u-mongolii-poluchilos>).

пивший после разрыва «братских уз» период разрухи, сохранить свою государственную независимость и выйти на демократический путь развития Монголии позволило проведение политики, которой дано определение «многоопорная». Ее суть — нахождение и поддержание сбалансированного взаимодействия с тремя основными соседями: двумя историческими (Россия и Китай) и сформированным историческим процессом третьим «коллективным соседом».

Монголия, «зажатая» между географическими и геополитическими гигантскими соседями — Россией и Китаем, нашла способ вырваться из «прокрустова ложа» пересекающихся орбит их стратегических интересов. «Страна вечного синего неба» добилась видимых успехов в проведении независимого политического и экономического курса посредством реализации концепции «третьего соседа». Третий сосед — это обобщенное название коллективного актора во главе с США, который определен Монголией как приоритетный для развития политических и торгово-экономических отношений, а также для создания противовеса России и Китаю.

Однако в настоящее время Монголия обнаруживает динамику стремительного вовлечения в экономическое поле влияния Пекина. Дело в том, что сложившийся в начале 1990-х годов диссонанс политических систем России и Монголии привел к исчезновению прежних скрепляющих символов и лозунгов дружбы. Рухнули, не выдержав испытания рынком, прежние принципы экономического сотрудничества, которое свелось лишь к минимальному поддержанию традиционных контактов. В этих условиях динамично развивающаяся экономика Китая оказалась весьма важным внешним ориентиром развития Монголии.

При изменении идеологических основ и экономических принципов сотрудничества России и Монголии был неизбежен и обвал их отношений в военно-стратегической сфере. Нормализация советско-китайских отношений позволила к началу 1992 года полностью вывести из Монголии советский контингент войск — свыше 100 тыс. человек (с семьями). В это же время безвозмездное снабжение монгольской армии из России полностью прекратилось, а закупок Монголией у России вооружений и техники в период с 1991 по 1994 год не было вообще. Вместе с тем Москву и Улан-Батор в военной области связывает соглашение о военно-техническом сотрудничестве, подписанное сразу после заключения Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией в 1993 году. Реализацию этого соглашения в обеих странах признают неудовлетворительной, но явственно обнаружива-

ется обоюдное стремление к сохранению традиций, опыта и полезного наследия двустороннего военного сотрудничества. О первых признаках вывода военных отношений из застоя свидетельствует начавшаяся практика подписания годовых планов сотрудничества военных ведомств (первый такой план был подписан во время визита министра обороны Монголии в Москву в 1997 году). В последние годы возобновилась практика безвозмездного снабжения монгольской армии из России. В 2012 году монгольской стороне на безвозмездной основе были переданы 50 основных боевых танков Т-72А, 40 модернизированных бронетранспортеров БТР-70М и автомобили «Урал»¹. По словам министра обороны Монголии Ц. Цолмона, в 2015 году из 531 монгольских военнослужащих, находившихся за границей с целью повышения профессиональной квалификации, 357 обучались в России². Кроме того, начиная с 2008 года ежегодно проводятся совместные российско-монгольские военные учения под кодовыми названиями «Дархан» и «Селенга»³.

Изменение политического климата в регионе и вектора внешней политики Монголии позволило резко, более чем вдвое, сократить численность монгольской армии — на 20 тыс. человек и перевести расходы на оборону непосредственно на государственный бюджет страны (примерно 6%)⁴. При этом сохраняются и формы иностранной, в том числе безвозмездной, помощи, но уже не из одного стратегического источника. Нынешняя ситуация представляет разительный контраст по сравнению с тем, что было сравнительно недавно.

Еще в 1980-е годы невозможно было представить в обозримой перспективе начало развития военного сотрудничества Монголии с КНР. В 1991 году состоялся визит министра обороны Монголии в Пекин, после которого установился регулярный обмен военными делегациями, встречи начальников генеральных штабов вооруженных сил двух стран, был подписан протокол о сотрудничестве военных ведомств в области подготовки военных кадров и обмена информацией.

---

¹ Монголия вооружилась полусотней танков Т-72 <http://lenta.ru/news/2012/09/24/t72a/>.

² Цолмон Ц. Монголия тратит очень мало денег на оборонные нужды // Монголия сегодня, 05.06.2015.

³ Российские войска вернулись в Монголию 16 лет спустя // http://www.owasia.ru/digest_2008+M522f65bc0e7.html#1; Российско-монгольские учения пройдут в сентябре в СибВО // http://www.rian.ru/defense_safety/20100728/259130499.html; Военные России и Монголии проводят совместные учения // <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2656217&cid=7#>.

⁴ Яскина Г.С. Указ. соч. С. 37, 109–110.

Особые военно-стратегические отношения у Монголии установились с США. Монголия вошла в число государств, которые получают военную помощь этой страны: с 1991 года США в качестве безвозмездной помощи предоставили Монголии 270 млн долл., а также 250 млн долл. из «Фонда вызовов тысячелетия»¹. Монгольские военнослужащие каждый год повышают квалификацию в военных учебных заведениях США. Соединенные Штаты оснащают монгольские границы средствами связи, военные госпитали — современным медицинским оборудованием, приступили к снабжению Монголии военной техникой и запасными частями к ней, проводят вместе с управлением гражданской обороны совместные учения для отработки способов тушения пожаров и борьбы со стихийными бедствиями. Для этих целей и для учений сил быстрого развертывания с военных баз США на Окинаве в Монголию перебрасывались американские военные самолеты (в том числе два самолета С-130). Главное военное командование вооруженных сил США на Тихом океане приглашает монгольских военных на десятки сборов, семинаров и совещаний². В этих условиях монгольское правительство приняло решение вступить в международную коалицию по свержению режима Саддама Хусейна. В ноябре 2005 года впервые в Монголию прибыл действующий глава американской администрации. Президент США Джордж Буш назвал монгольскую республику «бастионом демократии» в азиатском регионе, а Соединенные Штаты — третьим соседом Монголии после России и Китая. Хозяин Белого дома поблагодарил руководство страны за участие в глобальной войне с терроризмом: к тому времени в Ираке и в Афганистане служили 180 монгольских солдат³. Начиная с 2012 года Монголия является участником Программы НАТО «Индивидуальное партнерство и сотрудничество»⁴.

С начала 1990-х годов Монголия приступила к самостоятельной привязке своей экономики к рынку многополюсного мира, чего раньше невозможно было представить. Она столкнулась с необходимостью отказа от традиционной и приоритетной экономической ориентации только на одну страну — СССР и его правопреемницу

---

¹ Алтангэрэл Б. Мянганы Сорилын сангийн хоёр дахь тусламжийг аль салбарт узуулэх талаар хэлэлцэж байна (Алтангэрэл Б. Обсуждаем вопрос, в какую отрасль направить помощь «Фонда вызовов тысячелетия») // <http://www.assa.mn/content/31181.shtml?a=economy>.

² Яскина Г.С. Указ.соч. С. 249.

³ <http://news.ntv.ru/76944/>.

⁴ NATO and Mongolia Agree Programme of Cooperation // <http://english.news.mn/content/101305.shtml>.

Россию. В целях расширения географии внешнеэкономических связей в марте 1990 года в Монголии был принят «Закон об иностранных капиталовложениях». Важным элементом процесса переоценки внешней экономической политики Монголии стал ее поворот «лицом к Азии». Он связан с исчезновением СЭВ и соответствующим резким сокращением экономического сотрудничества с бывшими социалистическими странами Восточной Европы.

Монголия приложила значительные усилия для расширения экономических отношений с Китаем, Японией, Южной Кореей, странами ЕС, Вьетнамом. Политические лидеры Монголии не только рассчитывали на получение экономической и финансовой помощи этих стран, но и хотели заимствовать опыт модернизации экономики, ее структурной перестройки.

В 90-е годы Китай стал вытеснять Россию с ведущих позиций в монгольской экономике. Динамика этого процесса стремительна. Доля КНР во внешней торговле Монголии с 1989 по 1998 год, т.е. всего за 10 лет, возросла более чем в десять раз — с 1,4% до почти 20%, тогда как доля России сократилась вдесятеро. В 2000 году объем товарооборота между Монголией и Россией составил 205,8 млн долл. (в 1990 году он равнялся 1584,7 млн долл.), в то время как этот же показатель в монгольско-китайской торговле перешагнул через отметку в 400 млн долл. (в 1991 году — 38,5 млн долл.). По итогам 2014 года, на Китай пришлось 87,9% от всего монгольского экспорта¹. Доля КНР во всей внешней торговле Монголии — 62,1%².

На сегодняшний день Китай является крупнейшим покупателем монгольского сырья, в торговом балансе Монголии этот гигант занимает главное место. На этом фоне обмена визитами высших руководителей Монголии и КНР, в ходе которых укрепляются партнерские отношения между странами, растут суммы китайских кредитов, позволяют констатировать факт выведения равноправных отношений Монголии со своими двумя соседями на новую ступень.

Заинтересованный в расширении торговых связей с Монголией Китай предоставляет Монголии кредиты на сотни миллионов долларов. Он стал одним из основных потребителей традиционной монгольской продукции животноводства. После либерализации внешнеэкономических связей это способствовало росту цен на монгольское сырье, шерсть, пух, шкуры животных.

---

¹ Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл 2014 (Сборник статистики Монголии 2014). Улаанбаатар. 2015. X. 330.

² Там же. X. 322.

Монголы по традиции «боятся» активного вторжения капитала какой-либо одной страны в свою экономику, что потенциально могло бы дать России определенные преференции в этой области. Тем более что это весьма актуально: уже в самом начале 1990-х годов удельный вес России во внешней торговле Монголии резко упал, а численность российских специалистов в стране уменьшилась в 10 раз.

Но со второй половины 2000-х годов об этих преференциях уже говорить невозможно; в монголо-китайской торговле стали преобладать товары традиционно российского интереса — горнорудной отрасли: уголь, медь, золото, молибден. Такие крупные китайские компании, как «Чайналко» и «Шенхуа Энерджи», заявили о своих инвестиционных планах в отношении добывающего сектора Монголии¹.

Процесс свертывания российско-монгольских отношений не является необратимым. Так, в 2003 году правительства двух стран объявили об урегулировании задолженности Монголии по советским кредитам. Списано 98% долга (11 млрд долл.), а остаток (250 млн долл.) выплачен монгольской стороной². В начале 2016 года по решению российской стороны были аннулированы 97% монгольского долга на сумму 174,2 млн долларов. Данный долг сформировался в результате кредитов компании «Монголросцветмет»³.

Такие подходы сторон к сотрудничеству должны были бы открыть новые горизонты для российско-монгольского экономического взаимодействия на новом этапе, в том числе в инвестиционной области. Но ситуация пока разворачивается в ином ключе: в июне 2016 года была заключена сделка по продаже 49% акций, принадлежавших российской стороне в СП Эрдэнэт. Покупателем выступила никому не известная монгольская компания «Монгол зэс». Финансирование сделки было осуществлено через Банк торговли и развития, львиная доля акций которого принадлежит иностранным компаниям. В частности, владельцем 19,95% акций является китайская компания⁴. В монгольском обществе данная сделка вызвала большой резонанс, в связи с чем победившая на парламентских

---

¹ Chinalco присматривается к доле в монгольском месторождении золота и меди // <http://www.k2kapital.com/news/283895/>; Китайский претендент на Таван Толгой строит железнодорогу к Монголии // <http://www.metalinfo.ru/ru/news/48708>.

² <http://www.newsru.com/finance/06jan2004/mongolia.html>.

³ Владимир Путин списал долг Монголии // <https://lenta.ru/news/2016/01/31/tugriki/>.

⁴ *Ерөнхий сайд Ч. Сайханбилэг «Эрдэнэт» уйлдвэрийн хувийг гадаадын компанид заржээ* (Премьер-Министр Ч. Сайханбилэг продал долю «Предприятия Эрдэнэт» иностранной компании) // <http://www.shuurhai.mn/120360>.

выборах МНП инициировала проверку законности продажи 49% акций Эрдэнэта¹.

Исторически в монгольско-российских экономических отношениях важное место занимала приграничная торговля. Однако у новой России и новой Монголии, начавших почти одновременно постсоциалистическое развитие, возникли серьезные препятствия углублению таких связей, равно как и экономическому сотрудничеству в целом. Это было связано с визовым режимом между двумя странами и высокими таможенными пошлинами и НДС на традиционные товары торговли. Только с 14 ноября 2014 года между Россией и Монголией начал действовать безвизовый режим. Соответствующее соглашение было достигнуто во время рабочего визита В.В. Путина в Монголию в сентябре 2014 года².

Интересы обеих стран требуют либерализации этих порядков. Но по состоянию на 2016 год ни одна российская компания не проявляет интереса к инвестированию в горнорудный сектор Монголии³. РЖД, еще в 2009–2012 гг. претендовавшая на разработку крупнейшего угольного месторождения Таван Толгой, в итоге отказалась от этой идеи.

Вместе с тем для России в Монголии есть новые сферы деятельности. При соответствующих условиях могли бы открыться перспективы сотрудничества в нетрадиционных для отношений двух стран сферах, таких, например, как экология и туризм. (Особенно это актуально звучит в связи с проектами строительства ГЭС на севере Монголии, затрагивающими проблему безопасности Байкала.) Фактически вся огромная территория Монголии — экологический заповедник с необычайно разнообразными географическими зонами и животным миром. То же самое можно сказать и об обширных районах российского приграничья. Сотрудничество в области туризма, защиты природы с привлечением других, более богатых стран содействовало бы притоку капиталов, развитию инфраструктур, созданию новых рабочих мест в регионе.

В «споре цивилизаций» Монголия оказалась заинтересованной в укреплении российской «подпорки» для уравнивания потенциальных возможностей своих соседей оказывать на нее влияние. Для России формирование нового единства стратегических интере-

---

¹ Проверка правомочности продажи акций «Эрдэнэт» // http://news.mongolnow.com/28_07_002.html.

² Документы, подписанные в ходе визита Владимира Путина в Монголию // <http://kremlin.ru/supplement/4746>.

³ Сведения получены от В.А. Родионова.

сов с Монголией — также поистине злободневный вопрос. Он связан с «пучком» важнейших задач: от обеспечения военно-политической безопасности своего «мягкого подбрюшья» в районе трех с половиной тысячекилометровой российско-монгольской границы до повышения своей конкурентной способности в борьбе за доступы к ресурсам и сохранения пространства влияния «мягкой силы» России — идей, образов, русского языка — во Внутренней Азии.

На фоне падения роли России в экономике Монголии впечатляюще выглядит рост экономического влияния Японии, США, Республики Корея, ряда других стран. От стран-доноров Монголия получает значительные суммы кредитов и помощи. Вначале средства направлялись на преодоление экономического кризиса, с 1993 года их стали распределять по отраслям, а с 1998 года они стали использоваться для возрождения экономики и борьбы с бедностью.

Весьма активную позицию во внешних отношениях Монголии занимает Япония. Она изучает возможности монгольской экономики и ее рынка, ведет самую активную подготовку специалистов-монголоведов. На территории Монголии работало несколько совместных экспедиций по изучению природных ресурсов страны. При помощи Японии были построены металлургический комбинат в Дархане, комбинат «Говь» по переработке верблюжьей шерсти, оказана безвозмездная помощь в области образования и здравоохранения. Общий объем торговли с Монголией повысился, однако в объеме японской внешней торговли доля Монголии составляет незначительную часть.

Интеграция Монголии в мировую экономику проходит в условиях сложной и драматической трансформации монгольского общества. Монголия уже прошла ряд стадий замены жестко централизованной и административно-командной системы элементами рыночной экономики, была создана своеобразная переходная экономика. В стране распущены коллективные сельскохозяйственные объединения, приватизировано свыше половины всех государственных промышленных и сельскохозяйственных предприятий, сформирована структура рыночных отношений: банковская система и фондовый рынок, либерализованы внешнеэкономические отношения. Результаты экономических реформ нельзя оценить однозначно¹, положение страны остается сложным и противоречивым.

На сегодняшний день Монголия находится в числе ведущих стран мира по поголовью скота в расчете на душу населения. На протяжении тысячелетий кочевники Монголии бережно относились

---

¹ *Баяртсайхан Н.* Государство и экономика. Улаанбаатар, 2013. С. 152.

к ресурсам своей страны. Сейчас Монголия — богатейшая страна мира по запасам таких важнейших природных ресурсов на душу населения, как пресная вода, лес (его столько же, сколько в Финляндии), одна из самых богатых стран Азии по запасам полезных ископаемых.

Самыми перспективными министерство промышленности и торговли считает месторождения золота, угля, меди и урана¹.

Гигантские месторождения Оюутолгой и Тавантолгой стали объектом пристального внимания лидеров мирового горнорудного дела, некоторые из них уже вошли в экономику Монголии («Айвенго майнз», «Рио Тинто», «Чиналко» и др.). На повестке дня решение вопросов о богатейших месторождениях серебра, плавикового шпата, нефти, урана (четверть мировых запасов) и многих других. По сути дела, каждый монгол теоретически может жить не хуже каждого кувейтца.

Несмотря на глубокую привязанность страны к кочевому скотоводству, Монголия сохраняет возможность динамичного социального и политического развития. ВВП Монголии в 2014 году — 21 937 159,4 тыс. туг., или 4,152 млрд долл. В структуре ВВП с/х — 14,5%, добывающий сектор — 24,2%, транспорт — 20,9%, финансовый сектор — 22,9%².

В последнее время открылись объективные возможности трехстороннего сотрудничества России, Монголии и Китая, которое могло бы стать основой и политического взаимодействия, снять или ослабить существующие геополитические противоречия. По итогам саммита ШОС в Ташкенте (июнь 2016 года) между Россией, Монголией и Китаем была принята Программа формирования экономического коридора, нацеленная на увеличение товарооборота трех стран³. Этот коридор соединит промышленные центры Северо-Восточного Китая с районами российского Дальнего Востока и Забайкалья, которые располагают богатейшими запасами нефти, природного газа, угля. Дальневосточный экономический регион обладает огромными лесными ресурсами, разведанными запасами минерального сырья, руд цветных и драгоценных металлов, алмазов.

Для реализации подобных инициатив требуется активная позиция монгольского полюса, переплетенного с орбитами других полю-

---

¹ <http://www.mongolia.mid.ru/eco-inf.html>.

² Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл 2014 (Сборник статистики Монголии 2014). Улаанбаатар. 2015. X.215-217.

³ Программа формирования экономического коридора Россия–Монголия–Китай // <http://news.mongolnow.com/assets/rus-ch-mn.pdf>.

сов. Очевидно, что одной из важнейших среди них является российская орбита. При имеющихся у России ресурсах и возможностях восстановление и развитие ее тесного сотрудничества с Монголией, приобретшей новых партнеров в лице КНР, США, Японии, вошедшей в ВТО, структуры МВФ и других международных финансовых институтов, становится вполне осуществимым.

Монголия, резко отличающаяся от всего своего ближнего и дальнего окружения в цивилизационном плане, стремящаяся проводить самостоятельную политику, стала, по сути, ядром своеобразного «треугольника», в котором к ее традиционным соседям — России и Китаю прибавился третий коллективный сосед в лице прежде всего США, а также других крупных государств. Явственно вырисовываются контуры пространства для создания новой организации регионального сотрудничества, которая имеет серьезные шансы стать важным субъектом мирового политического развития. Последовательно разворачивающееся взаимодействие стран-участниц могло бы содействовать постепенной выработке механизма обеспечения прозрачности действий и намерений основных политических партнеров в центре Евразии.

Все необходимые условия создания такого регионального сообщества существуют, о чем свидетельствуют урегулирование и снятие проблемы многомиллиардного монгольского долга по советским кредитам, оживление экономических, культурных и политических связей России и Китая и, наконец, их готовность развивать отношения с Монголией в трехстороннем формате.

* * *

Находящийся на стыке границ Китая, России и Монголии регион Внутренней Азии стал своеобразным сборочным узлом в архитектуре современного мироустройства. В настоящее время геополитические звезды сошлись так, что будущая судьба взаимоотношений трех старых соседей — России, Китая и Монголии — упирается не только в вопрос согласования стратегических интересов этих стран. Идеи: российская — «создание трансевразийского коридора», монгольская — «Степной путь», китайская — «Экономический пояс Шелкового пути “один пояс — один путь”» — объединяет общая мегачель — ответить на вызов планетарной дисгармонии, выйти на инновационный путь развития, сохранив свою историческую сущность и цивилизационную идентичность.

Заключение

В настоящей работе представлена попытка обосновать возможность и целесообразность работы международного авторского коллектива над атласом монгольской цивилизации. Это, по сути, попытка соединения теоретической конструкции полюсного и цивилизационного мироустройства с реалиями монгольской истории и культуры. От других подобных попыток ее отличает не столько общая схема мироустройства, базирующаяся на теоретическом багаже наиболее широко известных специалистов в области философии истории и геополитики, сколько всего лишь две детали этой схемы. Первая деталь — представление о конструкции многополюсного и полицивилизационного мироустройства как некоем множестве парных биполярных цивилизационных пространств. И вторая деталь — признание Монголии центральной частью, географическим, историческим и культурным ядром целой цивилизации, охватившей обширный исторический мультикультурный регион в центре Евразии.

Данный вывод, не в последнюю очередь, базируется на оригинальных сочинениях монгольских лам, которые открыли удивительный, завораживающий мир Внутренней Азии с подлинной историей, по широте охвата стран и народов, накалу страстей и драматизму событий ничем не уступающей истории какого-либо из хрестоматийных центров мировой культуры.

Следует учитывать, что в предложенной схеме к цивилизациям никакого отношения не имеют границы государств, автономий, регионов, муниципалитетов и т.д. Цивилизации имеют «смазанные» границы сильных региональных и слабых глобальных орбит и обнаруживаются по активно проявляющемуся ядру. Поскольку каждое ядро — полюс мира, постольку оно перекрывает своей слабой орбитой все цивилизации и само находится в центре переплетения слабых орбит.

Внутренняя Азия простирается за пределы Монголии и географически вклинивается слабыми орбитами во все мировое пространство и сильной — вглубь территорий стратегических соседей

Монголии — России и Китая, населенных людьми, исповедующими культы тенгрианства, северный буддизм, конфуцианство, даосизм, китайский буддизм, различные ветви христианства и ислама. При этом ядро Внутренней Азии — тенгрианско-буддийская Монголия — открыта также для проникновения и восприятия ценностей западного мира, являющегося еще одним из ее главных политических партнеров — «третьим стратегическим соседом». В пределах Внутренней Азии Монголия является единственным суверенным государством, т.е. признанным субъектом международных отношений, а столица Монголии — город Улан-Батор — единственным легитимным политическим центром.

Единым критерием корректности сопоставления полюса и общности Внутренней Азии, которая по названию своего ядра именуется здесь монгольской цивилизацией, с полюсами и цивилизациями западного, русского, дальневосточного, индуистского и исламского миров является наличие у нее общего со всеми сравниваемыми субъектами таксономического признака: принадлежать всем, но никому одному, т.е. входить одновременно в орбиты всех внешних политических полюсов мирового влияния, всех современных цивилизаций (и, соответственно, втягивать всех в свою орбиту), но не растворяться ни в одной из этих орбит. Именно сквозь призму этого критерия можно говорить о сущности резких и неоднозначных перемен на протяжении последних двух с половиной десятилетий во взаимоотношениях крупных культурных регионов современного мира, о соотношении их сил, а также о появлении многополюсного мира, представляющего новых самостоятельных действующих лиц на авансцене мировой политики.

Монголия в настоящее время переживает цивилизационный надлом, начавшийся в конце XIX века, охвативший весь XX век и продолжающийся поныне. Все это время сознательное стремление общества к радикальным преобразованиям, революционным шагам на поприщах экономики, политики, культуры и экологии подпитывалось и продолжает вновь и вновь подпитываться его стремлением сохранить свою идентичность в окружении мировых цивилизаций. Нынешняя ситуация на стыке границ России, Китая и Монголии еще не определилась окончательно: здесь (как и в других очагах глокализации) сложилось относительное равновесие, но уже в обозримой перспективе неизбежно его нарушение в связи с различающимися темпами экономического роста в странах, относящихся к разным цивилизациям.

В наше время любые выводы и прогнозы затруднены из-за быстро меняющейся реальности, особенно те прогнозы, которые касаются

выхода Монголии из цивилизационного надлома (опять-таки кризиса). Это затрагивает вообще, как таковое, положение Монголии как ядра цивилизации. Однозначного ответа на вопрос о том, какое это ядро в своем дрейфе — разгорающееся или затухающее — нет. Пока, как ядро цивилизации, Монголия по-прежнему уникальна: производство основных продуктов, необходимых для поддержания жизни всего общества, здесь, как и века назад, обеспечивают не оседлые земледельцы, а кочевники-скотоводы. Современная урбанистическая жизнь здесь соответственно привязана к центру кочевого мира с присутствующими ему тенгрианско-буддийскими ценностями. Эта резкая контрастная черта — единственное, что позволяет говорить об особом положении Монголии в мире. Не будет этой черты — исчезнет и тема для исследования. Проблема заключается в мировой потребности в той миссии, которая может выпасть на Монголию.

Ситуация будет складываться скорее всего по одному из двух вариантов — либо по варианту монгольского цивилизационного взрыва, окончательно признания Монголии ядром мировой цивилизации, либо по варианту постепенного угасания монгольской цивилизационной идентичности. При любом из этих двух вариантов неизбежно произойдет кардинальное изменение соотношения различных этнических, культурных, политических и экономических факторов в регионе. Но в условиях цивилизационного угасания Монголии неизбежно появление определенных угроз ее национальной безопасности и территориальной целостности, чреватых дестабилизацией ситуации в КНР, России и мировом масштабе. И напротив, при динамизме монгольского фактора будет приветствоваться диалог цивилизаций для нахождения консенсуса относительно цивилизационных ориентиров развития собственно Монголии, монгольских нацменьшинств в отдельных субъектах КНР, бурятских и калмыцкой общностей в России. Решения коснутся исторических судеб и гарантий прав других малочисленных народов и нацменьшинств: тувинцев и алтайцев в России, китайского, казахского и русского нацменьшинств в Монголии, уйгуров и тибетцев в КНР и многих других.

Нарушение равновесия сил на стыке границ России, Китая и Монголии, как и на стыке других очагов глокализации, неизбежно; оно приведет к определенному сдвигу в соотношении мировых цивилизаций, к переосмыслению людьми своего прошлого, настоящего и будущего. Поэтому для мировой науки — истории, социологии, политологии — чрезвычайно актуальной становится тема изучения монгольского вектора цивилизационного развития.

От становления Монголии в качестве центра, способного по своему определять баланс сил в регионе, зависит процесс снятия напряжения во взаимоотношениях всех заинтересованных сторон. При этом следует учитывать, что тема монгольской цивилизации ничего общего не имеет с реанимацией идеи панмонголизма, подразумевающей создание государства «Великой Монголии». Эта тема является ключевой в рассмотрении места и роли в мире имеющегося монгольского государства и проблем защиты территориальной целостности России, Китая и Монголии.

Сейчас Монголия, как член ООН, стремящийся к равноправным отношениям со всеми государствами мира, представляет собой ядро общности, которая может стать прообразом межцивилизационных отношений в XXI веке, образцом решения проблем защиты прав малочисленных народов, пограничных конфликтов, насущных вопросов экологии и т.д.

Проработанное в настоящей книге положение о цивилизационной самобытности Монголии было невозможно вывести из чисто геополитического анализа. С точки зрения геополитики период, который переживает в настоящее время Монголия, выглядит как затянувшийся на четверть века переход из орбиты влияния евразийского русского центра в орбиту влияния дальневосточного китайского центра. Мышление исключительно геополитическими категориями реанимирует образ знакомого по первой половине XX века положения Монголии как буфера между двумя гигантами.

Однако цивилизационный подход позволил представить положение дел совершенно иначе. Если в первой половине XX века — в беспокойном мире, охваченном войнами и революциями — Монголии, чтобы защитить себя физически, или, во всяком случае — сохранить свою цивилизационную идентичность, нужно было выбирать между Россией и Китаем, то сейчас — мирное время, и динамичное развитие российско-китайских отношений дает Монголии шанс перед собой такую задачу не ставить. Получается, что в XXI веке Монголии нет необходимости выступать буфером или яблоком раздора между Россией и Китаем, искать у кого-то одного из них «крышу» безопасности для себя. Становящиеся все более характерными для нашего времени транспарентность границ и свобода перемещений людей будут означать, что Монголия не вернется к состоянию глухой изолированности от проживающих в России и Китае цивилизационно родственных монголам народов. Это позволит ей получить здесь свою «подушку безопасности».

Настоящее время характеризуется растущей взаимозависимостью субъектов мироустройства и диктует необходимость того, чтобы на смену примитивному геополитическому образу буферов и молотов с наковальнями пришел образ сложного (чуть ли не часового) механизма переплетения мировых цивилизаций, где все они являются одинаково значимыми сложными несущими конструкциями. Переплетение и взаимодействие цивилизаций осуществляется посредством синхронной работы их ведущих и вспомогательных узлов. Этот образ цивилизации, как одной из несущих конструкций, работающей в мировом механизме путем согласованного вращения своих «шестеренок» с «шестеренками» других несущих конструкций, более приемлем для Монголии, являющейся центральной частью, ядром расположенной на территории трех стран локальной цивилизации.

23 июня 2016 года в Ташкенте прошли переговоры лидеров трех стран — В.В. Путина, Си Цзиньпина и Ц. Элбэгдоржа, по итогам которых была подписана Программа создания экономического коридора Китай–Монголия–Россия. Данное политическое событие повышает актуальность дальнейшей работы над составлением усилиями международного коллектива Атласа «Монгольская цивилизация: история и современность».

Библиография

Абаев Н.В. Цивилизационная геополитика и этнокультурные традиции народов Центральной Азии и Алтай-Байкальского региона (учебное пособие). Кызыл, 2006. — 104 с.

Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Восточная литература, 2002. — 757 с.

Баяртсайхан Н. Государство и экономика. Улаанбаатар, 2013. — 278 с.

Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации / Материалы международной конференции: Москва, 15–16 октября 2012 г. / Науч. ред. С.А. Панарин, Д.И. Польшванный. Ивановский государственный университет, Университет Востоковедения РАН. — Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2013. — 408 с.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. (Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г.) М.: Наука, 1990. — 224 с.

Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Международные отношения, 2007. — 240 с.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. I, II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Болд Р. Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: США–Россия–Китай, 1910–1973 / Пер. с монг., предисл. А.С. Железнякова. М.: Весь Мир, 2015. — 400 с.

Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь Мир, 2008. — 552 с.

Вернадский Г.В. О составе Великой Ясы Чингисхана. С приложением главы о Ясе из истории Джувейни в переводе В.Ф. Минорского. Bruxelles: Les Editions Petropolis, 1939. — 54 с.

Владимирицев Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. — 223 с.

Гельбрас В.Г. Социально-политическая структура КНР. 50–60-е годы. М.: Наука, 1980. — 264 с.

Голенкова З.Т., МакМилан Д.Ч., Жвиташвили А.Ш. Размышления над новой книгой Mahbubani Kishore. Can Asians Think? Singapore, Kuala Lumpur, 1998 // Общество и право. 2004. № 1(3). — с.106–111

Гольман М.И. Избранные статьи и доклады / Редактор-составитель: С. Чулуун — Улан-Батор, 2014. — 322 с.

Грайворонский В.В. Изменения в уровне жизни населения Бурятии (Россия), Монголии и Внутренней Монголии (Китай) в конце XX — начале XXI в. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. — 284 с.

Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927.

Груссе Р. Чингисхан. Покоритель Вселенной / Послел. А.С. Железнякова. Серия ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2000. — 285 с.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. — 544 с.

Даббаев Э.Д. Институциональный дизайн политических процессов в российских регионах Внутренней Азии и Монголии, Улан-Удэ, 2011. — 304 с.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Эксмо, 2003. — 640 с.

Дробышев Ю.И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н.э.) / Отв. ред. Д.Д. Васильев. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. — 608 с.

Дугин А.Г. Послесловие. Евразийский триумф // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. — с. 433–459.

Дудин П.Н. Политическая история Мэнцзяна / Науч. ред. К.Б-М Митупов — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2014 — 300 с.

Ерасов Б.С. Принципы и возможности цивилизационной компаративистики // Сравнительное изучение цивилизаций мира. Сб.статей. М.: ИВИ РАН, 2000. — С. 36–53.

Ерасов Б.С. Цивилизации и мировые системы. Основные принципы миросистемного подхода // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М.: Аспект пресс, 1999.

Железняков А.С. Об одном стереотипе восприятия монгольской кочевой цивилизации // VI Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1992 г.). Доклады российской делегации. I. М., 1992. — 84–90 с.

Железняков А.С. Монгольский полюс политического устройства мира / Отв. ред. доктор философских наук, профессор З.Т. Голенкова. М.: Институт социологии РАН, 2009. — 272 с.

Железняков А.С. Некоторые проблемы «глокализации» в контексте цивилизационного развития Внутренней Азии // От рисков нестабильности к устойчивому развитию / Доклады Институту Европы № 269, Часть II. М.: Институт Европы РАН, 2011. — 32–43 с.

Железняков А.С. Цивилизационные параметры идентичности современного мира / Цивилизация. Модернизация. Идентичность: материалы международного научного симпозиума (Москва, 27–28 ноября 2012 г.). М.: Издательский дом МЭИ, 2012. — 53–59 с.

Железняков А.С. Цивилизационное измерение многополюсного мира // Философские науки. 2012. № 11. — 11–21 с.

Железняков А.С., Баасансүрэн Д., Недяк И.Л. Многоопорная политика современной Монголии сквозь призму восточного вектора российской политики // Полис. 2013. № 5. — 121–132 с.

Железняков А. С., Тикунов В.С. Монгольский мир: методы исследования. М.: Улан-Батор: ИС РАН, 2014. — 152 с.

Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. Уч. пособие. М.: Восточная литература, 2002. — 121–132 с.

Златкин И.Я. Концепции истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность // Современная историография стран зарубежного Востока. Проблемы социально-политического развития. М.: Наука, Восточная литература, 1971. — 131–193 с.

История в трудах ученых лам / Сост. и ред. А.С. Железняков, А.Д. Цендина. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. — 275 с.

История Востока. Т. III: Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI–XVIII вв. М.: Восточная литература, 1999. — 696 с.

История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. М.: Изд-во МГУ, 1998. — 736 с.

История Монголии. XX век / Отв. ред. Г.С. Яскина. М.: ИВ РАН, 2007. — 448 с.

История Монгольской Народной Республики. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1983. — 664 с.

Киссинджер Г. Дипломатия. М.: ЛАДОМИР, 1997.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. — 320 с.

Коростовец И.Я. От Чингисхана до Советской республики. Краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени. Улан-Батор: Эмгэнт, 2004. — 560 с.

Крадин Н.Н. Кочевничество в современных теориях исторического процесса // Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. — 369–396 с.

Кузнецов В.Н. Гуманитарные взаимодействия: социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. Т. 1. М.: Книга и бизнес, 2008. — 543 с.

Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. В 2 т. М.: Ин-т экономических стратегий, 2006. Т. 1. Теория и история цивилизаций. — 768 с.

Кузьмин Ю.В., Свинин В.В. «Панмонголизм» в XX веке. Иркутск, 1997.

Кычанов Е.И. Властители Азии. М.: Восточная литература, 2004. — 632 с.

Латицкий М.И. «Американская мечта». От «плавильного котла» к «салатнице» // Национальная идея: страны, народы, социумы / Отв. ред. Ю.С. Оганисян. М.: Наука, 2007. — 41–63 с.

Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3.

Лиштованый Е.И. От Великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2007. — 173 с.

Лукин В.П. Глобальная роль России и европейская идентичность // Россия в глобальной политике. 2008. № 1, январь-февраль.

Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание») / Пер. с монг., введение, комментарий и приложения Н.П. Шастиной. М.: Наука, Восточная литература, 1973. — 440 с.

Лузянин С.Г. Россия–Монголия–Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: ИДВ РАН, 2000. — 268 с.

Мазлиш Б. Глобальное и локальное: понятия и проблемы // Социс. 2006. № 5.

Майский И.М. Современная Монголия. Иркутск, 1921.

Манифест Рассела–Эйнштейна, 1955 г. // <http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html>.

Маркс К. Революция в Китае и Европе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 9. М.: Политиздат, 1957.

Матвеева Г.С. Создание материально-технической базы социализма в МНР. М.: Наука, 1978.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Предисл., пер. и примечания В.С. Таскина. М.: Наука, 1968. — 177 с.

Меморандум генерала Танака Гинти (25 июля 1927 г.) // История войны на Тихом океане. Т. 1. М., 1957. — 337–353 с.

Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. — 546 с.

Монгольский мир: между Востоком и Западом / Под ред. Ю.В. Попкова, Ж. Амарсаны. Новосибирск: Автограф, 2014. — 351 с.

Оганисян Ю.С. Россия перед вызовами глобализации: проблемы идентификации // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. член-корр. РАН М.К. Горшков. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. — 166–194 с.

Плано Картини Дж. дель. История монголов. 3-е изд.; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. 3-е изд.; Книга Марко Поло. 4-е изд. М.: Мысль, 1997. — 460 с.

Предание о кругосветном путешествии» или повествование о жизни Агвана Доржиева. Улан-Удэ: БИОН СО РАН, 1994. — 121 с.

Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. Т. IV. История, философия, социология, филология, искусство. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. — 248 с.

Проф. Ю.В. Ключников и Андрей Сабанин. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1: От Французской революции до империалистической войны. М.: Изд-во Литиздата НКВД, 1925.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.-Л.: Изд-во АН СССР. Т. I. Кн. 1, 2. 1952; Т. II. 1960; Т. III. 1946. Т. 2. — 208 с. Т. 3. — 340 с.

Рерих Ю.Н. По тропам Срединной Азии. Самара: Агни, 1993. — 490 с.

Родионов В.А. Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века / Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. — 228 с.

Российское общество и вызовы времени (книга первая) / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2015.

Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. член-корр. РАН М.К. Горшков. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. — 319 с.

Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций. Материалы международной научной конференции. Звенигород, 2–5 июня 2001 г. М.: ИВ РАН, Общество монголоведов РАН, 2002. — 346 с.

Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М.: ИВ РАН, 2001. — 276 с.

Роцин С.К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. — 327 с.

Русский консул в Монголии. Отчет Я.П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства. Иркутск: Отгиск, 2001.

Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. — 464 с.

Семененко И.С. Введение. Идентичность как категория политической науки: опыт концептуализации // Политическая идентичность и политика идентичности. Том 1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. М.: РОССПЭН, 2012.

Симуков А.Д. Труды о Монголии и для Монголии / Сост. Юки Конагая. Санжа-сурэнгийн Баяраа, Ичинхорлоогийн Лхагвасурэн. Осака: Гос. музей этнологии. Т. 1. 2007; Т. 2. 2007; Т. 3 Ч. 1. 2008; Т. 3 Ч. 2. 2008.

Современные российско-монгольские отношения: модели и сценарии / Отв. ред. В.А. Родионов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2013. — 248 с.

Соловьев В. Спор о справедливости. Москва-Харьков, 1999.

Сорокин П.А. Социология революции. М.: РОССПЭН, 2005. — 704 с.

Социально-политические процессы и ценности в условиях глобализации [сб. ст.] / Под ред. А.С. Железнякова и З.П. Яхимович. М.: Новый хронограф, 2012. — 520 с.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VI / Пер. с кит., предисл. и комментарий Р.В. Вяткина. М.: Восточная литература, 1992. — 483 с.

Сюй Тао. Китай и северные «варвары» (III в. до н.э. — VI в. н.э.): взаимодействие народов и культур. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИСАА при МГУ, 1996.

Тойнби А.Дж. Постигание истории. Сборник / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. — 736 с.

Трепавлов В.В. Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995.

Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. — 800 с.

Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М.: Альпина паблишер, 2003. — 504 с.

Фарид Закария. Постамериканский мир. М.: Издательство «Европа», 2009. — 280 с.

Ферлюсон Н. Мир без гегемона // Свободная мысль — XXI. 2005. № 1.

Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. — 134–155 с.

Хамфри Каролайн. Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки) = Post-Soviet Transformations in Asiatic Russia. Anthropological Sketches. М.: Наталис, 2010. — 382 с.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. — 603 с.

Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991. — 225 с.

Хашбат Л. Международный статус Монголии: историко-правовые аспекты. Улаанбаатар, 2001. — 99 с.

Холл Т. Монголы в мир-системной истории // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. — 136–166 с.

Цивилизационные процессы на Дальнем Востоке. Монголия и ее окружение. Мат-лы научных круглых столов / Ред. коллегия А.С. Железняков, К.Б.-М. Митупов (сопред.), М.Н. Балдано и др. М.: Восточная литература, 2005. — 124 с.

Черных Е.Н. Культуры Евразии и «евразийство» сквозь призму монгольских степей // Вестник Евразии. 2001. № 3 (14). — 114–128 с.

Чимитдоржиев Ш.Б. Была ли цивилизация у бурят?: раздумья монголоведа. Улан-Удэ: Бэлиг, 1996. — 82 с.

Шара туджи. Монгольская летопись XVII века / Сводный текст, пер., введение и примеч. Н.П. Шастиной. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. — 200 с.

Шинкарев Л.И. Цеденбал и его время. В 2 т. Т. 1: Любовь. Власть. Трагедия. Т. 2: Документы, письма, воспоминания. М.: Собрание, 2006. Т. 1. — 496 с., Т. 2. — 424 с.

Ширендыб Б. Монголия на рубеже XIX–XX веков. Улан-Батор: Комитет по делам печати, 1963. — 519 с.

Шляхторов А.Г. Как Золотая Орда озолотила Русь. Не верьте лжи о «татаро-монгольском Иге»! / Алексей Шляхторов. М.: Юза: Эксмо, 2014. — 320 с. — (Осторожно история!)

Штенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1: Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. — 663 с.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. — 416 с.

Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. Улан-Удэ, 1998. — 255 с.

Энхбаяр Н. Стабильность и процветание в Северо-Восточной Азии — Транснациональные процессы: XXI век // Современная экономика и право. 2004. — 250–256 с.

Юзефович Л.А. Самодержец пустыни. Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга. М.: Эллис Лак, 1993. — 272 с.

Яскина Г.С. Монголия и внешний мир. М.: ИВ РАН, 2000. — 370 с.

Баабар Б. Монголчууд: нуудэл суудал. 1 (Монголы: кочевание и оседание). Улаанбаатар, Эдмон, 2006. — 403 х.

Балдоо Б., Дамдинсүрэн С., Хайсандай Л. Монголын тусгаар тогтнол ба Орос, Хятадын хучин зүйл (Независимость Монголии и факторы России и Китая). Улаанбаатар, 1999. — 403 х.

Батбаяр Ц. Монгол ба их гурнууд XX зууны эхний хагаст. (Монголия и великие державы в первой половине XX века). Улаанбаатар: Мөнхийн усэг. 2006. — 345 х.

Батсайхан О. Монгол үндэстэн бүрэн эрхт улс болох замд (Mongolia: Becoming a Nation State) 1911–1946. Улаанбаатар, 2005. — 396 х.

Баяртсайхан Н. Монголын нийгмийн шинэчлэлтэд (К обновлению монгольского общества). Улаанбаатар, 2001. — 196 х.

Болдбаатар Ж. Монголын түүхийн судалгаа — онол-арга зүйн оноогийн толов байдал, цаашдын хандлага (Исторические исследования в Монголии: сегодняшнее теоретико-методологическое состояние и тенденции на будущее) // Туухийн судалгааны онол-арга зүйн асуудал. Улаанбаатар, 1999.

Галиймаа Н. XX зууны Монгол, Америкийн харилцаа: уусэл хожжил, тулгамдаж байсан асуудлууд (Монгольско-американские отношения в XX веке: их возникновение, развитие и стоявшие перед ними проблемы). Улаанбаатар, 2001. — 136 х.

Дашдаваа Ч. Монгол дахь торийн эргэлт (Государственный переворот в Монголии). Улаанбаатар: ШУА-ийн Туухийн хурээлэн, 2008. — 370 х.

Железняков А.С., Тикуннов В.С. Монгол улсын тогтвортой хожглын атласын онолын үндэслэл. Улаанбаатар, 2012. — 220 х.

Железняков А.С., Литвинова Т.Н., Энхтувшин Б., Лундээжанцан Д., Жалбажав Н. Орос, Монголын шинэтгэлийн соёл иргэншлийн талууд (арга зүйгээс практикт) (Цивилизационные аспекты модернизации России и Монголии (от методологии к практике) / Под ред. А.С. Железняка, Ч. Даваадаш. Перевод на монгольский Ч. Даваадаш. Улаанбаатар: ИС РАН, АН Монголии, Институт Шихихуугу, 2014. — 141 с.

Ишжамц Н. АНУ-аас Монголын хувьд явуулсан бодлого, монгол-америкийн харилцаа (The policy of USA towards Mongolia, Mongol-American relations) (1900–1987). Улаанбаатар, 1999.

Коминтерн ба Монгол. Баримтын эмхэтгэл. (Коминтерн и Монголия. Сб. документов) / Сост. Г.М. Адиеков, Ч. Дашдаваа, А.С. Железняков и др. Улаанбаатар, 1996. — 503 х.

Лхамсүрэн Б. Монголын гадаад орчин, торийн тусгаар тогтнол (Монголия: внешняя среда и государственная независимость. Улаанбаатар: ШУА-ийн Туухийн хурээлэн, 1996.

Монгол улсын туух. (История Монголии. Т. 1–5.) Улаанбаатар, 2003.

Монголчуудын туух-соёлын атлас (Историко-культурный атлас монголов). Улаанбаатар: ИСНС, 2004. — 354 х.

Монголын тухай БХК(б) Намын баримт бичигт (Монголия в документах ВКП(б)). Сб. документов. Т. 1 (1920-1932) / Отв. сост. и авторы введений А.С. Железняков, С. Дамдинсүрэн. Улаанбаатар, 2002 (сигнальный экземпляр). — 560 х.

Монголын тухай БХК(6) Намын баримт бичигт (Монголия в документах ВКП(б)). Сб. документов. Т. 1 (1920-1932) / Отв. сост. А.С. Железняков, С. Дамдинсүрэн. Введение редсовета. Улаанбаатар, 2002. — 560 х.

Нацагдорж Ш. Монголын феодализмын ундсэн замнал (Основной путь монгольского феодализма). Улаанбаатар, 1978.

Пуцгагноров Ц. Монгол-Америкийн харилцааны туулсан зам, хамтын ажиллагааны оноогийн толов (Монгольско-американские отношения: пройденный путь и нынешнее сотрудничество) // Дорно Орно. 1994. № 1; 1995. № 1.

Урангуа Ж. XX зууны эхэн үеийн Монгол улс (1911–1919) (Монголия начала XX века). Улаанбаатар, 2006. — 313 х.

Хавх Н. Монголчуудын соёл иргэншлийн гүн ухаан (Философия цивилизации монголов). Улаанбаатар, 1995. — 188 х.

Хамфри К., Смит Д. Нуудаллэхүй ёсон эцэслэх уу? Овор Азийн нийгэм, тор, хураалзах орчин (The End of Nomadism? Society, State and the Environment in Inner Asia). Улаанбаатар: Интерпресс, 2006.

Чулуунбаатар Г. XX, XXI зууны зааг үеийн Монгол дахь иргэний нийгмийн толошил, хогжил (Формирование и развитие гражданского общества в Монголии на рубеже XX–XXI вв.). Улаанбаатар: Монгол улсын ШУА-ийн ФСЭХ, 1999.

Шилжилтийн нийгэм: шинэтгэл, соёл иргэншлийн асуудлууд (Орос Монголын жишээгээр авч үзэх нь) (Трансформирующиеся общества: вопросы модернизации и цивилизации (на примере России и Монголии). Эмхэтгэгч, редакторууд А.С. Железняков, Ч. Даваадаш. Монгол хэлнээ хөрвүүлсэн Ч. Даваадаш. Улаанбаатар, 2012. — 264 х.

Becker J. The Lost Country. Mongolia Revealed. British Library C.I.P, 1992.

Bell Ch. Tibet. Past and Present. Oxford, 1924.

Bira Sh. The Civilization of Nomad. Peoples of Central Asia and its Role in World Civilization // Studies in the Mongolian History, Culture and Historiography. Selected Papers. Tokyo, ILCAA, 1994. P. 255–258.

Campi Alicia. Mongolia's Integration with Asia's Heartland — Finding a Future and Rediscovering the Past // The 8th International Congress of Mongolists being Convened Under the Patronage of N. Bagabandi, President of Mongolia (5–11 August 2002, Ulaanbaatar). Summaries of Congress Papers. Secretariat IAMS, 2002. P. 3.

Chuluunbaatar Gelegpil. Problems of the Contemporary Socio-Political Transformation in Mongolia./Institute of Philosophy, Sociology and Law/Mongolian Academy of Sciences, 2009. — 112 p.

Enkhtuvshin B. Globalization and Mongolian Civilization: Security, Transformation and Modernization // Nomadic Studies. Bulletin, Ulaanbaatar, Mongolia, №1, 2000. Pp. 7–15.

Ewing T.E. Between the Hammer and the Anvil? Chinese and Russian Policies in Outer Mongolia, 1911–1921. Bloomington, Indiana: Research Institute for Inner Asian Studies, 1980.

Greater Mongolia Without Pan-Mongolism? Mongolia, Buriatia and the Prospect for Cross-border Integration by Altangerel L. Bugat // Regional Security Issues and Mongolia. Ulaanbaatar: Institute for Strategic Studies, 2004.

Culture and Environment in Inner Asia / Ed. by C. Humphrey, D. Sneath. Vol. 1: The Pastoral Economy and the Environment. Cambridge: The White Horse Press, 1996.

Global «Perestroika». Transformation of the World Order / Ed. by Alexander A. Dynkin, Nataliya Ivanova. Moscow, VES MIR Publishers, 2015,

Heissig W. A Lost Civilization: The Mongols Rediscovered (trans. Thomson, D.J.S.). L.: Thames & Hudson, 1966.

Hyer E. «The Great Game». Mongolia between Russia and China // The Mongolian Journal of International Affairs. 1997. No 4.

Irons W. Political Stratification Among Pastoral Nomads // Pastoral Production and Society. N.Y., 1979.

Jagchid S., Hyer P. Mongolia's Culture and Society. Boulder: University of Colorado Press. Karamisheff W. 1925. Mongolia and Western China; Social and Economic Study. Tientsin, 1979.

Kaplonski C. The Case of the Disappearing of Chinggis Khaan: Dismembering the Remembering // Ab Imperio. 2005. No 4. Pp. 147–173.

Krader L. The Origin of the State among the Nomads of Asia // Pastoral Production and Society. P., 1979. Pp. 221–234.

Lattimore O. The Mongols of Manchuria: Their Tribal Divisions, Geographical Distribution, Historical Relations with Manchus and Chinese and Present Political Problems. N.Y., 1934.

Lerner M. America as a Civilization. Life and Thought in the United States Today. N.Y.: Henry Holt & Co, 1987.

Map of Freedom in the World. 2008 // <http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=22&year=2008&country=7451>.

Mongolia in Transition. Old Patterns, New Challenges / Ed. by Ole Bruun, Ole Odgaard. Nordic Institute of Asian Studies // Studies in Asian Topics. Curzon, 1996. No 22.

Mongolia: Financial Position in the Fund. 2008 // <http://www.imf.org/external/country/MNG/index.htm>.

Murphy G. Soviet Mongolia. A study of the oldest political satellite. Berkeley-Los Angeles: University of California Press, 1966.

Nomads and Use of Pastures Today. Ulaanbaatar: IISNC, 2000.

Robertson R. Globalisation or Glocalisation? // The Journal of International Communication. 1994. No 1 (1). Pp. 33–52.

Rossabi M. China and Inner Asia. From 1368 till Nowadays. N.Y.: Pica-Press, 1975.

Rupen R. How Mongolia is Really Ruled. A Political History of MPR (1900–1978). Stanford, 1979.

Russell B. Has Man a Future? L.: Penguin, 1961.

Sorokin P.A. Sociological theories of today. N.Y.-L.: Harper and Row, 1966.

Stein R.A. Tibetan Civilization. Stanford: Stanford University Press, 1972. P. 334.

The World since 1500: a global history / L.S. Stavrianos. 7th ed. Prentice-Hall, Inc. A Simon & Schuster Company, Englewood Cliffs. New Jersey, 1995.

Toffler A. The Powershift Era // Powershift. N.Y.-L.: Bantam books, 1990. P. 585.

Wallerstein I. Culture as the Ideological Battleground of the Modern World-System // Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity / Ed. by M. Featherstone. L.: SAGE, 1994. Pp. 31–55.

World Development Indicators. 2002, 2006; Global Economic Prospects. 2006. World Bank // www.worldbank.org.

Zhelezniakov A.S. Is There a Mongol Civilization? // Bulletin. The IAMS News Information on Mongol Studies. 1999. No 2 (24). Pp. 76–80.

Zhelezniakov A.S. Mongolia and Neighboring Countries: Inter-Civilizational Node – Geopolitical Relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries – Mongolia and Russia. Taipei, 2005. Pp. 97–103.

Железняков А.С.
Ж 51 Монгольская цивилизация: история и современность. Теоретическое обоснование атласа. / А.С. Железняков; Институт востоковедения РАН, Институт социологии РАН. — М.: Издательство «Весь Мир», 2016. — 288 с.

ISBN 978-5-7777-0665-2

В монографии представлена концепция и методология исследования Монголии как ядра цивилизации с древней и богатой историей и культурой. В работе анализируются проблемы и особенности исторической, геополитической и цивилизационной идентификации и позиционирования Монголии в сложном и противоречивом мироустройстве. Предпринято теоретическое обоснование изучения монгольской цивилизации в одном ряду с хрестоматийными мировыми цивилизациями и закладываются основы для создания соответствующего атласа.

Монография адресована социологам, политологам, экономистам, монголоведам и всем интересующимся современными проблемами мировой политики и цивилиграфии.

УДК 94 (517)
ББК 63.5 (5 мон)

Научное издание

Железняков Александр Сергеевич

**Монгольская цивилизация:
история и современность**

Теоретическое обоснование атласа

Научный редактор: *О.А. Зимарин*

Художник: *Е.А. Ильин*

Верстка: *Е.А. Поташевская*

Корректор: *С.В. Щербич*

Подписано в печать 23.11.2016 г.

Формат 60 x 90 ¹/₁₆ Печ. л. 18,0. Тираж 500 экз.

Заказ №

ООО Издательство «Весь Мир»

Адрес: 127214, Москва,

ул. Софьи Ковалевской, д. 1, стр. 52

Тел./факс: (495) 632-47-04

E-mail: info@vesmirbooks.ru

<http://www.vesmirbooks.ru>

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»

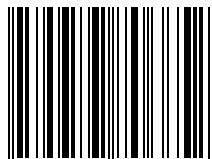
Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru

факс 8(496) 726-54-10, тел. 8 (495)988-63-87

ISBN 978-5-7777-0665-2

9 785777 706652